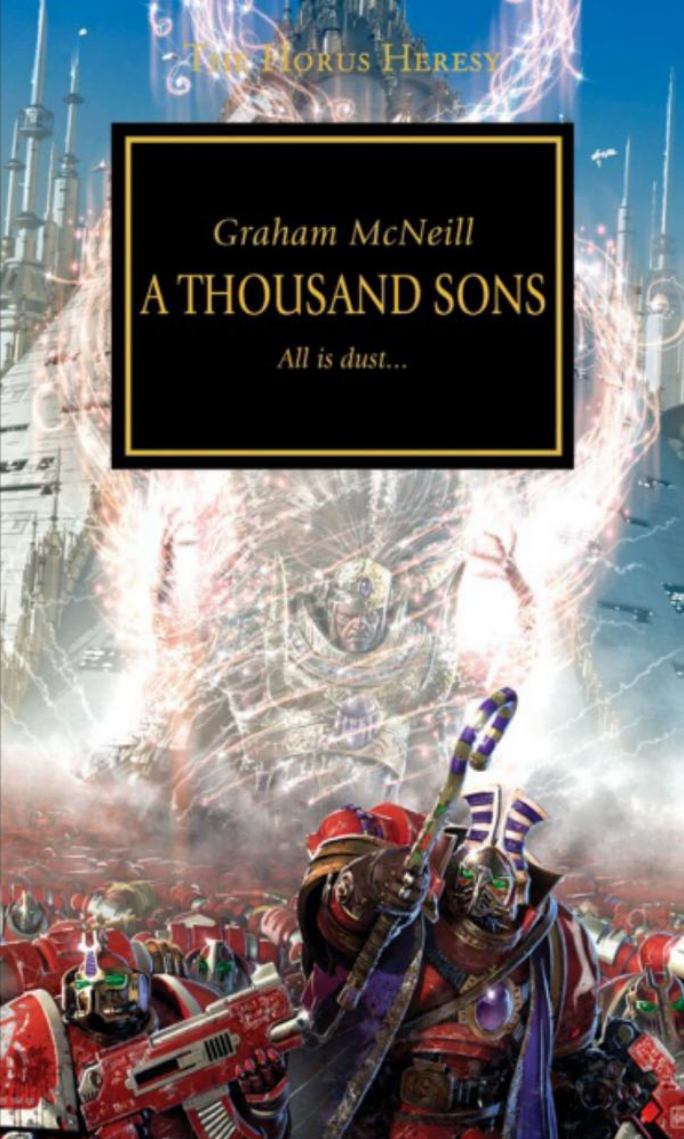
The Horus Heresy
Graham McNeill
A THOUSAND SONS
All is dust...

Annotation

Великий Крестовый Поход достиг своего апогея.

Воины Легиона Тысячи Сынов были наиболее искушенными в эзотерических науках, искусстве управлять психической энергией и ориентироваться в потоках Великого Океана. Их родная планета Просперо была средоточием наук и искусств. Но сколь бы ни были воины Легиона и их примарх Магнус Красный верны и преданы Империуму, это не избавило их от подозрений в темном колдовстве.

И в конце концов на совете в Никее Император запретил Магнусу и его воинам, равно как и библиариям других Легионов, исследования варпа и использование сил псайкеров.

Когда же злополучный примарх провидит предательство Хоруса и в отчаянии пытается предупредить Императора, используя запрещенные силы, он ставит под удар свой Легион, ради

спасения которого когда-то давно он принял помощь сил Хаоса. И время платить долги...

- Грэм Макнилл
  - Действующие лица
  - Книга первая
    - Глава 1
    - Глава 2
    - Глава 3
    - Глава 4
    - Глава 5
    - Глава 6
    - Глава 7
    - Глава 8
    - Глава 9
    - Глава 10
  - Книга вторая
    - Глава 11
    - Глава 12
    - Глава 13
    - Глава 14
    - Глава 15
    - Глава 16
    - Глава 17

        - Глава 18
        - Глава 19
        - Глава 20
    - Книга третья
        - Глава 21
        - Глава 22
        - Глава 23
        - Глава 24
        - Глава 25
        - Глава 26
        - Глава 27
        - Глава 28
        - Глава 29
        - Глава 30
        - Глава 31
- notes
    - 1
    - 2
    - 3
    - 4
    - 5
    - 6
    - 7
    - 8
    - 9
    - 10

- 11
- 12
- 13
- 14
- 15
- 16
- 17
- 18
- 19
- 20
- 21
- 22
- 23
- 24
- 25
- 26
- 27
- 28
- 29
- 30
- 31
- 32
- 33
- 34
- 35
- 36

- 37
- 38
- 39
- 40
- 41
- 42
- 43
- 44
- 45
- 46
- 47
- 48
- 49
- 50
- 51
- 52
- 53
- 54
- 55
- 56
- 57
- 58
- 59
- 60
- 61
- 62

- 63
- 64
- 65
- 66
- 67
- 68
- 69
- 70
- 71
- 72
- 73
- 74
- 75
- 76
- 77
- 78
- 79
- 80
- 81
- 82
- 83
- 84
- 85
- 86
- 87
- 88

- 89
- 90
- 91
- 92
- 93
- 94
- 95

Грэм Макнилл

ТЫСЯЧА СЫНОВ

Все прах

Посвящается Эвану.

Один есть, остается еще девятьсот девяносто девять.

Это легендарное время.

Могущественные герои сражаются за право управлять Вселенной. В результате Великого Крестового Похода Император Человечества покорил Галактику, миллиарды чуждых рас были смяты лучшими воинами Империума и стерты с лица истории.

Встает рассвет новой эры господства человеческой расы.

О победах Императора свидетельствуют сверкающие
цитадели из мрамора и золота. В миллионах миров звучат
триумфальные восхваления могущественных и непобедимых
воинов.
Самые выдающиеся из них -- примархи, героические
существа, ведущие Легионы космодесантников Императора
от одной победы к другой. Появившиеся на свет
в результате блестящего генетического эксперимента
Императора, примархи непобедимы и не ведают преград.
Космический Десант состоит из самых сильных
представителей человеческой расы Галактики, и каждый

из них в бою способен одолеть сотню, и даже больше,
обычных солдат.
Космодесантники образуют огромные армии, десятки тысяч
воинов и под руководством своих предводителей-примархов
сражаются по всей Вселенной во имя Императора.
Главный среди примархов -- - Хорус, прозванный
Великолепным, Сияющей Звездой, любимец Императора,
почти что сын. Он великий Воитель, главнокомандующий
императорских военных сил, покоритель тысяч и тысяч
миров, завоеватель Галактики. Это воин, равного которому
нет в мире, превосходный дипломат с безграничным
честолюбием.
И пока пламя войны

распространяется по всему Империуму,

всем лидерам Человечества предстоят суровые испытания.

Действующие лица

Тысяча Сынов

Магнус Красный — примарх Легиона Тысячи Сынов

Корвиды

Азек Ариман — главный библиарий Тысячи Сынов

Анкху Анен — страж Великой библиотеки

Амон — капитан Девятого братства, советник примарха

Пирриды

Калофис — капитан Шестого братства

Аурамагма — капитан Восьмого

братства

Павониды

Хатхор Маат — капитан Третьего братства

Атенейцы

Балек Утизаар — капитан Пятого братства

Рапторы

Фозис Т'Кар — капитан Второго братства

Фаэль Торон — капитан Седьмого братства

ПРИМАРХИ

Леман Русс — примарх Космических Волков

Лоргар — примарх Несущих Слово

Мортарион — примарх Гвардии Смерти

Сангвиний — примарх Кровавых Ангелов

Фулгрим — примарх Детей Императора

КОСМИЧЕСКИЕ ВОЛКИ

Атлоди Скарссен Скарссенссон — лорд Пятой роты Космических Волков

Охтхере Судьбостроитель — рунный жрец Пятой роты Космических Волков

КУСТОДЕС

Константин Вальдор — командир Кустодес

Амон — страж-кустодий

Малькадор Сигиллит

Каллиста Эрида — летописец

Махавасту Каллимак — личный летописец Магнуса Красного

Камилла Шивани — археоисторик архитектуры

Летюэль Гамон — социетал-бихевиорист

Ятири — вождь агхору

Странствия древних рыцарей в поисках Святого Грааля, стремление алхимиков найти философский камень — все это часть Великого Деяния, а потому не имеет конца. Любые успехи лишь открывают новые блестящие возможности. Это бесконечное занятие, приносящее безграничную радость, — ведь вся Вселенная и все ее чудеса... что это, как не бескрайняя игровая площадка

для Коронованного и Непобедимого Сына ненасытных, невинных и вечно ликующих наследников Галактики и вечности, имя которым Человечество?

Книга Магнуса

Знание — это единственное благо, и единственное зло есть невежество.

Азек Ариман

Увенчанные тучами башни, великолепные дворцы, торжественные соборы, сама великая планета — все грандиозное наследие рассеется, словно призрачное видение, не оставив и следа.

Пророчество Амона

Все прах...

Какими же пророческими оказались сегодня эти слова.

Ух, или что-то подобное, произнес мудрец из Древней Терры.[1] Вероятно, он был таким же одаренным, как и я. Я говорю одаренным, но с каждым проходящим днем все больше склоняюсь к мысли, что мои способности — это мое проклятие, а не дар.

Я смотрю с вершины своей башни на безумный ландшафт, где бушуют энергетические бури, и вспоминаю, как, будучи на Терре, прочел эти слова в ветхом фолианте. С тех пор прошли столетия, и я прочел все тексты древних веков, имеющиеся в огромных библиотеках Просперо, но мне кажется, что до сегодняшнего дня и не понимал их смысла.

Я ощущаю его приближение с каждым вдохом, с каждым ударом сердца.

И то и другое для меня настоящее чудо, особенно сейчас.

Конечно, он идет, чтобы меня убить. Я ощущаю его злобу, его уязвленную гордость и его великое раскаяние. Он

получил неожиданную, непрошеную и неестественную силу. Со временем все силы истощаются, но только не эта.

Тот, кто овладел ею однажды, уже никогда не сможет от нее отказаться.

Своими способностями он превосходит любого другого человека. Он мог бы убить меня, находясь на другом конце Галактики, но не станет этого делать. Уничтожая меня, он хочет смотреть мне в глаза. По крайней мере, он благороден, и это одно из его слабых мест.

Он относится к другим так, как хотел бы, чтобы относились к нему.

И это его погубит.

Я знаю, что он обо мне думает. Он считает, что я его предал, но это не так. В самом деле я не предавал его. И никто из нашей группы. Мы лишь старались спасти своих братьев.

И вот дошло до того, что отец намерен убить своего любимого сына.

Это величайшая трагедия Тысячи Сынов. Нас назовут предателями, но ирония ситуации не отмечена даже в утерянных книгах Каллимака. Мы хранит

верность, как хранили ее всегда.

Никто нам не поверит — ни Император, ни наши братья, ни даже волки, которые и не были волками.

Историки скажут, что на нас спустили Волков Русса, но они ошибаются. На нас обрушилось нечто более страшное.

Я слышу его шаги на ступенях моей башни.

Он решит, что я поступил так из-за Ормузда,[2] и отчасти будет прав. Но дело не только в этом.

Я разрушил свой Легион — Легион, который всегда любил и который меня спас. Я уничтожил Легион, который он хотел сберечь, и, убив меня, он тоже будет прав.

Я заслуживаю смерти, а может, и не только смерти.

Да, но прежде, чем погибнуть, я должен рассказать вам о нашей судьбе.

Только вот с чего начать?

В мирах Великого Океана нет ни начал, ни концов. Прошлое, будущее и настоящее смешались между собой, и

время не имеет смысла.

Следовательно, для начала я должен произвольно выбрать какое-то место.

Я начну с Горы.

С Горы, Пожирающей Людей.

Книга первая
В ЦАРСТВЕ СЛЕПЫХ

Глава 1
ГОРА, ПОЖИРАЮЩАЯ ЛЮДЕЙ
КАПИТАНЫ НАБЛЮДАТЕЛИ

Гора стояла здесь десятки тысяч лет, и ни один из обитателей Агхору[3] не мог даже представить себе силы, вызвавшие к жизни этот грандиозный скальный массив. Тем не менее, хотя эти люди не обладали знаниями ни о геологии, ни о тектонических движениях, ни об энергии смещений или изостатических подъемах коры, они знали достаточно, чтобы понимать: такая огромная и величественная Гора не могла оказаться естественным образованием.

Расположенная посреди холмистых солончаков, которые древние агхору считали дном высохшего океана, Гора поднималась вверх приблизительно на тридцать километров и была выше даже

марсианского Олимпа, кузницы генерал-фабрикатора.

Величественно вздымающаяся вершина царила в ярком коричневом небе, словно мавзолей какого-то древнего правителя, построенный с невообразимым размахом. В ее очертаниях не было правильных линий, и ни один ремесленник из человеческого рода не смог бы сформировать эти суровые склоны, но самому отъявленному скептику хватило бы лишь взгляда, чтобы убедиться в том, что возникновением Гора обязана сверхъестественным силам.

Ничего не росло на ее каменистых склонах — ни деревьев, ни кустов утесника, ни самой чахлой травы. Окружавшая Гору земля дрожала от испепеляющего жара солнца планеты, висевшего над горизонтом подобно огромному перезревшему плоду.

Несмотря на жару, склоны Горы были холодными и скользкими на ощупь, как будто только что поднялись из темных глубин океана. Солнечные лучи избегали ее поверхности, сумрачных ущелий, глубоких

впадин и темных холодных расщелин, словно под вершиной действовал мощный ледяной гейзер и его холод странным образом пропитывал всю громаду Горы.

По краям Горы неровными кругами стояло множество одиноких камней, каждый из которых был втрое выше обычного человека. Эти монументы свидетельствовали о величайших достижениях инженерной мысли в обществе, не знавшем ни механических подъемников, ни уменьшавших массу приспособлений и не имевшем доступа к титаническим машинам Механикум. Но по сравнению с искусственно созданной Горой они казались примитивными ухищрениями, крошечными пятнышками на фоне трачной застывшей бесконечности. Какая же сила могла создать на этой планете такую Гору?

Никто из собравшихся на Агхору людей не мог ответить на этот вопрос, хотя в поисках разгадки величайшие умы напрягали все свои силы.

Для народа Агхору Гора была осью мира и местом поклонения.

Для воинов-ученых из Легиона Тысячи Сынов Гора и народ стали предметом любопытства, секретом, который надлежало раскрыть, и, возможно, решением загадки, которое их знаменитый предводитель искал уже почти два столетия.

Но в одном мнения обеих культур совпадали полностью.

Гора — это место для мертвых.

— Ты его видишь? — раздался далекий и призрачный голос.

— Нет.

— Он уже должен был прийти обратно. — Голос зазвучал отчетливее и более настойчиво. — Почему он не возвращается?

Ариман погрузился в Исчисления. Благодаря чувствам, намного превосходящим те, которыми сочла необходимым наделить его природа, он ощущал психическое присутствие троих Астартес, собравшихся под алым куполом его шатра. Их психическая сущность вызывала незаметную вибрацию тел,

словно от сдерживаемых раскатов грома, возбужденную и гневную у Фозиса Т'Кара, печальную и тщательно контролируемую у Хатхора Маата.

Рядом с двумя их мощными, пылающими солнцами эфирное поле Собека казалось слабым огоньком свечи.

Ариман почувствовал, как его тонкое тело соединилось с физической плотью, и открыл глаза. Разорвав связь со своим Хранителем, он обратил взгляд на Фозиса Т'Кара. Солнце уже спускалось, но светило еще ярко, и Ариману пришлось прищуриться от отраженных солончаком лучей и даже прикрыть глаза ладонью.

— Ну? — нетерпеливо спросил Фозис Т'Кар.

— Я не знаю, — сказал Ариман. — Аэтпио не видит ничего, кроме мертвых камней.

— И Ютипа тоже, — добавил Фозис Т'Кар. Он присел на корточки, и беспокойные мысли подняли в воздух соленую пыль. Его тревога отзывалась в мозгу Аримана электрическими искрами. — Почему взгляд Хранителей не может

проникнуть глубже?

— Кто знает? — Ариман не смел даже самому себе признаться, насколько сильно он встревожен.

— Я думал, ты сумеешь туда заглянуть. В конце концов, ты же Корвид.

— Здесь это не поможет, — заметил Ариман и плавно поднялся на ноги.

Он отряхнул кристаллы соли, осевшие на украшенных надписями пластинах темно-красной брони. Все тело напряглось, и мышцам после полета в эфире потребовалось некоторое время, чтобы восстановить контроль над конечностями.

— В любом случае не думаю, что было бы разумно проверять это в здешнем мире. Стены между нами и Великим Океаном слишком тонкие, кроме того, здесь очень много ненаправленных потоков энергии.

— Вероятно, ты прав, — согласился фозис Т'Кар. Вдоль старого шрама, пересекавшего его выбритый череп, на шею скатывались капельки пота. — Думаешь, ты потому и задержались на этой

планете?

— Вполне возможно, — кивнул Ариман. — Здесь присутствует сила, но агхору благополучно прожили не одно столетие, не испытывая никаких отрицательных последствий и не подвергаясь мутации. Это стоит исследовать.

— Конечно, — подтвердил Хатхор Маат, по всей видимости не слишком страдавший от палящего зноя. — В этих пропеченных солнцем скалах больше нет ничего интересного. И я не доверяю агхору. Я уверен, они что-то скрывают. Как можно прожить в подобном месте так долго без всяких признаков мутации?

От Аримана не укрылось раздражение, с каким его друг капитан буквально выплюнул последнее слово. В отличие от Аримана и Фозиса Т'Кара, Хатхор Маат обладал бледной и гладкой, как отполированный мрамор, кожей, а его золотистые волосы словно были позаимствованы с героических мозаик Атенеума. На его красивом лице не было ни одной капли испарины.

— Мне все равно, как они этого достигли, — сказал Фозис Т'Кар. — Это место наводит на меня скуку. Прошло уже шесть месяцев, и нам давно пора отправиться в скопление Причал Ковчега. Нас ждет Сорок седьмая экспедиция Лоргара, и Русс тоже. И можете мне поверить, не стоит заставлять Волков ждать больше, чем это необходимо.

— Примарх приказал остаться, и мы остаемся, — заметил Ариман.

Собек, его преданный Практик,[4] шагнул вперед и протянул кубок с прохладной водой. Ариман одним глотком осушил сосуд, но покачал головой, когда Собек приподнял бронзовый кувшин, чтобы снова наполнить кубок.

— Нет, отнеси это летописцу Эриде, — приказал он. — Она сейчас где-то в мертвых камнях, и вода ей нужнее, чем мне.

Собек кивнул и без единого слова покинул шатер. Боевая броня Аримана охлаждала его тело, сохраняя влажность и отражая значительную часть тепла.

Летописцы, спустившиеся на поверхность, не имели подобного снаряжения, и уже не один из них был вынужден вернуться в медицинский отсек «Фотепа» из-за тепловых ударов и обезвоживания.

— Ты балуешь эту женщину, Азек, — заметил Хатхор Маат. — Не так уж и жарко.

— Тебе легко говорить, — вмешался Фозис Т'Кар, вытирая пот со лба клочком ветоши. — Но не всем же быть Павонидами. Кое-кому приходится бороться с жарой собственными средствами.

— При надлежащем упорстве, постоянных медитациях и внутренней дисциплине ты мог бы достичь такого же мастерства, каким обладаю я, — заявил Маат, и, несмотря на шутливый тон, Ариман понимал, что его друг говорит серьезно. — Вы, Рапторы, слишком воинственны, но не так уж трудно овладеть несколькими необходимыми Исчислениями.

Фозис Т'Кар нахмурился, и с земли рядом с ним взмыла вверх плотная гроздь

соляных кристаллов, направленная в голову Маата. Но она не достигла цели, перехваченная молниеносным движением руки воина.

Маат раздавил кристаллы, и соль высыпалась сквозь пальцы.

— Я надеюсь, ты способен не только на это?

— Хватит, — сказал Ариман. — Вам обоим следует тщательнее контролировать свои силы. Не стоит устраивать дешевые спектакли, особенно поблизости от простых смертных.

— Зачем же терпеть их присутствие? — удивился Маат. — Отошли ее вместе со всеми остальными, вот и все.

— Вот и я постоянно твержу ему то же самое, — подхватил Фозис Т'Кар. — Если уж ей так хочется изучать Великий Крестовый Поход, надо отправить ее в Легион, добивающийся бессмертной славы. К Ультрамаринам, например, или к Несущим Слово. У нас ей нечего делать.

Эти доводы были хорошо знакомы Ариману, поскольку он не раз выслушивал

их от своих товарищей капитанов. Хотя Т'Кар не обладал достаточным красноречием, этим свойством в большей мере отличался Калофис, капитан Шестого братства. Какую бы идею ни высказал Т'Кар, Калофис мог выразить ее более красочно.

— Разве мы недостойны того, чтобы о нас вспоминали? — возразил Ариман. — Из всех трудов Ордена Летописцев, которые я прочел, произведения Каллисты Эриды отличаются наибольшей проницательностью. Почему же нам не войти в анналы истории Великого Крестового Похода?

— Ты сам знаешь почему, — сердито бросил фозис Т'Кар. — Не так давно добрая половина Империума еще желала нам смерти. Они боятся нас.

— Они боятся того, чего не понимают, — покачал головой Ариман. — Примарх сказал, что страх происходит от невежества. И мы должны рассеять этот страх светом знаний.

Фозис Т'Кар насупился и мысленным взором вырезал спираль на поверхности

соляного кристалла.

— Чем больше они узнают, тем сильнее будут нас бояться. Помни мои слова, — мрачно предрек он.

Ариман проигнорировал его замечание и вышел из шатра. Ощущения странствия в тонком теле уже почти полностью рассеялись, уступив место физическим свойствам материального мира: опаляющему жару, от которого кожа уже через час после приземления «Грозовой птицы» приобрела красновато-коричневый оттенок, неистребимой пленке маслянистой испарины, покрывавшей его крепкое тело, и резким запахам нагретой солнцем соли и пряностей.

А еще бушующим эфирным ветрам, свободно носившимся над поверхностью этого мира.

Ариман чувствовал, как сила течет сквозь его тело; психический потенциал был подобен яркому следу кометы и пробуждал желание преобразовать энергию в нечто осязаемое. Более сотни лет тренировок позволяли ему свободно пропускать поток сквозь себя, не доводя до

опасного повышения эфирного потенциала. Как ни заманчиво было уступить его натиску, Ариман слишком хорошо сознавал опасность. Он прикоснулся рукой к серебряному дубовому листу на правом наплечнике, сделал глубокий вдох и при помощи нескольких строф Исчислений успокоил свое эфирное поле.

Ариман взглянул на возвышающуюся Гору, задумался о силах, ее воздвигших, и о том, чем занят внутри нее примарх. Он и не подозревал, насколько слеп, пока не лишился дара заглядывать за пределы видимого мира.

— Где же он? — прошептал Фозис Т'Кар, вторя мыслям Аримана.

Прошло уже четыре часа с тех пор, как Магнус Красный вместе с Ятири и его племенем ушел внутрь Горы, и с тех пор капитанов не покидало тревожное напряжение.

— Ты о нем беспокоишься, не так ли? — спросил Хатхор Маат.

— С каких это пор ты овладел мастерством Атенейцев? — усмехнулся Ариман.

— Мне этого не требуется, и так понятно, что вы оба встревожены, — ответил Маат. — Это очевидно.

— А ты? — поинтересовался Фозис Т'Кар.

— Магнус сам в состоянии о себе позаботиться, — напомнил Хатхор Маат. — Он сказал, чтобы мы его ждали.

Примарх Тысячи Сынов действительно приказал им дожидаться его возвращения, но Ариман не мог отделаться от неприятного ощущения, что происходит нечто ужасное.

— Ты что-нибудь видел? — не удержался от вопроса Фозис Т'Кар, заметив выражение его лица. — Ты что-то увидел во время странствий по Великому Океану, не так ли? Говори!

— Я ничего не видел. — В голосе Аримана прозвучала горечь.

Развернувшись, он снова прошел в шатер и открыл длинный оружейный ящик, сделанный из дерева акации и украшенный нефритами. В первую очередь Ариман пристегнул к поясу кобуру с пистолетом — настоящим произведением искусства

оружейников, как и все, что выходило из мастерских Саламандр Вулкана. Боковые поверхности оружия были выполнены в виде острых ястребиных крыльев, а рукоятка отделана тисненой кожей. Затем он достал длинный посох-хеку[5] из слоновой кости с искривленным лезвием на конце и с золотыми накладками на рукояти, усиленной голубыми медными полосками.

— Что ты задумал? — спросил Хатхор Маат, когда Ариман вышел из шатра в полном боевом снаряжении.

— Я возьму Сехмет[6] и поведу их в Гору, — ответил Ариман. — Вы со мной?

Лемюэль Гамон привалился спиной к одному из мертвых камней у подножия огромной Горы, стараясь не высовываться из тени, и пожалел, что не отличается миниатюрностью. Он вырос в кочевом улье на континентальных просторах Нордафрики и привык к жаре, но этот мир сильно отличался от его родной планеты.

Длинная легкая рубаха из льна, укрывающая тело Лемюэля, пестрела

разноцветными вышитыми изображениями переплетающихся молний, спиралей и различных малопонятных символов. Одежду по его собственному дизайну изготовил слепой портной из мелкой мастерской в Сангхе, а рисунки были взяты с древних свитков, хранящихся в его секретной библиотеке на вилле в Мобаи. Темнокожий и гладковыбритый человек не сводил взгляда глубоко посаженных глаз с лагеря Тысячи Сынов и время от времени делал пометки в пристроенном на бедре блокноте.

В солончаковой долине стояло около сотни алых шатров с поднятыми полотнищами, и каждый из них вмещал один из отрядов Легиона. Лемюэль записал представленные там братства: Тайные Скарабеи Аримана, Четвертое братство Анкху Анена, Шестое братство Калофиса, Третье Хатхора Маата и Второе фозиса Т'Кара.

Под Горой собрались значительные воинские силы Астартес, в окружающей атмосфере ощущалась странная напряженность, но Лемюэль не мог

определить, чем это вызвано. Они явно не ожидали нападения врагов, но так же явно проявляли беспокойство.

Лемюэль прикрыл глаза и позволил своему духу последовать за потоком силы, от которой воздух дрожал не меньше, чем от невыносимого жара. И с закрытыми глазами он ощущал энергию этого мира, представляющуюся ему разноцветной паутиной, более яркой, чем величайшие полотна Серены д'Анжело и Келана Роже. Позади мертвых камней черной непроницаемой стеной, плотной, как адамантий, стояла Гора.

Но на плоской солончаковой равнине картина разительно менялась и сверкала яркими красками.

Лагерь Тысячи Сынов представлялся адской мешаниной цветов, словно застывший атомный взрыв. Но даже в этом сиянии выделялись особенно яркие огни, и три таких выдающихся разума собрались в шатре, который, как было известно Лемюэлю, принадлежал капитану Ариману. В мыслях этих троих что-то назревало, и Лемюэль от всей души

пожалел, что недостаточно силен, чтобы приблизиться к ним. В центре лагеря обычно пылал огонь, сравнимый разве что с сиянием суперновой звезды на фоне мерцающих свечей, но сегодня его не было видно.

Возможно, в этом и состояла причина тревоги Тысячи Сынов.

Их прославленный предводитель отсутствовал.

Разочарованный Лемюэль отвлекся от лагеря Астартес и позволил мысленному взору переместиться на убогие жилища агхору. Вырытые в иссушенной земле норы выглядели настолько же безжизненными и темными, насколько лагерь Тысячи Сынов искрился красками и жизнью. Обитатели Агхору были такими же неинтересными, как солончаковая долина, без малейшей искры духовной жизни.

Лемюэль открыл глаза и, чтобы уменьшить сердцебиение, прочел мантру сангомы.[7] Затем он сделал глоток из обернутой полотном фляги. Вода была

теплой и мутной, но тем не менее удивительно вкусной. Рядом с ним в свертке лежали еще три полные фляги, но эта вода предназначалась для второй половины дня. После захода солнца надо будет снова их заполнить, поскольку с наступлением темноты безжалостная жара лишь слегка ослабевает.

— И как можно жить в такой жаре? — уже не в первый раз удивился он вслух.

— А они и не живут, — раздался позади него голос, вызвавший у Лемюэля улыбку. — Основное население сосредоточено в плодородных поймах рек на севере или на западном побережье.

— Это ты так говоришь, дорогая Камилла, — возразил он. — Но добровольное переселение из цветущих областей в это унылое место кажется мне абсолютно нелогичным.

Его собеседница появилась в поле зрения, и Лемюэль прищурился от яркого солнца, глядя на молодую женщину, одетую в облегающую блузку, легкие укороченные брюки и запыленные сандалии. На шее у нее висело комбинированное устройство из

вокс-самописца и пиктера, а из полотняной сумки на плече торчали блокноты и альбомы с зарисовками.

Камилла Шивани, в темных защитных очках, с ее смуглой от солнца кожей и длинными черными волосами, свисавшими из-под свободно повязанного шелкового тюрбана, являла собой превосходное зрелище. Летюэлю очень нравились ее покрытое загаром лицо и решительные манеры. Она улыбнулась, глядя на него сверху вниз, и он ответил своей самой привлекательной улыбкой, на какую был способен. Все это было напрасно: такие, как он, не привлекали Камиллу, но проявить вежливость никогда не мешало.

— Летюэль, когда дело касается людей, даже самых дальних и затерянных колоний, невозможно логическим путем объяснить их поведение, и тебе это должно быть хорошо известно, — заметила Камилла, стряхивая пыль с тонких перчаток, в которых обычно работала.

— Это точно. Иначе зачем бы мы здесь торчали, когда нет ничего достойного упоминания в летописях, —

сказал он.

— Ничего достойного? Чепуха, здесь можно многое узнать, — заявила Камилла.

— Для археоисторика — возможно.

— Я целую неделю прожила с агхору и исследовала руины, на которых расположено их поселение. Это удивительно, ты обязательно должен пойти со мной в следующий раз.

— Я? И что я могу там узнать? — пожал плечами Лемюэль. — Я изучаю развитие общества после приведения к Согласию, а не мертвые развалины.

— Да, но прошлое оказывает влияние на будущее. Тебе должно быть известно, что невозможно сменить одну цивилизацию на другую, не учитывая историю предыдущей культуры.

— Верно, но агхору, как мне кажется, не обладают значительной историей, — грустно заметил Лемюэль. — Я не думаю, что после прихода Империума от их культуры вообще что-то останется.

— Возможно, ты и прав, но тем более важно успеть изучить их общество.

Лемюэль поднялся на ноги, и даже

это незначительное усилие вызвало обильное выделение пота.

— Этот климат не подходит для толстяка, — пробормотал он.

— Ты не толстый, — сказала Камилла. — Ты просто щедро одарен природой.

— Это великодушно с твоей стороны, но я не питаю на свой счет никаких иллюзий. — Летюэль отряхнул с рубахи приставшие кристаллы соли, а затем окинул взглядом круг мертвых камней. — А где твои компаньоны?

— Анкху Анен час назад вернулся на «фотеп», чтобы заглянуть в списки Розетты.[8]

— А госпожа Эрида? — поинтересовался он.

Камилла усмехнулась:

— Калли копирует рисунки на мертвых камнях восточного склона Горы. Она скоро должна вернуться.

Каллиста Эрида, Камилла и Анкху Анен провели немало времени в бесплодных попытках расшифровать изящные, плавные

руны, покрывавшие мертвые камни. До сих пор они не достигли больших успехов, но если кто-то и мог постичь значение загадочных надписей, то только эта троица.

— Вы уже приблизились к разгадке надписей на мертвых камнях? — спросил Лемюэль, махнув рукой в сторону древних менгиров.

— Мы над этим работаем. — Камилла сбросила с плеча сумку и сняла с шеи пиктер. — Калли уверена, что это одна из форм протоэльдарского наречия, более древнего, чем сами эльдары, из чего следует, что понять его точный смысл почти невозможно. Но Анкху Анен утверждает, что на Просперо имеются рукописи, способные пролить свет на эту головоломку.

— На Просперо? — внезапно заинтересовался Лемюэль.

— Да, в Атенеуме, какой-то огромной библиотеке в домашнем мире Тысячи Сынов.

— А что еще он говорил о библиотеке? — спросил Лемюэль.

Камилла пожала плечами, сняла защитные очки и потерла уставшие глаза:

— Вроде бы ничего. А в чем дело?

— Ни в чем, — сказал он и улыбнулся подошедшей Каллисте, радуясь возможности сменить тему.

Эта красивая женщина с оливковой кожей, одетая в просторную джеллабу,[9] при желании могла бы завоевать сердца всех летописцев-мужчин, приписанных к Двадцать восьмой экспедиции. Хотя их было не так уж и много: в Легионе Тысячи Сынов было принято тщательно отбирать тех, кто удостаивался чести сопровождать воинов в боевых походах и описывать их подвиги.

Так или иначе, Каллиста отвергала все ухаживания и большую часть времени проводила в обществе Летюэля и Камиллы. Он же и не мечтал о связи ни с одной из этих женщин, довольствуясь дружбой с двумя исследовательницами неизвестного.

— С возвращением тебя, дорогая, — произнес он и, пройдя мимо Камиллы, взял

Каллисту за руку.

Кожа ее была сухой и горячей, на пальцах остались темные пятна от копировальной бумаги, свернутые листы которой торчали из наплечной сумки.

Каллиста Эрида изучала историю, и полем ее деятельности были способы получения и передачи информации древними народами. На борту «Фотепа», в библиотеке, она как-то раз показала Летюэлю голографические пикты старинного текста, известного под названием «Ши цзи»,[10] исторические записки о древних императорах исчезнувшей культуры Терры. Каллиста объяснила, что точность изложения в этом произведении вызывает сомнения, поскольку просматривается старание автора опорочить императора, предшествовавшего тому, которому он служил. Таким образом, утверждала она, любой исторический текст можно истолковывать только после того, как будут известны пристрастия и предубеждения составителя.

— Летюэль, Камилла, — обратилась к ним Каллиста, — нет ли у вас воды? Я забыла взять запасную флягу.

Летюэль хихикнул:

— Только ты способна в таком мире забыть о дополнительной порции воды.

Каллиста кивнула и провела рукой по золотисто-рыжим волосам и покрасневшему от загара лицу. Ее зеленоватые глаза заблестели от веселого смущения, и Летюэль понял, почему эта женщина привлекала к себе внимание всех мужчин. Она казалась настолько уязвимой, что каждому мужчине хотелось ее либо защитить, либо изнасиловать. Как ни странно, сама она об этом как будто и не догадывалась.

Летюэль присел рядом со своей сумкой, чтобы достать фляжку, но Камилла вдруг дернула его за рукав:

— Смотри-ка, похоже, нам что-то несут.

Он обернулся и прикрыл ладонью глаза от яркого солнца. К ним направлялся один из Астартес, с бронзовым продолговатым кувшином в руках. На

гладко выбритом черепе воина выделялся пучок оставленных черных волос, лицо, покрытое золотистым загаром, было до странности плоским, а темные глаза смотрели исподлобья, как у кобры. При виде холодного мерцания силы, окутывавшего силуэт Астартес, Летюэля, несмотря на жару, пробрала дрожь.

— Собек, — произнес он.

— Ты его знаешь? — спросила Камилла.

— Понаслышке. Он один из ветеранов Легиона, состоит в отряде Тайных Скарабеев. И еще он является Практиком капитана Аримана, — пояснил Летюэль. Заметив недоуменный взгляд Каллисты, он добавил: — По-моему, это что-то вроде показателя степени квалификации, например особо одаренный ученик.

— Ага.

Воин остановился и навис над ними несокрушимой керамитовой глыбой. Его боевая броня была затейливо украшена, и в символах, начертанных на красных пластинах, Летюэль заметил точно такие же, что были вышиты на его рубахе.

На правом плече Собека красовался золотой скарабей, а на левом наплечнике была выгравирована звезда с извивающимися лучами — эмблема Тысячи Сынов.

В центре звезды виднелась черная голова ворона. Она была меньше, чем скарабей, но, судя по расположению, имела большое значение. Это был символ Корвидов — одного из братств Тысячи Сынов, хотя за все время работы в Двадцать восьмой экспедиции Летюэль так и не смог почти ничего узнать о его доктрине.

— Лорд Ариман посылает кувшин с водой, — произнес Собек.

Его звучный, раскатистый голос, казалось, доносился из самой глубины грудной клетки. Летюэль решил, что это обусловлено значительными метаморфозами, которым подвергался организм человека при превращении в Астартес.

— Весьма великодушно с его стороны, — сказала Камилла и протянула руки, чтобы взять сосуд.

— Лорд Ариман приказал передать воду летописцу Эриде, — заметил Собек.

Камилла нахмурилась:

— Ладно. Вот и она.

Каллиста с благодарной улыбкой приняла кувшин.

— Передай, пожалуйста, лорду Ариману мою благодарность, — сказала она, опустив тяжелую ношу на землю. — Я польщена его вниманием.

— Я передам твои слова, когда он вернется, — пообещал Собек.

— Вернется? — переспросил Летюэль. — А куда он ушел?

Астартес едва удостоил его вниманием и, развернувшись, зашагал обратно к лагерю. Он не ответил на вопрос, но Летюэль успел заметить его взгляд, брошенный в направлении Горы.

— Не слишком дружелюбный тип, не так ли? — заметила Камилла. — Неудивительно, что нам здесь не слишком весело.

— Я тебя понимаю. Никто из них не рад нашему присутствию, правда?

— Некоторые относятся к нам

довольно хорошо, — возразила Каллиста. Она попыталась перелить воду в свою флягу, но умудрилась пролить на землю большую часть жидкости. — Анкху Анен не раз нам помогал, разве не так? И капитан Ариман всегда приветлив со своими летописцами. Я немало узнала от него о Великом Крестовом Походе.

— Дай-ка я тебе помогу, — предложил Летюэль, опускаясь на колени и поддерживая кувшин.

Как и все предметы, изготовленные Астартес или для Астартес, сосуд был слишком громоздким и тяжелым для рук смертных, тем более что в нем оставалось еще довольно много воды.

— Я бы с удовольствием почитал накопившиеся у тебя материалы, — сказал Летюэль.

— Конечно, — с улыбкой отозвалась Каллиста, и душа Летюэля наполнилась ликованием.

— А как по-вашему, куда отправился Ариман? — спросила Камилла.

— Мне кажется, я это знаю, — заговорщицки усмехнулся Летюэль. —

Хотите посмотреть?

Сехмет, Тайные Скарабеи, ветераны Магнуса — все эти имена свидетельствовали о воинской гордости и величайшем уважении. Все члены этого отряда достигли ранга Философа — последней ступени, на какую может подняться воин до того, как быть допущенным к испытанию Доминус Литинис,[11] и они были лучшими и ярчайшими представителями Легиона. Эти воины, преодолев свои антипатии и склонности, отрешившись от смертности и сознания собственного эго, сражались с невозмутимым спокойствием.

Хан называл их автоматонами, Русс обвинял в недостаточной агрессивности, а Феррус Манус сравнивал их с роботами. Ариман, наслушавшись рассказов своего повелителя о примархе Железных Кулаков, подозревал, что последнее сравнение можно считать комплиментом.

Одетые в громоздкую багряную броню терминаторов, воины Сехмет, хрустя

солью, выбрались из солончаковой долины и поднялись к нижним отрогам Горы. Ариман ощутил наверху присутствие своего Хранителя и отметил его растерянность, вызванную приближением психической бездны, которая начиналась сразу за мертвыми камнями.

Рядом с ним уверенно и быстро шагали Фозис Т'Кар и Хатхор Маат. Мерцающие силуэты Хранителей носились в небе, словно стая рыб, испуганная приближающимися хищниками. Как и Аэтпио, Хранители его собратьев-капитанов испытывали страх перед зияющей пустотой Горы.

Для тех, кто еще не обрел эфирное зрение, Хранители оставались невидимыми, но для Астартес Тысячи Сынов, наделенных особыми силами, они выглядели исключительно красиво. Аэтпио, служивший Ариману уже на протяжении целого столетия, представлял собой прекрасное зрелище вращающихся световых колец и глаз. Ютипа был огромным бесформенным сгустком энергии, таким же агрессивным,

как Фозис Т'Кар, а Паэок виделся в облике орла, составленного из миллиона солнц, такого же самолюбивого и горделивого, как Хатхор Маат.

Поначалу Ариман считал их ангелами, но это старинное слово было отвергнуто исследователями эфира как слишком эмоциональное, слишком связанное с понятием божественности. Хранители были частицами Изначального Творца, облеченными в форму и выполняющими определенные функции теми, кто обладал достаточными для этого силами.

Он ненадолго установил мысленную связь с Аэтпио. Если Магнус действительно попал в беду, им придется разбираться без помощи Хранителей.

В его видениях не было ничего определенного, но интуиция подсказывала Ариману, что надо готовиться к худшему. А Магнус, будучи Магистром всех культов Просперо, учил, что, извлекая содержание из течений Великого Океана, следует доверять интуиции не меньше, чем откровенным видениям.

Ариман подозревал беду, а Фозис Т'Кар и Хатхор Маат ждали ее с нетерпением.

Двадцать восьмая экспедиция прибыла на Агхору три месяца назад. Официальным названием этой планеты в реестре Военного Совета было Двадцать восемь — Шестнадцать, но в Пятнадцатом Легионе этим обозначением никто не пользовался. Успешно приведя к Согласию мир Двадцать восемь — Пятнадцать, шестьдесят три корабля экспедиции вынырнули из Великого Океана, ожидая обнаружить систему унылых и безжизненных миров.

Имелись сведения о том, что когда-то здесь существовала жизнь, но со временем она исчезла. Причины подобного катаклизма, поразившего целую систему, были никому не известны, но, когда флотилия приблизилась к центру, стало очевидно, что пятая планета каким-то образом пережила страшную катастрофу.

Как Магнус узнал о существовании

изолированной колонии людей, затерянной в удаленном уголке Галактики, оставалось только гадать, поскольку не было отмечено никаких электромагнитных излучений, позволявших предполагать наличие жизни.

Рехахти настойчиво советовал Магнусу продолжать путь, поскольку Великий Крестовый Поход был в самом разгаре и Тысяче Сынов еще предстояло заслужить свою долю славы. Почти два столетия прошло с тех пор, как под громкое пение фанфар был начат Великий Поход, и за эти два столетия поисков и сражений множество миров присоединилось к зарождавшемуся Империуму Человечества.

Но Легион Тысячи Сынов участвовал в боях меньше ста лет.

В ранние годы Похода, предшествовавшие появлению Магнуса, Астартес Тысячи Сынов проявили особую генную нестабильность, что выражалось в спонтанном отторжении тканей, резком увеличении психического потенциала и других отклонениях от нормы. На них

тотчас навесили ярлыки «мутантов» и «неудачников», и какое-то время казалось, что Легион обречен на бесславную гибель на задворках истории Великого Крестового Похода.

Но все изменилось, когда флотилия Императора в забытом уголке Галактики, на планете Просперо, отыскала Магнуса Красного.

— Как я стал твоим сыном, так и они будут моими сыновьями, — заявил Магнус Императору, и эти слова навсегда изменили судьбу Тысячи Сынов.

После воссоединения с Легионом, несущим его генетическое наследие, Магнус призвал на помощь все силы своего возвышенного интеллекта для устранения вреда, нанесенного его необычными генами.

И добился успеха.

Магнус спас Легион, но для этого потребовалось значительное время, а Великий Крестовый Поход продолжался, так что его воины с нетерпением рвались в бой, чтобы сравняться в славе со своими собратьями.

Экспедиционные флотилии Легионов

по всей Галактике разлетались от колыбели человечества и восстанавливали разрушенные связи. Примархи, словно соперничающие братья, боролись за право быть рядом со своим отцом, но лишь один оказался достоин сражаться бок о бок со спасителем человечества: Хорус Луперкаль, примарх Легиона Лунных Волков и любимый сын Императора.

Император, возглавив Лунных Волков и Ультрамаринов Жиллимана, готовился обрушить свой ужасный гнев на зеленокожих Улланора. Эта война обещала стать самой суровой и жестокой. Кому же, как не любимому сыну, стоять рядом с отцом, когда требуется выбить дух из врагов-варваров?

Война на Улланоре могла положить конец всем войнам, но Тысяче Сынов предстояло сражаться в другом месте. Несущие Слово примарха Лоргара и Космические Волки примарха Лемана Русса в двойном скоплении звезд под названием Причал Ковчега вели войну против агрессивной планетарной империи, правители которой отвергли предложение

Императора стать частью большего государства.

Король Волков неоднократно призывал Пятнадцатый Легион принять участие в этих сражениях, но Магнус игнорировал все его обращения.

На Агхору он обнаружил нечто более интересное.

Он нашел Гору.

Глава 2
БАРАБАНЫ ГОРЫ
ХРАМ СИРВОТИДОВ[12]
МЕСТО МЕРТВЕЦОВ

Сначала подъема прошло не больше двадцати минут, а Летюэль уже успел пожалеть о своем предложении проследить за отрядом Астартес. Эту тропу, скрытую среди скал, он отыскал во время одной из частых одиноких прогулок по нижним склонам грандиозной Горы. Ступени, искусно упрятанные в глубокой расщелине всего в сотне метров от мертвых камней, петляли между скал и круто уходили вверх, образуя более прямой подъем, чем тот, которым воспользовались Астартес.

Да, этот путь был намного короче, но ничуть не легче. Рубаха Летюэля покрылась пятнами пота, и мужчина подозревал, что от него не слишком приятно пахнет. А стук сердца отдавался

в ушах грохотом триумфальных барабанов, приветствующих самого Императора.

— Долго нам еще идти? — спросила Камилла.

Она с радостью воспользовалась возможностью хоть немного углубиться в Гору, а вот Каллиста отнеслась к этой затее с меньшим энтузиазмом. Она восхищалась Астартес и немного побаивалась их, но в первый момент мысль о слежке за Тысячей Сынов вызвала у Каллисты приятное возбуждение. Теперь же, хотя Лемюэль и не мог прочесть ее ауру, по лицу женщины было ясно, что она сожалеет о своем согласии пойти с ними.

Лемюэль остановился, глядя в отливающее металлическим блеском небо. Он попытался восстановить дыхание и утихомирить неистово бьющееся сердце.

— Еще минут десять, — сказал он.

— А ты уверен, что выдержишь столько? — насмешливо спросила Камилла.

— Все в порядке, — заверил ее Лемюэль и отхлебнул из фляжки. — Я уже поднимался сюда. Мне кажется, осталось

совсем немного.

— Только не вздумай на меня падать, — предупредила его Камилла. — Мне совсем не улыбается тащить тебя вниз.

— Тогда можешь скатить меня по склону, — через силу пошутил Летюэль.

— Нет, серьезно, — настаивала Камилла. — Ты уверен, что сможешь подняться?

— Я в порядке, — повторил он, демонстрируя уверенность, которой не чувствовал. — Поверь, трудности того стоят.

Внизу, среди мертвых камней, затея показалась всем троим увлекательным приключением, но сейчас все чувства Летюэля словно онемели: ему будто заткнули уши и завязали глаза. Снизу Гора казалась черной стеной небытия, но по мере подъема Летюэля охватило ощущение, что эта пустота постепенно заглатывает их.

Он передал фляжку женщинам, радуясь, что Камилла и Каллиста тоже остановились на отдых. День клонился к вечеру, но жара ничуть не спадала. Хорошо

еще, здесь было нетрудно отыскать тень. Короткая передышка не нарушала их планов, поскольку на подъем по второму пути Астартес потребуется не меньше часа.

Лемюэль снял с шеи платок и промокнул лицо. Ткань тотчас напиталась влагой, и летописец поморщился. Камилла, запрокинув голову, посмотрела на уходящие вверх ступени.

— Куда все же ведет эта тропа? — спросила она.

— Там наверху есть плато, — пояснил Лемюэль. — Что-то вроде смотровой площадки.

— Смотровой площадки? — переспросила Каллиста. — Но для чего?

— Она нависает над широкой долиной, которую я назвал храмом Сирботидов.

— Сирботидов? — удивилась Камилла. — Кто это?

— О них говорится в древней легенде моей родины, — ответил Лемюэль. — Сирботидами называли расу гигантов из эфиопского царства Мероэ.

— Но почему ты назвал это место

храмом? — спросила Каллиста, напуганная самим этим словом.

— Вы все поймете, когда сами его увидите.

— Ты употребляешь слова, которые могут довести тебя до беды, — предупредила Камилла.

— Ни в коей мере, моя дорогая, — возразил Лемюэль. — Прежде всего, Астартес Тысячи Сынов и сами отступники. Я думаю, они оценят мою иронию.

— Отступники? О чем это ты? — сердито спросила Камилла.

— Ни о чем. — Лемюэль сообразил, что сболтнул лишнего. Утратив возможность читать ауры, он вдруг ощутил свою беспомощность. — Просто неудачно пошутил.

В подтверждение своих слов он широко улыбнулся Каллисте, и она тоже в ответ улыбнулась.

— Пошли, — сказал Лемюэль. — Надо еще немного подняться. Я хочу показать вам нечто интересное.

Дорога до плато заняла у них еще полчаса, и к тому времени Лемюэль поклялся больше никогда не подниматься в горы, какими бы соблазнительными ни были открывающиеся виды. Стук сердца с каждым шагом становился все громче, так что Лемюэль пообещал себе сбросить вес, пока лишние килограммы его не убили.

Небо потемнело и стало желтовато-коричневым, но настоящей темноты здесь никогда не было, и Лемюэль мог не беспокоиться о предстоящем спуске.

— Это восхитительно! — воскликнула Каллиста, оглядываясь на тропу. — Ты был прав, Лемюэль.

— Да, — согласилась Камилла, доставая пиктер. — Совсем неплохо.

Лемюэль покачал головой.

— Я не имел в виду солончаки. Посмотрите туда, — сказал он и указал на ряды тонких скал, стоявших на краю плато, словно сталагмиты.

Если бы у кого-то и возникли сомнения по поводу искусственного происхождения Горы, вид этих сталагмитов, явно бывших остатками

изогнутой балюстрады, мгновенно их развеял бы.

— Туда, — повторил он, еще задыхаясь после трудного подъема. — Взгляните туда.

Камилла и Каллиста подошли ближе к сталагмитам, и даже их позы выдавали восхищение увиденным. Летюэль улыбнулся, радуясь, что не разочаровал спутниц, когда обещал им удивительное зрелище. Затем он выпрямился и потянулся. Дыхание уже вошло в норму, только вот стук в ушах не утихал ни на секунду.

— Ты не ошибся, назвав это место храмом, — сказала Камилла, снова переводя взгляд на долину.

— Прекрасное зрелище, не правда ли?! — воскликнул Летюэль, к которому вернулась прежняя самоуверенность.

— Да, но я не это имела в виду.

— Вот как?

Летюэль вдруг понял, что стук раздается вовсе не в его голове. Звук доносился из долины: настойчивый, нескончаемый бой барабанов, одновременно

угрожающий и гипнотизирующий. Рокот множества барабанов поражал чудовищной дисгармонией, раздражал Летюэля и вызывал в спине тревожную дрожь.

Едва передвигая уставшие ноги, заинтригованный Летюэль присоединился к женщинам, стоявшим на краю плато. Положив руку на плечо Камиллы, он глянул вниз.

От удивления у него широко распахнулись глаза и даже приоткрылся рот.

— Трон Терры! — воскликнул Летюэль.

Ариман услышал бой барабанов и в какофонии звуков, отражавшихся эхом от склона Горы, различил запрещенные с древних времен ноты. Этот звук не предвещал ничего хорошего: в долине явно происходило нечто неестественное. Воины Сехмет ускорили шаг, невзирая на огромный вес доспехов.

— Это дурное предзнаменование, — произнес Фозис Т'Кар, прислушиваясь к усиливающемуся бою барабанов. —

Проклятие, мне не нравится это место. Я здесь словно слепой.

— Мы все здесь ослепли, — подтвердил Хатхор Маат и посмотрел на верховье долины.

Психическая слепота раздражала Аримана не меньше, чем Т'Кара. Как один из Свободных Адептов, он достиг значительных вершин мастерства, мог странствовать в эфире, общался с Хранителями, усвоил процедуры вызывания духов и колдовства. Все Астартес отряда Сехмет были могущественными воинами и обладали силами, о которых простым смертным оставалось только мечтать. Каждый из них в одиночку мог покорять миры, но в этом месте, лишенные своего могущества, они были простыми Астартес.

Простыми Астартес. Эта мысль вызвала улыбку на лице Аримана. Как высокомерно это звучит.

Он по-прежнему продолжал внимательно следить за открывающейся впереди долиной, а в голове уже возникали тезисы научного трактата для его

гримуара — рассуждения на тему о том, как опасны зависимость и излишняя самоуверенность.

— Из этой ситуации можно извлечь урок, — сказал он. — Нам пойдет на пользу встреча с опасностью, когда мы лишены своих сил. А то мы расслабились и скоро забудем, как сражались когда-то.

— Опять поучаешь? — проворчал Фозис Т'Кар.

— Опять, — согласился Ариман. — И опять учусь. Каждый новый опыт — это возможность что-то узнать.

— И какой же урок я могу извлечь из этой ситуации? — недовольно спросил Хатхор Маат.

Из всех троих Хатхора Маата больше остальных пугала вероятность оказаться беспомощным, и эта прогулка к Горе стала для него самым суровым испытанием храбрости.

— Мы зависим от имеющихся у нас способностей, — пояснил Ариман, прислушиваясь к ощущению вибрации, передающейся через подошвы бронированных ботинок. — И нам снова

придется научиться драться так, как дерутся Астартес.

— Зачем?! — воскликнул Хатхор Маат. — Мы одарены силой. В каждом из нас имеется частица могущества Изначального Творца, так почему мы не должны этим пользоваться?

Ариман покачал головой. Хатхор Маат, как и он сам, прошел через испытание Доминус Лиминис, но его мастерство соответствовало уровню Старшего Адепта. Хатхор достиг уверенности в своих силах, но ему еще только предстояло добиться единства личности и отказаться от своего эго, чтобы перейти на высший уровень Исчислений. На это были способны лишь немногие из Павонидов, и Ариман подозревал, что Хатхор Маат не относится к их числу.

— Ты с таким же успехом мог бы послать нас сражаться голыми руками, — продолжал Хатхор Маат.

— Возможно, настанет момент, когда так и придется сделать, — сказал Ариман.

Тропа стала еще круче, а бой барабанов — громче, словно отвесные стены ущелья усиливали звуки. Взгляд Аримана, как это часто бывало в последнее время, притягивала громада Горы. Вершину он не видел, ее заслонял уходящий бесконечно вверх склон, над которым нависало безоблачное небо, ставшее из желтого уже коричневато-оранжевым.

Здесь естественное происхождение этой величественной вершины казалось еще менее вероятным. Слишком правильными были ее пропорции, слишком приятны глазу ее формы, а добиться таких изящных линий и изгибов не смогли бы никакие природные силы. Ариману уже приходилось видеть столь совершенные произведения искусства.

На Просперо.

Пирамиды Витрувия[13] и храмы братств Тизки строились с учетом принципа золотого сечения и числовых последовательностей из «Книги абака».[14]

При сооружении Города Света Магнус Красный усовершенствовал эти принципы, и от красоты и великолепия столицы у всех, кто ее видел, захватывало дух.

Куда бы ни посмотрел Ариман, везде он видел свидетельства геометрического совершенства, словно создатель Горы тщательно изучил божественные пропорции древних, а потом сотворил этот участок суши по их проекту. Завитки спиралей образовывали на земле безукоризненные изгибы, каменные столбы располагались через точно выверенные промежутки, а каждый поворот склонов и стен ущелий шел под строго определенным углом. Ариман мог только гадать, что за причина послужила основанием для создания столь величественного геоморфологического сооружения.

Устье долины направляло звук барабанов в их сторону, громкость то увеличивалась, то уменьшалась, как поначалу показалось Ариману, совершенно произвольно. Но затем его усиленные чувства подсказали, что это не так.

— Оружие к бою! — приказал он.

По его команде одновременно поднялось пять десятков стволов — штурмболтеры, огнеметы и недавно принятые на вооружение автоматические многоствольные пушки, способные выпускать по тысяче зарядов в минуту. Официально их называли штурмовыми пушками, но столь неблагозвучное имя не соответствовало мощи предыдущей инкарнации орудия, и нумерологические исследования привели к тому, что в Легионе Тысячи Сынов осталось ее прежнее обозначение — «Жнец».

Адепты Механикум не обладали ни знаниями, ни достаточной интуицией, чтобы понять значение имен и ужас, внушаемый удачно выбранным названием. Согласно нумерологии, числом пушки была девятка, и, поскольку Легион Тысячи Сынов образовывал Неседжет[15] из девяти братств, название пушки отлично прижилось.

Ариман вызвал в памяти мантры, позволяющие прибегнуть к низшим Исчислениям, чтобы замедлить процессы в

усиленном организме, лучше усваивать информацию и не поддаваться страху, находясь в окружении врагов. В обычных условиях после чтения мантр его восприятие значительно обострялось и окружающий мир становился будто прозрачным, но рядом с Горой все пространство представлялось абсолютно безжизненным и непроницаемым.

Впереди забрезжил рассеянный свет факелов, затем появились огни костров. Вибрация, передающаяся по земле, казалась Ариману сердцебиением самой Горы. Неужели и он кажется кому-то ничтожной букашкой, ползущей по огромному телу, которую так легко стряхнуть?

— Загайа![16] — скомандовал Ариман, и воины Сехмет образовали позади него ступенчатый треугольник. В других Легионах это построение было известно как «наконечник копья», и хотя Ариману нравилось это грубоватое и ясное обозначение, он предпочитал древнее название, которому его научил Императ

на острове-крепости Дименсландт.[17]

К нему подошел Фозис Т'Кар, и Ариман отметил жажду жестокости, обуревающую собрата-капитана. В дальней части его мозга возник вопрос: почему он всегда называл Фозиса Т'Кара своим приятелем, но не другом?

— Какие будут приказания? — послышался взволнованный и напряженный голос Хатхора Маата.

— Никакого насилия без моей команды, — ответил Ариман, включая общий для всего Сехмет вокс-канал. — Это разведывательная миссия, а не военная.

— Но будьте готовы к тому, что она станет военной, — возбужденно добавил Фозис Т'Кар.

— Сехмет, утерить темперамент, — приказал Ариман и при помощи Исчислений изменил алхимию своего организма. — Соедините раздражительность с флегматичностью и на первый план выведите оптимизм.

Ариман услышал, как негромко забормотал Хатхор Маат. Обычно

Павонид мог управлять состоянием духа сознательно, но, лишившись доступа к эфиру, Хатхор, как и все остальные, был вынужден прибегнуть к дисциплине, концентрации и самообладанию.

Долина расширилась, и на гребне склона Ариман увидел цепочку фигур, напомнивших ему легендарных воинов Леонида, сражавшихся и погибших у Фермопил. При виде возможных противников он не испытал ни ненависти, ни страха. От этих эмоций его избавляли низшие Исчисления.

Воины агхору в одеяниях цвета заката, в кожаных доспехах и с длинными фаларикаи[18] в руках представляли собой точное воплощение варварских племен Древней Терры. Но их внимание было приковано не к отряду, вторгшемуся в долину, а к чему-то в нижней ее части, чего Ариман не мог видеть за склоном.

Пальцы Аримана крепко сжали обтянутую кожей рукоять болтера. Воины наверху обернулись на звук тяжелой поступи Астартес, и он увидел, что их

лица закрыты масками из полированного стекла. Безжизненные и невыразительные маски напомнили ему посмертное покрытие из листового золота, накладываемое на лица микенских царей, чтобы скрыть их гниющую плоть.

На последнее заседание Рехахти Магнус пригласил для переговоров Ятири, вождя племен агхору, обитавших в окрестностях Горы. Горделивый вождь пришел в простой шатер Магнуса в одеянии шафранового цвета и церемониальной зеркальной маске, принятой среди его народа. Ятири был вооружен фаларикой и посохом-хекой, не слишком отличавшимся от тех, которыми пользовались капитаны Тысячи Сынов. Несмотря на столетия изоляции, отделявшие Агхору от Империума, Ятири говорил четко и плавно и настойчиво просил Астартес воздержаться от посещения долины. Он сказал, что это священное для его народа место.

«Священное» — именно так он и сказал.

Подобное выражение могло вызвать

гнев у многих Легионов Астартес, но Тысяча Сынов понимали первоначальный смысл этого термина — «ничем не оскорбленное, доброкачественное, значительное» — и не придавали внимания значению, относящемуся к религии. Для них это было место, «лишенное несовершенства». Просьба Ятири кое у кого вызвала подозрения, но Магнус дал слово, что Тысяча Сынов с уважением отнесутся к просьбе вождя.

И до сего момента так оно и было.

Сехмет поднялись на гребень долины, и агхору расступились, блеснув лезвиями фаларик. Подобное оружие не могло испугать Аримана, однако он не хотел начинать войну, в которой не было необходимости.

Он продолжал идти навстречу воинам агхору размеренным шагом и вдруг изумленно уставился на представших перед его глазами стражей долины.

Храм братства Пирридов на Просперо представлял собой огромную пирамиду из посеребренного стекла с вечно

горящим огнем на вершине, выполненной в форме крестоцвета. А вместо золотых идолов, которые обычно стояли в храмах других братств, в пирамиде возвышалась боевая машина Легио Титаникус.

Соискатели звания пироманта по освещенному курильницами коридору из красного мрамора проходили прямо к могучему «Владыке войны». Этот громадный титан, носящий гордое имя «Канис Вертекс»,[19] когда-то сражался под знаменами Легио Асторум, и на его броне красовался черный диск, окруженный языками синего пламени.

Принцепс гигантской машины был убит, и модераторы тоже погибли в середине Великого Крестового Похода, когда титан был повержен во время жестокой карательной кампании против варварских племен зеленокожих на Каменке-тройке. Согласно приказу Императора, Легион Тысячи Сынов вместе с Легио Асторум и Войском Жизни евгенианцев Пангасифика должен был выдворить эту расу жестоких ксеносов с

трех планет Каменки-Ультизарны, на которые предъявлял права Механикум Марса.

Ариман хорошо помнил жестокость той войны, ужасные кровопролитные и изнурительные бои, повлекшие за собой потери тысяч и тысяч воинов. После двух лет непрерывных сражений Имперская Армия все же одержала победу, и боевые знамена украсились множеством наград.

Но победа далась им высокой ценой. Легион Тысячи Сынов лишился восьмисот семидесяти трех воинов, и тогда Магнусу пришлось уменьшить численность, сократив количество братств до Песеджета.

Еще большим огорчением для Аримана стала гибель Апофиса, капитана Пятого братства и его лучшего друга. Воспользоваться этим словом Ариман решился только сейчас, когда Апофис был мертв.

«Канис Вертекс» потерпел поражение на смертоносных полях Кориоваллума[20] в самом конце войны, когда столкнулся с

огромной машиной зеленокожих, грубо сколоченной по образу и подобию их агрессивного божества. Поражение казалось неизбежным, но перед вражеским колоссом в сиянии мощи эфира встал Магнус, подобный древнему богу войны.

Два гиганта — один механический, второй из плоти и крови, унаследованной от Императора, — сошлись в горящих руинах, и казалось, плачевный результат битвы не вызывал сомнений.

Но Магнус воздел руки, его отороченный перьями плащ захлопал в порывах невидимой бури, и вся ярость эфира обрушилась на вражескую боевую машину ураганом сверхъестественного огня, разорвавшего материю реальности и потрясшего весь мир до самого основания.

Все, кто в тот день видел величественного примарха, унесут его образ с собой в могилу, и воспоминание о битве против отвратительно раздувшейся машины навсегда останется в их душах неизгладимым шрамом. Перед вернувшимся с поля смертельного боя примархом все десять тысяч воинов

почтительно склонили головы.

Но весь контингент Легио Асторум к тому времени был уничтожен, и Калофис, капитан Шестого братства, решил увековечить память об их жертве, вернув «Канис Вертекс» на Просперо и поставив его молчаливым стражем в храме Пирридов. Поклонники огня славились умением производить неизгладимое впечатление, но ничто не могло сравниться с гигантской боевой машиной, на броне которой играли оранжевые отблески неугасающего пламени.

Ариман давно был знаком с невероятно масштабными произведениями культа Механикум, но и ему не приходилось видеть ничего, что могло бы подготовить к встрече со стражами долины.

Все колоссы, стоявшие в конце долины, выглядели одинаково и превосходили ростом даже «Канис Вертекс». Как и Гора, откуда они появились, машины производили загадочное и незабываемое впечатление. Эти высоченные и грозные двуногие сооружения

походили формой на очень худого человека. Материал их корпусов цвета слоновой кости напоминал мрамор или керамику, и могло показаться, что все они вырублены из цельного блока.

Их головы были выполнены в виде продолговатых воинских шлемов, усыпанных сверкающими драгоценными камнями, и из-за плеч, словно ангельские крылья, поднимались два плавно изогнутых гребня. Огромные стражи явно были готовы к войне. Одна рука каждой машины заканчивалась массивным кулаком, а вместо второй виднелось вытянутое на манер копья орудие, с тонкого дула которого свисали выгоревшие полотнища знамен.

— Милостивая мать Бездна! — воскликнул Фозис Т'Кар.

Ариман почувствовал, как при виде этих могущественных символов войны рушится его с трудом обретенное спокойствие. Рядом с такими грандиозными сооружениями все, кто находился в долине, казались ничтожными пигмеями. Но он не мог не отметить

определенной красоты гигантских машин, так же как и гармоничности самой долины, которую они охраняли. Кто бы ни был создателем Горы, он обеспечил ее достойными стражами.

— Что это? — спросил Хатхор Маат.

— Не знаю, — признался Ариман. — Титаны ксеносов?

— Они отдаленно напоминают машины эльдар, — заметил Фозис Т'Кар.

Ариман согласился. Два десятилетия тому назад на окраине Аномалии Пардус Тысяча Сынов обнаружили флотилию кораблей эльдар. Встреча закончилась мирно, и обе флотилии проследовали своим путем, но Ариман не мог забыть изящества судов эльдар и той легкости, с которой они скользили среди звезд.

— Это, должно быть, боевые машины, — предположил Хатхор Маат. — Калофис умрет от зависти, когда узнает, что мы их видели.

Его слова были недалеки от истины. Как и большинство Пирридов, Калофис наслаждался жестокостью любого конфликта, и, если требовалось стереть с

лица земли противника яростным огнем, можно было, не сомневаясь, обращаться именно к нему.

— Уверен, так и будет, — согласился Ариман, с трудом отрывая взгляд от колоссов.

Кроме машин, в долине собралось множество людей из племени агхору, и все они либо держали в руках зажженные факелы, либо в кровь разбивали ладони о барабаны.

Фозис Т'Кар еще держал болт-пистолет в опущенной руке, и Ариман видел, как ему не терпится пустить оружие в ход. Хатхор Маат уже взял на изготовку хеку. Воины, переступившие ступень Доминус Литинис и достигшие ранга адепта, могли при помощи посоха извлечь из эфира поток сокрушительной энергии, но в этом месте хека оставалась лишь символом высокого звания.

— Придерживайтесь Исчислений, — прошептал Ариман. — Никаких убийств без моего приказа.

Около тысячи людей в плащах с капюшонами и зеркальных масках,

собравшиеся в долине, окружали базальтовый алтарь, возведенный у зияющего входа в пещеру. По обе стороны от него стояли огромные стражи.

Ариман сразу же понял, что пещера не была искусственно пробитым входом в Гору. Вероятно, она образовалась в результате землетрясения, и темнота в пещере казалась гуще, чем темнота самого космоса.

— Что здесь происходит? — сердито спросил Фозис Т'Кар.

— Я не знаю, — ответил Ариман.

Он медленно прошел между рядами расступившихся агхору и в их блестящих масках увидел отражение темно-красной брони Сехмет. Пение стало затихать, бой барабанов постепенно прекратился, и в долине воцарилась полная тишина.

— Куда они смотрят? — прошипел Хатхор Маат. — Почему не двигаются?

— Они ждут наших действий, — пояснил Ариман.

Маски не позволяли разглядеть выражение лиц агхору, но он не ожидал от собравшихся здесь людей враждебных

поступков. Люди в зеркальных масках просто смотрели, как он ведет Сехмет к базальтовому алтарю. Гладкая поверхность жертвенника поблескивала в последних отблесках заходящего солнца, подобно глади темного пруда.

На алтаре было сложено множество приношений: браслеты, серьги, куклы из пучков водорослей, ожерелья — дары сотен людей. А от алтаря к темной расщелине в скале тянулись цепочки следов. Тот, кто их оставил, проделывал путь туда и обратно не один раз.

Ариман опустился на колени, разглядывая следы, а Фозис Т'Кар и Хатхор Маат задержались у алтаря.

— Что бы это могло означать? — удивился Фозис Т'Кар.

— Пожертвования? — попытался угадать Хатхор Маат.

Он поднял с алтаря ожерелье из меди и оникса и с недовольным видом его осматривал.

— Кому? — снова спросил Фозис Т'Кар. — В описании планеты не упоминается о подобной практике среди агхору.

— Верно, но как иначе это можно объяснить?

— Ятири говорил, что Гора принадлежит мертвым, — сказал Ариман, обводя контур следа, оставленного кем-то более массивным, чем любой смертный или даже Астартес.

— Может, это какой-то обряд поминовения, — предположил Фозис Т'Кар.

— Возможно, — согласился Хатхор Маат. — Но где же мертвецы?

— Они внутри Горы, — сказал Ариман и попятился от пещеры, снова заслышав бой барабанов.

Он присоединился к своим воинам и воткнул рукоять хеки в пыльную землю.

Маски всех агхору тотчас повернулись в сторону края долины, снова послышалось протяжное пение, и люди стали короткими шажками двигаться вперед, ударяя рукоятками фаларик о землю в такт бою барабанов.

— Мандала![21] — приказал Ариман, и Сехмет тотчас образовали кольцо вокруг алтаря.

Раздались щелчки автозагрузчиков снарядов и треск активированных силовых кулаков.

— Разрешаешь открыть огонь? — спросил Хатхор Маат, прицелившись в паску ближайшего агхору.

— Нет, — ответил Ариман. Он повернулся к зияющей тьме пещеры, откуда налетевший вихрь вынес облако пепла. — Нас это не касается.

Ветер источал трачное отчаяние и прах миллионов превратившихся в пыль тел, забытых в беспросветной глубине мира.

А потом из пещеры, окутанный вихрями пепла, появился багряно-золотой величественный силуэт.

Глава 3
МАГНУС
СВЯТИЛИЩЕ
ТЫ ДОЛЖЕН ЕГО НАУЧИТЬ

Он никак не мог сосредоточиться. В голове Лемюэля мелькали только отдельные образы: сияющая кожа, словно вены под ней были наполнены пламенем; могучие крылья из перьев и золотых пластин; медно-красная грива, растрепанная и присыпанная пеплом, взметнулась над головой. И лицо — непрерывное мелькание света и плоти, словно под кожей и мышцами скрывались не кости, а нечто более динамичное и энергичное.

От такой картины у Лемюэля болезненно сжались все внутренности, но он уже не мог оторвать взгляд от этого высокого существа.

Стоп. А действительно ли это создание так уж высоко?

Ему казалось, что видение

ежесекундно меняется без каких бы то ни было видимых причин. В какое-то мгновение оно казалось гигантом, а затем — без всякого перехода — обычным человеком, а потом божеством или существом с миллионами глаз, сотканным из света.

— Что это?! — едва слышно воскликнул Лемюэль. — Что они сделали?

Он не мог отвести глаз, хотя и сознавал, что горящий в сердце этого существа огонь представляет огромную опасность, возможно самую большую опасность этого мира. Несмотря на то что этот огонь грозил обратить в пепел все, что окажется поблизости, Лемюэлю непреодолимо хотелось к нему прикоснуться.

Пронзительный крик Каллисты развеял очарование.

Лемюэля затошнило, он упал на колени, и все содержимое желудка в одно мгновение выплеснулось на камни. Прерывистое дыхание слетало с губ облачками молочно-белого пара, а извергнутая масса мерцала, как будто

обладала энергией, позволяющей вернуть прежнюю форму. Сам воздух вокруг бурлил потоками энергии, и мускулы Летюэля наполнились силой, которую не могли остановить даже мертвые камни.

Но прошло всего одно мгновение, и лужица на камнях стала обычной рвотной массой, а пар от дыхания рассеялся без следа. Летюэль по-прежнему не сводил глаз с того существа, что появилось внизу, но его возбужденные чувства теперь уже воспринимали только материальную реальность мира. По лицу потекли слезы, и Летюэль вытер их рукавом рубахи.

Каллиста непрерывно всхлипывала и тряслась, словно в апоплексическом припадке. Скрюченными окровавленными пальцами она судорожно царапала землю, с губ срывалось неразборчивое бормотание.

— Должен выйти наружу... — расслышал Летюэль. — Нельзя оставлять внутри. Огонь должен выйти, или он меня сожжет.

Она подняла голову, безмолвно умоляя о помощи. Но Летюэль не успел даже шелохнуться, как у Каллисты закатились

глаза и она упала лицом вниз. Он попытался броситься на помощь, но конечности отказывались подчиняться. Рядом с Каллистой стояла Камилла. Сильно побледневшая, она еще держалась на ногах, хотя ее и сотрясала мелкая дрожь. От благоговейного восторга она даже приоткрыла рот.

— Он прекрасен... Как он прекрасен, — протянула она, нерешительно подняла пиктер и сделала несколько снимков.

Лемюэль сплюнул едкую желчь и тряхнул головой.

— Нет, — сказал он. — Это чудовище.

Камилла обернулась, и его сильно удивило выражение гнева на ее лице.

— Как ты можешь так говорить? Взгляни на него.

Лемюэль крепко зажмурился, а потом чуть-чуть приподнял веки, чтобы еще раз взглянуть на невероятное создание. В его сердце все так же пылал огонь, но если прежде он был опасно соблазнительным, теперь пламя успокаивало и гипнотизировало.

А затем видение прояснилось, словно

сфокусированный пиктер, и Лемюэль смог рассмотреть истинный облик широкоплечего гиганта в великолепных боевых доспехах из золота, бронзы и кожи. На боку в ножнах висел изогнутый меч с обсидиановой рукоятью и золотым лезвием, а с другой стороны — тяжелый пистолет внушительных размеров.

Несмотря на то что воин находился от него в нескольких сотнях метров, Лемюэль ясно и отчетливо видел его, словно образ из воспоминаний или созданный воображением.

Он улыбнулся, оценив красоту, о которой говорила Камилла.

— Он и правда прекрасен, — сказал Лемюэль. — И как я раньше этого не разглядел?

За плечами воина развевался плащ из перьев, к которому были прикреплены кадила и припечатанные воском пергаменты. Из нагрудника торчали черные изогнутые эбонитовые рога, и точно такая же пара поднималась за его плечами. Из-под пояса свисало светлое полотнище табарда, украшенное

пылающим солнечным диском, а сбоку на золотых цепях была пристегнута тяжелая книга, переплетенная в толстую красную кожу. Золотая застежка на книге была закрыта свинцовой[22] печатью.

Этот фолиант приковал к себе взгляд Летюэля, распознавшего в его содержимом безграничные знания и тайны Вселенной. Чтобы погрузиться в их глубины, Летюэль был готов пожертвовать любыми сокровищами, и даже своей душой.

Кто-то тронул его за плечо, и Летюэль позволил Камилле поднять его на ноги. Преисполненная изумления и радости, девушка обняла его, доставив тем самым невыразимое удовольствие.

— Я никогда не надеялась увидеть его так близко, — призналась Камилла.

Летюэль не ответил, заметив, что из пещеры вышли еще двое. Первым показался предводитель агхору в блестящей маске и оранжевом одеянии, а за ним шел худой мужчина в запачканной пеплом одежде летописца. Но они оба

ничего не значили. Величественное создание, полное света, — вот что было важно.

Воин, словно услышав его мысли, поднял взгляд.

Под золотым шлемом, увенчанным алым плюмажем, открывалось невыразимо прекрасное лицо, осененное мудростью старейшины или великого ученого.

Камилла права. Он красив. Безукоризненно красив.

Не размыкая объятий, Камилла и Летюэль опустились на колени.

И только тогда Летюэль заметил, что совершенное создание портил один недостаток. Золотой глаз, сверкавший многоцветными искрами, моргнул, и летописец увидел, что воин смотрит на мир только одним этим глазом. Там, где должен был располагаться второй глаз, сияла гладкая и ровная кожа, словно второй глазницы никогда и не было.

— Магнус Красный, — прошептал Летюэль. — Алый Король.[23]

Солнце Агхору наконец спустилось за горизонт, а в небе еще оставался его рассеянный свет. Ночь в этих местах была короткой, но хотя бы предоставляла милосердную передышку от изнуряющей дневной жары. По пути к шатру примарха Ариман снял золотой шлем-дешрет[24] и нес его на сгибе локтя. Связь с тайными силами Вселенной восстановилась сразу, как только он во главе Сехтет миновал ряд мертвых камней. Свет Аэтниo снова засиял перед его глазами, и присутствие Хранителя освежало не хуже глотка прохладной и чистой воды.

Радость Аримана при виде выходившего из пещеры Магнуса быстро потускнела, когда он заметил во взгляде примарха разочарование. Увидев воинов, окруживших каменный алтарь, Магнус молча покачал головой. Даже здесь, где не действовали его усиленные органы чувств, Ариман остро ощущал могущество своего повелителя, мощь, превосходившую загадочное противодействие Горы.

Магнус прошел мимо, больше ни

единым жестом не показав, что замечает их присутствие. Рядом с примархом шагал представитель агхору в блестящей маске, которого Ариман знал как вождя Ятири, а следом торопливо семенил Махавасту Каллимак, личный летописец Магнуса. На ходу он беспрестанно бормотал что-то в узкий прибор, и устройство, подвешенное к поясу, мгновенно фиксировало его слова.

— Ты допустил ошибку, — произнес Хатхор Маат. — Нам не стоило сюда приходить.

Ариман сердито обернулся:

— Но ты с готовностью принял мое предложение.

— Это было лучше, чем сидеть и ничего не делать, но я предупреждал, что примарх приказал дожидаться его возвращения, — пожал плечами Хатхор Маат.

При виде такого бесцеремонного самодовольства Павонида Ариман едва не утратил самоконтроль, испытав сильнейшее желание ударить Маата. И от сознания его правоты становилось еще

хуже.

Он понимал, что должен был доверять словам Магнуса, однако уступил сомнениям. В лучшем случае ему придется публично принести извинения Ятири, в худшем — ему грозит исключение из Рехахти — внутреннего совета Тысячи Сынов, членов которого Магнус выбирал лично, доверяя им решать текущие проблемы Легиона.

Состав совета постоянно менялся; включение в Рехахти зависело от многих факторов, причем не последнюю роль играло положение Астартес в Легионе. Все братства Тысячи Сынов соперничали друг с другом в стремлении занять место в окружении примарха, поскольку исходящие от Магнуса силы увеличивали и их могущество.

Но течения эфира непрестанно менялись, и вместе с ними менялись и мистические возможности культов. Невидимые потоки, неблагоприятные для одного из направлений, наращивали могущество другого, и предзнаменования Великого Океана читались в его

непредсказуемых приливах и отливах и очень детально истолковывались геомантами Легиона.

В настоящее время наибольшим влиянием пользовались Пирриды, тогда как братство Корвидов, к которому принадлежал Ариман, уже около пятидесяти лет занимало низшее положение. Корвиды были ведущим братством в Легионе на протяжении нескольких веков, но в последние десятилетия их способность читать переменчивые линии будущего уменьшилась до такой степени, что провидцы с трудом предсказывали даже самые близкие события.

Течения Великого Океана стали более бурными и мощными, и геоманты предупреждали о зреющем в тайных глубинах грандиозном шторме, но о его причинах ничего сказать не могли. Слабые потоки поглощались разбушевавшимися приливными течениями, которые питали наиболее агрессивные направления, воспламеняя кровь тех, чье мастерство основывалось на нижних уровнях знаний.

Все это объясняло заносчивую самоуверенность задиристых смутьянов вроде Калофиса и Аурамагмы, которые ходили с видом победителей, тогда как провидцам и колдунам, указывавшим дорогу Тысяче Сынов с момента основания Легиона, пришлось отойти в сторону. Но Ариман ничего не мог с этим поделать и только изо дня в день пытался восстановить связь с далекими образами будущего.

Вскоре он прогнал все тревожные мысли и обратился к Исчислениям, чтобы сосредоточиться. Перед ним уже возвышался шатер Магнуса — огромная трехгранная пирамида из поляризованного стекла и золота, мерцавшая при вечернем свете наполовину погребенным в земле бриллиантом. Непроницаемое для взглядов снаружи и прозрачное изнутри, это сооружение превосходно соответствовало образу командира Тысячи Сынов.

По углам стояло по терминатору из отряда Тайных Скарабеев с посохами-

сехемами,[25] которые заканчивались широкими лезвиями, и штурмболтерами, прижатыми к нефритово-янтарным фигуркам скарабеев на нагрудной броне.

Вход в шатер преграждал брат Атсу, державший в руке развевающийся на ветру стяг цвета слоновой кости и алой крови. Горделивую радость Аримана при виде знамени Легиона отравляло горькое сознание того, что своим походом к Горе во главе Сехтет он навлек на себя неудовольствие примарха.

Ариман остановился перед Атсу, позволив ему прочитать его ауру, определяющую личность более точно, чем любое генное сканирование или молекулярный анализ.

— Брат Ариман, — провозгласил Атсу, — добро пожаловать на Рехахти. Лорд Магнус ожидает тебя.

Внутреннее убранство своей простотой могло удивить любого посетителя. Учитывая окружавшие Легион Тысячи Сынов слухи и подозрения,

простые смертные, удостоенные аудиенции Магнуса Красного, как правило, ожидали увидеть в его покоях эзотерические символы, колдовские устройства и прочие оккультные атрибуты.

Вместо этого их встречали гладкие стеклянные стены и светлый пол, выложенный траморной плиткой из глубинных шахт Просперо. Тщательно подобранные плитки из черного трамора с золотыми прожилками образовывали расходящуюся из центра многовитковую спираль.

Капитаны братств стояли на линии спирали согласно своему положению в Рехахти. И Ариман тоже спокойно прошел по темным плитам мимо собравшихся воинов к своему месту. В самом центре шатра лежал изображавший солнце золотой диск, вбиравший в себя чередующиеся темные и светлые линии.

На золотом солнце стоял Магнус Красный.

Примарх Легиона Тысячи Сынов был великим воином и не менее великим

ученым, но производил впечатление человека, слегка смущенного своим положением среди равных. Ариман знал, что это лишь необходимая маска. Ибо кто мог встать лицом к лицу с существом, чей интеллект и багаж знаний превосходили самые смелые ожидания?

Магнус обладал кожей цвета расплавленной меди, его доспехи были изготовлены из чеканного золота и дубленой кожи, а кольчуга представляла собой настоящее произведение искусства из черненых колец адамантия. Роскошный алый плюмаж ниспадал на рога, украшавшие его броню, а тяжелый плащ из перьев своей яркостью мог поспорить с нарядом любых пернатых хищников. Из-под плаща виднелся край объемистого фолианта, переплетенного в ту же прочную кожу, что обтягивала рукоять пистолета Аримана. Эта кожа была снята с тела психнойена, злобного хищника с Просперо, который в древние времена едва не стер с поверхности планеты целую цивилизацию.

Единственный глаз Магнуса

переливался всеми оттенками, никогда не принимая одного определенного цвета, а на время собрания он остановился на изумрудной зелени с фиолетовыми искрами. Настроение примарха было невозможно угадать по выражению его лица, но Ариман утешил себя тем, что его позиция на витках спирали не изменилась.

Справа от него стоял Фозис Т'Кар, а напротив на витке спирали расположился Калофис. Позади и немного слева встал Хатхор Маат, а на следующем витке, правее, было место Утизаара. Статус воинов определялся не только близостью к центру спирали, но и миллиардом иных факторов: положением стоявшего сзади воина, того, кто занимал место рядом и напротив. Имело значение и то, кто оставался на виду, а кто — в тени, и крутизна дуги, проходящей от позиции воина до золотого диска, — все играло определенную роль в этом хороводе превосходства. Положение каждого члена Рехахти затрагивало также его соседей, и разобраться в этой паутине иерархии

было под силу только самому Магнусу.

Ариман не мог прочитать ауры своих собратьев-капитанов и остро чувствовал отсутствие Аэтпио, но даже не пытался призывать его на время собрания, поскольку Хранитель не мог действовать в присутствии могущественного примарха. У самого Магнуса Хранителя не было. Да и чему мог научить фрагмент Изначального Творца того, кто заглянул в глубины сущего и освоил все тонкости?

Как только Ариман занял отведенное ему место, Магнус кивнул, и из тени в одном из углов пирамиды появился брат Амон и закрыл золотые двери шатра. До этого момента Ариман не видел Амона и не ощущал его присутствия, но то же самое относилось и ко всем остальным. Советник Магнуса и капитан Девятого братства, Амон лично занимался подготовкой Скрытных — ауксилиарии разведчиков Тысячи Сынов.

— Святилище ожидает Символа Тутмоса, — объявил Амон.

Его красная броня, казалось, сливалась с тенями, собравшимися в углах пирамиды.

Магнус кивнул и снял с пояса свой хопеш,[26] затем шевельнул большим пальцем, и рукоять с легким свистом раздвинулась, превратив серповидный меч в оружие с длинным лезвием и высоким древком. Магнус стукнул древком по диску и стал чертить замысловатые символы.

Ариман непроизвольно сжал зубы; мир вокруг него потускнел, и теперь пространство внутри пирамиды было надежно скрыто от посторонних взглядов. Неприятно сознавать, что они отрезаны от эфира, но зато их разговоры невозможно было подслушать ни с помощью технологий, ни психическими методами.

Как-то раз Магнус похвалился, что невидимая завеса, покрывающая пирамиду во время Рехахти при помощи Символа Тутмоса, непроницаема даже для самого Императора.

— Все ли собрались? — спросил Ариман, продолжая ритуал, поскольку являлся главным библиарием Легиона.

На Просперо члены Рехахти

предпочли бы общаться через эфир, но здесь Тысяче Сынов приходилось обходиться скудным набором слов человеческой речи.

— Я Азек Ариман, Корвид, — продолжал он. — Если хотите быть услышанными, назовите свое истинное имя. Кто пришел для участия в Рехахти?

— Я пришел, Фозис Т'Кар, магистр храма Рапторов.

— Я пришел, Калофис, магистр храма Пирридов.

— Я пришел, Хатхор Маат, магистр храма Павонидов.

— Я пришел, Утизаар, магистр храма Атенейцев.

Как только все капитаны назвали свои имена, Ариман кивнул. Слегка замешкался только Утизаар — младший адепт лишь недавно поднялся до положения магистра храма, и каждый раз, глядя на него, Ариман не мог не горевать о гибели Апофиса.

— Мы все собрались, — объявил он.

— И нет никого лишнего, — добавил Атон.

Магнус снова кивнул и, прежде чем заговорить, остановил взгляд своего единственного глаза на каждом из капитанов.

— Я разочарован вашим поступком, сыны мои, — начал он.

Его глубокий баритон придавал глубокий смысл каждому слову. Это были первые слова примарха, услышанные Ариманом по возвращении с Горы, и, хотя они звучали укором, он внимал им с радостью.

— Этот мир может нас многому научить, а вы рискуете нашими возможностями, вторгаясь в священное для агхору место. Я приказал дожидаться моего возвращения. Почему вы не повиновались?

Ариман ощутил на себе взгляды всех остальных капитанов и напряженно выпрямился.

— Это я отдал приказ, мой лорд, — произнес он. — Решение о походе в долину принято мной.

— Это мне известно. — Магнус едва заметно усмехнулся. — Если кто-то и

способен меня ослушаться, так только ты, Азек. Верно?

Ариман кивнул, не зная, воспринимать эти слова как выговор или как похвалу.

— Что ж, вы вступили на склон Горы, — продолжил Магнус. — И что из этого следует?

— Мой лорд?

— Что ты ощутил?

— Ничего, мой лорд, — ответил Ариман. — Я ничего не почувствовал.

— Вот именно. — Магнус сошел с золотого диска и стал удаляться от центра, следуя светлой спирали. — Никто из вас ничего не почувствовал. Теперь вам известно, как чувствуют себя смертные в их тусклом и ограниченном мире, лишенные драгоценного дара, принадлежащего им по праву рождения, как эволюционирующей расе.

— По праву рождения?! — воскликнул Хатхор Маат. — Как это?

Магнус повернулся в сторону магистра храма Павонидов, и его глаз вспыхнул пульсирующим голубым огнем.

— Это право исследовать блестящую и манящую Галактику и все ее чудеса, право видеть ее удивительную мощь, — сказал Магнус. — Что это за жизнь — всегда оставаться в тени, когда сверкающие чудеса мира видятся лишь едва различимыми фантомами?

Магнус остановился рядом с Ариманом и положил руку ему на плечо. То была рука гиганта, но лицо, которое перед собой увидел главный библиарий, лишь ненамного превосходило его собственное. Черты Магнуса были словно отлиты из металла, и единственный глаз вновь вернул зеленый цвет. Ариман ощущал неизмеримую и непостижимую силу своего примарха, сознавая, что стоит рядом с живым солнцем, в котором слились воедино силы созидания и разрушения.

В теле Магнуса было не так уж много плоти и крови, в основном оно состояло из энергии и воли, скрепленной Императором при помощи древней науки. Ариман изучал сущность Великого Океана с помощью самых выдающихся провидцев

Легиона, но наполнявшая примарха сила осталась такой же чуждой для него, как космический корабль для первобытных дикарей.

— Агхору живут в мире, овеваемом эфирными ветрами, но остаются невосприимчивыми к его воздействию, — продолжал Магнус, возвращаясь к золотому диску в центре пирамиды.

Хопеш в его руке начал двигаться, описывая знаки, в которых Ариман узнал заклинания призыва. Если бы это случилось не в инертном пространстве пирамиды, на зов Магнуса явилось бы целое войско Хранителей.

— Они каждый год приходят к Горе. Агхору приносят тела умерших к месту их последнего упокоения, в долину, и оставляют рядом с пещерой. И каждый раз, когда они возвращаются через год, оказывается, что тела исчезли, «съеденные» Горой. Мы все убедились, насколько тонок в этом мире барьер, отделяющий реальный мир от эфира. Сущность Великого Океана просачивается в этот мир, но на агхору она не

действует. Как такое возможно? Я не знаю. Но когда я решу эту задачу, мы еще на один шаг приблизимся к тому, чтобы наши братья увидели свет в сердце Вселенной. В этой Горе заключена какая-то сила, величайшая сила, но ее что-то сдерживает, и для агхору это всего лишь энергия, поглощающая мертвецов. Я надеюсь, что Ятири простит вам вторжение в священную долину, поскольку без помощи его народа нам не раскрыть тайн этого мира.

Энтузиазм примарха, увлеченного загадкой, оказался заразительным, и Ариман еще сильнее ощутил на своих плечах всю тяжесть совершенного проступка.

— Я сделаю для этого все, что от меня потребуется, мой лорд, — пообещал Ариман. — Сехтет выступили по моему приказу, и я постараюсь объяснить это Ятири.

— Этого не потребуется, — произнес Магнус, снова заняв свое место в центре пирамиды. — Для вас всех имеется другое задание.

— Приказывай, мой лорд! — воскликнул Фозис Т'Кар, и все остальные подтвердили свою готовность.

Магнус улыбнулся:

— Вы, как всегда, меня радуете, сыны мои. Ахору не одиноки в своем убеждении, что этот мир особенный. Летописцы, отобранные для данной экспедиции, тоже это чувствуют, хотя и совершенно неосознанно. Вы должны быть приветливы с ними, должны подружиться и узнать их ближе. Мы слишком долго держали их на расстоянии, пора показать, что наше отношение к ним смягчилось. В любом случае Император намерен сделать присутствие летописцев обязательным для каждой экспедиции, поэтому постарайтесь проявить дружелюбие и сдержанное восхищение, чтобы завоевать их доверие, не дожидаясь указа. Изучайте влияние этого мира на них и записывайте результаты в гримуары. Исследуя этот мир, мы должны исследовать и его воздействие на смертных и на нас самих. Вам понятно это задание?

— Да, мой лорд, — откликнулся

Хатхор Маат, и вслед за ним те же слова повторили остальные капитаны, пока не остался один Ариман.

Он ощутил на себе взгляд примарха и коротко поклонился:

— Я все понял, мой лорд.

— В таком случае Рехахти закончен, — произнес Магнус и стукнул рукоятью посоха по солнечному диску.

Из центра вырвался золотистый луч и окутал своим сиянием собравшихся воинов. Действие Символа Тутмоса завершилось, и Ариман ощутил, как его тело вновь омывают струи эфира.

Амон раздвинул двери пирамиды. Ариман, поклонившись примарху, направился к выходу вслед за своими собратьями.

— Азек, — окликнул его Магнус, — задержись, пожалуйста.

Ариман замер на мгновение, затем развернулся и прошел к центру пирамиды, готовясь принять наказание. Примарх, уже вернув оружию первоначальные пропорции, убрал хопеш в ножны. Слегка прищурив зеленый глаз, он оценивающе посмотрел на

главного библиария:

— Тебя что-то тревожит, друг мой. Что именно?

— История о людях в пещере,[27] — сказал Ариман. — Та самая, что ты рассказал мне, когда я еще был неофитом, мой лорд.

— Я помню ее, — кивнул Магнус. — Но что именно тебя беспокоит?

— Если я правильно понимаю, суть истории в том, насколько бесполезно делиться нашими знаниями с тем, кто мыслит слишком узко. Как мы сумеем просветить наших друзей, если их зрение ограниченно?

— А мы и не будем этого делать, — сказал Магнус, увлекая Аримана по спирали к открытым дверям пирамиды. — По крайней мере, пока.

— Это мне непонятно.

— Мы не приносим свет человечеству, мы ведем людей к свету, — пояснил Магнус. — Мы учим, как поднять сознание людей на высший уровень, чтобы они сами могли отыскать этот свет.

Ариман ощутил страсть, овладевшую примархом, и сам захотел испытать такой же энтузиазм.

— Пытаться объяснить суть эфира смертным — то же самое, что растолковывать слепцу значение понятия желтого цвета. Они не хотят его видеть. Они боятся его.

— Понемногу, Азек, будем двигаться мелкими шажками, — терпеливо объяснил Магнус. — Человечество уже начинает сознавать важность психических сил, но, прежде чем бегать, надо научиться ходить. С нашей помощью.

— Твоя вера в человечество велика, — сказал Ариман, уже дойдя до самой двери. — Однажды они хотели нас уничтожить. И могут повторить попытку.

Магнус покачал головой:

— Ты должен немного больше доверять им, мой сын. Поверь мне.

— Я верю тебе, мой лорд! — воскликнул Ариман. — Моя жизнь принадлежит тебе.

— И я ценю это, сын мой, можешь не сомневаться, — сказал Магнус. — Но я

определил свой путь, и мне нужна твоя помощь, Азек. Остальные смотрят на тебя, и они пойдут туда, куда ты их поведешь.

— Как прикажешь, мой лорд, — заверил его Ариман и почтительно поклонился.

— А теперь, когда ты начнешь приглядываться к летописцам, я хочу, чтобы особое внимание ты обратил на Петюэля Гамона.

— На Гамона? На толкователя эфира?

— Да, на него. Он обладает некоторой силой, приобретенной, как мне кажется, после чтения трудов сангома из Нордафрики, — сказал Магнус. — Он убежден, что нам ничего не известно, и предпринимает первые нерешительные попытки применить ее. Я хочу, чтобы ты его наставлял. Выясни, насколько он одарен, и определи, как он может воспользоваться силой без опасности для него и для нас. Если ты сумеет помочь ему, то сумеет помочь и остальным.

— Это будет нелегко, он не посвящен в

искусство Исчислений.

— Вот поэтому ты и должен его обучить, — завершил беседу Магнус.

Глава 4
ПРИГОВОР
ТАНЦУЮЩИЕ ВО МРАКЕ
ПРИГЛАШЕНИЕ

Вся планета была охвачена огнем, и пожары полыхали до самого горизонта. Небеса, взбудораженные избыточным давлением, разразились неестественно сильными разрядами молний. Водопады осколков стекла со свистом рассекали воздух, по улицам текло расплавленное золото, и прекрасные когда-то проспекты, украшенные статуями, превращались в руины под грохот снарядов и вопли убийц.

В развалинах великолепного города, этого островка рая на земле, уже сновали грабители. Повсюду вокруг нее горели высокие сооружения из стекла, серебра и золота, а в воздухе пародией на конфетти летали миллиарды обрывков обгоревших бумаг. Во рту появился противный привкус крови, и, хотя она никогда раньше не видела этого города, она оплакивала его

уничтожение.

Такая безукоризненная геометрия, такой возвышенный стиль... У кого могла подняться рука на это великолепное прибежище? Высокие серебряные башни рушились от жара пламени, разбитые стекла блестящими водопадами осыпались из высоких окон и с пирамидальных верхушек. Отблески огней сверкали в каждом осколке, и во всех стеклах отражался огромный золотой глаз, истекающий кровавыми слезами.

Ей хотелось прекратить это безумие, остановить кровопролитие, пока не стало слишком поздно, чтобы уберечь город от полного уничтожения. Но было уже слишком поздно. Его судьба была предопределена задолго до того, как упала первая бомба и первые захватчики вторглись в его золотые дворцы, мощенные мрамором храмы и великолепные парки.

Город был обречен, и ничто не могло изменить его участь.

Мысль еще не до конца оформилась в ее мозгу, а она уже поняла, что это не так.

Город можно было спасти.

После этой мысли тучи внезапно рассеялись и открылось восхитительно-голубое небо. Солнечные лучи позолотили вершины гор, а гарь и запах сгоревшей плоти и металла сменились ароматами полевых цветов. Серебряные башни снова взметнулись к небесам, замерцали бесчисленными стеклами высокие пирамиды, сулившие удивительно красочное будущее.

Она в одиночестве бродила по улицам города, не задумываясь о направлении, без помех наслаждаясь поразительной красотой. Мягкий ветерок приносил острые и пряные ароматы, что предполагало наличие человеческой жизни, но, как бы она ни вглядывалась, нигде не было заметно никаких следов обитателей города.

Это ее ничуть не смутило, и она продолжала прогулку, на каждом шагу обнаруживая все новые чудеса. Целый проспект траморных библиотек и музеев был уставлен золотыми статуями существ с соколиными головами, на другой улице источали сладковатый аромат

ряды финиковых пальм. Серебряные львы высотой в сотни метров разинули пасти в безмолвном реве у входа в пирамиду, столь огромную, что она казалась настоящей горой, а не архитектурным сооружением.

Могучие резные колонны с капителями в виде свитков обрамляли торжественные магистрали, по которым могли торжественным маршем пройти целые армии. В великолепных парках ее поражало смешение природных форм с творениями человеческих рук, настолько тесное, что было невозможно отличить одно от другого.

Повсюду, куда бы она ни посмотрела, линии удивляли своим совершенством и гармонией, которая могла быть достигнута лишь безукоризненным сочетанием таланта и знания. Да, это было совершенство, о котором человечество могло только мечтать.

Это было воплощение счастья, хотя она знала, что оно не может быть реальным, поскольку творение рук человеческих не может быть совершенным.

Во всем есть хоть малейший изъян.

И как любой рай, это место не может существовать долго.

И вот издалека донесся скорбный крик, настолько слабый, что его едва можно было услышать.

К этому крику, принесенному из застывшей темноты безысходного будущего, присоединился еще один, и звуки, отраженные стенами пирамид, раскатились по пустынным улицам трагичным проклятием. Они отозвались в иссохшей, почти атрофировавшейся части ее мозга воспоминаниями о тех первобытных временах, когда человек был просто добычей, прямоходящим гуманоидом, более самоуверенным, чем все остальные млекопитающие.

Звук напомнил о похожих на сабли клыках и когтях охотников, которые были старше человека.

То был звук приговора.

Каллиста Эрида резко села в своей походной кровати. Сердце отчаянно колотилось, кожа покрылась обильной

испариной, а в голове затихали призрачные вопли. Сон о неизвестном городе рассеивался, словно туман, уносивший видения сверкающих башен, серебристых пирамид и величественных проспектов.

Она тяжело вздохнула и поднесла ладонь к голове, где уже нарастала пульсирующая боль. Мучительные толчки становились все сильнее, и тогда Каллиста, прижав ладони к вискам, спустила ноги на пол.

— Нет, — простонала она. — Опять... Только не сейчас.

Поднявшись с кровати, она неуверенно шагнула к стоявшему в изножье ящику. Если удастся добраться до флакона с настойкой кавы раньше, чем в голове взорвется огонь, она сможет избежать мучительной ночи.

Резкий спазм пронзил мозг, и она рухнула на колени, сдавленно вскрикнула и привалилась к кровати. Каллиста зажмурилась от боли, но и перед закрытыми глазами вспыхивали ослепительно-белые огни. Желудок сжался в тугой комок, и она постаралась

сосредоточиться на его содержимом, поскольку стены палатки уже закружились перед глазами. Внутри нее разгоралось кровавое пламя кошмаров.

Она с трудом дышала от спазмов и непроизвольно комкала тонкую простыню скрюченными пальцами. Стиснув зубы, Каллиста все же пыталась доползти до ящика с вещами. Но боль взорвалась в мозгу мощной бомбой, и пламя этого взрыва пронеслось по нейронам и синапсам, опаляя кости черепа изнутри.

Каллиста наконец откинула крышку ящика и стала поспешно выбрасывать на пол одежду и немногочисленные личные вещи. Флакон с кавой был спрятан в вырезанном углублении в книге «Гимн Единству», ужасном образчике низкопробного подхалимства, на который никто не позарился бы.

— Пожалуйста... — стонала она, доставая потрепанную книгу.

Откинув обложку, она достала зеленый пузырек, полный мутноватой эмульсии.

Каллиста резко выпрямилась. Перед

глазами начали появляться мерцающие искры, предупреждавшие о приближении огненного вихря. На дрожащих ногах женщина доковыляла до письменного стола, где среди прочего стоял кувшин с водой.

Но руки свело внезапной судорогой, и флакон выскользнул из пальцев.

— О Трон, нет! — вскрикнула Каллиста.

Пузырек ударился о пыльный пол, но, к счастью, не разбился.

Она нагнулась за лекарством, и в этот момент на нее обрушилась новая волна тошноты и боли. Принимать каву было уже поздно. Оставался только один способ выпустить из себя огонь.

Каллиста рухнула в кресло у письменного стола, дрожащей рукой схватила остро отточенный карандаш и выдернула из папки исписанный лист бумаги. Вся страница была заполнена торопливыми заметками о вчерашней невероятной экспедиции к Горе.

Каллиста резко перевернула лист. Внутренний огонь уже почти ослепил ее,

глаза закатились, и опаляющий жар наполнил каждую молекулу ее существа. В немом вопле приоткрылся рот, и рука заскользила по бумаге судорожными рывками.

Мозг Каллисты Эриды выплескивал потоки слов, но она их не видела и не понимала.

Ее разбудила жара.

Каллиста медленно открыла глаза. Солнце Агхору уже заполнило ее палатку ослепительным желтым светом и гнетущей жарой. Женщина облизнула потрескавшиеся губы. Во рту пересохло, словно она не пила уже несколько дней.

Она уснула прямо за столом, и обломок карандаша все еще был зажат в пальцах, а перед глазами веером лежали исписанные листы бумаги. Каллиста со стоном подняла голову со стола. Яркое солнце слепило глаза, и спросонок она не сразу поняла, где находится.

Память постепенно восстановилась, и женщина смутно припомнила город своей мечты и его ужасный конец. В голове

оставалась тупая боль — как будто психический кровоподтек, от которого оцепенело все тело.

Протянув руку, Каллиста налила воды из кувшина. На вкус она оказалась солоноватой, зато помогла очистить рот от скопившейся загустевшей слюны.

Капли воды пролились на стол, и Каллиста увидела, что все страницы заполнены торопливыми каракулями. Все тело ныло от неудобной позы, но женщина поднялась и попятилась от стола.

Она присела на кровать, не отрывая взгляда от бумаги и карандашей, словно они были не инструментами ее работы, а опасными хищниками. Каллиста протерла глаза, провела рукой по волосам и заправила их за уши, но никак не могла решить, что делать дальше.

За ночь было исписано множество листков, но Каллиста не понимала, хочется ли ей хотя бы взглянуть на результат последнего приступа. В большинстве случаев это были неразборчивые каракули или бессмыслица. Каллиста не имела ни малейшего

представления, что все это означало, и в тех случаях, когда не успевала изгнать огонь наркотической настойкой, она просто рвала страницы на мелкие клочки.

Но только не сейчас.

Каллиста заметила, что угловатый почерк совсем не похож на ее собственный, и утренняя жара тотчас сменилась неожиданным холодком.

На измятых листах снова и снова повторялась одна и та же фраза, написанная тысячи раз.

Осторожными движениями тонкой кисти Камилла сметала пыль веков с погребенного в земле предмета. Его плавно изогнутая поверхность осталась совершенно гладкой, словно предмет и не пролежал в земле тысячи лет. Камилла осторожно отгребла землю. Состояние находки не переставало ее удивлять. На материале бледно-кремового цвета не было никаких следов разрушения, ни единого пятнышка.

Можно подумать, что его закопали только вчера.

Еще несколько бережных взмахов, и появилась округлая выпуклость, напоминавшая встроенный вокс-передатчик. Камилле никогда еще не приходилось видеть подобную конструкцию: предмет казался изготовленным из цельного куска материала. Она продолжала осторожно отгребать землю и радовалась, что обнаружила артефакт явно нечеловеческого происхождения.

Затем Камилла задумалась, вспоминая огромные фигуры в долине; материал, из которого состояла ее находка, был очень похож на корпуса гигантов. Насколько она могла судить, перед ней была часть такого же невероятно огромного сооружения. Дурное предчувствие вызвало неожиданную дрожь, но Камилла, как обычно, работала в перчатках и всегда соблюдала осторожность, не касаясь находок голыми руками.

Она выпрямилась и вытерла рукой пот со лба. Даже в тени, куда не проникали прямые солнечные лучи, было

нестерпимо жарко.

Вскоре открылась большая часть предмета, и Камилла, подняв пиктер, сделала несколько снимков с разных расстояний и позиций. Эту камеру, старую модель «Сераф 9», подарил ей дедушка. Он приобрел аппарат у торговца оптикой на византийском рынке, а тот забрал его у убитого им же старателя в горах Торос, на окраине Анатолийского плато, в свою очередь купившего камеру еще до Объединения у надсмотрщика одного из уральских заводов, где она и была изготовлена сервитором-сборщиком, который прежде был человеком по имени Гектор Афаэц.

Камилла огляделась по сторонам и, задержав дыхание, прислушалась к доносившимся звукам. Ее команда сервиторов-копателей ритмично постукивала лопатами и кирками, со стороны поселения агхору доносился негромкий шум повседневной жизни, да временами поскрипывали соляные кристаллы, переносимые ветром.

Убедившись, что рядом никого нет,

Камилла стянула перчатку с одной руки, открыв ладонь цвета слоновой кости, составлявшую резкий контраст с загорелым запястьем. И кожа на ладони была гладкой и нежной, чего никак нельзя было ожидать от человека, который целыми днями копается в земле.

Она медленно опустила руку на не до конца отрытый предмет и вздохнула от удовольствия. Вскоре приятное оцепенение распространилось по всей руке и достигло груди. Камилла, прикрыв глаза, отдалась во власть новых ощущений.

Она нащупала нить истории, связывающую все вещи с теми, кто к ним прикасался. Мир вокруг потемнел, но предмет как будто светился внутренним сиянием.

Это был боевой шлем, великолепный артефакт изящной формы, судя по несколько непривычным пропорциям, изготовленный чужаками. Он был стар, очень стар; настолько стар, что она с трудом могла представить себе такую отдаленность во времени.

Прикосновение оживило воспоминания

давно умершего владельца шлема, и из темноты появился силуэт. Из-под дрогнувших век Камилла видела женщину – танцовщицу, судя по плавности ее движений. Она скользила в сумраке от одного грациозного прыжка к другому, словно капля жидкости, а потом резко выбрасывала вперед руки, и Камилла узнала в этих движениях смертельные боевые выпады. Эта женщина была не просто танцовщицей, она была воином.

Затем ей явилось имя, возможно, оно принадлежало этой женщине: Эленария.

Плавные движения женского тела, извивавшегося в темноте, словно струйка дыма на ветру, совсем заворожили Камиллу. Танцовщица оставляла за собой отражения, словно за ней по пятам двигалась ее призрачная сестра. Чем дольше смотрела Камилла, тем больше появлялось остаточных образов, и вскоре перед ней уже кружились тысячи женщин, исполнявших один и тот же танец, но разделенных незначительными временными промежутками.

Танцовщицы продолжали скользить в

воздухе, а сердце Камиллы переполняла мучительная печаль. Каждый пируэт и каждый переворот выражал скорбь и сожаление, отравлявшее их сердца. Мощный поток пробужденных эмоций хлынул в нее из откопанного артефакта, и Камилла вскрикнула от непередаваемого наслаждения, которое могло сравниться лишь с безграничными мучениями.

В руках танцовщицы появились два сверкающих меча, и Камилла не сомневалась, что эти призрачные лезвия не только прекрасны, но и опасны. Женщина-тень с криком невероятной ярости взвилась в воздух, клинки в ее руках раскалились докрасна и устремились в сторону Камиллы.

Она отдернула руку от артефакта и тотчас вскрикнула от боли разрыва. От испытанных эмоций, переданных артефактом, Камилла побледнела и дрожала всем телом. Дыхание вырывалось из груди короткими частыми толчками, а на свою находку она смотрела теперь не только с восторгом, но и с ужасом.

Камилла заметила, что кожа у нее

покрылась мурашками, а дыхание срывается с губ белыми облачками пара. Нелепость подобного явления в разгар жаркого дня вызвала у нее смех, но он прозвучал тревожно и неубедительно.

— И что же это? — раздался рядом мужской голос, от которого она испуганно подпрыгнула.

— Великий Трон, Лемюэль! Не смей так ко мне подкрадываться!

— Подкрадываться?! — воскликнул он, заглянув в раскоп. — Дорогая моя, поверь, человек моей комплекции на такое просто не способен.

Камилла заставила себя улыбнуться, хотя не смогла избавиться от воспоминаний о ярости и печали танцовщицы.

— Извини, ты меня напугал.

— Я не хотел.

— Все в порядке, — сказала Камилла, постепенно успокаиваясь. — В конце концов, мне тоже нужен перерыв. Не поможешь мне выбраться?

Лемюэль нагнулся, протянул руку, и женщина ухватилась за его мясистое

предплечье, а он обвил пальцами ее тонкое запястье.

— Готова?

— Готова, — ответила она.

Лемюэль потянул, а Камилла, перебирая ногами, поднялась по стенке и выбралась на поверхность.

— Впечатляет, правда? — спросила Камилла, отползая от края раскопа и поднимаясь на ноги.

— Как будто станцевала, — сказал Лемюэль, заставив Камиллу вздрогнуть. — Итак, что же это такое? — спросил он, указав на полускрытую землей находку.

Камилла опустила взгляд на боевой шлем и услышала эхо яростного вопля женщины.

— Не имею понятия, — пожала она плечами.

На окраине поселения агхору по распоряжению Камиллы сервиторы выкопали яму размерами сто на шестьдесят пять метров. И при первой же выемке грунта обнаружилось многообещающее количество находок,

происхождение которых нельзя было приписать ни Агхору, ни Империуму. Но сейчас половина сервиторов нестройными рядами стояла под обширным тентом, установленным на краю раскопа.

Мысль о том, что сервиторам необходимо устраивать перерывы в работе, не посещала Камиллу до того самого момента, пока адепт Спулер не поставил ее в известность, что из-за угрозы теплового удара вынужден отстранить от работы шесть землекопов. Сервиторы не чувствовали ни усталости, ни голода, ни жажды, а потому продолжали работать до полного истощения.

Тем не менее в первый же день они достигли результатов, о которых Камилла могла только мечтать. Раскопки были организованы к востоку от поселения агхору, носящего название Акалтепек и расположенного в трехстах километрах севернее Горы. В отличие от унылых солончаков, местность здесь отличалась роскошной растительностью. Название деревни в переводе с местного

наречия означало «водяной дом», и Камилла пришла к заключению, что этот термин относился к каноэ, на которых обитатели подземной деревни ловили рыбу в расположенном рядом озере.

Агхору строили свои жилища под землей, что позволяло укрыться от палящих лучей солнца и сохранять более или менее постоянную температуру, создавая на удивление комфортные условия для жизни. Камилла не раз посещала жителей Акалтепека, находя их спокойными и вежливыми, а языковой барьер преодолевался при помощи минимального набора жестов, выражающих уважение и доброжелательность.

Сервиторы Камиллы раскопали давно заброшенные поселения агхору. Лучшее объяснение этому обстоятельству, полученное при помощи лексикографа, звучало как «плохие сны». Адепт Спулер не придавал значения такому толкованию, считая его примитивным суеверием или ошибкой перевода, но Камилла, после того как прикоснулась к найденному шлему, не

могла с этим согласиться.

Ей нравилось пребывание в этом мире, и Камилла наслаждалась неспешным и расслабленным темпом жизни, а также тем, что здесь на нее не давило наследие прошлого. Она сознавала, что агхору живется нелегко, но для нее самой экспедиция стала желанной передышкой от беспокойной суеты летописца Двадцать восьмой экспедиции.

Мужчины племени, не снимая масок, отмахивались от жужжащих насекомых, лежа в тени высоких деревьев, увешанных яркими пурпурными плодами, а женщины трудились на берегу озера, изготавливая длинные копья для охоты на рыбу. Даже дети здесь никогда не снимали масок, и это поначалу вызывало у Камиллы замешательство, но постепенно она привыкла к этому, как и ко многим другим реалиям местной жизни.

Дикорастущие травы и поля созревающего под солнцем урожая колыхались от дуновений легкого бриза, и Камилла ощутила покой, какого не знала уже много лет. Этот мир обладал своей

историей, но она была погребена очень глубоко, намного глубже, чем в любом другом мире, где приходилось бывать летописцу. Ей нравилось наслаждаться тем, что было перед глазами, а не испытывать постоянное давление истории.

Рядом с длинным полотнищем брезента, на котором были разложены сегодняшние находки, опустился на колени Летюэль. Его внимание привлек обломок, похожий на часть полированного керамического диска.

— Очередная выставка сокровищ, — сухо произнес Летюэль. — Теперь я понимаю, почему меня сюда тянет.

Камилла улыбнулась:

— Да, это действительно сокровище. И его происхождение не имеет отношения к человечеству, я в этом уверена.

— Вот как? — удивился Летюэль, постукивая костяшками пальцев по плоскому краю диска. — Это очень интересно. Кто же тогда создал все это?

— Я не знаю, но, кто бы они ни были, эти существа вымерли десятки тысяч

лет назад.

— Что ты говоришь? А выглядит так, словно этот предмет был изготовлен только вчера.

— Да, материал, из которого он сделан, похоже, не подвержен старению.

— А как же ты узнала о его возрасте? — спросил Лемюэль, глядя ей прямо в глаза.

Он знает? Но откуда?

Камилла помялась:

— По глубине залегания находок и, вероятно, благодаря накопленному опыту. Я провела много времени, копаясь в руинах Терры, и неплохо научилась определять возраст находок.

— Пожалуй, — протянул Лемюэль. Он повертел в руках обломок диска и внимательно присмотрелся к месту разлома. — Как ты думаешь, из чего он сделан? Он гладкий, словно фарфор, однако внутренняя структура напоминает органические соединения вроде кристалла.

— Дай-ка я взгляну, — попросила Камилла.

Лемюэль протянул ей осколок диска, и в этот момент его пальцы скользнули

по руке Камиллы выше края перчатки. Она почувствовала, как между ними проскочила невидимая искра, а перед глазами возникла белостенная вилла, окруженная фруктовым садом, у подножия горы с плоской широкой вершиной. С террасы на крыше махала рукой женщина с эбонитово-черной кожей и очень грустным лицом.

— Ты в порядке? — спросил Летюэль, и видение мгновенно рассеялось.

Камилла тряхнула головой, прогоняя мягостное впечатление.

— Все прекрасно, это просто жара, — сказала она. — Не похоже, чтобы этот предмет подвергался обработке, верно?

— Да, — согласился Летюэль. Он поднялся на ноги и отряхнул пыль с рубахи. — Посмотри на эти пронизывающие структуру линии. Это линии роста. Предмет не был отштампован на станке или отлит в форме. Этот материал, чем бы он ни оказался, рос и в процессе роста формировался. Это напомнило мне работу одного человека, которого я знал в Сангхе, еще на Терре. Его звали Бабечи. Это был

очень тихий и незаметный человек, но из всего, что росло, он мог сотворить настоящее чудо. А в тех местах, откуда я родом, это большая редкость. Он называл себя арбоскульптором[28] и мог придать самую причудливую форму любым кустам и деревьям.

Летюэль улыбнулся, погружаясь в воспоминания:

— При помощи секатора, деревянных досок, проволоки и веревок Бабечи превращал выбранный саженец в стул, скульптуру или арку. Во все, что бы ни пришло ему в голову. Мой парк из алычи, мирта и тополей со временем превратился в подобие благотворительной столовой Нартана Дьюма из Фан-Каоса.

Камилла взглянула на Летюэля, решив, что он шутит, но тот говорил вполне серьезно.

— Звучит экстравагантно, — заметила она.

— Да, так оно и было, — засмеялся Летюэль. — Моя жена здорово рассердилась, когда узнала, сколько это

стоит, но мне все равно понравилось.

Камилла заметила тень, пробежавшую по лицу Летюэля при упоминании о жене, и решила, что это, вероятно, и была та темнокожая женщина из ее видения. Но интуиция, не имевшая никакого отношения к ее дару, удержала от расспросов.

— Я думаю, что это тот же самый материал, из которого состояли гиганты, — сказала она. — Как ты их назвал? Сирботиды?

— Да, сирботиды, — кивнул он. — Гиганты среди людей, как и наш благородный повелитель.

Камилла улыбнулась, вспомнив о первой встрече с Магнусом Красным, когда он вышел из пещеры в Горе. Какие видения предстали бы перед ней, если бы она дотронулась до Алого Короля? Эта мысль одновременно ужаснула и взволновала ее.

— Он великолепен, не правда ли?

— Да, внушительная личность, — согласился Летюэль. — Мне кажется, ты права насчет диска. Он выглядит точно так же, но трудно себе представить,

чтобы выросло такое огромное создание, как те гиганты.

— Согласна. Как ты считаешь, агхору разрешат мне изучить гигантов?

— Не знаю. Может быть. Надо спросить их.

— Наверное, я так и сделаю, — решила Камилла. — Я уверена, они представляют собой нечто большее, чем кажется с первого взгляда.

Камилла оглянулась на поселение агхору и увидела, что к раскопкам движется персональный спидер, раскрашенный в красный и кремовый цвета Легиона Тысячи Сынов. Широкий дискообразный аппарат скользил над самой землей, оставляя после себя шлейф ионизированной пыли. На спидере, словно на античной колеснице, стоял одинокий Астартес.

— Твой приятель? — спросил Летюэль.

— Верно, — ответила Камилла, когда огромный диск опустился на землю рядом с ней и Летюэлем.

Управлявший спидером воин снял

шлем; об этом заботились лишь немногие Астартес, частенько забывая, что простым смертным трудно отличить их одного от другого, когда головы закрыты броней.

Волосы этого воина частично поседели, так что в его длинных косах светлые пряди перемешивались с рыжими, а лицо было испещрено глубокими морщинами, словно научный склад ума каким-то образом повлиял на нестареющий организм Астартес. При первой встрече Камилла отметила бледный цвет его кожи, но сейчас, как и у его собратьев, лицо воина покрылось темно-коричневым загаром.

После путешествия по поверхности планеты его доспехи покрылись слоем пыли, и миниатюрный ворон в центре символической звезды был почти незаметен.

— Добрый день, госпожа Шивани, — произнес Астартес слегка охрипшим и грубоватым голосом. — Как идут раскопки?

— Очень хорошо, лорд Анен, —

ответила Камилла. — У нас много новых находок и столько же необоснованных теорий об их происхождении. Кроме того, я обнаружила кое-какие заметки, которые могут помочь в расшифровке надписей на мертвых камнях.

— Мне не терпится их изучить, — с искренним энтузиазмом сказал воин.

Ограниченный контингент летописцев, прикрепленных к Двадцать восьмой экспедиции, мог бы пожаловаться на невнимательное отношение легионеров Магнуса, но Анкху Анен был редким исключением. Он добровольно сопровождал Камиллу к дальним и ближним местам раскопок вокруг Горы и, казалось, разделял ее страсть к истории и урокам, которые можно было из нее извлечь.

Взгляд Анена переместился на Летюэля, и Камилла поспешила представить своего приятеля:

— Это мой друг, Летюэль Гамон, он помогает мне, подбрасывая самые невероятные теории. Летюэль, это Анкху Анен.

— Страж Великой библиотеки, —

добавил Летюэль, протягивая руку. — Для меня большая честь познакомиться с тобой, я много о тебе слышал.

Анен медленно поднял руку, и ладонь Летюэля полностью скрылась под латной рукавицей Астартес. Камилла вдруг почувствовала покалывание на коже. Между Летюэлем и Аненом возникло колоссальное напряжение, — казалось, воздух вот-вот начнет потрескивать от избыточного электричества.

— В самом деле? — произнес Анен. — Я тоже о тебе слышал.

— Правда? — Летюэль искренне удивился. — Я не думал, что воины Тысячи Сынов обращают внимание на нас, бедных летописцев.

— Только на тех, кто представляет для нас интерес, — заявил Анен.

— Я польщен, — улыбнулся Летюэль. — Тогда, возможно, ты читал мои произведения?

— Нет, — ответил Анен с таким видом, словно это было бы абсолютно бесполезным занятием. — Не читал.

— О... — разочарованно вздохнул

Лемюэль. — Я мог бы предложить кое-какие свои вещи, чтобы ты прочел их на досуге. Я не претендую на непогрешимое предвидение, но некоторые места, особенно относящиеся к развитию общества после приведения к Согласию мира Двадцать восемь — Пятнадцать, могли бы показаться интересными.

— Возможно, — сказал Анен. — Но я прибыл не ради поисков нового чтения, я привез тебе приглашение.

— Приглашение? От кого? — спросил Лемюэль.

— От лорда Аримана, — улыбнулся Анкху Анен.

Глава 5
ПОСЛУШНИК
ИСТОРИЯ СОТВОРЕНИЯ МИРА
ВОСПОМИНАНИЯ О ТЕРРЕ

Шатер служил Ариману островком спокойствия. Это просторное и хорошо проветриваемое помещение предоставляло надежное убежище от жары Агхору. Рядом с походной кроватью стоял книжный шкаф из орехового дерева, и книги на его полках были старыми друзьями Аримана — изрядно потрепанные и много раз прочитанные, хотя он знал их наизусть до последнего слова.

Ветхая копия «Литературных жанров Аккадии» соседствовала с переведенным «Манускриптом Войнича»[29] и «Кодексом Серафини».[30] «Собрание философов»[31] — рядом с пятью из семи таинственных «Книг Хсана»[32] и «Ключами Соломона»[33] вместе с другими

разрозненными томами, которые не привлекали нежелательного внимания. Но если бы кто-то отыскал и открыл потайные отделения шкафа, он мог бы обнаружить произведения более провокационного содержания.

С сандаловых стропил свисали кадила, а в центре шатра зеленым огнем горела жаровня. Ариман вдохнул пьянящий аромат благовоний, поддаваясь их успокаивающему воздействию, чтобы перейти к нижним уровням Исчислений. Устремив взгляд на огонь, он направил мысленный взгляд вдоль течений эфира.

Будущее расплывалось, его затягивала густая пелена, сквозь которую невозможно было разглядеть ничего определенного. Еще пару десятков лет назад сквозь туман Эмпирея просвечивали изломанные линии времени, и Ариман мог определить грядущие события так же ясно, как обычный человек, решивший шагнуть в пропасть, мог представить себе последствия этого шага.

Сейчас потоки Великого Океана оставались для него непостижимыми, как

была непостижима для мореплавателей древности обратная сторона земного шара. Ариман ощутил, как разрушается концентрация внимания и раздражение от неспособности увидеть будущее грозит уничтожить его самообладание. Сосредоточенность, этот ключ, открывающий многие двери, была основой основ для каждого из Тысячи Сынов и способом постижения великих тайн.

Досадуя на самого себя, Ариман тряхнул головой, открыл глаза и поднялся на ноги. Для предстоящей встречи он отказался от доспехов и остался в темно-красном одеянии с широким кожаным поясом, с которого свисала связка бронзовых ключей.

У входа в шатер в боевых доспехах стоял Собек, и Ариман без труда ощутил его недовольство.

— Говори, — приказал он. — Твоя аура тянется ко мне. Говори, и покончим с этим.

— Могу я быть откровенным, мой лорд?

— Я только что сказал тебе именно

это, — резко ответил Ариман, но быстро заставил себя успокоиться. — Ты мой Практик, и, если мы не будем чистосердечны друг с другом, ты никогда не достигнешь ранга Философа.

— Мне больно видеть, что ты наказан, — сказал Собек. — Задача обучать смертного великим таинствам недостойна такого, как ты.

— Наказан? — переспросил Ариман. — Так вот как ты это воспринимаешь!

— А как же еще это можно понять?

— Примарх доверил мне ответственное задание, и это только первая его фаза, — пояснил Ариман. — Лемюэль Гамон — смертный, и он обладает небольшой силой и еще меньшими знаниями.

Собек пренебрежительно фыркнул:

— Для Двадцать восьмой экспедиции в этом нет ничего необычного.

— Верно, — усмехнулся Ариман. — Но он подобен ребенку, который делает первые шаги, не ведая, что идет вслепую по краю бездны. И я помогу ему преодолеть эту слепоту.

— Но почему?

— Потому что знания могут представлять опасность, если не соблюдать правила. И наш повелитель желает, чтобы я просветил этого смертного, — сказал Ариман. — Или ты сомневаешься в воле Алого Короля?

За десятилетия войны многие сыны Императора заслужили почетные прозвища, как, например, Хорус Луперкаль, примарх Легиона Лунных Волков и любимый сын Императора. Воины Фулгрима звали своего предводителя Фениксийцем, а Первым Легионом командовал Лев. Из всех братьев только Магнуса презрительно называли то Колдуном, то Чародеем...

Но как-то раз Ариман узнал, что летописцы прозвали Магнуса Алым Королем, и не стал возражать.

Собек низко поклонился:

— Ни в коей мере, мой лорд. Лорд Магнус — основатель нашего Легиона, и я ни за что не позволю себе усомниться в его словах.

Ариман кивнул. За полотнищем

шатра он уже уловил присутствие Летюэля Гамона. Среди блистающих огней своих товарищей по Легиону он увидел его ауру — расплывчатую и ненаправленную. Его ореол напоминал осветительные шары — довольно яркие и причиняющие неудобство глазам.

— Снаружи уже ждет Гамон, — сказал Ариман. — Пригласи его в шатер, Собек.

Собек кивнул и, выйдя из шатра, через мгновение вернулся вместе с человеком плотного телосложения, одетым в темно-красный балахон с широкими рукавами и гербом одного из конклавов Нордафрики, вышитым на левой стороне груди. Насколько он помнил, этот герб был символом Сангхи. Ариман отметил, что темный оттенок кожи Летюэля был вызван вовсе не пребыванием под солнцем Агхору, а запах пота пробивается даже через масло мегалейона.[34]

— Добро пожаловать, — произнес Ариман, стараясь придать своему голосу наиболее естественное и плавное звучание. Он указал на коврик рядом с жаровней. —

Садись, пожалуйста.

Лемюэль, крепко прижимая к груди потертый блокнот, опустился на коврик, а Собек вышел, оставив их наедине.

Ариман уселся рядом с гостем:

— Меня зовут Азек Ариман, и я главный библиарий Тысячи Сынов.

Лемюэль энергично кивнул.

— Мне известно, кто ты, мой лорд, — сказал он. — И я польщен твоим приглашением.

— Тебе известно, почему я тебя вызвал?

— Признаю, это для меня тайна.

— Я пригласил тебя потому, что ты обладаешь силой, Лемюэль Гамон, — сообщил Ариман. — Ты можешь разглядеть потоки эфира, текущие в этот мир из Великого Океана. Возможно, эти термины тебе не знакомы, но ты понял, о чем я говорю.

Лемюэль, застигнутый врасплох, страшно смутился.

— Мне кажется, ты ошибаешься, мой лорд, — взволнованно произнес он.

Ариман едва не рассмеялся, заметив в

его ауре цвета паники.

— Я всего лишь скромный летописец, мой лорд, — умоляющим тоном добавил Летюэль, подняв свой блокнот.

— Нет, — возразил Ариман. Он наклонился вперед и добавил в свою ауру немного огня. — Ты не тот, за кого себя выдаешь, ты источник магии, ты колдун!

Это был довольно простой прием, рассчитанный на то, чтобы запугать слабый ум. Эффект не заставил себя ждать. От Летюэля покатились волны страха и вины. Ариман, желая отгородиться от потоков ужаса, поднялся на другой уровень Исчислений.

— Пожалуйста... Я никому не причинял вреда, — взмолился Летюэль. — Я не колдун, я просто читаю старинные книги. Я не знаю никаких заклинаний, ничего подобного!

— Расслабься, Летюэль, — усмехнулся Ариман. — Я тебя просто дразнил. Я не такой глупец, чтобы охотиться на колдунов, и позвал тебя вовсе не для того, чтобы обвинять. Я намерен освободить тебя.

— Освободить? — едва отдышавшись, переспросил Летюэль. — От чего?

— От твоей слепоты и ограниченности, — ответил Ариман. — У тебя есть сила, но ты не знаешь, как с ней обращаться. Я могу показать тебе, как пользоваться тем, что ты уже имеешь, и как с помощью твоей силы увидеть то, чего ты и представить себе не можешь.

Ариман заметил подозрительность в ауре Летюэля и прикосновением своей силы постарался ее уменьшить, как успокаивают животных ласковыми жестами и словами. У этого человека не было никаких барьеров, его психика была совершенно незащищенной от течений Великого Океана. За одно мгновение контакта Ариман узнал все секреты Летюэля. В его сердце он обнаружил источник печали, сходный с собственным чувством утраты, и смягчился.

Сила не могла исцелить его от этого горя, и со временем Летюэль Гамон сам в этом убедится. Но это неприятное открытие может подождать, пока не стоит лишать его надежды.

— Ты очень уязвим и даже сам этого не сознаешь, — негромко сказал Ариман.

— Мой лорд?

— Скажи, что тебе известно о Великом Океане.

— Мне не знаком этот термин.

— О варпе, — подсказал Ариман. — Об Эмпирее.

— А, это... Не слишком много, — признался Летюэль. Он набрал в грудь воздуха и, словно студент, опасающийся ошибиться, продолжил: — Это какое-то высшее измерение, царство эмоций, в котором космические корабли могут перемещаться быстрее, чем обычно. И благодаря ему происходит общение астротелепатов. Вот, пожалуй, и все.

— Все это верно, но Великий Океан предоставляет гораздо больше возможностей, Летюэль. Это обитель Изначального Творца и источник энергии, которая движет все и вся. Это отражение нашей Вселенной, и мы сами суть его отражение. Все, что существует в одном мире, затрагивает и мир иной. И как всякий земной океан, он не лишен

хищников. Твой разум, хотя и весьма неотточенный, ярким маяком притягивает к себе тех, кто рыщет в глубинах Великого Океана. Если бы я позволил тебе бесконтрольно применить твою силу, ты уже погиб бы.

Лемюэль судорожно сглотнул и положил на пол свой блокнот.

— Я представления не имел... — пробормотал он. — То есть я думал... Нет, я не знаю, что я думал. Я просто понял, что могу обращаться к участкам мозга, недоступным большинству смертных. Я видел свечение вокруг людей, их ауры, и научился их читать, понимать, что испытывают эти люди. Это верно?

— Совершенно верно. Это свечение, как ты его назвал, является эфирным отражением человеческих эмоций, их здоровья и силы. Аура — это тень любой живущей личности, отражение ее психики, ее отпечаток в течениях Великого Океана.

Лемюэль покачал головой и криво усмехнулся.

— Это нелегко понять, мой лорд, —

сказал он.

— Я понимаю, — кивнул Ариман. — Я и не жду, чтобы ты все осознал прямо сейчас. Ты станешь моим Послушником, и с завтрашнего дня мы приступим к занятиям.

— У меня есть выбор?

— Нет, если тебе дорога жизнь.

— Значит, завтра, — сказал Летюэль. — Как удачно, что я попал в Двадцать восьмую экспедицию, правда?

— Если я что-то и узнал наверняка за все долгие годы обучения, так это то, что в шахматной партии со Вселенной нет такого фактора, как удача. Твое присутствие здесь не случайно. Наше сотрудничество было предопределено. Я это видел, — сказал Ариман.

— Ты видел будущее?! — воскликнул Летюэль. — Ты знал, что я сюда попаду, и знал, что все это произойдет?

— Много лет назад я видел тебя на улицах Просперо в одеянии неофита.

— На Просперо! — Аура Летюэля вспыхнула от возбуждения. — А неофит — это одна из ступеней вашей иерархии, не

так ли?

— Так, — подтвердил Ариман. — Правда, одна из самых низших ступеней.

— И ты это видел? Это должно произойти? Невероятно!

Ариман улыбнулся. Такая демонстрация силы всегда производила на смертных потрясающее впечатление, хотя зачастую оно сопровождалось испугом.

— Несколько лет назад я мог странствовать по Великому Океану, и моему взгляду открывались миры будущего, — пояснил Ариман. — Это не слишком сложный прием, ему могут обучиться даже смертные. Но прочесть потоки информации и отделить истину в хаосе видений под силу только самым опытным и одаренным провидцам.

— А я смогу этому научиться?

— Нет, — ответил Ариман. — Это невозможно без десятилетий обучения у Корвидов. Чтение многомерных структур Великого Океана и кристаллизация истины требуют двух мыслительных приемов. Во-первых, быстрого, точного и

эффективного перемещения мысли от одного образа к другому — так, чтобы все мысли объединялись в одну; во-вторых, полной остановки процесса, когда одна из идей обращается в ничто. Я способен на это, поскольку обладаю эйдетической памятью, созданной величайшими технологиями забытых веков. У тебя этого нет.

— А что же я смогу сделать?

— Для начала ты должен научиться защищать свое сознание от опасности, — сказал Ариман, поднимаясь на ноги. — Когда ты этого достигнешь, тогда мы и посмотрим, на что ты способен.

Могучие и величественные титаны чужаков возвышались над Калофисом, но не слишком впечатляли его. Да, они были выше, чем «Канис Вертекс», но безжалостной жестокости, как в облике «Владыки войны», охранявшем вход в храм братства Пирридов, в них не было. Калофис отступил назад и, запрокинув голову, осмотрел их продолговатые верхние секции.

Фозис Т'Кар рассказал Калофису об этих гигантах, и ему захотелось лично взглянуть на них и оценить угрозу.

Он отвернулся от гигантских сооружений к своим воинам. Двенадцать Астартес Шестого братства стояли вокруг темного алтаря, от которого веяло мрачными ритуалами и жертвоприношениями. Во время Рехахти Калофис слышал, как примарх называл Гору местом поминовения умерших и приказывал проявлять уважение к чувствам агхору, но это ничуть не уменьшило испытываемого Калофисом недоверия к местному населению.

Их вождь с закрытым маской лицом стоял неподалеку в компании десятка своих соплеменников, и все они тоже были в зеркальных масках. Их присутствие составляло обязательное условие посещения долины Астартес. Это попахивало какими-то тайными уловками. С чего бы агхору возражать против посещения долины воинами Легиона?

— Что же вы пытаетесь скрыть? — прошептал Калофис, обращаясь к самому

себе.

Заметив взгляд агхору, он махнул рукой в сторону гигантских сооружений:

— Вам известно, что это такое?

— Это стражи Горы, — ответил вождь.

— Может, когда-то они и были ими, но теперь это весьма дорогостоящие статуи.

— Это стражи, — повторил вождь в маске.

— Это титаны, — неспешно заговорил Калофис. — Гигантские боевые машины. В прошлые века они могли сровнять с землей целые города и уничтожить армию врагов, но сейчас они мертвы.

— Наши легенды гласят, что они снова будут ходить, когда дайестай разобьют оковы своей вечной тюрьмы.

— Не знаю, что все это означает, но они больше никогда не будут ходить, — заявил Калофис. — Это всего лишь машины. Мертвые машины. — Он показал рукой на верхнюю часть одного из гигантов. — Если бы это был Имперский титан, то вон там сидел бы принцепс. Но,

поскольку сооружение построено чужаками, кто знает, что там внутри? Может, гигантский мозг в запаянном сосуде или целый отряд роботов. Все что угодно.

— Кто такой принцепс? — спросил вождь. — Это бог?

Калофис оглушительно расхохотался:

— Да, можно назвать и так. Термин не совсем верный, но он точно передает общий смысл. Для смертных любой Астартес — бог, а титан... Ну, титан — это бог войны. Когда в бой вступают машины Механикум, их остерегаются даже Легионы.

— Эти гиганты никогда не двигались, — поведал вождь агхору. — По крайней мере, никто этого не помнит. Мы надеемся, что они и впредь останутся неподвижными.

— Ты ведь Ятири, верно? — спросил Калофис, слегка наклонившись.

— Да, брат Калофис, это мое имя.

— Я тебе не брат, — прошипел Калофис.

Даже отрезанный от сил эфира, лишенный возможности прибегнуть к

помощи Хранителя, Калофис чувствовал сильное возбуждение, но не от потоков Великого Океана, обычно придававших ему силы, а от простого сознания своего превосходства.

— Все мы братья, — спокойно сказал Ятири, словно не замечая его враждебности. — Разве не этому учит ваш великий лидер? Он говорит, что все мы произошли от одной расы и были разобщены колоссальной катастрофой, а теперь снова воссоединились под зорким взглядом Небесного Императора.

— Да, все это верно, — признал Калофис, — но не все хотят воссоединиться. Кое-кто оказывает нам сопротивление.

— Мы не сражались против вас, — напомнил Ятири. — Мы встретили вас с радостью.

— Это вы так говорите, — недоверчиво пробурчал Калофис.

Прислонившись к алтарю, он разглядывал смертных сквозь зеленоватые линзы боевого шлема. Несмотря на то что этот мир был объявлен приведенным к

Согласию, Калофис оставался в полной боевой готовности. На табло его шлема фаларики агхору были белыми, сами воины — красными, но индикатор угрозы держался почти на нулевой отметке.

— Такова наша общая история, — сказал Ятири. — С того момента, когда ваш предводитель ступил на наши земли, мы стали ее частью.

— Это все сказки летописцев, — огрызнулся Калофис. — А я не доверяю людям, которые постоянно носят маски, особенно зеркальные маски. Я хочу знать, что за ними скрывается.

— Ты тоже носишь маску, — заметил Ятири, подходя вслед за Калофисом ко входу в пещеру.

— Это шлем.

— Он производит то же самое впечатление — скрывает твое лицо.

— Зачем вы их носите? — спросил Калофис, приближаясь к гигантским стражам Горы.

— А ты зачем носишь шлем? — не оборачиваясь, парировал Ятири.

— Ради безопасности. Это

бронированный шлем, и он не раз защищал меня от смертельной угрозы.

— Я тоже ношу маску ради защиты, — сказал Ятири, останавливаясь у подножия стоящего с левого края гиганта.

— От чего тебе защищаться? Ваши племена не воюют друг с другом, и в этом мире нет даже крупных хищников. В чем смысл такой защиты? — спросил Калофис.

Ятири развернулся и опустил руку на гладкую поверхность огромной ноги. На таком близком расстоянии от грандиозного масштаба сооружений захватывало дух. Калофису припомнились почерневшие руины Каменки-Ультизарны и противостояние Магнуса и колосса зеленокожих. Да, такую битву трудно забыть. Близкое соседство боевой машины чужаков помогло ему в полной мере оценить могущество примарха.

— В наших легендах говорится о тех временах, когда этим миром владела раса древних существ, называвших себя элохим,[35] — начал рассказ Ятири, присев на корточки рядом с гигантской ногой. —

Они были настолько прекрасны, что влюбились в собственную красоту. — Ятири перевел взгляд на темный провал пещеры. — Элохим обнаружили мощный источник силы, воспользовались им и стали странствовать среди звезд, словно боги. Они по своему желанию изменяли облик миров и создавали собственную империю. Они потворствовали всем своим прихотям, ни в чем себя не ограничивали и жили вечно, исполняя только свои желания.

— Похоже, они неплохо устроились, — заметил Калофис, бросая настороженный взгляд в темноту.

— Некоторое время так оно и было, — согласился Ятири. — Но подобное высокомерие никогда не остается безнаказанным. Элохим злоупотребляли своей силой, они отравили источник своей развращенностью, и сила обратилась против них. В течение одной кровавой ночи вся их раса была уничтожена. Их миры пали, и океан поглотил земли. Но это было не самое худшее.

— Вот как? И так уже достаточно плохо, — съязвил Калофис, которому уже

наскучил рассказ Ятири.

Легенды о возникновении и уничтожении миров присутствовали в большинстве культур, и, как правило, это были нравоучительные наставления для подрастающих поколений. И эта история мало чем отличалась от сотен других, прочитанных капитаном в библиотеке Просперо.

— Большая часть элохим погибла, но среди тех немногих, кому удалось уцелеть, были такие, которых сила, некогда им служившая, изуродовала. Вот они и превратились в дайестай — расу существ настолько же свирепых, насколько прежде они были красивыми. Элохим сразились с дайестай и в конце концов загнали их в темницу под миром. У них не хватило сил полностью уничтожить врагов, но остатками своего могущества они возвели Гору, закрыв таким образом темницу, а затем поставили у входа гигантских стражей. Дайестай так и остались под землей, но их жажда убийства неутолима, и потому каждый год мы приносим сюда своих мертвецов, чтобы дайестай

продолжали дремать.

— Интересная сказка, — признал Калофис. — Но она не объясняет вашего обычая ходить в масках.

— Мы унаследовали мир элохим, и их падение служит нам предостережением против высокомерия и самовлюбленности. Маски — это лишь способ избежать их судьбы.

Калофис на мгновение задумался.

— Вы снимаете их хотя бы иногда? — спросил он.

— Только во время купания.

— А во время совокупления?

Ятири покачал головой:

— Об этом не принято говорить, но ты не агхору, и я отвечу. Нет, не снимаем, поскольку радости плоти были одним из тяжелейших грехов элохим.

— Вот почему вас так мало в этом мире, — сказал Калофис.

Больше всего ему сейчас хотелось вернуться в лагерь и восстановить контакт с Сиодой. Теперь, когда братство Нирридов достигло зенита своей мощи, его Хранитель превратился в крылатое

существо из мерцающего пламени. Объединение с Сиодой позволяло Калофису и его Шестому братству сжигать дотла целые армии, не сделав ни единого выстрела из многочисленных орудий.

При этой мысли его гнев разгорелся еще сильнее. Было бы неплохо выплеснуть определенную часть ярости, вместо того чтобы постоянно подавлять ее. Этот мир ничего не значил для Тысячи Сынов, и Калофиса раздражала необходимость болтаться здесь, когда в других мирах идут сражения. Король Волков требовал их участия в битве, а они зря тратят время на забытой всеми планете, где нет ничего ценного.

Подняв руку, Калофис прикоснулся к гладкой поверхности ноги титана. Этот материал почти наверняка очень хрупок, и ему не терпелось его разбить. Калофис сжал кулаки и встал в боевую стойку.

— Что ты делаешь?! — вскричал Ятири, мгновенно вскочив на ноги.

Калофис не стал отвечать. В его руках нарастала сила, способная пробить сталь и смять броню машины. Он

мысленно наметил точки, куда будут нанесены удары.

— Брат Калофис, прошу тебя! — молил Ятири и старался встать между Астартес и гигантской ногой. — Пожалуйста, прекрати!

Калофис уже сосредоточился на своих сжатых кулаках, но ударов не последовало. Его сознание добралось до восьмой сферы Исчислений, но он заставил себя спуститься на ступень ниже, чтобы уменьшить агрессию и перейти к более созерцательному состоянию.

— Ты только напрасно потратишь силы! — крикнул Ятири. — Стражи неуязвимы!

Калофис опустил руки и на шаг отступил от несостоявшейся цели своего гнева.

— Ты так считаешь? — спросил он. — А это что такое?

От самой земли, словно трещины в камне, по ноге поднимались тонкие черные линии, похожие на вены, наполненные отравленной кровью.

— Дайестай! — прошипел Ятири.

В своей сверкающей пирамиде Магнус опустился коленями на золотой диск, закрыл единственный глаз и высвободил световое тело из оков плоти. Для такого разделения его капитанам и воинам требовались Исчисления, но Магнус овладел искусством странствий в эфире, еще даже не подозревая, что этот процесс может кому-то оказаться не по силам.

Исчисления являлись философским и концептуальным инструментом, который позволял посвященным в таинства преодолеть множество трудностей, сопровождавших подчинение Галактик своей воле. Но Магнус обладал особым даром достигать невероятных вершин, даже не подозревая о сложности восхождения.

В мире, подобном Агхору, этот процесс проходил еще легче, благодаря невидимым потокам эфира, омывавшим поверхность планеты. Великий Океан словно окружал со всех сторон драгоценную и очень тонкую раковину. Свою концепцию Магнус выразил при помощи третьего

уровня Исчислений: если бы не Гора, этот мир был бы идеальной сферой, безукоризненной по своей структуре. Но дефект, созданный возведением Горы, угрожал нарушить баланс. При посещении пещеры в компании Ятири он наблюдал за всеми тонкостями ритуала поминовения мертвых агхору, но бессмысленные песнопения и телодвижения участников обряда только позабавили его своей наивностью.

Агхору искренне верили, что умиротворяют целую расу демонов, дремлющих в глубинах подземелья, и примарх сознавал, что разубеждать их еще рано. Стоя в сумраке пещеры, Магнус ощущал под ногами давление Великого Океана, и его потоки уже начинали просачиваться сквозь барьеры, ставшие за прошедшие тысячелетия слишком тонкими.

Под Горой не было никаких демонов, но оттуда исходило обещание чего-то столь грандиозного, что у Магнуса перехватило дыхание. Рано было еще говорить об этом определенно, но, если он

не ошибся, это открытие принесет человеческой расе невероятную выгоду.

Под священной Горой Магнус рассмотрел врата, вход в невероятно огромную и разветвленную сеть дорог, пересекающих Великий Океан. Как будто плоть Вселенной пронизали бесчисленные невидимые вены. Если человечество овладеет этой сетью, оно сможет свободно странствовать среди звезд и в одно мгновение перемещаться с одного края Галактики на противоположный.

Но, безусловно, существовала определенная опасность. Магнус не мог просто открыть эти врата, в этом случае Великий Океан неминуемо хлынул бы в мир, вызвав ужасную катастрофу. Для того чтобы безопасно открыть ворота, потребуется осторожное изучение, долгие исследования и многочисленные эксперименты. Пока Ятири бормотал бессмысленные ритуальные песнопения, Магнус вытянул на поверхность тонкую струйку силы и попробовал ее на вкус. Да, это была необузданная и полная жизненной энергии сила. Его плоть жаждала нового

прикосновения.

И свершений, которые он мог воплотить в жизнь с ее помощью.

Магнус взмыл вверх, оставив свое физическое тело стоящим на коленях посреди пирамиды. Освободившись от ограничений плоти, его тело стало по-настоящему живым и открылось ощущениям, недоступным и непонятным тем, кто влачил существование в жестких границах материального мира.

«Я выпущу вас из пещеры», — произнес Магнус, но его голос не вышел за пределы пирамиды.

Он легко проник сквозь крышу своего шатра и устремился в ночное небо Агхору, радуясь возможности остаться в одиночестве, без своих подданных и телохранителей.

Над ним величественно и грозно возвышалась Гора.

Магнус поднялся еще на несколько тысяч метров, но вершина Горы все еще маячила наверху.

Он ринулся ввысь сверкающей ракетой, оставлявшей в темном небе

извилистый огненный след. Но никто не мог проследить за головокружительным полетом, поскольку Магнус пожелал остаться в одиночестве и скрылся даже от своих капитанов.

Он приблизился к Горе, насколько это было возможно. От искусственно созданных скал и вершин распространялась черная стена нуль-энергии, поставленная с одной лишь целью — сдерживать напор бурлящей и непредсказуемой энергии, скрытой внутри Горы.

Магнус облетел вокруг Горы, с радостью подставляя свое тело, превратившееся в сгусток света, потокам эфирных ветров. Мистики древности называли астральное тело «линга шарира» и считали его двойником материального тела, которого, как они верили, можно вызвать, приложив колоссальные усилия и волю, но зато остаться жить вечно. Их представление, хотя и не соответствовало истине, служило благим целям.

Он продолжал лететь вперед и вверх. Атмосфера становилась все более

разреженной, но его тонкому телу не требовались ни кислород, ни тепло, ни свет. Значение имели лишь воля и энергия, а тем и другим Магнус обладал в избытке.

Солнце наверху висело тускло светящимся диском. Магнус, раскинув руки, купаясь в теплых потоках энергии, пронизывающих каждый уголок этого мира, мчался все выше и выше. Планета внизу осталась далеким воспоминанием, а лагерь Тысячи Сынов мерцал в непроницаемой темноте крохотной искоркой.

И вот перед ним развернулась бескрайняя ширь Галактики, расплывчатый поток Млечного Пути, далекие сверкающие звезды и разделявшие их невероятные бездны. На протяжении всей истории человечества мужчины и женщины смотрели на звезды и мечтали о том дне, когда они смогут к ним приблизиться. Но исполнению их мечты препятствовали огромные расстояния, которые разум людей отказывался воспринимать.

И вот теперь возможность овладеть звездами, раз и навсегда подчинить себе Галактику была у него в руках. Он станет архитектором преобразования Галактики. В космосе над ним неподвижно висели корабли Тысячи Сынов: «Фотеп», «Потомок Просперо» и «Анхтаун». Вместе с кораблями-кузницами Механикум, судами Администратума и огромными крейсерами, везущими солдат Гвардии Шпилей Просперо, они составляли его отряд Двадцать восьмой экспедиции.

Здесь, в недосягаемой вышине, купаясь в потоках света и энергии, Магнус был свободен от ограничений земной жизни, хотя многие из них он принял на себя добровольно. Его зрение уже не знало преград, а тело не связывали законы и условности, установленные им самим и его создателем. В отличие от братьев, Магнус помнил момент своего создания и каждое мгновение взросления, а также сознавал узы, связующие его с отцом.

Еще в то время, когда его жизнь зарождалась в раскаленном добела горниле гениальности, он говорил с отцом, вникал

в его мечты, созерцал колоссальный размах замыслов и осознавал свое место в них. Как мать разговаривает с нерожденным младенцем, которого носит в утробе, так и Император разговаривал с Магнусом задолго до его рождения.

Но неродившееся дитя ничего не знает об окружающем мире, тогда как Магнус уже знал все.

Десятилетия спустя он вспоминал, как вернулся в мир своего рождения вместе с отцом, как они прошли по забытым путям и исследовали древние тайны. Император щедро делился с ним секретами Вселенной и своей мудростью, не подозревая, что ученик очень скоро превзойдет учителя. Они бродили по раскаленным красным пустыням Меганезии[36] и путешествовали по невидимым тропам, которые первые люди, населявшие эти земли, называли «Линиями песен».[37] В других мирах эти пути назывались «Лей» или «Лунг-мэй» («Вены дракона») и обозначали линии, по которым течет кровь богов,

таинственные потоки энергии. Отец рассказывал ему, что шаманы Древней Терры могли прикасаться к этим течениям и черпать силу, недоступную остальным смертным. Многие из них сами стремились стать богами, основать империю и поработить все остальное население.

Император говорил, что эти люди, пользуясь энергией, природу которой не понимали, навлекали на себя и свои народы страшные несчастья. Заметив интерес Магнуса, отец тогда же предупредил его, что нельзя долго странствовать в эфире и подниматься слишком высоко ради эгоистичных целей.

Магнус внимательно слушал, но в глубине души мечтал овладеть этими силами, оказавшимися неподвластными простым смертным. Он был существом света и настолько отдалился от человеческой природы, что уже не мог считать людей своими прародителями. Да, он был намного выше их, но старался не забывать об эволюции и жертвах, принесенных ради его возвышения. Он

считал своим долгом и почетной обязанностью ускорить восхождение тех, кто последует за ним, и показать им свет, как сделал это его отец.

В те времена облик Терры быстро изменялся, планета перерождалась в соответствии с повелениями нового правителя, и этот перелом в судьбе человечества ознаменовался возведением сверкающих городов и великих чудес. И самым большим из чудес стал дворец его отца — монумент размерами с целый континент, увековечивший достижения эры Единства. Этот архитектурный материк, построенный на величайших вершинах Терры, стал бесспорным символом Терры в ее новой роли путеводной звезды для всего человечества, сияющим маяком для Галактики, так долго остававшейся во тьме мрачной эпохи.

Магнус изучал древние тексты, собранные его отцом в Либрариус Терра, проглатывая книги со страстью, граничившей с одержимостью. Вместе с братьями он наблюдал за небесами из

Великой Обсерватории, оборудованной на самой высокой вершине, и с особой радостью парил вместе с отцом в волнах эфира.

Он с любопытством наблюдал, как Фулгрим и Феррус Манус оспаривают друг у друга первенство в кузнице Терраватт под горой Народной, он обсуждал природу Вселенной с Лоргаром в зале Ленга и встречал остальных братьев по мере их возвращения в мир, где зародилась их жизнь.

С некоторыми из них он ощущал родственную связь — раньше он и не подозревал, что на это способен; с другими не чувствовал ничего, а иногда угадывал даже враждебность, но не отвечал на нее. Будущее их рассудит.

Когда пришло время отправляться в межзвездное путешествие, он испытывал одновременно и печаль и радость. Ему предстояла разлука с любимым отцом, но и медлить больше было нельзя, поскольку генетические отклонения, поразившие его воинов, становились все более и более опасными.

Магнус должен был увести свой Легион на Просперо, и он сделал это...

А там трудился изо всех сил, чтобы спасти своих сынов.

При мысли о Легионе Магнус оторвался от созерцания звезд и вспомнил предостережение отца: не летать в эфире слишком долго и слишком высоко. Он изменил направление полета и сверкающей кометой понесся к поверхности Агхору. Навстречу ему взметнулась темная земля, посреди которой одиноким костром светился лагерь Тысячи Сынов. Мысли его воинов виделись ему языками пламени; иные спокойно колыхались, а иные метались, раздуваемые амбициями.

Один из огней горел особенно жарко, и Магнус замедлил падение.

Ариман. Он всегда светит ярче всех.

Главный библиарий вместе с Собеком стоял у своего шатра и беседовал с тремя смертными, мысли которых едва тлели.

В одно мгновение Магнус прочел их ауры и узнал о них больше, чем было известно им самим.

Мужчину зовут Лемюэль Гамон, и он стал новым Послушником Аримана. Более высокая из женщин — это Камилла Шивани, психометрист, а та, что миниатюрнее, — Каллиста Эрида, асемический[38] писатель.

Каллиста Эрида держала в руке пачку бумаги, хотя, судя по ее ауре, была этим очень расстроена. Шивани стояла за спиной Гамона, а тот довольно оживленно разговаривал с Ариманом.

Ариман не отрываясь смотрел на исписанную страницу.

Магнус подлетел ближе, чтобы прочесть написанное.

Одна и та же фраза повторялась снова и снова: «Волки идут».

Глава 6
СКАРССЕН
ТРЕБОВАНИЯ ВОЙНЫ
СУДЬБОСТРОИТЕЛЬ

Этот день ничем не отличался от всякого другого. Солнце жгло солончаки Ахору, дрожащий от жары воздух был таким же сухим, как и всегда. Горячий ветер, дувший с Горы, проносился по километровому церемониальному плацу и щелкал знаменами с изображением скарабеев и голов ястребов.

Пять братств Легиона, без малого шесть тысяч Астартес, торжественно застыли в красно-белых боевых бронекостюмах. У Тайных Скарабеев на груди блестели нефритовые изображения священного жука, а на шлемах-атефах[39] сверкали золотые гребни. Дешреты остальных воинов Легиона были гладко отполированы и украшены золотом и аметистами.

Это был такой же день, как и все

остальные, за исключением одного.

Приближались Волки.

От капитана «фотепа» поступило донесение о вынырнувшей из Великого Океана небольшой флотилии, которая с пугающей скоростью неслась к Агхору. Стремительные корабли, словно клинок сквозь воду, миновали окраинные участки системы и мчались к якорной стоянке Двадцать восьмой экспедиции. Сканирование при помощи ауспексов показало, что это корабли Космических Волков, но в Легионе Тысячи Сынов уже и так знали, кто их гости.

Магнус не проявил ни малейшего удивления, когда Ариман передал ему записанные Каллистой слова, а совершенно спокойно приказал капитанам подготовить к рассвету парад Легиона. Почувствовать приближение флотилии кораблей через варп должны были многие из Тысячи Сынов, но никто, кроме Магнуса, почему-то не имел ни малейшего понятия о приходе Космических Волков. Ариман хотел обсудить это с Магнусом, но примарх отмахнулся от его сомнений и

заметил, что их способности считывать информацию в потоках эфира, где перемещаются звездные корабли, хотя и не знают себе равных, все же не являются непогрешимыми.

Его ответ не рассеял беспокойства Аримана.

Посмотреть на воссоединение братьев по оружию собрались многие слуги Легиона, но им пришлось наблюдать за процедурой встречи издалека. Даже летописцев, включая личного писца Магнуса, Махавасту Каллимака, не подпустили близко к плацу. Ариман ощущал присутствие Летюэля, Камиллы и Каллисты в группе зрителей и не мог не отметить их мрачного настроя. Он опасался, что не до конца понял послание Каллисты Эриды, однако все его ночные попытки уловить в Великом Океане отголоски будущего вновь закончились неудачей.

Летописцы, лишенные возможности присутствовать при торжественной церемонии, не скрывали своего разочарования, но встреча Астартес двух

Легионов была их внутренним делом. Каким бы радостным ни был этот день, строгие позы и преувеличенно четкие движения Тысячи Сынов свидетельствовали об огромном напряжении.

Это был не просто почетный караул, построенный ради встречи представителей братского Легиона, это была и демонстрация силы, и предостережение, и декларация намерений.

Примарх стоял под обширным тентом из белого шелка, который держали шестьдесят загорелых евнухов Легиона, за его спиной выстроился отряд из восьмидесяти одного терминатора Тайных Скарабеев. Магнус был в полных боевых доспехах, но отказался от многочисленных затейливых украшений, придерживаясь аскетизма, что больше соответствовало характеру Волков. С его золоченых наплечников свисала темная кольчужная мантия, плюмаж шлема колыхался в воздухе величественным гребнем, но книга, обычно висевшая на поясе, сегодня бы осталась в шатре

примарха, под замком, который мог открыть только он сам.

Ариман взглянул вверх: огромный белый раскаленный диск готов был обрушиться на планету всем своим весом. Серо-стальные десантные капсулы невозможно увидеть, пока они не опустятся к самой поверхности, но он все равно продолжал следить за небом. Над головами Астартес мерцали переменчивые силуэты Хранителей, едва различимые из-за солнечных бликов на доспехах. Аэтпио то пропадал из виду, то появлялся снова, его осмотрительность вполне соответствовала его настороженности. Ютипа и Паэок держались ближе к своим хозяевам, а Сиода, красная как кровь, пульсировала в такт биению сердца Калофиса.

Хранитель Утизаара, Эфра, стала почти невидимой, превратившись в небольшой сгусток света, все больше сжимавшийся, как только приближался кто-либо из ее собратьев.

— Они так спешили сюда прилететь, а теперь не могут поторопиться, когда

ты уже построились для встречи, — проворчал Фозис Т'Кар.

— Это характерно для Космических Волков, правда, Утизаар? — откликнулся Хатхор Маат.

Ариман заметил, что его приятель изменил свой облик, отказавшись от скульптурной изысканности древних статуй в пользу грубоватой воинственности.

Утизаар кивнул, даже не оглянувшись на Маата.

— Воины Русса непредсказуемы, за исключением тех случаев, когда дело касается боевых действий, — сказал он.

— Тебе лучше знать, — заметил Фозис Т'Кар. — Это ведь ты некоторое время служил с ними.

— Весьма недолго, — подчеркнул Утизаар. — Они... не слишком приветливы с посторонними.

— Ха! — гаркнул Фозис Т'Кар. — Совсем как ты. Они мне почти нравятся.

— Волки? Это же варвары! — к всеобщему удивлению, воскликнул Калофис.

Он даже ощетинился, словно доминирующий самец в стае хищников. Капитан Шестого братства славился своей агрессивностью, но в данном случае его возмущение было понятно Ариману. При всей своей склонности к насилию, Калофис никогда не проявлял ее без достаточно веской причины.

— Вы с ними родственные души, Калофис, — сказал Хатхор Маат. — Вы должны бы прекрасно поладить.

— Можешь болтать сколько угодно, Павонид, но не думай, что я не заметил изменений в твоем внешнем виде.

— Я просто учитываю обстоятельства, — насмешливо отозвался Хатхор Маат, а его Хранитель раздраженно вспыхнул.

— А почему ты называешь их варварами? — спросил Фозис Т'Кар. — Не обижайся, но и ты не отличаешься излишним мягкосердечием.

— Я тебя понял. Просто я изучал проведенные ими кампании. Это инструменты для ведения войны, не более. В их методах нет ни утонченности, ни

мастерства, одно лишь бесконтрольное стремление к уничтожению. Когда Император спускает с поводка эту стаю, остальным надо стараться не попадаться у них на пути, потому что Волки не остановятся, пока все вокруг не обратится в прах. Вот воины Пертурабо отлично контролируют свою агрессию. Нам всем есть чему у них поучиться. Они наносят неотразимые удары в тщательно выбранных направлениях.

— На этот раз я не могу не согласиться с Калофисом, — произнес Ариман. — Наверное, я заболел.

Все рассмеялись, хотя, как заметил Ариман, Утизаар недовольно поморщился.

Частью обучения капитанов Тысячи Сынов была стажировка в других Легионах, с тем чтобы узнать их методы ведения войны и лучше понять ситуацию в Галактике. Калофис служил вместе с Железными Воинами и восторженно отзывался о них, ставя на второе место после Тысячи Сынов. Фозис Т'Кар сражался в рядах Лунных Волков и никогда не уставал хвастаться перед друзьями

тесной дружбой с приближенными к примарху капитанами Хастуром Сейяном и Иезекилем Абаддоном.

Стажировка Хатхора Маата проходила в Легионе Детей Императора, в те далекие времена, когда они еще воевали вместе с Лунными Волками. По словам Хатхора, его безукоризненный внешний вид настолько понравился Фениксийцу, что примарх постоянно держал его поблизости. А самой ценной наградой Маата стала Клятва Фулгрима, которую он выгравировал на нагрудной броне перед возвращением на Просперо.

Стажировка Утизаара оказалась самой короткой и длилась меньше терранского года. Ариман так и не узнал, прекратилась ли она по инициативе самого Утизаара, или это Волки решили покончить с процессом обмена. Атенейцы всегда сторонились многолюдных собраний и тех, чьи мысли были слишком громкими, слишком грубыми и пронзительными.

Ариман провел пять лет среди Несущих Слово и многое узнал и о самом

Легионе, и о его военной доктрине. Но те времена оставили не лучшие воспоминания в его жизни, поскольку в этом Легионе служили ревностные последователи Лоргара, чья преданность Повелителю Человечества доходила до фанатизма. Все Астартес, безусловно, были верны своему лорду и его делу, однако Несущие Слово жили и сражались с такой страстью, словно их вел божественный огонь.

Ауры Несущих Слово представляли собой пылающие колонны убежденности, которую Ариман считал необоснованной, поскольку в ней отсутствовали фундаментальные знания. Кое-кто называл это чувство верой, но Ариман считал его безнадежным невежеством. Из-за этой страсти, в которой не оставалось места для тех, кто ее не разделял, у него почти не появилось друзей в Семнадцатом Легионе, кроме воина по имени Эреб.

Легиону Лоргара достался злополучный номер, поскольку, если верить древнему гаданию на костях, цифра «семнадцать» приносила несчастье. Ее

написание на готике содержало анаграмму, означавшую «я жил», из чего можно было сделать вывод: «я умер».

Безмолвное восклицание Аэтниc заставило Аримана прервать размышления и вернуться к действительности. Взглянув вверх, он увидел, что два массивных самолета несутся к поверхности с такой скоростью, как будто у них отказали двигатели. Они с воем рассекали воздух, и на передних кромках крыльев заплясали язычки пламени.

— Они спешат, — заметил Фозис Т'Кар.

— Это хорошо или плохо? — поинтересовался Ариман.

— Плохо, — ответил ему Утизаар, лицо которого, несмотря на загар, заметно побледнело. — Когда стая волков бежит тебе навстречу, нельзя ждать ничего хорошего.

— Ты можешь прочесть их мысли? — удивился Хатхор Маат. — На таком расстоянии?

— Я мог читать их мысли, когда они

были еще на орбите, — заявил Утизаар, стараясь сохранять уверенный тон.

Наблюдая за снижением десантных судов, Ариман проследил векторы их движения и понял, что корабли не попадают на посадочную площадку.

— Что-то случилось, — сказал он. — Они промахнулись.

Десантные корабли мчались вниз пылающими метеорами. Еще мгновение, и они рухнут на солончаки, не оставив ничего, кроме огромного кратера. Видение на один миг мелькнуло в мозгу Аримана, и он не был уверен, то ли это плод разыгравшегося воображения, то ли отрывочный проблеск будущего.

Двигатели десантных кораблей включились в тот самый момент, когда Ариман решил, что уже слишком поздно замедлять падение. Но вот раздался рев маневровых двигателей, сравнимый с воем тысячи волков, корабли на мгновение зависли в воздухе, а затем ударили о землю лишь чуть-чуть правее навеса, под которым стоял Магнус. Во все стороны разлетелись облака выхлопных газов,

потоки горячего воздуха и тучи раскаленных соляных кристаллов, — мускулистые евнухи с трудом удержали раздувавшееся полотнище тента.

Тучи дыма и пыли еще не успели рассеяться, как выдвинулись аппарели обоих кораблей и из-за плотной пелены появились фигуры в серо-стальной броне, по-волчьи поджарые и мускулистые, словно опасные хищники, предвкушающие близкую битву. Впереди них выступал воин в серой кожаной маске вместо шлема, всем своим существом излучавший неприкрытую агрессию.

Аплоди Скарссен Скарссенссон, лорд Пятой роты Космических Волков.

Ариман не знал, чего следует ожидать от Космических Волков. Утизаар не слишком много рассказывал о них после своей стажировки. Они не были близкими друзьями, чтобы расспрашивать о деталях, но Ариман подозревал, что красочные легенды и громкая слава, сопутствующие сынам Русса, были откровенным преувеличением

рассказчиков.

Теперь он понял, что ошибался.

Перед Астартес, роняя из пасти капли слюны, бежали серые с белым волки. Под их шкурами перекатывались мощные мышцы, взгляды желтых сверкающих глаз сразу же устремились на Магнуса, из открытых ртов, словно кинжалы слоновой кости, показались чудовищные клыки.

Волки, рыча и огрызаясь, разбежались полукругом и стали поводить из стороны в сторону лохматыми головами, как будто решали, кого атаковать в первую очередь.

За хищниками следовали высокие воины в терминаторской броне цвета стали, а во главе шагал Атлоди Скарссен Скарссенссон. Он шел сквозь дым, слегка опустив плечи и наклонившись вперед, как будто преодолевал сопротивление сильнейшей бури. Изрядно побитая броня цветом напоминала грозовую тучу, спину прикрывала черная волчья шкура, закрепленная на шее костяной застежкой, а на правом плече красовался череп зверя, окруженный рядами клыков.

Вместо шлема на голове Скарссена

была облегающая лакированная и украшенная камнями кожаная маска в виде какого-то ужасного существа — наполовину волка, наполовину демона. Из-под маски холодно блестели глаза, такие же серые, как и его броня, а за спиной торчал боевой топор с черным обсидиановым лезвием.

Сопровождавшие его воины имели не менее устрашающий вид, и их броня была украшена амулетами и фетишами из разных частей волчьих шкур. Эти неумолимые гиганты, одетые в керамит, так решительно шагали следом за своим лидером, что Ариману показалось, будто они не намерены останавливаться.

Столь откровенно вызывающее поведение разозлило Аримана до такой степени, что он был вынужден обратиться к Исчислениям. Но концентрации внимания помешал крик Аэтпио, тотчас укрывшегося в безопасности Великого Океана. Ариман оглянулся на ощетинившихся волков. На миг их силуэты затуманились перед его взором, а затем его встретили взгляды разумных существ, от которых по спине пробежал

холодок.

В следующее мгновение он понял, что убежали все Хранители. Гнев мгновенно сменился растерянностью, и все взгляды обратились к Магнусу.

Успокаивающее присутствие примарха проявилось в тот же момент, и в голове капитанов прозвучали непроизнесенные вслух слова: «Держитесь, сыны мои. Это всего лишь демонстрация силы, ничего более».

Гигантские волки остановились, расположившись веером вокруг Тысячи Сынов и перепуганных евнухов, опустили головы и оскалились. Ариман с большим трудом сдерживался, чтобы не развернуть хеку и не послать в них импульс уничтожающей энергии.

— Магнус Красный, — заговорил Скарссен раскатистым и резким голосом настоящего убийцы. — Мое имя — Атлоди Скарссен Скарссенссон, лорд Пятой роты Космических Волков, и я прибыл, чтобы от имени Леманa Русса, Великого Волка Фенриса, призвать тебя к оружию. Тебе надлежит собрать свое войско и со всей

поспешностью направляться в скопление Причал Ковчега. Таков приказ Короля Волков.

Столь бесцеремонного послания, продиктованного могущественному примарху, никто даже ожидать не мог. Ариман вдруг осознал, что его рука коснулась рукояти пистолета, хотя и не помнил, чтобы совершал какие-то движения. В аурах его собратьев-капитанов возникли бурлящие оранжевые всплески.

От прилива эфирной энергии у него даже задрожали руки, а тихий шелест потока вырос до рева сокрушительных бурунов, требующих освобождения. Хотя в данный момент возможности Корвидов и были ограниченны, Ариман вполне мог привлечь энергию Великого Океана, чтобы пустить в ход смертоносные силы.

Он продолжал накапливать энергию в своей плоти, и эфир вокруг покрылся зыбью. Вот это и есть настоящая жизнь — припасть к источнику Изначального Творца, а потом пустить эту энергию в ход с такой же ловкостью, с какой

фехтовальщик пускает в ход свой клинок.

Энергетические потоки вихрями закручивались вокруг Скарссена и его воинов, но, свободно проходя сквозь Астартес Тысячи Сынов, они обтекали Космических Волков. Аура самого Скарссена была тусклой и мутной, словно восход солнца в зимней мгле.

Может ли Скарссен обладать защитой?

Это было маловероятно, хотя множество амулетов, украшавших его доспехи, вполне могли сыграть роль щита. Обереги играли ничтожно малую роль в защите объекта, но вера в их силы наделяла особым могуществом. Подумав об этом, Ариман в то же самое время обратил внимание на терминаторов, точнее, на одного из них, бородатого, в кожаном шлеме. Впечатление было такое, словно в темноте мелькнула еще более густая тень или в грохоте бури послышался шепот.

Он ощутил родственную силу, но уже через мгновение все пропало.

— Не смей говорить в таком тоне! —

сердито бросил Фозис Т'Кар, и момент откровения миновал.

Капитан Второго братства шагнул вперед и стукнул о землю древком своей хеки:

— Если посмеешь и дальше так дерзить, клянусь Великим Океаном, я тебя уничтожу!

Надо отдать должное, Скарссен не дрогнул, что было бы неудивительно, учитывая накопленную Фозисом Т'Каром энергию, от которой яростно забурлила его аура.

Скарссен не сводил взгляда с Магнуса.

— Тебе понятно переданное мною послание? — спросил он.

— Понятно, — холодно ответил Магнус. — Сними маску.

Космический Волк качнулся, как от удара по лицу. Ариман ощутил мгновенное нарастание энергетического потока, а потом едва не вскрикнул: весь запас энергии, накопленный в его теле, в одно мгновение исчез, поглощенный разумом, намного превосходящим его собственный.

А Скарссен медленно, против своей

воли, поднял дрожащие от напряжения руки, расстегнул застежки маски и снял ее. Открывшееся гладко выбритое лицо было суровым и покрыто морщинами, как обветренная штормами скала, на нем выделялись высокие скулы, а над бровью имелся ряд волчьих клыков, образующий нечто вроде короны. Нижнюю челюсть полностью покрывала татуировка, изображавшая зубастую волчью пасть. На виске Скарссена вздулась пульсирующая вена.

— Так-то лучше, — сказал Магнус. — Не люблю убивать людей, не увидев их лица.

Магнус как будто вырос и увеличился в объеме, но в то же время оставался таким же, как прежде. Волки взвыли, опустили головы и попятились от могущественного примарха, а Ариман отметил первые признаки... еще не страха, но сильного беспокойства зверей.

Скарссен прибыл с единственной целью — доставить Тысячу Сынов в скопление Причал Ковчега. И порученное ему послание он передал в самом

недвусмысленном тоне, но Магнус не собирался уступать грубой силе Космических Волков.

— Если ты меня убьешь, тебе придется испытать всю ярость Великого Волка, — прошипел Скарссен.

— Тихо! — крикнул Магнус.

И мир замер по его приказу. Стихли все звуки, смолкло завывание ветра, и соляные кристаллы остались лежать без движения.

— Ты для меня ничто, Атлоди Скарссен Скарссенссон. Я могу убить тебя на месте, и ни один из твоих свирепых спутников даже шевельнуться не успеет, чтобы мне помешать. Одной лишь мыслью я могу превратить твои корабли в тучи обломков. Помни об этом и тщательно подбирай слова.

Ариман не мог отказать Скарссену в смелости, поскольку видел сильное возмущение в его ауре, вызванное дерзким ответом Магнуса. Но суровому воину хватило ума, чтобы понять, насколько он бессилен перед могуществом примарха. Он огляделся по сторонам и убедился, что

мир застыл, знамена бессильно обвисли и все собравшиеся, за исключением Тысячи Сынов, как будто обратились в статуи.

Скарссен вздернул подбородок, открылась мощная шея, и Ариман не мог не оценить символизм этого жеста.

Магнус кивнул, и мир зажил своей обычной жизнью. Ветер задул с прежней силой, разворачивая шелковые знамена и поднимая в воздух тучи соляных кристаллов.

— Волк Скарссен, — заговорил Магнус, — мне понятно твое сообщение, но, прежде чем отправляться к твоему отцу, нам предстоит завершить важные дела на Агхору.

— Но ведь этот мир приведен к Согласию, разве не так? — спросил Скарссен, и его подобострастный тон вызвал среди Космических Волков настоящее смятение.

— Так, — согласился Магнус.

— Так что же здесь еще делать?! — воскликнул Скарссен. — Нам предстоит покорить еще множество миров, и для этого необходима сила твоего Легиона.

Твои братья по оружию призывают тебя в бой, и долг воина — откликнуться на этот призыв.

— Вероятно, так принято в твоем мире, — возразил Магнус. — Но это не фенрис. Где и когда будет сражаться Легион Тысячи Сынов, решать мне, а не Королю Волков и, уж конечно, не тебе. Это понятно?

— Понятно, лорд Магнус, но я поклялся на крови, что не вернусь без твоих воинов.

— Меня это не касается, и мы не станем обсуждать твои проблемы. — Магнус начал проявлять признаки нетерпения.

— Значит, мы оказались в тупике.

— Боюсь, что так, — согласился примарх Тысячи Сынов.

Ариман сосредоточился на тексте, и перо заскользило по плотной бумаге, внося в гримуар события минувшего утра. Конечно, будут и другие записи об этих событиях, но никто не сумеет изложить их с таким полным пониманием

ситуации, как он. Ариман обратился к Исчислениям, позволил естественному ритму памяти и интуиции управлять процессом, и слова продолжали выливаться на бумагу уже без участия его сознания.

Закрыв глаза, он освободил свое световое тело и позволил ему выскользнуть из плоти. Потоки Великого Океана подхватили его, унося в темноту, и Ариман снова попытался рассмотреть отблески грядущих событий. И тотчас прогнал эту мысль. Если слишком сильно сосредоточиться в этом царстве эмоций, шансов на успех не останется.

Связь с материальным миром постепенно растаяла, вокруг Аримана забурлил Великий Океан, никогда не затихающий водоворот не существующих в природе цветов, не имеющих названия чувств и бессмысленных измерений.

Его подгоняли вперед случайные всплески чувств — яркие мысли, интенсивные эмоции и примитивные порывы. Злоба Космических Волков встала впереди ярко-красным рифом, неудержимая страсть двух совокуплявшихся летописцев

отпечаталась пурпурным завитком противоречивых желаний. Страх одного из служителей, втиравшего лечебную мазь в воспалившуюся кожу, был отмечен зеленым, а замыслы другой служащей, мечтавшей улучшить свою карьеру, окрасились в тускло-желтую охру.

Все эти цветные завитки поднимались вместе с Ариманом, словно струйки дыма в храме, хотя понятия «верх» и «низ» не имели здесь никакого смысла. Со всех сторон непроницаемой пеленой его окружал клубящийся туман эмоций, переживаний и вероятностей. И его собственное присутствие накладывало отпечаток на ткань варпа, на потоки Великого Океана, формирующего и формируемого нефизической антиматерией, которая составляла это альтернативное измерение.

В этом и состояла суть Изначального Творца, источник происхождения всего сущего. Здесь не было ничего невозможного, поскольку это была кузница творения прошлого, настоящего и будущего.

Ариман продолжал полет, получая наслаждение и колоссальный заряд бодрости от купания в потоках энергии. После этой прогулки он будет чувствовать себя не хуже, чем смертный после полноценного ночного отдыха.

Разноцветный мир простирался во все стороны до бесконечности. Ариман отпустил свое сознание по течению, надеясь наткнуться на пласт событий, которым еще только предстоит произойти. Он сосредоточился на учении Корвидов и одновременно открыл разум навстречу безграничной пустоте сознания. Столь противоречивые действия, необходимые для чтения будущего, которые даже ему давались с трудом, для менее одаренного человека были почти невозможны.

Вскоре он ощутил первые признаки присутствия обитателей Великого Океана — бесформенных существ с неуемным аппетитом. Сначала им заинтересовались незначительные создания, проявившиеся лишь едва заметными проблесками энергии. Они

собирались получить подпитку от его чувств, но Ариман разогнал стайку одним усилием мысли.

Эти только что появившиеся существа не представляли угрозы для Свободного Адепта его уровня, но в недрах Великого Океана плавали их старшие собратья, еще более голодные и злобные хищники, которые питались горячей, полной жизни энергией смертных странников. Ариман обладал определенной защитой, но не был неуязвимым.

Все началось с тихого шипения, словно по стеклу зашуршал мелкий дождик.

Ариман ощутил легкое, как прикосновение пера, притяжение и, не выказывая особого интереса, поплыл в том направлении. Стоит проявить поспешность, и ткань Великого Океана будет нарушена, его нетерпение мгновенно прогонит своенравные видения будущего.

Ариман подавил волнение и плавно совместил направление своего движения с тончайшим потоком, а затем открыл мысленное зрение навстречу живительной

прохладе незафиксированных событий.

Он увидел гору из стекла, высокую и пустую внутри, но далеко не такую большую, как Гора Агхору. Все внутреннее пространство заливал желтоватый свет, словно в этом гигантском котле кипели противоречивые страсти, а над горой нависла грозовая туча, пронизываемая золотыми молниями.

Ариман сознавал огромное значение видения; картины в эфире создавались не только Великим Океаном, но и самим наблюдателем. Эта гора и эта гроза могли представлять реальную сцену, а могли быть аллегорией, где каждый аспект символизировал нечто большее. Адепт должен отделить одно от другого согласно собственному опыту и мастерству.

Его нематериальное тело охватило горячее облако волнения. Уже много лет никому из Корвидов не удавалось приоткрыть плотную завесу эфира и заглянуть в будущее. Возможно ли, что непостоянные течения Великого Океана сменили направление и его братство

вернет былые преимущества?

Интенсивность этой мысли разошлась кругами по окружавшей Аримана жидкой пустоте. Видение дрогнуло и распалось на фрагменты, словно отражение в озере, нарушенное налетевшим ливнем. Ариман старался сохранить спокойствие, но слабая связь с потоком разрушилась. Стеклянная гора разбилась на тысячи фрагментов. Осколки осыпались, словно слезы, и в каждом отражался плачущий глаз, покрасневший и воспалившийся от страданий.

Ариман попытался задержать эти острые зазубренные осколки, но эфир взволновался, и все исчезло в волнах его собственного желания. Субстанция Великого Океана, словно под порывами урагана, яростно забурлила, отдаляя мысли от будущего, и против Аримана поднялись красные волны его разочарования.

Вместе с осознанием реального момента до него донеслись вибрации набежавших хищников варпа. Эти ненасытные концептуальные существа

выслеживали странника по малейшему проявлению эмоций, а потом высасывали свет из его тонкого тела. Десятки хищников кружили возле Аримана, словно почуявшие кровь акулы. Он пробыл в Великом Океане слишком долго, намного дольше, чем позволяли требования безопасности.

Первый хищник вынырнул из кроваво-красного тумана. Это воплощение ненасытной жажды и инстинкта двигалось прямо на него, поблескивая гладким телом и острыми зубами, сформировавшимися от одной только нечаянной мысли.

Ариман отскочил с его пути, хищник изогнулся, меняя курс, а из-за пелены уже показался следующий враг. Невольная аналогия с акулами придала им форму, и на Аримана мчалось уже гладкое вытянутое туловище прирожденного убийцы. Он опустошил свои мысли, отбросив любые сравнения и метафоры, поскольку его противники могли ими воспользоваться.

Магистр храма Корвидов устремился

в противоположную от стаи сторону, но стая успела почуять его запах. Более полудюжины существ амебообразной формы после встречи с какими-то другими световыми телами, рванулись следом. Один из хищников, огромных размеров, вырвался вперед и уже раскрыл пасть, намереваясь проглотить свою добычу целиком.

Ариман собрал энергию из окружающего эфира и запустил в преследователя волевой поток. Тело хищника взорвалось клочьями огня, и каждая частица мгновенно была проглочена его подоспевшими сородичами. В руках Аримана вспыхнули эфирным пламенем две хеки. Это оружие было необходимо, но вместе с тем и очень опасно. Яркий огонь привлечет других хищников, однако без оружия он наверняка здесь погибнет, оставив в своем шатре мертвую, бездушную оболочку.

Преследователи окружили его и пытались ухватить зубами, но взмахи посохов каждый раз отгоняли хищников. Ариман обратился к восьмому уровню

Исчислений. Чтобы остаться в живых, ему придется проявить агрессивность, но это лишь разожжет аппетит зверей. Хищники ринулись на него всем скопом, но Ариман следил за их нарастающей яростью и встретил атаку взмахами пылающего оружия.

Ближайшее существо попало под удар, и его существование на этом закончилось. Второй хищник взорвался под натиском мысли, которая одолела его голод и рассеяла сущность. Следующий враг бросился вперед. Ариману пришлось отскочить в сторону, иллюзорные зубы щелкнули очень близко к его духовной сущности, едва ее не порвав. Но удар хеки в голову уничтожил врага, оставив лишь следы его первобытной ярости и голода.

Стая охотников отступила, ошеломленная таким отпором, но не в силах отказаться от погони. Охотники варпа обладали сильнейшими инстинктами, требующими удовлетворения. Стая будет нападать снова и снова.

Хищники атаковали его еще

трижды. Каждый раз они были вынуждены отступить, но их становилось все больше, а Ариман слабел, теряя энергию.

Он не сможет долго поддерживать такой темп битвы. Бои в эфирном пространстве изматывали сильнее, чем в мире физическом. Там Астартес могли сражаться без отдыха целыми неделями, а здесь их время ограничивалось минутами. Воин Тысячи Сынов высокого ранга был способен странствовать в эфире дольше многих других, но интенсивность этой схватки требовала от Аримана крайнего напряжения.

Огромная пасть устремилась на него снизу; то была алчность, получившая огромные формы благодаря чьим-то неосторожным мыслям. Зубы хищника сомкнулись вокруг ноги Аримана, впились в его свет, и непреодолимая боль рассыпалась искрами сверкающих бриллиантов. Но в чудовище тотчас врезался посох, и оно исчезло, не успев насладиться своим триумфом.

Ариман больше не в силах был продолжать борьбу, и хищники, казалось,

это прекрасно понимали. В нетерпении они затеяли свалку, отталкивая друг друга, чтобы насладиться убийством и получить самый лакомый кусок.

Запас энергии подходил к концу, и одна огненная хека уже погасла.

«Как обидно погибать после такого волнующего проблеска будущего».

А потом Великий Океан расколол протяжный вой, преследователи дрогнули от этого яростного крика, а из бушующих волн Великого Океана появилось темное пятно. Потом показались клыки, похожие на мечи из льда, и начали рвать охотников варпа. Это было сочетание формы и воли, отточенное до остроты кинжала, стремящееся только к уничтожению и начисто лишенное милосердия. В гуще схватки постепенно стали проявляться желтые горящие глаза, лохматая черная шкура и белые клыки, с которых стекала слюна.

Облик еще не до конца оформился в мыслях Аримана, а он уже увидел призрачный силуэт волка, своими размерами и мощью превосходящего все

виденные им живые существа. Чудовищный волк быстро расправился с хищниками варпа, сопровождая ужасным воем каждый смертоносный укус и каждый взмах когтистых лап.

Внутри волчьего тела Аримана успел заметить мимолетный проблеск воли, которая им управляла, — далекий блеск брони, но не черной, а темно-серой с металлическим отливом. Волк снова взвыл, и волны ничем не сдерживаемой ярости разошлись по Великому Океану, как круги по воде от брошенного камня. Хищники, напуганные более сильным зверем, разбежались.

И словно капли чернил на промокательной бумаге, растворились в темноте.

Волк повернулся к Ариману. Его тело трансформировалось подобно игрушке оригами, пока не остался только образ, замеченный в его сердце, — тонкое тело Астартес в темно-серой броне Космических Волков.

Волк подплыл к Ариману, и, чтобы заметить первобытную и грозную

энергию, наполнявшую этого странника, не требовалось особое умение. Его жизненная сила казалась невероятной. Если Аримана можно было сравнить с управляемым реактором, то этот воин сиял с интенсивностью сверхновой звезды. Оба они излучали опасность, оба сияли ярким светом, но Ариман мог выбрать единственную жертву из миллиона, а Волк был способен умертвить миллион людей, лишь бы уничтожить свою жертву.

Грозный хищник исчез, но Ариман мог разглядеть его в глубине сердца Астартес.

— Нам надо уходить, брат. — Голос Волка напомнил скрежет столкнувшихся ледников. — Чем дольше мы задержимся, тем больше хищников сбежится попировать на нашей сущности.

— Я тебя видел, — сказал Ариман. — Ты прибыл со Скарссеном.

— С лордом Скарссеном, — поправил его воин. — Но ты прав, брат. Мое имя Охтхере Судьбостроитель, я рунный жрец Пятой роты Космических Волков, которой командует Атлоди Скарссен Скарссенссон.

— Азек Ариман, главный библиарий

Тысячи Сынов.

— Я хорошо тебя знаю, Азек Ариман. — Судьбостроитель сопроводил эти слова хищной усмешкой. — И давно хотел с тобой встретиться.

Глава 7
ВОЛКИ ФЕНРИСА ВСТРЕЧА МЫСЛЕЙ ПЛОТИНА ПРОРВАНА

«На Фенрисе не водятся волки».

Ариман не раз слышал это самое распространенное утверждение из всех слухов, что появлялись то из одного, то из другого безымянного источника. Смешно было бы даже спорить об этом, поскольку живые доказательства обратного бежали рядом с Тысячей Сынов, вновь марширующими к Горе. Десяток волков с отливающей металлом шкурой свободно распределились вдоль колонны воинов, словно пастушьи собаки, перегоняющие стадо.

К Горе поднимались шесть сотен Астартес — Тысяча Сынов вместе с Космическими Волками. Во главе колонны, в окружении терминаторов из Тайных Скарабеев и в сопровождении своих капитанов, шагал Магнус Красный.

Параллельно могучему примарху шагал лорд Скарссен и его Волчья гвардия. Охтхере Судьбостроитель шел рядом со своим лордом и на взгляд Аримана ответил легким кивком.

Они проговорили почти всю ночь, но Ариман так и не понял, чего следовало ожидать от рунного жреца.

По требованию Ятири было объявлено военное положение, и вместе с Астартес на Гору взбирались еще и «Ленд Рейдеры».

Вождь племени спустился с Горы одновременно с Калофисом, перед самым прибытием Космических Волков, и сразу же потребовал аудиенции у Алого Короля. Но Космические Волки должны были вот-вот появиться, и Ятири пришлось ждать, пока не закончится церемония встречи. Какими бы важными ни были для Тысячи Сынов проблемы на Агхору, дела смертных могут подождать перед делами Астартес.

Ариман видел, как Ятири пригласил в сверкающую пирамиду Магнуса, и заметил, что вождь испытывает страх. Как и все остальные обитатели Агхору, закрывающие лица масками, Ятири не

отбрасывал тени на эфир, и его жизненная энергия оставалась скрытой от Тысячи Сынов. Ятири пришел вместе со своими старейшинами, и Ариман не мог не заметить, насколько они возбуждены, хотя и не читал их ауры.

Разговор между Ятири и Магнусом, вероятно, был серьезным, поскольку примарх сразу же приказал Ариману собрать воинов всех братств и отправиться в поход.

Увидев сборы Тысячи Сынов, лорд Скарссен прислал к Магнусу своего герольда, воина по имени Варангр Рагнульф Рагнульфссен, и после этого Космические Волки приняли участие в экспедиции.

Вскоре они миновали ряды мертвых камней; все скалы были пронизаны черными маслянистыми жилами, словно сгнившими венами. Агхору, увидев, что произошло с камнями, попадали на колени и зарыдали от страха. Ариман ненадолго задержался, чтобы осмотреть менгиры. Ему была известна лишь одна сила, способная воздействовать на скалы подобным

образом.

— Что ты думаешь по этому поводу? — спросил Фозис Т'Кар.

— То же, что и ты, — коротко ответил главный библиарий и продолжил путь.

Марш-бросок продолжался, и Ариман оглянулся на воинов лорда Скарссена. Они задали быстрый темп, и Тысяча Сынов не отставали. Но если для Астартес это была быстрая ходьба, агхору пришлось бежать что есть мочи. И все же они держались следом: страх придавал им сил и помогал переносить изнуряющий дневной зной.

— Они как будто не чувствуют жары, — спустя некоторое время заметил Фозис Т'Кар.

— Кто?

— Да эти чудовища, которых привез с собой Скарссен, — пояснил Т'Кар. — Они прибыли из мира, в котором нет ничего, кроме снега и льда, и жара, кажется, им ничуть не мешает.

Ариман посмотрел на пробегавшего мимо волка, холка которого доходила ему

до пояса. Серо-белая шерсть зверя завитками курчавилась на плечах, а на спине гладко прилегала к шкуре. Зверь как будто почувствовал его любопытный взгляд; он повернулся, прищурил желтые глаза и вызывающе зарычал, показывая клыки.

— Не могу сказать наверняка, — заговорил Ариман, — но те немногие существа, что обитают на Фенрисе, своей жизнью обязаны способности приспосабливаться к меняющимся обстоятельствам. И эти волки не исключение.

— Хотел бы и я уметь так приспосабливаться. Эта жара скоро меня доконает, — сердито проворчал Фозис Т'Кар. — Мое тело было модифицировано, чтобы выносить экстремальные условия, но солнце Агхору выжигает из него жизнь. От него страдает даже Хатхор Маат.

— Говори за себя, Т'Кар, — отозвался Маат. — Я чувствую себя вполне комфортно.

Несмотря на эти слова, Маат так же страдал от жары, как и все остальные.

Если бы не силы Павонидов, он не смог бы так эффективно регулировать происходящие в теле процессы. А между тем волки Фенриса бежали вперед, словно стоял обычный теплый денек, и здешняя жара причиняла им не больше беспокойства, чем морозы родного мира.

— Выносливость заложена при их создании, — вступил в разговор Магнус.

До сих пор примарх не произнес ни слова, молча прислушиваясь к сказанному капитанами.

— При создании? — переспросил Ариман. — А кто же их создал?

— Первые колонисты Фенриса, — с улыбкой ответил Магнус. — Разве вы не видите внутри них пляску спиралей? Танец генов и применение сплайсинга,[40] освоенного учеными древности?

Ариман переглянулся со своими приятелями-капитанами, и Магнус, заметив этот взгляд, рассмеялся.

— Нет, конечно же не видите, — сказал он, качая головой. — Утизаар, ты ведь посещал Фенрис, не так ли?

Это был риторический вопрос, поскольку Магнус был прекрасно осведомлен о традиционных стажировках каждого из них.

Утизаар кивнул.

— Ненадолго, мой лорд, — сказал он. — И должен признать, это было не самое приятное путешествие.

— Я в этом не сомневаюсь. Фенрис неласково относится к чужакам, и это не самый гостеприимный мир, — признал Магнус, слегка улыбнувшись. — Этот мир не прощает никаких недостатков. Стоит только расслабиться среди его покрытых льдом океанов и заснеженных скал, как тебе грозит неминуемая гибель. Смертный, даже хорошо подготовленный к суровым условиям, не выживет там и нескольких минут, замерзнет насмерть.

— Но аборигены там выживают, — заметил Ариман. — Очевидно, это грубые дикари, которые воюют друг с другом за жалкие клочки земли, уцелевшие после смещений земной коры Великого Года.

— Можно сказать и так, — согласился Магнус, — но это не совсем дикари.

— Чем же они отличаются? — спросил Хатхор Маат.

Он не мог поверить, что варварское племя смертных было способно удостоиться одобрения примарха.

— Ты что, не слушал? Фенрис — мир смерти, планета настолько враждебная, что могла бы поставить под сомнение даже твои способности к биоманипуляции. А эти смертные отвоевали себе землю, обзавелись домами и семьями, и все это — на планете, которую любой здравомыслящий человек постарался бы обойти стороной.

— Как же им это удается?

Магнус улыбнулся, и Ариман заметил, что он снова наслаждается ролью учителя.

— Для начала скажите, что вам известно о канис хеликс.[41]

— Это генетический праймер,[42] — ответил Хатхор Маат, — предшествующий ген, который способствует приживлению в организме претендента геносемени Космических

Волков.

Магнус покачал головой, и взгляд его большого глаза, устремленный на капитанов, блеснул золотистой зеленью.

— Да, в этом заключается часть его функций, но никто не предполагал использовать его в этом аспекте, — сказал он.

— А как же его собирались использовать? — спросил Ариман.

Он оглянулся на Скарссена, снова надевшего свой кожаный шлем. Интересно, знают ли апотекарии Клыка то, что известно Магнусу? Командир Волков, испытав на себе могущество Магнуса, предпочитал держаться в стороне. Ариман подозревал, что, заявив о возможности уничтожения кораблей Космических Волков, примарх блефовал, но Скарссен, очевидно, не был в этом уверен.

— Представьте себе то время, когда люди впервые открыли Фенрис, — продолжил Магнус. — Этот мир настолько враждебен жизни, что человек просто не в состоянии там выжить.

Буквально все грозит смертью: и леденящие кровь морозы, и периодически уходящие под воду континенты, и яростные ветры, способные выдуть воздух из легких. Но в те времена генетики воспринимали невозможность как вызов и постоянно внедряли в хромосомы людей и животных новые коды, причем с такой же легкостью, с какой адепты Механикум меняют операционные платы в сервиторах.

— Тогда выходит, колонисты привезли с собой на Фенрис генно-модифицированных волков? — спросил Фозис Т'Кар.

— Возможно, — кивнул Магнус. — Но более вероятно, что они приспосабливались. Порой не слишком удачно и не задумываясь о последствиях. А возможно, на Фенрисе жили другие, более древние расы.

Ариман наблюдал за Магнусом, пока тот говорил, и понимал, что примарх рассказывает им далеко не все, что знает. Магнус погружался в пучину Великого Океана намного глубже, чем осмеливался

любой другой странник. Возможно, он и в самом деле стал свидетелем становления жизни в мире Короля Волков.

Магнус отстраненно пожал плечами:

— Вы смотрите на этих существ и видите в них только волков, но не потому ли, что ожидаете увидеть именно их?

— А что еще мы можем увидеть? — удивился Хатхор Маат. — Это же и есть настоящие волки.

— Если бы ты забирался так далеко, как забираюсь я, если бы видел то, что открывалось мне, ты бы осознал возможность заглянуть поверх ожидания, в истинную сущность объекта.

Магнус махнул рукой в сторону пробегавшего волка. Мощные мышцы перекатывались под его шкурой, невзирая на жару, и легко несли зверя вверх по склону.

— Я могу проникнуть взглядом сквозь плоть этого существа, пронзить кости до самого мозга и проследить все повреждения и модификации его генетического кода. Я могу проследить все его изменения вплоть до первоначального

источника, — сказал Магнус. Ариман удивился прозвучавшей в голосе примарха грусти, как будто он повидал такое, чего совсем не хотел бы видеть. — Все дело в том, чем он хотел стать, и в разных стадиях долгого эволюционного пути.

Волк остановился рядом с Магнусом, и примарх кивнул ему. Казалось, они обменялись безмолвными фразами. Ариман перехватил понимающий взгляд Охтхере Судьбостроителя. Несмотря на все его недомолвки, Ариману хотелось закрепить зародившиеся между ними отношения.

— Пошел отсюда! — крикнул Фозис Т'Кар, прогоняя зверя. — Проклятые волки!

Магнус усмехнулся:

— Я же говорил: на Фенрисе не водятся волки.

Они встретились накануне вечером, сразу после того, как Ариман вернулся в свое физическое тело. Едва он открыл глаза, как застонал от болезненного стресса, всегда сопровождавшего воссоединение тонкого тела с плотью. Кроме того, пронизывающая боль

вспыхнула в раненой ноге.

Медленно и осторожно он выпрямил скрещенные ноги и с помощью хеки поднялся с пола. Правое бедро онемело, словно чужое, и холодная боль проникала в каждый мускул и в каждое сухожилие. Приподняв одеяние, Ариман приложил пальцы к разбухшей мышце и поморщился.

На теле виднелись следы столкновения с охотниками варпа — почерневшие и безжизненные участки кожи. Раны, нанесенные тонкому телу, повреждали плоть странника куда более серьезно, чем клинки или пули.

Астартес мог превозмочь боль, его организм быстро справлялся с ней без ущерба эффективности, но повреждения, полученные в Великом Океане, можно было вылечить только отдыхом и медитациями.

Он увидел упавший на пол открытый гримуар и опустился на одно колено, чтобы его поднять, но снова поморщился, потянув омертвевшую мышцу. Ариман чувствовал себя так, словно целый месяц без отдыха провел в сражении, и его тело

оказалось на грани полного истощения.

Убрав гримуар под замок, он сменил стихарь на темно-красную тунику с капюшоном, отделанную слоновой костью и соболиным мехом. Тело настоятельно требовало отдыха, но главному библиарию предстояла еще одна встреча, о которой он и не догадывался до сегодняшнего полета в Великом Океане, едва не ставшего смертельным.

Полотнище шатра отодвинулось, и вошел Собек, всем своим видом выражавший беспокойство. Вместе с ним в шатер проник и слегка остывший ночной воздух.

— Мой лорд, все ли в порядке?

— Все хорошо, Собек, — ответил Ариман.

— Я слышал твой крик.

— Это был интересный полет в эфире, Собек, только и всего, — сообщил Ариман и набросил на голову капюшон. — Кое-кто из хищников решил поживиться за мой счет.

— И ты собираешься уходить?! — воскликнул Собек. — Тебе необходим

отдых, мой лорд.

— Нет, — покачал головой Ариман. — Мне необходимо кое-кого повидать.

Волки устроили себе логово у самой Горы, в тени мертвых камней. Палатки воинов выстроились по кругу, а в центре был установлен шатер Скарссена. Ариман увидел рядом с ним высокий тотем, воткнутый в каменистую почву: огромный волчий череп, увешанный волчьими хвостами длиной с руку смертного человека и длинными, словно кинжалы, клыками.

Едва он подошел ближе, из сумерек вынырнули тени мощных убийц, напомнивших ему хищников, от которых он с трудом спасся чуть раньше. Шесть зверей, с трудом различимых в темноте, неслышно подошли ближе и ощетинились.

Они остановились, и на острых клыках блеснул отраженный свет звезд. Хищники напрягли мускулы, готовясь к броску.

— Я пришел встретиться с Охтхере Судьбостроителем, — произнес Ариман,

чувствуя себя глупо, обращаясь к животным.

Самый крупный волк запрокинул голову и издал мощный вой, расколовший тишину угасающего вечера.

Ариман ожидал, что волки отойдут в сторону, однако они не двигались с места, преграждая проход в лагерь своего господина. Он сделал шаг вперед, но волк, только что известивший хозяев о его приходе, обнажил клыки и угрожающе заворчал.

Позади волков появилась еще одна тень — высокий воин в гранитно-серой броне и с длинным посохом, увенчанным орлом из золота и серебра. Длинная борода Космического Волка была пропитана воском, а на гладко выбритом черепе плотно сидела обычная кожаная скуфейка. Ариман сразу же его узнал.

— Охтхере Судьбостроитель, — произнес он.

— Да, это я, — ответил Космический Волк и окинул его внимательным взглядом. — Ты ранен, твоя туманная плоть повреждена.

— Я был неосторожен, — сказал Ариман, не совсем понимая его слова, но улавливая общий смысл.

Судьбостроитель кивнул:

— Это верно. Я видел, как ты преследовал вийрд, и не знал, какие стаи охотников собираются для совершения убийства. Как ты мог их не заметить?

— Я уже сказал, что был неосторожен, — повторил Ариман. — А как ты меня нашел?

Судьбостроитель рассмеялся, и его смех не давал повода усомниться в его искренности.

— Для этого не надо большого мастерства, — сказал он. — Я ведь Сын Шторма, и океан душ знаю не хуже, чем моря вокруг Асахейма.[43] Когда в небе набухает Глаз Волка,[44] кузница мира переворачивается, и лозоходцы ищут спокойные места, неподвижные среди общего непостоянства. Я искал спокойствие и нашел тебя.

Большая часть речи Судьбостроителя не имела смысла для

Аримана: слова звучали слишком архаично, а их значения ничего не говорили тому, кто не был уроженцем Фенриса.

— Тогда я задам другой вопрос: зачем ты меня искал?

— Пойдем, — позвал его Судьбостроитель. — Поговорим.

Не дожидаясь согласия Аримана, рунный жрец зашагал по направлению к мертвым камням. Волки расступились, давая им пройти, и Ариман, настороженно поглядывая на зверей, тоже пошел в сторону менгиров, торчавших из земли, словно черные зубы.

Воин осторожно обходил камни, стараясь до них не дотрагиваться, затем обернулся к подошедшему Ариману.

— Якоря мира, — произнес Судьбостроитель. — Островки спокойствия. На этой планете бушует Шторм, но здесь тихо. Они неизменны и неподвижны, как Асахейм.

— Агхору называют их мертвыми камнями, — добавил Ариман.

Волки тихо расселись вокруг, не

спуская с него желтых глаз.

— Подходящее название.

— Так ты собираешься сказать, зачем меня искал?

— Чтобы тебя узнать, — поведал Судьбостроитель. — Атлоди привез вызов твоему лорду, а я прилетел к тебе. Азек Ариман, твое имя известно рунным жрецам Космических Волков. Ты искусный странник. И ты такой же, как я, Сын Шторма, и я знаю о твоей связи с вийрдом.

— Вийрд? Мне незнакомо это слово.

— Ты не с Фенриса, — произнес Судьбостроитель, словно других объяснений не требовалось.

— Тогда просвети меня, — теряя терпение, попросил Ариман.

— Ты хочешь, чтобы я раскрыл секреты своего ремесла?

— В противном случае нам не о чем будет разговаривать.

Жрец улыбнулся, продемонстрировав острые зубы.

— Ты стремишься сразу к самой сути. Хорошо. В общих чертах, вийрд — это судьба, участь.

— Будущее, — добавил Ариман.

— Иногда, — согласился Судьбостроитель. — На Фенрисе ты познаешь его во время переворота кузницы мира, когда меняется лик планеты. Одни земли поднимаются, а другие обречены на гибель. Вийрд показывает нам, как прошлое и настоящее влияют на будущее и как будущее затрагивает прошлое. Потоки времени текут, сливаются, разрываются, но они навеки вплетены в великую сагу Вселенной.

Ариман начал понимать слова рунного жреца, услышав в них отголоски учения Корвидов.

— «Судьба непреложна»,[45] — процитировал Ариман, и Охтхере рассмеялся:

— Да, верно. Этот гаут[46] знал, что говорил.

Ариман перевел взгляд на Гору. Он чувствовал, как из-за общности в понимании тайн его первоначальная враждебность к рунному жрецу постепенно слабеет. Как бы сильно ни различались их

учения, некоторые суждения Космического Волка его заинтересовали. Это совсем не означало, что он мог доверять Охтхере, но первый шаг был сделан.

— Что ж, ты меня разыскал, — заговорил Ариман. — И что дальше?

— Ты и я — Сыновья Шторма, — сказал Судьбостроитель, вторя мыслям Аримана. — А братья не должны быть чужими друг другу. Мне известна сага о прошлом твоего Легиона, и мне известно, что ничто так не подстрекает людей к убийству, как страх перед тем, чего они не понимают.

Ариман немного помедлил, прежде чем задать следующий вопрос:

— И что же еще тебе известно, как ты считаешь?

Охтхере шагнул ближе:

— Я знаю, что дефект геносемени едва не уничтожил твой Легион и вы до сих пор опасаетесь, что эта напасть вернется. Мой Легион в том же положении. Нас подстерегает проклятие вульфена,[47] и мы следим за своими

братьями, не появится ли у кого-то знак волка.

Судьбостроитель поднял руку и прикоснулся к дубовому листку, выгравированному на оплечье Аримана.

— Так же и вы следите за своими легионерами, опасаясь перерождения плоти.

Ариман вздрогнул, словно от удара, и отшатнулся от жреца.

— Никогда больше не прикасайся к нему, — потребовал он, стараясь говорить спокойно.

— Ормузд? — спросил Судьбостроитель. — Так его звали, да?

Ариман хотел рассердиться, хотел вспылить из-за бесцеремонного прикосновения к старой ране. Он заставил себя обратиться к низшим Исчислениям и постарался сбросить пелену печали и сожалений.

— Да, — после недолгого молчания произнес он. — Так звали моего брата-близнеца.

Ариман понял, что в долине

творится что-то неладное, задолго до пересечения хребта, за которым они впервые увидели гигантских стражей. В горле появился противный металлический привкус, и сразу вслед за этим в эфире возникла зыбь. Волнение было слабым, как едва различимый шепот, но все же оно было.

Как же так? Ведь прежде здесь царило ничем не нарушаемая тишина?

Впереди показался перевал, и тошнотворное ощущение усилилось, словно ветер приносил из долины запахи массового захоронения. В долине явно появилось нечто скверное.

Ариман взглянул на Магнуса. Огромный образ притарха расплывался в дрожащей дымке и состоял из множества разных обликов, как будто тысячи пиктов были сняты на один и тот же кадр: Магнус-гигант, Магнус-человек, Магнус-чудовище и еще сотни вариаций на тему Магнуса.

Ариман моргнул, прогоняя мыслеобразы, вызывающие приступы тошноты. Такого ему еще не доводилось

испытывать, и главный библиарий тряхнул головой, стараясь избавиться от возникшего головокружения.

— Ты тоже это почувствовал, да? — спросил фозис Т'Кар.

— Да, — ответил Ариман. — Что происходит?

— Просыпаются спящие, — прошипел Утизаар, прижав пальцы к виску.

— Спящие? — переспросил Хатхор Маат. — О чем это ты?

— Спящие души, оставленные на страже и связанные кристаллической неподвижностью, — через силу пробормотал Утизаар. — Пойманные и запертые, обреченные на долгие мучения, худшие, чем сама смерть.

— Во имя Императора, о чем он болтает? — сердито спросил Калофис.

— Агхору называют их дайестай, — сказал Магнус. — Это порождения варпа, вызванные из кошмаров смертных с самого начала мира. Люди в своем невежестве называют их демонами.

Ариман сдержал улыбку. Да уж, действительно демоны...

— Сыны мои, вы слышите зов Великого Океана, — продолжал Магнус, злобно сверкая красным глазом. — Он будет очень сильным, но обратитесь к девятому уровню Исчислений. Замкните сферу своей решимости и закройте разум от его воздействия. Он будет призывать вас с такой силой, с какой еще никто и никогда не призывал.

— Мой лорд! — воскликнул Ариман. — Что происходит?

— Выполняй, Азек! — резко бросил Магнус. — Это не та энергия, с которой ты знаком. Это инертная и мертвая сила. Она попытается пробиться в твой разум, но ты ни на миг не должен ее туда допускать.

Ариман не привык закрывать свой разум от эфира, но он выполнил приказ примарха, сфокусировал волю и поднялся к высшему самосознанию, откуда мог наблюдать за собственным телом.

Магнус, не проронив больше ни слова, обогнал всех и продолжал путь к входу в долину. Скорость марша возросла, и в поведении Космических Волков Ариман

уловил признаки замешательства, а вот волки... все поняли. Охтхере Судьбостроитель что-то сказал Атлоди Скарссену, после чего воин в маске метнул в сторону Магнуса Красного разъяренный взгляд.

В состоянии объективного наблюдения Ариман видел знакомый ему страх неизвестности, ненависть, вызванную чем-то странным и незнакомым. Космические Волки не питали доверия к его Легиону, но может быть, недавно установившиеся отношения с Охтхере Судьбостроителем изменят эту ситуацию?

Долина была совсем близко, и Ариман вдруг заметил, что ландшафт уже не тот, каким он его видел прежде. Безупречная геометрия, удивившая его своим совершенством в прошлый раз, чуть-чуть изменилась, как будто все сместилось на какую-то долю градуса. Углы, прежде в точности совпадавшие друг с другом, теперь поражали странным диссонансом, как чуть расстроенный музыкальный инструмент.

Принцип золотого сечения был нарушен, и изящный танец пересекающихся линий сменился мешаниной разрозненных очертаний, нарушивших царивший здесь ранее идеальный порядок. Долина стала излучать угрозу, и каждый предмет казался враждебным. Раскатистый рев двигателей «Ленд Рейдеров» будил в крутых склонах странное эхо, как будто звук исходил из сотни разных источников.

Наконец они добрались до устья долины. При виде того, что стало с гигантскими стражами, Ариман едва не вскрикнул от ужаса.

— Я слышу их вопли, — прошептал Утизаар, и Ариман быстро понял причину происходящего.

Колоссы стояли на тех же самых местах, что и в прошлый раз, но гладкие чистые линии их корпусов и конечностей уже не были такими изящными. Если раньше цвет стражей напоминал выбеленную солнцем кость, то теперь их конечности были пронизаны отвратительной сетью зеленовато-черных

вен. Смертоносная зараза толстыми маслянистыми щупальцами выползла из пещеры и наполнила своей отравой гигантские корпуса.

Ступни с загнутыми когтями превратились в сплошную гниющую массу, которая постоянно вздыталась и колыхалась, постепенно увеличиваясь в объеме. Почерневшие ноги поддерживали торс, опутанный тонкими черными нитями, поглощавшими весь падающий на них свет. Стройные руки покрылись черными венами, по которым струилась отрава продуктов разложения. Изящные контуры огромных голов еще оставались не тронутыми заразой, но на глазах у Ариманa тонкие черные щупальца уже обвились вокруг больших самоцветов, украшавших их поверхность.

Он ощущал, как Великий Океан наращивает давление, пытаясь прорвать барьер его самоконтроля. Откуда-то снизу поступала энергия, но то, что он чувствовал, было лишь незначительной ее струйкой, которая грозила превратиться в ручеек, а потом и в стремительный

поток. Дамба дала трещину, и безжалостная стихия скоро разрушит ее окончательно.

Ариману очень хотелось попробовать эту силу на вкус, ощутить, как она потечет сквозь его тело, но, выполняя приказ Магнуса, он держал свой разум закрытым и даже старался не смотреть в сторону гигантских статуй.

— Что с ними происходит? — спросил он.

Магнус взглянул на него сверху вниз.

— Что-то дурное, Азек, — ответил он. — Я опасаюсь, что мое пребывание в этом мире ускорило процесс. Баланс нарушен, и мне придется его восстанавливать.

Ятири и его старейшины, поспевавшие за Астартес, несмотря на преклонный возраст, тоже заглянули в долину.

— Дайестай! — вскрикнул вождь, сжимая древко фаларики побелевшими от напряжения пальцами. — Они возвращаются!

— Именем Волчьего Глаза, о чем он бормочет? — потребовал объяснений

Скарссен, подходя ближе вместе с Охтхере Судьбостроителем. — Что это за статуи?

Магнус перевел взгляд на Космических Волков, и Ариман понял, насколько его примарха раздражает их присутствие. То, что предстояло сделать, лучше было бы скрыть от посторонних глаз.

Ятири повернулся к Магнусу:

— Они требуют мертвецов. Мы должны исполнить их желание.

— Нет, — возразил Магнус. — Все что угодно, только не это.

Ятири тряхнул головой, и Ариман увидел, насколько он разгневан.

— Это наш мир, — сказал вождь агхору. — И нам самим предстоит спасать его от дайестай, а не тебе.

Воин в зеркальной маске отвернулся от примарха и повел своих соплеменников в долину, держа путь к стоявшему перед входом в пещеру алтарю.

— Лорд Магнус, — не унимался Скарссен, — о чем это он говорил?

— Всего лишь суеверие, лорд Скарссен, — ответил Магнус. — И ничего больше.

— На вид это гораздо больше, чем просто суеверие, — заметил Скарссен и крепко прижал болтер к груди. — Лорд Магнус, примарх Тысячи Сынов, скажи прямо, что происходит?

— Хель![48] — воскликнул Охтхере Судьбостроитель, со страхом и восхищением глядя на титанические конструкции. — Отец Кракен, хранитель глубин!

— Так вот что мешает тебе присоединиться к Королю Волков?! — крикнул Скарссен. — Ты связался с колдунами!

Магнус резко развернулся.

— Ты что, плохо усвоил урок, щенок? — грозно вопросил он.

Скарссен вздрогнул от гневного окрика, и Ариман увидел, как ярость примарха расходится по поверхности, словно ударная волна после взрыва. Тем временем Ятири и его соплеменники спустились в долину, окружили алтарь и затянули молитвы несуществующим божествам. Агхору разбились на пары и

встали лицом друг к другу. Вдруг Ятири поднял свою фаларику, и Ариман понял, что произойдет дальше, всего за мгновение до того, как стало слишком поздно.

— Нет! — крикнул Магнус, проследивший за взглядом Аримана. — Остановитесь!

Ятири развернулся к стоявшему напротив него соплеменнику и пронзил его грудь лезвием фаларики. Старейшины поспешно обступили их — и жертву, и убийцу. Сверкнули клинки, лезвия ударили в плоть и кости. Кровь пролилась.

Ариман так никогда и не узнал, была ли истинной причиной смерть агхору, или кровь, заливщая алтарь, или какой-то другой фактор, но в тот момент, когда убитый упал, накопленная в долине энергия вырвалась на волю приливной волной.

Сдерживавшая ее дамба уже не могла остановить ее течение.

Раздался оглушительный треск, заскрежетали камни, и стражи долины пришли в движение.

Глава 8
ПОБЕДИТЕЛЬ ТИТАНОВ

Гиганты двигались, каким бы невероятным это ни казалось. От их усилий задрожала земля. Скала треснула и раскололась, и со склона Горы, словно пылинки, полетели огромные валуны. Колоссальные создания напряглись, разрывая узы древней темницы, и оторвались от скалы.

Из пещеры до Аримана донесся первобытный рев, полный неутолимой жажды. После долгих тысячелетий, проведенных в темноте пещеры, на свободу вырвалась энергия бессмысленного разрушения. В недрах Горы взвыли яростные вихри.

Напор Великого Океана, стремившегося прорваться в его сознание, был настолько силен, что Ариман, прижав руки к шлему, упал на колени. Он помнил предупреждение примарха и старался выполнить его приказ.

Такой мощной психической атаки не

было даже во время разрушения Просперо, когда психнойены уничтожили город вместе со всем населением. Сквозь застилавшие глаза слезы Ариман видел, как рассеялись ряды Астартес. Те, кто был лишен связи с эфиром, еще сильнее пострадали от пронзительного вопля, острым кинжалом врезавшегося в мозг.

Первая из величественных машин сделала шаг, и от удара невероятно тяжелой ступни, словно при землетрясении, загудела и содрогнулась поверхность. Лорд Скарссен что-то кричал своим воинам, но Ариман не мог разобрать слов. Охтхере Судьбостроитель держался за посох, а из древка били ослепительно-черные молнии. Фозис Т'Кар и Хатхор Маат рядом с ним сдерживали натиск злобных сил, о которых предупреждал Магнус, а Утизаара и Калофиса не было видно.

Второй гигант вырвался из плена, и долина снова содрогнулась, сотни тонн камней с грохотом осыпались, мощно напомнив о физическом мире. Мимо Аримана, дробя гусеницами валуны,

прокатились глыбы из красного металла «Ленд Рейдеры» устремились навстречу титанам, потрескивая энергией активированных орудий.

Боковым зрением главный библиарий уловил движение и, обернувшись, увидел, как Калофис отдает громогласные приказы своим воинам. Астартес с изображениями алого феникса на груди поспешно занимали позиции и готовили оружие к бою.

Ариман едва не рассмеялся. Что могли сделать их пушки против этих боевых машин?

Он попытался подняться, но давление, испытывающее его защиту на прочность, прижимало к земле, словно предметное стекло пойманного мотылька. Упорное сопротивление силе, которая могла бы принадлежать ему, если бы он позволил, сковало его конечности и лишило подвижности все суставы.

Ариман чувствовал это искушение, так похожее на соблазнительный шепот, заманивающий в бездну беспечного странника, и на блуждающие огни, когда-

то давно заводившие путников в губительную трясину. Но одного осознания было недостаточно, чтобы искоренить желание поддаться сладкозвучному зову.

Все, что ему надо было сделать, — это впустить энергию в свое сознание, и тогда его силы возродились бы. Он смог бы остановить эти боевые машины, смог бы снова читать будущее. Последние остатки воли Аримана стремительно слабели.

Нет, брат... Держись за мой голос.

Слова стали якорем в окружающем безумии, путеводной звездой на пути к самоконтролю. Он мысленно ухватился за них, как утопающий хватается за руку спасителя.

Затем кто-то тронул его за плечо, и Ариман увидел Утизаара, склонившегося над ним, как склоняется жрец, дарующий благословение. Атенеец поднял его, так что они встали лицом друг к другу и крепко сцепили руки, словно соревнуясь в крепости мышц.

Восстанови свой барьер, брат, я могу защитить тебя, но только на время.

Голос Утизаара звучал в его голове, и

спокойный тон телепата стойко противостоял бушующим вихрям, едва не сокрушившим его волю. Помощь Утизаара уменьшила давивший на плечи груз, и в сознании воцарилось благословенное спокойствие.

Вернись к началу, брат. Вспомни основные принципы!

Ариман стал повторять мантры, позволявшие неофиту контролировать энергию своего существа, потом перешел к медитациям Ревнителя, накапливающего энергию. Затем последовал контроль над процессом мышления Практика и достижение невозмутимости Философа. С каждой ступенью защитные барьеры, закрывавшие его разум, восстанавливались и яростные вихри эфира отступали.

Торопись, брат. Я больше не могу тебя защищать.

— Уже не надо, — сказал Ариман, как только мир вокруг него обрел прежние очертания. — Я восстановил контроль.

Утизаар расслабился и отпустил его руки.

— Хорошо, — выдохнул он. — Дольше я

не продержался бы.

Ариман оглянулся по сторонам. Вокруг царил хаос, но Астартес готовились дать отпор гигантским военным машинам. Оба колосса уже полностью освободились, и черные щупальца на их корпусах пульсировали, словно обновленные артерии, перекачивая силу в огромные тела.

Ариман быстро оценил обстановку. Космические Волки спрятались в укрытие за грудами огромных валунов у края долины. Подобное решение произвело на него впечатление. Сыновья Русса славились своей неудержимой отвагой, но она не делала их глупцами. Бросаться сломя голову против такого врага было равносильно самоубийству, и Скарссен хорошо это понимал.

Тысяча Сынов образовали строй «Девяти луков» — наступательную комбинацию из трех группировок, название которой корнями уходило в историю Древнего Гипта. Так правившие там цари называли своих врагов.

«Он собрал их всех вместе и обрушил

на их головы свой жезл», — процитировал Ариман надпись с одной из гипетских стел.

В центре первого блока стоял Калофис, вторым командовал Фозис Т'Кар, а третьим — Хатхор Маат.

Вокруг Калофиса забили высокие огненные гейзеры, образовавшие ослепительные столбы. Ариман издали ощутил невероятную энергию, окружавшую капитана Шестого братства. Его потенциал был настолько велик, что эту энергию впитывали и шедшие за ним воины.

— Надеюсь, Калофис не забудет об осторожности, — мрачно заметил Утизаар.

— И не только он, — добавил Ариман, заметив ореолы энергии эфира в тех местах, где стояли Фозис Т'Кар и Хатхор Маат.

— Глупцы, — бросил Утизаар, забыв о своей обычной сдержанности. — Их же предупреждали!

Среди возникшего хаоса Ариман разглядел Ятири. Вождь агхору стоял на

базальтовом алтаре, залитом кровью старейшин, размахивал своей фалариком и кричал. Вокруг него завывал ураган, несущий остатки разложившейся материи и проблески освобожденной неестественной энергии.

А в самом центре урагана высился Магнус Красный.

Величественный и гордый примарх Тысячи Сынов стал оком бури, единственным островком нерушимого спокойствия. Но, несмотря на то что он казался гигантом среди людей, огромные титаны намного превосходили его ростом и возвышались над примархом, поблескивая черными отвратительными щупальцами.

Первый из титанов наклонил огромную голову и стал рассматривать Магнуса, словно золотую диковинку, обнаруженную на свалке. Потом его тело содрогнулось как будто с отвращением, и колоссальная машина стала похожа на человека, обнаружившего опасное насекомое. Титан неуверенно шагнул навстречу Магнусу, еще не овладев своими

конечностями после бесчисленных лет полной неподвижности. По Горе прокатилась дрожь от невероятно тяжелой поступи. Но Магнус не шелохнулся. Его плащ из перьев развевался на ветру, но казалось, мощь пробудившегося колосса ничуть не беспокоила примарха Тысячи Сынов.

Машина сжала огромный кулак и плавно опустила руку, что было совсем не похоже на резкие шумные движения боевых титанов Империума. Вдоль всей поверхности перчатки появилось сияние электромагнитного излучения.

А затем произошел выстрел.

Залп смертоносных проникающих снарядов с оглушительным грохотом пронесся от кулака машины к Магнусу. Примарх даже не шевельнулся, а огненный вихрь распался над его головой, налетев на невидимый барьер, и осыпался на землю градом металлических и каменных осколков.

В другой руке титана развернулось огромное, похожее на копье орудие, и Ариман снова поразился плавности

движений машины. Колоссальное сооружение двигалось с такой грацией, словно было единым целым до последней молекулы, было живым существом, а не противоестественным соединением удаленного разума и механических узлов, управляемых импульсами через тактильные контакты.

Но прежде, чем колосс успел осуществить очередной залп, его ноги внезапно окутались огнями: «Ленд Рейдеры» Тысячи Сынов, словно древние охотники, окружившие огромную добычу, осыпали титана ударами лазерного огня.

Астартес Шестого братства выпустили залпы разрывных и болтерных снарядов. Керамические пластины машины треснули и раскрошились, на поверхности корпуса вспыхнули язычки пламени. Имперские боевые машины шли в сражение под защитой мерцающих щитов, поглощавших энергию удара, но у этого исполина их не было. Неизвестно, на какую защиту он полагался при жизни, в этом воплощении ее не оказалось.

Магнус, хотя и выглядел ребенком

перед ужасным великаном, не отступил ни на шаг. Он поднял руку ладонью вверх, словно предлагая чудовищу приманку, разжигающую аппетит, а потом, слегка улыбнувшись, стал один за другим сгибать пальцы, сжимая кулак.

Огромная перчатка, из которой только что вылетел убийственный залп снарядов, под действием невидимой силы исчезла полностью. Из поврежденной конечности вырвалось пламя, черные вены повисли бесполезными веревками, а Магнус хладнокровно продолжал действовать, пока не уничтожил руку до самого плеча. Гигантская машина качнулась, хотя эта реакция на боль казалась невероятной и неестественной для такого исполина. «Ленд Рейдеры», спеша воспользоваться преимуществом, принялись осыпать ноги и торс титана яростными залпами лазерных выстрелов.

В это время второй титан повернул копье, и воздух вдруг стал разреженным, как будто сама Гора сделала глубокий вдох. На конце орудия начала разгораться невероятно яркая точка, а затем из него

вырвался ураган пульсирующего огня.

Выстрел в одно мгновение сжег три «Ленд Рейдера», и в небо взметнулся огненный шар трех одновременных взрывов. Испепеляющий луч жидкого света прошелся по долине, уничтожив все живое и оставив на земле остекленевший шрам. Стоявшая в стороне группа воинов Хатхора Маата окуталась пламенем, и их броня потекла, словно расплавленный латекс. Ариман услышал их крики. Ужасный запах обгоревшей плоти, свидетельствующий о смерти братьев, грозил нарушить его концентрацию.

— Азек! — послышался едва различимый в реве стрельбы голос.

Ярость главного библиария моментально улетучилась, восстановилась, благодаря Исчислениям, ментальная дисциплина. Обернувшись, Ариман увидел, что из-за груды валунов ему отчаянно машет рукой Охтхере Судьбостроитель. Из этого укрытия Космические Волки вели непрерывный обстрел гигантских стражей долины.

Логическое мышление, отточенное

вековыми упражнениями, взяло верх.

— Утизаар! — окликнул он. — Пойдем.

Утизаар кивнул, и под непрерывным оглушительным обстрелом они побежали к краю долины. Залпы снарядов, способные уничтожить целые отряды солдат, неслись в обоих направлениях, сопровождаемые еще и тепловыми ударами, отскочившими от скал пулями и ударными волнами. Ситуация на поле боя постоянно менялась, но темп сражения неуклонно нарастал.

Астартес отвечали на стрельбу регулярными залпами, но, за исключением усиленных Калофисом орудий, почти ничто не могло нанести машинам заметного ущерба. Титаны пока были вынуждены бить сразу по многим целям, однако такое положение сохранится недолго. Струя пламени со звуком тысячи разбившихся зеркал вылетела из второго кулака титана, и в результате погибли еще пятьдесят Астартес.

Ариман вместе с Утизааром бросился в укрытие, хотя было очень непривычно делить убежище с воинами в свинцово-

серой, а не в красно-белой броне. Лохматый волк тотчас оскалил на него покрытые слюной клыки.

— Что вы там делали? — спросил Охтхере, стараясь перекричать грохот стрельбы.

— Ничего, — ответил Ариман, не желая распространяться о тяжком испытании, которое он пережил с помощью Утизаара. — Просто выбирали момент, чтобы добраться до укрытия.

— Сейчас я бы многое отдал ради боевой машины Механикум, — прошипел Судьбостроитель, когда над грядой камней прокатился очередной вал бурлящего огня.

С посоха рунного жреца с треском сорвались миниатюрные молнии. Энергия, переполнявшая долину, едва не разрушила защиту Аримана своей соблазнительной доступностью, однако Судьбостроитель, казалось, ее даже не замечал.

Космические Волки вскинули на плечи ракетные установки и прицелились в неповрежденного гиганта. Скарссен, указав на его голову, отдал команду, почти неслышную в общем шуме. В воздухе

закружились спиральные струи реактивных газов, прогрохотали взрывы, голова дернулась назад, однако обошлось без заметных повреждений.

— Повторить! — скомандовал Скарссен.

— Этим их не возьмешь! — закричал Ариман.

— Ты ни разу не охотился на фенрисианского кракена, верно?! — крикнул в ответ Скарссен.

— Какой ты догадливый, — огрызнулся Ариман, пригибаясь, чтобы укрыться от летящих осколков. Космический Волк упал на землю рядом с ним, но тотчас поднялся. — А какое это имеет отношение к данной ситуации?

— Один корабль на такой охоте наверняка будет разбит в щепки, а его экипаж закончит свои дни в пасти чудовища. — Командир Волков говорил с таким видом, будто сражение доставляло ему величайшее удовольствие. — Но у дюжины судов есть шанс преуспеть. Вот тогда ломается чешуя, рвется плоть, хлещет кровь, чудовище слабеет и

умирает. И каждый гарпун имеет значение, от первого до последнего.

А потом в сознании каждого воина раздался такой мощный пронзительный вопль, исполненный вековечной тоски и боли, что исчезли все мысли.

Это был крик сотен погибающих миров. Родовой крик ужасного и жестокого бога, предсмертный вопль блаженства, исчезнувшего еще в те дни, когда раса людей была совсем юной. Ариман еще никогда не испытывал такой боли. Сметающий все преграды звук проникал в самые отдаленные уголки не только мозга, но и всего тела и буквально сбивал с ног. С трудом восстановленный хрупкий контроль рухнул, и перед мысленным взором вспыхнули картины погибающей цивилизации, горящих миров и гигантской империи, разрушенной собственной слабостью.

Жесточайший вопль не пощадил никого, ни Космических Волков, ни тем более Тысячу Сынов, пострадавших еще сильнее. Эта боль за одно мгновение едва

не свела Аримана с ума.

А потом все закончилось. Отголоски крика, словно буруны перед волнолотом, быстро возникли, но так же быстро и затихли. Ариман, сморгнув выступившие от боли слезы, с удивлением обнаружил, что валяется на земле.

— Великий Волк, что это было?! — взревел Скарссен, нависая над ним, словно ничего и не произошло.

Космические Волки не переставали удивлять Аримана.

— Не могу сказать точно, — сказал он и заморгал, стараясь прогнать яркие пятна перед глазами, возникшие из-за лопнувших сосудов. — Вероятно, какой-то психический крик.

— Ты можешь его блокировать? — спросил Скарссен и протянул ему руку.

— Нет, он слишком мощный.

— В этом нет необходимости, — вмешался Утизаар.

Ариман принял руку Скарссена и поднялся на ноги, хотя голова еще сильно болела от давления таинственного боевого клича. Утизаар кивнул ему и указал в

сторону долины.

Главный библиарий взглянул поверх раскаленных добела камней, служивших укрытием и Космическим Волкам, и ему с Утизааром. В застывающей стеклянистой массе, образованной жаром излучения титана, торчали острые, как лезвия, диски, величиной приблизительно в рост человека. Сильнейший удар вызвал вибрацию, и диски продолжали негромко гудеть.

Часто моргая, Ариман осмотрел долину. Верхние продолговатые секции гигантских машин почернели от огня, броня треснула, украшенные драгоценными камнями головы раскололись. Он уловил в воздухе горячий металлический привкус сверхмощного эфирного разряда и с гордостью увидел, как навстречу титанам шагает Магнус Красный, держа перед собой окутанные пламенем кулаки.

Машины охватил призрачный огонь, непрерывные взрывы выбивали крупные куски из их керамической брони, и из пробоин уже сочилась омерзительная черная жидкость.

— Видишь! — взревел Скарссен. — Они истекают кровью!

— Этого недостаточно, — ответил Ариман. — И не важно, сколько гарпунов ты в них загонишь!

— Посмотрим! — крикнул Скарссен и ничком рухнул на землю, уклоняясь от ревущей стены света, накрывшей их убежище.

Раскаленная шипящая волна с громким хлопком высосала из воздуха большую часть кислорода.

— Идет Шторм! — закричал Судьбостроитель. — Буря подает нам знак!

Магнус в одиночку противостоял гигантским машинам. Его плащ из перьев колыхался за спиной, подобно орлиным крыльям. Все его существо переполняла энергия, и в какой-то момент показалось, что он сравнялся ростом с титанами. Его распущенные волосы поднялись огненной гривой, а по рукам пробегали огоньки. Примарх Тысячи Сынов слегка отвел руку назад и выпустил струю голубоватого пламени прямо в грудь ближайшему

титану.

Колоссальная машина была великолепным произведением военной науки давно забытых веков, и мастерство ее создателей вызывало восхищение, но такому невероятно мощному удару она противостоять не могла. Корпус взорвался, ребра, изготовленные из неизвестного материала, разбились, словно фарфоровые, и осыпались почерневшими осколками. Величественная голова сорвалась с шеи и рухнула на скалы.

Боевая машина упала и рассыпалась на части, ударившись о скалы, где стояла на страже дольше, чем мог представить себе человек. Обвалившиеся фрагменты подняли тучи пыли, скрывшие второго титана.

На некоторое время над полем боя повисла тишина, словно никто не решался поверить, что титан мертв. Но тишина продлилась недолго.

Спустя пару мгновений Космические Волки огласили долину триумфальным волчьим воем, однако Ариман не ощутил радости.

— Ужасно видеть гибель такого колоссального создания, — произнес он.

— Ты жалеешь о нем? — спросил Судьбостроитель. — Разве охотник не испытывает радость в момент убийства?

— Я не испытываю ничего, кроме сожаления, — ответил Ариман.

Охтхере Судьбостроитель посмотрел на него с искренним замешательством, его печаль в момент великой победы задела чувства жреца.

— Это существо погубило твоих воинов. Отмщение требовало его смерти. Можно уважать своего врага, но скорбеть о нем бессмысленно.

— Может, и так, но с его уничтожением мы утратили многие секреты.

— А нужны ли нам эти секреты? — усомнился Скарссен. — Уж лучше уничтожить это создание вместе с его секретами, чем вникать в колдовство чужаков.

Дым, вызванный разрушением гигантской машины, начал рассеиваться, и из-за клубящихся туч послышался

нарастающий протяжный вой, в котором одновременно звучали горе и ярость. Вскоре показался второй титан. Он был ранен и истекал черной блестящей жидкостью, но, как всякий раненый хищник, оставался чрезвычайно опасным.

Рука гиганта, державшая копье, легко повернулась, и дуло направилось точно в грудь Магнусу. Ариман заметил, что отражение очередного удара потребовало от примарха немалого напряжения. Его лицо сильно побледнело, огненно-медный блеск сменился потускневшей бронзой. Магнус опустился на одно колено, словно приносил присягу могущественному божеству войны.

Гигант шагнул, и под его ногами опять задрожала земля. Он нагнул голову и стал изучать ничтожное существо, которое осмелилось дать ему отпор. Из обрубка руки вылетали искры и клубы дыма. Обгоревшие крылья обвисли и едва виднелись над плечами; как будто разбитый ангел смерти пришел освободить Агхору от последних признаков жизни.

Но на кончике орудия стал разгораться огонь, и послышался свист втягиваемого воздуха.

А потом сверкнуло ослепительное копье, и огонь стел Магнуса с лица земли.

Тысяча Сынов закричали.

Их примарха окутало пламя миллионов звезд. Не важно, что он был одним из двадцати шедевров искусства генетики, выдающимся воином со сверхчеловеческими способностями. Такой атаки не мог перенести никто. Невероятно мощный всплеск жидкого огня превратил в стекло даже часть самой Горы.

Всепоглощающий ужас отвратил Ариана от Исчислений; в его душе смешались горе, гнев и ненависть. Титан обрушил на Магнуса смертельную волну огня, и Ариман понимал, что более ужасного зрелища он не видел в своей жизни и больше никогда не увидит.

Утизаар рядом с ним обеими руками схватился за голову. Ариман, даже охваченный горем, не мог ему не

сочувствовать; насколько мучительнее переживал гибель отца телепат?

Мгновения проходили в абсолютной тишине. Казалось, весь мир замер, не в силах поверить в случившееся. Повержен один из любимых сынов Императора. Непостижимо. Какая сила способна положить конец жизни примарха? Какой бы упрямой ни была реальность, она никак не могла опровергнуть многочисленные легенды, не могла сломить непоколебимую веру в его бессмертие.

Все оказалось выдумкой, и Ариман чувствовал, как рушится его мир.

Тысяча Сынов закричали.

Космические Волки завыли.

Вокс взорвался атавистическими воплями ярости.

— За мной! — крикнул Скарссен.

И Волки ринулись в атаку.

Они перелетели через гряду камней и побежали к титану, стреляя из болтеров и на ходу заряжая ракетные установки. Атаку возглавила шеренга терминаторов — волна несокрушимой ярости, способная смести с лица земли любого врага, кроме

того, что противостоял им сегодня. Ариман и Утизаар бежали вместе со всеми, зная, что пехоте недопустимо обнаруживать свое положение перед столь грозной и мощной боевой машиной. Титан всегда царил на поле битвы, эта смертоносная машина уничтожала пеших солдат, едва ли даже замечая их присутствие.

Но в этом сражении, как ни в одном другом, Ариман испытывал потребность пойти на крайний риск и испытать свою жизненную силу в проявлении благородного героизма. Исчисления помогали воинам сосредоточиться, предохраняли разум от слишком сильных эмоций и от губительных оплошностей, которые могли бы привести к смерти. Военные действия были более жестокими, чем в любую другую эпоху развития человечества, и никто из воинов не был гарантирован от получения ран. Исчисления помогали Тысяче Сынов объективно оценивать вероятность такого исхода и позволяли сражаться, невзирая на опасность.

Поступать иначе было бы

бессмысленно, и Ариман всегда удивлялся, что смертным хватает храбрости, чтобы хотя бы просто выйти на поле боя. И вот сейчас он сам оказался в таком положении: отчаяние и пример Космических Волков заставили его ринуться в бой без защиты эмоциональной отрешенности.

Примеру Космических Волков последовали все воины Тысячи Сынов.

Два уцелевших «Ленд Рейдера», опаленные и дымящиеся, продолжали обстреливать титана. Астартес в красной броне, жаждущие отомстить за своего примарха, неслись вперед, не отставая от Космических Волков, позабыв в этом стремительном порыве о необходимости сохранять хладнокровие.

В этой отчаянной и тщетной атаке в полной мере проявилась отвага воинов.

Стена огня начала оседать, и при виде открывшейся картины решимость едва не покинула Аримана. Оплавленный кратер простирался до когтистых лап смертоносной машины. Но в самом центре кратера он увидел нечто, наполнившее его сердце робкой надеждой и восторгом.

За дрожащей пеленой раскаленного воздуха мерцал отливающий золотом энергетический купол, а под ним виднелись две фигуры в боевых доспехах. На искореженном обломке скалы, в самом центре кратера, после огненного залпа титана остались в живых только Фозис Т'Кар и Магнус Красный. Капитан Второго братства стоял, согнувшись почти пополам и подняв руки к плечам, словно Атлас Теламон[49] Древней Терры, мятежный титан, обреченный вечно держать на своих плечах земной свод.

— Кайн-щит! — выдохнул Утизаар. — Кто бы мог предположить, что Т'Кар настолько силен?

Нахлынувшее чувство облегчения вызвало у Аримана громкий смех. Магнус жив! Он стоит на коленях, ослабел и изнурен уничтожением первого титана, но он жив. Этот простой факт в одно счастливое мгновение дошел до всех воинов Тысячи Сынов.

И в следующий миг Астартес обоих Легионов дали выход своей ярости и

уязвленной гордости.

Космические Волки пустили в ход все оружие, какое у них имелось: болты, ракеты и разрывные гранаты отыскивали трещины в броне титана и расширяли их. Ариман и Утизаар, оставшись среди сынов Русса, ни в чем от них не отставали и одну за другой разряжали обоймы, целясь в объект своей ненависти. Скарссен подбадривал своих воинов оглушительными бессмысленными воплями, которые действовали на них одной только своей эмоциональностью. Охтхере Судьбостроитель в сопровождении волчьей стаи, размахивая посохом, метался вдоль строя, а над ним завывали и клубились вихри далекого ледяного шторма.

Волки Фенриса обратили на титана все свое оружие, и потомки Просперо тоже воспользовались всеми имеющимися у них средствами.

Сотни огней вдруг заплясали по поверхности титана, но это был не очередной залп стрелкового оружия. Воины, несущие на груди эмблемы

Пирридов, на ходу метали из своих перчаток пламя эфира. Идущий в центре Шестого братства Калофис размахивал кулаками, словно боксер, и результатом каждого взмаха становилась разъедающая огромного титана струя ослепительного пламени. Попадая в цель, она прожигала броню, обнажая кристаллическую структуру и разрушая похожий на скелет остов.

— Милосердная судьба! — закричал Утизаар, заметив действия Калофиса. — Что же он делает?

— Спасает нашего примарха! — крикнул в ответ Ариман. — Как и надлежит всем нам!

Пирриды действовали весьма эффективно, но это было недопустимо. Подобные навыки безо всяких опасений можно демонстрировать в храмах братства Просперо, но делать это в присутствии посторонних было весьма опрометчиво.

И на такое безрассудство решились не только Калофис и Фозис Т'Кар.

Хатхор Маат, резко взмахнув

руками, послал в громадную машину пучок пурпурных молний. Заплясавшие по броне язычки пламени затрещали, словно неисправная электрическая цепь, и сорвали несколько фрагментов брони. Между Павонидами проскочили миниатюрные молнии, а капитан братства собрал их вместе и направил поток энергии в цель.

Утизаар схватил Аримана за руку, и главный библиарий заметил в его ауре всплески страха.

— Они должны прекратить это! — прошипел Утизаар. — Все прекратить! Энергия из Великого Океана опьяняет, и тебе это известно не хуже меня. Обращаться с такой силой способны только самые опытные и дисциплинированные адепты!

— А наши братья-капитаны весьма опытны в тайных искусствах и дисциплинированны, — возразил Ариман, выдернув свою руку.

— Но достаточно ли они дисциплинированны? Вот в чем вопрос.

У Аримана не нашлось ответа, и он снова сосредоточился на уничтожении

титана.

Огромная машина умирала, но не прекращала борьбу. Конечности метались в предсмертных судорогах, разбрасывали мощные импульсы энергии, сокрушая склоны долины и уничтожая десятки Астартес.

Сопротивление прекратилось только после того, как Калофис и Хатхор Маат объединили усилия и нанесли решающий удар копьем молнии в голову титана. Продолговатая голова взорвалась, и громадное сооружение рухнуло, словно подрубленное топором вековое дерево.

Поднялся оглушительный шум ломающихся пластин брони, бьющегося стекла и разваливающегося остова. При падении машина тяжело ударилась о скалы и разлетелась на миллиарды частей не крупнее человеческого кулака. Звон осыпавшихся осколков керамита прозвучал для Астартес победным маршем. Все опустили оружие и дружно выдохнули, ожидая, пока осядет пыль и развеется дым.

С пронзительным визгом рухнул

защитный энергетический купол, прикрывавший Фозиса Т'Кара и примарха. Фозис, вероятно истощенный до предела, тоже упал, а Магнус Красный вновь поднялся на ноги. Несмотря на то что битва потребовала напряжения всех его сил, примарх оставался все таким же величественным, как и всегда. Подняв на руки бесчувственное тело Фозиса Т'Кара, он шагнул со скалы.

Магнус не упал. Вместо этого Алый Король, поддерживаемый своей неимоверной силой, словно уставший в сражении ангел, пролетел сквозь дым и пыль к краю кратера.

Здесь его с невыразимым восторгом уже встречали Астартес Тысячи Сынов. Ариману и Утизаару пришлось протискиваться сквозь толпу своих собратьев, неохотно уступавших им дорогу. Ариман добрался до края кратера как раз в тот момент, когда Магнус коснулся ногами остекленевшей поверхности и осторожно опустил Фозиса Т'Кара.

— Хатхор Маат, — устало произнес

примарх, — позаботься о нем. Призови все силы Павонидов, чтобы спасти ему жизнь. Ты не позволишь ему погибнуть.

Капитан Третьего братства кивнул, опустился на колени рядом с Фозисом Т'Каром и осторожно снял с него шлем. Лицо Астартес было мертвенно-бледным. Но как только Хатхор Маат с двух сторон приложил к его шее ладони, нормальный цвет кожи немедленно восстановился.

— Мой лорд... — с трудом заговорил Ариман, едва не задыхаясь от нахлынувших эмоций. — Мы уже думали... ты думали, что потеряли тебя.

Магнус слегка улыбнулся и стер струйку крови, вытекшую из уголка рта. Его глаз налился багрово-красным цветом. Еще никогда Ариман не видел своего примарха таким измученным.

— Я выживу, — сказал Магнус. — Но бой еще не завершен. Этих стражей совратила скрытая в Горе сила. Многие века она лежала, погруженная в дремоту, но теперь проснулась. Если мы ее не остановим, все, что мы здесь обнаружили,

будет утрачено.

— Что от нас требуется, мой лорд? — решительно спросил Калофис.

Магнус повернулся ко входу в пещеру. Проем был густо оплетен черными щупальцами, словно в плоть Горы вгрызались обугливщиеся корни какого-то растения-паразита.

— Мы все вместе пойдем внутрь, сыны мои, — сказал Магнус. — И завершим то, что начали.

Глава 9
СПОСОБНОСТИ ВНУТРИ ГОРЫ ЯЗЫК АНГЕЛОВ

Солнце стояло в зените, и сама мысль о том, чтобы покинуть тень полога, ничуть не прельщала Лемюэля. Камилла снова захотела воспользоваться тайной тропинкой, чтобы узнать, зачем Тысяче Сынов и Космическим Волкам так поспешно потребовалось подняться в горную долину.

— Неужели тебе совсем неинтересно? — спросила Камилла, полулежа в полотняном кресле и потягивая воду из потертой кожаной фляжки. — Я хотела бы знать, что их встревожило настолько, чтобы потребовались даже боевые танки. Это были «Ленд Рейдеры», никак не меньше. Ты их видел?

— Видел, — ответил Лемюэль и промокнул брови кончиком банданы. — Они выглядели весьма впечатляюще.

— Впечатляюще? — скептически переспросила Камилла. — Больше, чем впечатляюще. Просто изумительно.

— Ладно, пусть будет изумительно. Но я не настолько любопытен. Я уверен, что бы там ни происходило, со временем ты обо всем узнаем.

— Тебе хорошо говорить, — заметила Камилла. — Это у тебя теперь имеется прямой доступ к Тысяче Сынов.

— Это совсем не то, — запротестовал Летюэль.

— А что же это? — поинтересовалась Камилла.

После прибытия Космических Волков они встречались втроем каждый вечер и обсуждали слова, написанные Каллистой. Необходимость хранить секрет связывала приятелей, словно заговорщиков. И чем больше времени Летюэль проводил в обществе Камиллы и Каллисты, тем крепче становилась его уверенность, что секретов у них гораздо больше.

— Лорд Ариман заметил во мне потенциал, — сообщил он, хотя и сомневался, что этих слов будет

достаточно, чтобы объяснить причину приглашения, поступившего от главного библиария Тысячи Сынов.

— И что это за потенциал? — полюбопытствовала Каллиста.

Летюэль пожал плечами:

— Я и сам точно не знаю.

— Ну это не ответ, — возмутилась Камилла. — Рассказывай.

Когда Ариман заявил, что знает о его силах, Летюэля охватил страх, но вскоре он рассеялся и сменился скрытой гордостью. Летописец давно подозревал, что способность читать ауры людей выделяет его из общей массы, а теперь убедился в своей правоте. Но, ближе познакомившись с Камиллой и Каллистой, Летюэль осознал, что он не единственный, кто обладает специфическим даром. Он немного помедлил с ответом, не желая ошибиться.

— После той ночи мы убедились, что Каллиста обладает талантом... как бы его назвать? Принимать сигналы, я бы сказал. Да, талант принимать сигналы и описывать то, что еще не произошло.

— Я бы не стала называть это талантом, — мрачно заметила Каллиста.

— Да, ты права, — согласился Лемюэль. — Особенно если это причиняет тебе такие мучения, как ты говоришь. Но если отвлечься от физических неудобств, ты способна делать то, что недоступно большинству других людей, верно?

— Да, — кивнула Каллиста.

Лемюэль без труда определил, как смущает ее разговор о необычных способностях.

— Так вот, у меня тоже есть некоторые способности, — поведал он.

— Какие же? — уточнила Камилла.

— Видеть то, что не могут увидеть другие.

Каллиста наклонилась вперед, и ее аура вспыхнула любопытством.

— Что же ты видишь? — уточнила она.

— Ауры, — кажется, вы так это называете. Это такое сияние вокруг каждого человека. И я определяю по нему, когда человек лжет, узнаю его чувства и настроение. Вот так.

— И что же ты видишь сейчас? — поинтересовалась Камилла.

Лемюэль ухмыльнулся.

— Ты испытываешь по отношению ко мне неудержимое влечение, моя дорогая, — сказал он. — Тебе хочется прыгнуть на меня и насиловать до полусмерти. Если бы не присутствие госпожи Эриды, ты меня оседлала бы прямо сейчас.

Камилла рассмеялась.

— Ладно, ты меня убедил, — сказала она.

— Это серьезно?! — воскликнула Каллиста.

— Нет! — взвизгнула Камилла. — Мне очень нравится Лемюэль, но я предпочитаю партнеров другого склада.

— Ох, — вздохнула Каллиста и виновато потупилась. Затем она взглянула на Лемюэля. — Ты действительно на это способен?

— Да, в самом деле, — подтвердил он. — Ты сейчас испытываешь смущение из-за того, что Камилла так откровенно говорит о своих сексуальных вкусах. Ты веришь мне, и тебя радует тот факт,

что необычные способности есть не только у тебя.

— Для этого не требуются необычные способности, Лемюэль, — заявила Камилла. — Все это видно даже мне.

— Конечно, но ты мне поверишь, если я скажу, что у тебя тоже есть дар?

Улыбка сползла с лица Камиллы.

— Не понимаю, о чем ты говоришь, — сказала она.

— А вот это ложь, — заметил Лемюэль, поднимаясь со своего места, чтобы налить воды. — Ты прикасаешься к предметам и сразу узнаешь, откуда они, кто их прежние владельцы, и так — всю их историю вплоть до изготовления. Вот почему ты всегда носишь перчатки и никогда ничего не берешь у других. Я тебя не виню. Должно быть, довольно тяжело знать секреты всех людей.

Камилла уставилась себе под ноги, и Лемюэль улыбнулся, решив ее немного подбодрить.

— Я наблюдал, когда ты прикасалась к только что откопанному предмету в развалинах бывшей деревни агхору, —

сказал он. — Ты узнала, что это такое, как только приложила к нему руку, не так ли?

— Да, правильно, — призналась Камилла, не отрывая взгляда от пола. — Но я не всегда была такой. Это началось лет с тринадцати.

— Не беспокойся, моя дорогая, — ласково произнес Лемюэль. — Мы все немного особенные. И мне кажется, мы оказались здесь не случайно.

— Не понимаю тебя.

— Подумай сама. Какова вероятность, чтобы мы трое, обладающие способностями, которые недоступны большинству других людей, могли встретиться в одном месте? Я не математик, но уверен, шансы весьма невелики.

— Ты хочешь сказать, что нас собрали намеренно? Но зачем?

Лемюэль сел на свое место. Из-за жары он едва дышал и сильно потел.

— Я думаю, к этому имеют какое-то отношение наши хозяева, — заявил он. — Посмотрите вокруг. Вас не удивляет, что во всем Легионе только сорок два

летописца на все девять братств? Это обстоятельство позволяет предположить, что нас отбирали не только благодаря нашим талантам летописцев.

— Ты хочешь сказать, что Тысяча Сынов специально выбирали тех, кто обладает необычными способностями?

— Я почти уверен в этом.

— Но зачем? — спросила Каллиста.

— Вот это мне неизвестно, — признался Летюэль. — Но если я в чем-то и уверен насчет Тысячи Сынов, так это в том, что они ничего не делают без причины.

Внутреннее пространство Горы было заполнено звуком и цветом. Но Космические Волки, несмотря на свои прославленные обостренные чувства, слышали далеко не каждый звук и не всем оттенкам могли подобрать название. Переливы эфира исходили из гладких стен и колыхались, словно струи дыма.

Броня Астартес была оборудована приборами ночного видения, но тем, кто был лишен эфирного зрения, окружающий

мир представлялся в однообразной зеленой гамме и ничуть не соответствовал окружающему разноцветью.

В пещеру спустилось около сотни воинов — все, кто не был занят сбором геносемени у павших Астартес.

Магнус возглавлял отряд, следуя по одному ему видимой тропе. Рядом с ним шагали лорд Скарссен и Охтхере Судьбостроитель. Ариман, пользуясь возможностью, внимательно присмотрелся к командиру Волков. Аура лорда Скарссена имела форму острого клинка, что говорило о решительности и целеустремленности. Этот воин ни перед чем не остановится и никогда не нарушит свой долг.

Такая прямолинейность напоминала Ариману легенды о големах, записанные в древней Каббале. Големом называли созданное из глины существо, которое некий жрец или маг оживил для защиты своего народа от гонений. Это существо обладало неимоверной силой и слепо, бездумно подчинялось своему хозяину, выполняя любые его поручения, в чем бы

они ни заключались.

Ариман читал отчеты о боевых операциях Космических Волков и полагал, что такое определение в полной мере подошло бы и для сынов Русса. Они были оружием, превосходным средством разрушения, и не останавливались, не завершив начатое.

Легенды о големах, безусловно, содержали и предостережение против заносчивости и гордыни, описывали либо уничтожение колоссов при помощи обмана, либо, что встречалось еще чаще, мятеж голема против своего создателя. Так, например, голем из Ингольштадта[50] ополчился на своего создателя и всех, кто был ему дорог, а потом покончил с собой на погребальном костре среди снегов и льдов. Такое сравнение неожиданно смутило Аримана, и он выбросил из головы эту мысль, сосредоточившись на круто уходящем вниз тоннеле. Как правило, он мог в точности повторить любой пройденный маршрут, вне зависимости от его сложности, но уже через несколько

мгновений после входа в Гору совершенно потерялся. Похоже, только примарху был известен весь путь, но как он умудрялся находить дорогу на пересечениях тоннелей, Ариман сказать не мог.

Из капитанов братств внутрь Горы кроме Аримана отправился только Утизаар. Фозис Т'Кар был еще слишком слаб, и Хатхор Маат остался восстанавливать его силы при помощи искусства Павонидов. Калофис тоже остался, чтобы охранять вход в Гору. Титанов-стражей больше не было, но кто знает, какие еще угрозы могли таиться в укромных долинах и пещерах?

В итоге в недра Горы спускались воины из нескольких братств, и Ариман видел, как различаются мерцающие ореолы энергии, по которым можно было определить принадлежность к тому или иному братству.

Вскоре он отметил, что большинство его спутников были Пирридами.

— Да, понимаю, — заговорил Утизаар. — В присутствии Космических Волков ни

о каких тонкостях и речи быть не может.

Ариман почти машинально кивнул, как вдруг осознал, что ничего не произносил вслух.

— Ты прочел мои мысли? — спросил он.

— В настоящий момент это не так уж и трудно, — ответил Утизаар. — При здешнем уровне эфирной энергии ваши мысли усиливаются. Вы все как будто кричите во весь голос. Я чувствую себя очень неловко.

При мысли о том, что его разум прозрачен для посторонних, Ариман нахмурился.

— Будь осторожен, — предостерег он Утизаара. — Когда-нибудь это может навлечь на тебя беду. Людям не нравится, когда кто-то читает их сокровенные мысли.

— Моя сила не слишком отличается от твоей, — заметил Утизаар.

— Как же ты пришел к этому заключению? — удивился Ариман. — Способности Корвидов и Атенейцев не имеют ничего общего.

— Я читаю то, что люди думают сейчас. А ты читаешь то, что они будут делать в будущем. Вся разница лишь во временном промежутке.

— Я об этом не думал, — признался Ариман. — Эта тема заслуживает отдельной дискуссии, но, вероятно, не сегодня. Этот день не слишком подходит для научных споров, не находишь?

— Ты прав, — весело усмехнулся Утизаар.

Некоторое время они шагали молча, спускаясь все глубже и глубже. Ощущение контакта с эфиром в недрах Горы после его долгого отсутствия одновременно радовало и тревожило. Всему происходящему должны быть свои причины, и только очень значительные силы могли так кардинально изменить ситуацию.

Что же такое мощное скрывалось в недрах Горы?

Все трое погрузились в молчание, обдумывая только что сказанное друг другу. Каллиста и Камилла испытывали

явное облегчение, поделившись своими тайнами, хотя и опасались, не придется ли им вскоре в этом раскаиваться.

Необычные свойства связывали их друг с другом. Что бы ни происходило дальше, в какие бы странствия они ни отправились, между ними зародилась связь. Сейчас это была лишь тонкая ниточка, но при соответствующем отношении она может быстро окрепнуть.

— И что же мы со всем этим будем делать? — спросила наконец Каллиста.

— Что ты имеешь в виду? — уточнил Лемюэль.

— Что мы будем делать? — повторила Камилла, отчетливо выделяя каждый слог, словно ее собеседник был туповат. — Если, как ты говоришь, мы оказались в Двадцать восьмой экспедиции благодаря нашим особенностям, положено ли нам самим знать об этом? И можно ли открыто пользоваться своими талантами?

Прежде чем ответить, Лемюэль ненадолго задумался.

— Этого я бы не советовал, моя

милая. В некоторых кругах такие способности до сих пор считаются колдовством.

— Ты считаешь, что нам грозит опасность?! — воскликнула Каллиста, перебирая складки своей джеллабы. — Они для этого собрали нас здесь? Чтобы избавиться от нас?

— Нет, я так не думаю, — поспешил заверить ее Летюэль. Он поднялся, подошел к ее креслу, взял за руку и заглянул в глаза. — Я не верю, чтобы Тысяча Сынов забрались в такую глушь только для того, чтобы сжечь нас на костре.

— Тогда что им от нас нужно?

— Признаюсь, мне это неизвестно, — сказал Летюэль. — Лорд Ариман говорил, что намерен научить меня правильно использовать свои силы. Возможно, нам всем предстоит учиться.

— Зачем Тысяче Сынов утруждать себя нашим образованием? — удивилась Камилла.

— Лорд Ариман сказал, что, используя эти силы, мы становимся уязвимыми, —

пояснил Летюэль, прибегая к доводам, которые и сам не до конца понимал. — Я не слишком хорошо разобрался в этом, но создается впечатление, что все происходящее — часть какого-то грандиозного замысла и мы на пороге какого-то чуда. Возможно, мы станем первыми представителями новой ветви человечества, первыми научимся безопасно пользоваться своими силами и будем учить других.

Каллиста вырвала пальцы из его руки, и Летюэля поразило выражение ужаса на ее лице. Ее аура сменила оттенок, в одно мгновение став яростно-красной.

— Я не желаю становиться новой ветвью или чем-то еще в этом роде, — заявила женщина и, поднявшись, оттолкнула назад полотняное кресло. — И мне не нужны эти способности. Если бы я только могла от них избавиться!

Летюэль успокаивающим жестом поднял обе руки.

— Прости, — произнес он. — Я не хотел причинить тебе боль.

— Это так мучительно, — запинаясь заговорила она. Каллиста прижала пальцы к вискам и лишь усилием воли сдерживала подступившие слезы. — Каждый раз, когда возникает огонь, он выжигает часть меня. Если это не прекратится, боюсь, он когда-нибудь сожжет меня дотла.

Камилла вскочила со своего места и обняла Каллисту.

— Не бойся, — сказала она. — Мы о тебе позаботимся. Верно, Летюэль?

— Конечно. Без вопросов. Такие люди, как мы, должны держаться вместе.

— Какие это люди? — раздался у него за спиной чей-то голос.

Летюэль дернулся, словно от удара. Обернувшись, он увидел хрупкого старика в коричневатом одеянии летописца, с длинными седыми вьющимися волосами, собранными в тугой пучок на шее. Худой сутулый летописец держал под мышкой тонкую книгу в кожаном переплете. Его лицо цвета орехового дерева испещряли глубокие старческие морщины.

— Я вам не помешал? — спросил Махавасту Каллимак, личный летописец

Магнуса Красного.

Первым опомнился Летюэль:

— Махавасту! Нет, что ты, ты всегда тебе рады, заходи, пожалуйста. Я так редко тебя вижу в последнее время, наверное, Магнус так загрузил тебя своими воспоминаниями, что для друзей не остается времени, правда, дружище?

Каллимак выглядел немного растерянным, и в его ауре Летюэль заметил оттенок тревоги.

— Что-нибудь случилось, друг мой? — спросил Летюэль, увлекая Каллимака под тент.

— Боюсь, что может случиться, — сказал Махавасту.

— И что же это? — заинтересовалась Камилла, уступая Каллимаку свое кресло.

— Дело касается примарха, — с виноватым видом ответил летописец и, опустившись в кресло, положил книгу на колени. — Я опасаюсь, что ему и его воинам грозит большая опасность.

— Что за опасность? — спросила Каллиста.

— Очень серьезная, — заявил

Каллимак. — Самая серьезная опасность, какую только можно себе представить.

В конце концов они добрались до огромного каньона в самом центре Горы. Это была идеально круглая впадина диаметром в несколько сотен метров, накрытая кристаллическим куполом из того же вещества, что и титаны, охранявшие вход. Купол был бледно-кремового цвета с темно-красными прожилками, словно великолепный мрамор. Но, как и титаны, он был заражен черными жгутами гниения.

Из огромной ямы, словно корни сверхъестественных растений, влажно блестя, поднимались черные столбы. Они пульсировали по всей длине, перекачивая жидкость, словно в насмешку над венами, поскольку не поддерживали жизнь, а высасывали ее.

— Великий прах Фенриса! — прошипел Скарссен. — Это еще что за звери?

Всех объял такой непреодолимый ужас, что никто не смог ему ответить.

Ариман, обходя остолбеневших

Астартес, подошел к краю ямы. По всей окружности впадины протянулся плоский выступ, достаточно широкий, чтобы на нем могли разъехаться два «Ленд Рейдера». На этой плоскости сияли золотые и серебряные символы, и казалось, они были здесь всегда, а Гора выросла вокруг них.

У самого края впадины стоял Магнус и с изумлением рассматривал густой лес, сочащийся каплями черных щупалец. Его кожа уже вернула свой блеск, как будто близость источника энергии, скрытого в недрах Горы, придала ему новые силы. Вслед за Ариманом к краю впадины подошли Охтхере Судьбостроитель и лорд Скарссен.

— А это что? — спросил Скарссен, опустившись на колено рядом с ближайшим символом, изображавшим золотую змею, обвивающую серебряный глаз.

— Обереги? — высказал предположение Судьбостроитель. — Вроде волчьих талисманов на наших доспехах.

Скарссен немедленно поднял руку к

висевшей на плече волчьей шкуре, и Ариман увидел, как все Космические Волки суеверно потянулись к различным амулетам, украшавшим их броню. Те, кто стоял ближе к жрецу, прикасались к его увенчанному орлом посоху. Ариман усмехнулся.

— Суеверия? — насмешливо произнес он. — Император этого не одобрил бы.

— Астартес Тысячи Сынов будет нам говорить, что Император одобрит, а что — нет? — усмехнулся Судьбостроитель. — Разве это не забавно?

— Нет, просто ваши жесты показались мне странными, — улыбнувшись, ответил Ариман. — Почти примитивными. Но я не хотел никого обидеть.

— Мы и не обиделись, — сказал Судьбостроитель. — Тем более что ты сам прикоснулся к своему талисману.

Ариман вдруг понял, что жрец прав, и улыбка исчезла с его лица. Сам того не сознавая, он прижал пальцы к дубовому листку на оплечье доспехов, к талисману, когда-то принадлежавшему Ормузду.

— В конце концов, мы не так уж сильно отличаемся друг от друга, — заметил Охтхере Судьбостроитель.

— Возможно, — согласился Ариман и снова стал осматривать поднимающиеся со дна ямы толстые черные канаты.

Все это время Магнус стоял неподвижно, как будто молча с кем-то общался. Ариман встал рядом с примархом.

— Мой лорд, что это? — спросил он.

— Это невероятно, Азек, — отозвался Магнус. — Это примитивная материя, вещество, которое обрело форму благодаря Изначальному Творцу.

— В таком случае оно протухло, — проворчал Скарссен. — Это ясно каждому дураку.

— Оно живое, — прошептал Утизаар, подходя к краю впадины с видом лунатика.

— Да, живое, — кивнул Магнус. — Я уже давно не ощущал ничего, что было бы так наполнено жизнью. Очень, очень давно.

Ариман почувствовал неприятное беспокойство. До сих пор примарх называл эту энергию инертной и мертвой.

— Оно зовет нас, — произнес Утизаар, и его голос прозвучал словно во сне. — Я должен к нему пойти.

— Что тебя зовет? — спросил Ариман.

Не успел он закончить фразу, как вдруг услышал тихий шепот, как будто издалека его окликнул друг. Ничего неприятного в этом звуке не было, это был мягкий, завлекающий шепот, сулящий безмерное наслаждение.

Магнус повернулся к своим капитанам и покачал головой. Ариман заметил, что его глаз потемнел, а зрачок сильно увеличился, как будто наполнился тем же черным веществом, что пульсировало в блестящих щупальцах.

— Сыны мои, — заговорил Магнус, и в каждом звуке его голоса Ариман ощутил едва сдерживаемую энергию, — сосредоточьтесь. Обратитесь к десятому уровню Исчислений и отсеките голоса. Вы не настолько сильны, чтобы им противостоять. Давным-давно я уже сталкивался с этой силой и одержал победу. И сейчас я тоже одолею ее.

Утизаар кивнул, и Ариман заметил,

как его сознание поднялось к высшему уровню Исчислений, к уровню внутреннего одиночества, где воин обретал спокойствие, не нарушаемое тревогами внешнего мира. Достичь такого состояния было нелегко, особенно здесь, но Утизаар мастерски управлял собственной психикой. Ариман последовал его примеру, и голоса исчезли, словно из вокс-передатчика выдернули источник питания.

С высоты десятого уровня, когда зрение прояснилось, Ариман заметил, как в самой гуще скользких щупалец мелькнул клочок оранжевого цвета и показалось что-то блестящее.

— Нет, — прошептал он, едва не потеряв концентрацию при внезапном узнавании. — Нет, прошу, не допусти этого.

И словно в ответ на его слова, щупальца завибрировали, и раздался хлопок, как будто сошлись вместе сотни сальных ладоней. Космические Волки тотчас встрепенулись, подняли оружие, но никакой цели, кроме черных щупалец, перед ними не было.

— Что происходит? — сердито спросил Скарссен.

Посох Судьбостроителя затрещал энергетическими разрядами, и рунный жрец посмотрел на него с ужасом, словно оружие превратилось в ядовитую змею.

— Рассредоточиться, — приказал Магнус. — И отойдите подальше от края.

Студенистая масса неестественных зарослей вздрогнула, и из полукруглой крыши появилось множество толстых стволов. Ближайшие к краю щупальца, словно водоросли в гниющем пруду, стали расходиться в стороны.

Черная завеса щупалец разорвалась, и Ариман полностью потерял контроль над своим разумом, увидев, как среди блестящих канатов колышется искаверканная фигура.

К обнаженной коже прилипли обрывки оранжевой ткани, а само тело повисло вниз головой, как марионетка, брошенная своим кукловодом. Тело поддерживалось на весу несколькими тонкими щупальцами: одно блестящей петлей обвилось вокруг шеи, другое обсидиановым венцом

прижалось к черепу.

Эти щупальца отличались от остальных. На их скользкой поверхности появлялись разинутые рты и вытаращенные глаза, которые через мгновение лопались и исчезали.

Тело подплыло ближе, и голова приподнялась. Открытые глаза светились маслянистым черным блеском, а кожу пронизывали тонкие черные линии, словно щупальца наполнили тело своей токсичной жидкостью. Треснувшая зеркальная маска болталась на шее.

Рот человека был разинут, словно в отчаянном мучительном вопле, но из него не вылетало ни звука, кроме сдавленного хрипа наполненных жидкостью легких.

— Это?.. — прошептал Ариман.

— Да, — печально ответил Магнус, — это Ятири.

Махавасту Каллимак, родившийся на субконтиненте Индой, был дотошным собирателем информации и придирчивым коллекционером деталей. Он накопил множество материалов о раннем периоде

Великого Крестового Похода и стал одним из первых летописцев, отобранных для Тысячи Сынов. К тому времени он уже обладал отличной репутацией, а потому незамедлительно стал личным летописцем Магнуса Красного.

Он оставался при Магнусе с тех пор, как под торжественное пение фанфар и приветственные крики людей, разбрасывающих мириады розовых лепестков, восстановившийся Легион покинул Просперо. Он записывал каждую мысль и каждый поступок примарха в огромный том, который со временем стали называть «Книгой Магнуса».

Многие летописцы испытывали трудности, собирая сведения о Великом Крестовом Походе у его непосредственных участников, и потому не без зависти поглядывали в сторону Махавасту.

Лемюэль встретил Махавасту Каллимака на борту «Фотепа» во время симпозиума по способам обработки информации, именно тогда завязалась их дружба, основанная на обоюдной любви к подробностям.

— Бог кроется в деталях, — обычно говорил Махавасту, когда они изучали какой-нибудь из манускриптов в великолепной библиотеке «Фотепа».

— Вернее будет сказать, что в деталях кроется дьявол, — отвечал ему на это Летюэль.

— А это, мой дорогой Летюэль, зависит от того, о каких деталях идет речь.

Каллимак был энергичным человеком и всегда выглядел лишь на половину своего возраста, составлявшего около ста тридцати стандартных лет. Но в данный момент в его облике отражался каждый прожитый год.

Махавасту открыл принесенную книгу, и Летюэль заглянул через его плечо.

— Да это же альбом с набросками! — воскликнул он, заметив на первых страницах рисунки, сделанные угольным карандашом и чернилами. — Я и не знал, что ты еще и художник. Только для такого мастера точного слова, как ты, рисунки выглядят несколько неопределенными и расплывчатыми.

Каллимак покачал головой.

— Ты прав, Лемюэль, — сказал он. — Никакой я не художник. Сказать по правде, я уже и сам не знаю, кто я такой.

— Прости, Каллимак, но я что-то не понимаю.

— Я не помню, как рисовал эти наброски! — взволнованно воскликнул Махавасту. — Я вообще ничего не помню из этой книги — ни рисунков, ни слов. Я могу вспомнить каждую из написанных мною статей, но вот это остается для меня загадкой.

В глазах пожилого летописца блеснули слезы, а беспокойство в его ауре сменилось глубокой печалью.

— Я все это написал... и не помню ни слова.

— А ты не пробовал обратиться в медицинский корпус? — спросила Камилла. — У меня был дядя, который к старости стал не в ладах со своим разумом. Он ничего не мог запомнить, даже того, что было только что сказано. А потом дошел до того, что забыл и своих детей, и жену, и самого себя тоже. Печально было

наблюдать, как постепенно умирает его мозг.

Махавасту покачал головой:

— Мне известно о возможной деградации физических и умственных способностей, госпожа Шивани, и поэтому я сегодня попросил сделать сканирование мозга. Импульсы проходят через нейроны и синапсы головного мозга и подкорковой области вполне нормально, и приборы не зафиксировали никаких признаков атрофии или поражения в височных и теменной долях. Единственная аномалия — это небольшое затемнение в поясной извилине, но оно никак не может объяснить то, что со мной происходит.

Летюэль внимательнее присмотрелся к рисункам, стараясь найти разгадку в небрежных зарисовках и отрывочных записях.

— А ты уверен, что все это написано тобой? — спросил он, изучая странные символы, заполнявшие страницы.

Летюэль не мог прочесть ни слова, но узнал язык и понял, что это не обычный блокнот летописца.

Это был гримуар.

— Уверен, — ответил Махавасту. — Это мой почерк.

— Откуда ты знаешь? — спросила Каллиста. — Ты же пользуешься устройством для записи с голоса.

— Да, моя милая, но прежде, чем применять подобный прибор, необходимо настроить его на манеру письма владельца. Не родился еще тот графолог, который смог бы отличить машинные записи от моих собственных.

— А что это? Я ничего не могу прочитать, — сказала Камилла.

— Я не знаю. Я никогда не видел этого наречия.

— Это енохианский,[51] — сказал Летюэль. — Так называемый язык ангелов.

— Ангелов? — изумилась Камилла. — Откуда тебе это известно?

— В моей библиотеке на Терре имеется неполная копия «Liber Loagaeth»,[52] — пояснил Летюэль. Заметив растерянность друзей, он продолжил: — Предполагается, что это сборник молитв,

посланный через древнего ученого Старой Земли. Книга написана как раз на этом языке, и мне удалось перевести лишь крошечные фрагменты. Вероятно, существовала вторая книга, «Claves Angelikae»,[53] с таблицами соответствия, но мне так и не удалось ее отыскать.

— Енохианский, — задумчиво протянул Махавасту. — Интересно. Ты должен рассказать о нем подробнее.

— Может, вы забыли, но речь шла об опасности, грозящей Магнусу Красному, — напомнила Каллиста. — Давайте сначала разберемся с этим.

— О да, конечно! — воскликнул Махавасту и открыл свой альбом на последней странице.

Набросок был сделан короткими штрихами угольного карандаша. В центре картины изображалось нагое тело, показавшееся из густого леса. Пристотревшись внимательнее, Летюэль понял, что это вовсе не лес.

Перед ним был огромный пучок извивающихся, похожих на змей щупалец,

которые поднимались из гигантской впадины. Он без труда узнал Магнуса Красного, обвитого десятком этих ужасных созданий. Другие Астартес тоже отчаянно сражались с сотнями щупалец в гигантской пещере.

Внутри Горы...

— Что это? — поразилась Камилла. — Я ничего не могу понять.

— Представления не имею, — признался Махавасту. — Летюэль?

— Не могу сказать наверняка, но согласен с тобой: выглядит скверно.

— А что это за слово под рисунком? — спросила Каллиста.

Под наброском было небрежно нацарапано одно-единственное слово, и Летюэль, обнаружив, что это один из немногих расшифрованных им символов, затер от ужаса.

— Панфейдж, — произнес он, и Махавасту вздрогнул.

— Что? — спросила Каллиста. — Что это означает?

— Это означает «существо, поглощающее все», — ответил Летюэль.

Глава 10
ГИДРА
ЧРЕВО ЗВЕРЯ
ВРЕМЯ ПОКАЖЕТ

Тело, когда-то принадлежавшее Ятири, продолжало двигаться навстречу Тысяче Сынов, поддерживаемое черными щупальцами. В его глазах мерцала абсолютная чернота, словно за ними открывалось царство вечной ночи. Магнус обнажил свой изогнутый меч, и Ариман ощутил его неимоверную силу.

Вокс раскалывался от фенрисийских проклятий и протяжных виршей Исчислений, но Ариман слышал только вкрадчивый шепот, всплывающий из черной массы в яме.

Магнуссс... Магнуссс...

Он вроде бы повторял имя примарха, но сказать наверняка было невозможно.

Магнус Красный сделал шаг навстречу Ятири, и сразу же напряглось щупальце, обвивавшее шею агхору. На лице

вождя набухли вены, на побледневшей коже стали заметны натертые маской мозоли.

Лицо вождя было резким, с широко расставленными глазами, массивными бровями и высоким лбом, что предполагало хорошую защиту мозга костями черепа. Ариман вдруг вспомнил, что ни разу не видел без маски ни одного агхору, даже ребенка.

Тем временем щупальца, спускавшиеся с купола, тянулись к Астартес. Ариман решительно вытащил пистолет и крепче сжал посох-хеку.

— Если они подойдут слишком быстро, уничтожайте их, — приказал он.

В пещере загудели активированные цепные мечи.

Тело Ятири висело совсем близко к Магнусу, и Ариман непроизвольно напряг палец на спусковом крючке. От останков вождя веяло колоссальной силой, но эти волны, что ощущал Ариман, были лишь ничтожной долей энергии, которая просачивалась из недр мира.

— Мой лорд? — тревожно окликнул он примарха Тысячи Сынов.

— Я знаю, — произнес Магнус. — Я могу с этим справиться. Все это мне уже знакомо.

Рядом с Ариманом шевельнулся Утизаар, его хека ожил всплесками внутренней энергии. Лица Утизаара под шлемом не было видно, но весь его облик и каждое движение выдавали колоссальное напряжение.

Одним глазом Ариман наблюдал за Магнусом, а другим следил за опускавшимися ложноножками. Они переливались совершенно неестественным маслянистым блеском, и казалось, что их действия направляются чудовищным разумом.

— Мой лорд, — снова окликнул он примарха, — какие будут приказания?

Магнус смотрел на труп Ятири и ничего не ответил. Ариман ощутил возникшее между ними столкновение двух потоков энергии и сильнейшее напряжение в борьбе за превосходство. Развернулась безмолвная битва душ, и он ничем не мог помочь своему примарху.

А затем произошли сразу два

события.

Тело Ятири неожиданно рванулось вперед, и его руки сомкнулись вокруг Магнуса в ужасающей пародии на братские объятия.

Черные змееподобные щупальца, свисающие с потолка, атаковали Астартес.

Ариман открыл огонь при первых же признаках движения.

Пещера наполнилась оглушительным грохотом болтеров, загремели взрывы, замелькали прерывистые вспышки выстрелов. Щупальца взрывались от любого попадания, и броня воинов быстро покрылась брызгами черного ихора. Но их было слишком много, и на месте одного уничтоженного противника вырастало несколько других.

Четырьмя прицельными очередями Ариман опустошил обойму пистолета.

Он ощущал рядом присутствие Утизаара, и телепат, вынужденный вступить в сражение, полагался не на боевой опыт, а на мускульную память. Сокрушительное давление чуждой силы,

ищущей лазейку в его мозг, было почти непереносимым, и Ариман даже не мог себе представить, как справляется с такой атакой телепат.

— Они прибывают! — закричал Утизаар.

— Как щупальца Лернейской гидры, — добавил Ариман между двумя взмахами посоха.

Каждый раз, когда болт попадал в цель, щупальце взрывалось потоками тягучей черной крови, которая затем испарялась с громким шипением. Эти существа были непрочными, но грозили задавить своим количеством. Черные блестящие жгуты уже обвивались вокруг Аримана, словно кольца удава.

Он высвободил контролируемую порцию энергии, и щупальца упали с тела, но тотчас навстречу устремились следующие. Посох-хека вновь пришел в движение, его медные и золотые полосы полыхнули огнем. Утизаар отступил на шаг, и Ариман, зная, что должно произойти, усилил мысленную защиту.

Вокруг Утизаара вздулась невидимая

волна эфирной энергии и с пронзительным визгом прокатилась по пещере, словно ударная волна от телта-бомбы. Для Космических Волков она была беззвучной, но большая часть щупалец вокруг них превратилась в черный туман, а остальные отпрянули, почуяв силу, внушавшую им опасения. Утизаар, уронив голову на грудь, рухнул на колени, а из стыков его доспехов просочились слабые струйки эфирного сияния.

На несколько мгновений Утизаар освободил от врагов достаточно обширное пространство, и Ариман устремился к тому месту, где он в последний раз видел Магнуса. Тело примарха продолжало оставаться в отвратительных объятиях Ятири и почти все уже было закрыто массой извивающихся щупалец, и с каждым мгновением их становилось все больше и больше.

— Вперед! — крикнул ему Утизаар, и Ариман увидел, насколько последний залп истощил силы телепата.

Осуществить такой мощный удар, не переставая отбиваться от противников,

было сродни чуду.

Ариман рванулся вперед, хотя из ямы поднимались все новые и новые щупальца, загораживающие ему путь к примарху. Перед ним встала черная стена извивающихся тел, и посох прорубался сквозь них, словно сквозь высокую траву.

Бесконечная масса щупалец выплескивалась из впадины, подталкиваемая зараженной силой, извратившей энергию Великого Океана. Сила Аримана и его товарищей оказалась губительной для этих существ, и чистое пламя эфира мгновенно разрушало оскверненную массу.

Космические Волки сражались с неослабевающей яростью, их клинки безостановочно рубили и кололи сотни врагов, а болтеры гремели не переставая. Но противников перед ними было неизмеримо больше, а силой эфира Волки не обладали.

Ариман видел, как сотни щупалец подняли в воздух одного из Космических Волков, и под их чудовищным нажимом доспех прогнулся. Астартес продолжал

стрелять, но керамит с громким треском сломался, и из разорванного тела хлынула кровь. И все же воин продолжал стрелять, пока не скрылся в кишащей массе в центре впадины. Ариману пришлось прибегнуть к эфирным чувствам, и он сразу ощутил могучее клубящееся поле Магнуса.

— Примарх! — крикнул Ариман, заглядывая в яму с кишащей массой.

Магнус и Ятири сплелись, словно любовники, уже достигли самого центра впадины, и щупальца увлекали их вниз.

Вот чернота уже сомкнулась вокруг Магнуса.

И он исчез.

Это оказалось не так уж противно, ни в малейшей степени.

Магнус чувствовал бессильную ярость своего врага, пытавшегося извратить его натуру, как он извратил натуру Ятири. С вождем агхору было покончено, его разум не выдержал подобного испытания, а тело разлагалось с каждой секундой. Но разум Магнуса был создан и отточен величайшим архитектором-мыслителем

Галактики, и такие грубые сцены не могли его затронуть.

Материальные реализации кишели вокруг его физического тела, но Магнус отрешился от физических ощущений и, погружаясь все глубже, обратился к своему внутреннему сознанию. Его позабавил выбор внешнего вида — он в полной мере соответствовал кошмарам и мрачным легендам агхору.

Так просто и так ужасно.

В каком только обществе не существовало преданий о скользких извивающихся тварях, обитающих в темноте! Эти существа были созданы измученным разумом Ятири и усилены мрачными преданиями древности. Магнусу очень повезло, что у обитателей Агхору было не так уж много красок для изображения своего существования.

Но изначальный источник энергии, вливающейся в этот мир, находился намного глубже, и Магнус усилием мысли стряхнул с себя труп Ятири. Его плоть вспыхнула, словно горн в кузнице, и обратилась в пепел, а Магнус продолжал

погружаться в недра, повторяя первые слова Исчислений.

Исчисления требовались его воинам, чтобы достичь такого состояния мысли, когда возможно наиболее эффективное использование своих способностей, но для такого существа, как Магнус, они были опорными камешками при переходе через ручей. Он овладел Исчислениями еще до того, как впервые покинул Терру, и предостережение отца до сих пор звучало в его мозгу.

Он не пренебрегал этим предостережением и терпел поучения и наставления Амона относительно Великого Океана на Просперо, хотя и знал, что ему доступны великие силы. Амон был добр к нему и смирился с постепенным уменьшением своего влияния, поскольку Магнус превзошел его в науках и могуществе еще в ранние годы обучения. И все же Амон тоже счел нужным предостеречь его от слишком глубокого погружения в Великий Океан.

Опустошение Просперо явилось самым наглядным предостережением от

необдуманных и рискованных шагов.

И только после того, как Император переправил на Просперо остатки Легиона Магнуса, примарх понял, что должен пренебречь всеми предупреждениями и глубже окунуться в запретные силы. Его генетические сыновья умирали; их тела восставали против своих хозяев и вследствие мутаций претерпевали ужасные изменения. Более того, опасные превращения касались не только физических тел. Их разум посылал в Великий Океан пульсирующие вспышки, привлекая охотников, хищников и злобных существ, жаждущих проникнуть в материальный мир.

Если не принять меры, его Легиону грозит полное вымирание на протяжении всего лишь одного поколения.

А сила, способная их спасти, была совсем рядом и только ждала, когда он ею воспользуется. Но прежде, чем нарушить первый приказ отца, Магнус долго предавался размышлениям. Он пошел на это не в безрассудном порыве, а после длительного самоанализа и

беспристрастной оценки своих способностей. Магнус знал, что достиг огромных высот в манипулировании эфиром, но хватит ли ему сил?

Теперь он знал ответ на этот вопрос, ведь его воины были спасены. Он вырвал контроль над их судьбами из когтей злобного порождения Великого Океана. Императору было известно о подобных существах, и в давние века он заключал с ними сделки, но никогда не решался столкнуться лицом к лицу. Магнусу победа досталась дорогой ценой. Он поднял руку и прикоснулся к гладкой коже на том месте, где когда-то был его правый глаз, снова ощутив боль и оправданность этой жертвы.

Представшая сегодня перед ним сила была лишь слабой тенью того могущества, загнивающей лужицей энергии, запертой в этом удаленном мире. Зато он чувствовал миллиарды путей, расходящихся из этого места, и бесконечные возможности Вселенной, связанной паутиной концептуальных проводников, пронизывающих пространство между

мирами. Этот район был заражен, но бескрайние просторы Галактики сияли золотыми нитями, которые связывали ее в единое целое, как вымощенные камнем дороги связывали когда-то в единое целое Романскую империю.

Запомнить весь лабиринт было не под силу даже такому одаренному существу, как Магнус, но в момент контакта за стеной тьмы он запечатлел в памяти миллионы дорог и точек доступа к ним. Теперь, хотя он и не знает всей сети, ему достаточно будет этих сведений, чтобы отыскать другие входы и выходы. Его отец с удовольствием узнает об этой сети и тогда, возможно, изменит свое отношение к его проступкам.

Магнуса все еще удивлял тот факт, что они раньше не имели представления о существовании дорог, хотя вместе с отцом забирались в самые удаленные области Великого Океана и видели картины, от которых мог разрушиться менее устойчивый разум. Они исследовали пустынные отмели, лишенные всякой информации, и проплывали над

бездонными впадинами, где горели многоцветные огни. Они сражались с безымянными и бесформенными хищниками далеких глубин и чувствовали на себе леденящую тень непостижимо огромных существ.

Он осознал, что не видел дорог, поскольку их там не было. Заметить их ему позволил только его прорыв в сеть агхору.

В его сосредоточенные размышления вторглись заботы реальности, и Магнус посмотрел вокруг, на сумрачный и обманчивый мир. Переход из физического мира в царство духа осуществился без какого-либо участия с его стороны, и он оказался в пространстве, лишенном форм и измерений, кроме тех, которые он сам себе представлял. Это был вход в переплетение дорог, точка отсчета, где начинался лабиринт. Это было именно то, ради чего он оставался на Агхору.

Магнус стоял в окружении вздымающихся утесов, в местности, где царила извращенная геометрия, в мире безумия и отчаяния. Радужные вихри

хлестали поверхность черными ливнями, и небеса пронзали ослепительные зигзагообразные стрелы молний. Горизонт сиял золотой линией, которая наполняла местность пламенем потревоженной энергии.

Изломанная линия горных хребтов поднималась вдали и оседала уже через несколько мгновений после появления. Гигантскими валами вздымались воды океанов, но тотчас пересыхали, превращаясь в пепельные пустыни пыльных воспоминаний. Повсюду, насколько хватало взгляда, земля сотрясалась в переменчивых вихрях творения и разрушения, которым не было ни начала, ни конца. Из трещин в скалах выбивались облака пепла и отчаяния, и это была самая совершенная картина ада, какую он только мог себе представить.

— И это все, на что ты способен? — спросил он, не скрывая откровенного презрения. — Подобные фокусы под силу даже безмозглым хищникам варпа.

Темнота перед Магнусом замерцала, разворачиваясь черной спиралью, пока

перед ним не появился змей в обсидиановой чешуе, паривший в воздухе вопреки всем законам гравитации. На голове бездонными розово-голубыми омутами светились глаза, а на спине топорщились радужные крылья. Между челюстями блеснули истекающие ядом клыки. Раздвоенный язык высунулся из открытой пасти, за которой угадывалась бездна бесконечных возможностей.

— Это? — спросил змей голосом сухим, словно пустыня. — Это не мое творение. Ты принес его с собой. Это произведение Мекхенти-эр-ирту.[54]

Магнус рассмеялся, услышав откровенную ложь, хотя имя было ему незнакомо. Его смех рассыпался блестящими каплями дождя. Сам воздух в этом месте был насыщен неистощимой энергией. Движением мысли примарх создал огненную клетку для змея.

— Все кончено, — сказал Магнус. — Твоя ложь на меня не действует.

— Я знаю, — прошипел змей. — Поэтому я и не прибегаю к обману. Но я

повторяю: это не мое изобретение. Это всего лишь воплощение будущего, которое поджидает тебя, словно терпеливый охотник добычу.

Огненная клетка исчезла, и змей по воздуху скользнул к Магнусу. Его крылья в одно мгновение сверкнули миллионами разных оттенков.

— Я пришел, чтобы покончить с этим, — заявил Магнус. — Когда-то этот портал был закрыт, и я намерен снова его запечатать.

— Более искусные мастера, чем ты, пытались это сделать, но потерпели неудачу. Почему ты считаешь, что тебе это удастся?

— Нет более искусного мастера, чем я, — со смехом ответил Магнус. — Я смотрел в бездну и сражался с самыми темными силами. Я победил их и секреты этого мира знаю лучше, чем ты.

— Какая высокомерная заносчивость. — Змей не скрывал удовольствия. — Мне это очень нравится. Самоуверенность влечет за собой самые тяжкие грехи: ненасытность, ярость, вожделение...

гордыню. И ничто так крепко не держит смертных, как высокомерие.

— Кто же ты? У тебя есть имя? — спросил Магнус.

— Если бы и было, я не так глуп, чтобы назвать его тебе.

— Гордыня, — бросил Магнус. — Если я действительно подвержен этому греху, то я не одинок. Ты хочешь, чтобы я узнал твое имя, иначе к чему такое высокопарное заявление?

— Надеюсь, ты простишь мне банальность, если я скажу, что у меня множество имен? — сухо рассмеялся змей. — Для тебя я буду Хоронзоном,[55] Обитателем Бездны и Демоном Рассеяния.

— Слово «демон» не имеет смысла, оно лишь придает силу страхам.

— Как ни удивительно, но мне об этом известно, — посмеялся змей и стал обвивать своими кольцами сначала ноги, а потом и тело Магнуса.

Примарх не боялся змея. Он мог уничтожить его в любой момент одной

лишь силой мысли.

Змей поднимал голову, пока их глаза не оказались на одном уровне и лоснящееся туловище полностью не обвилось вокруг тела Магнуса. Магнус ощутил давление напрягшегося чудовища, но просто увеличил свой объем, чтобы ему противостоять. Так они оба росли и ввысь, и вширь, пока не поднялись над бушующими окрестностями.

— Ты не сможешь меня запугать, — сказал он змею. — В этом месте я сильнее тебя. И ты еще существуешь лишь потому, что я тебя не уничтожил.

— А почему же ты этого не сделал? Наверху гибнут твои воины. Неужели тебе не жаль людей, пусть ты и лишен смертности?

— В этом месте время не имеет значения, и по их меркам я вернусь всего через несколько мгновений, — сказал Магнус. — Кроме того, от разговорчивого врага можно многое узнать.

— Это верно.

— Но мне надоели эти игры, — продолжил Магнус и вернулся к своему

обычному облику. Поднявшиеся вдалеке горы приобрели серебристо-голубой оттенок, и мгновенное узнавание вызвало у него легкое головокружение. — Пора заканчивать.

— В самом деле? — Громадная туша змея тоже стала уменьшаться, пока не стала длиной чуть больше руки Магнуса. — Я еще даже не соблазнял тебя. Хочешь услышать, что я могу тебе предложить?

— У тебя нет ничего, чего я хотел бы, — уверенно заявил Магнус.

— Ты так думаешь? Я могу предоставить тебе могущество. Большее, чем то, которым ты уже обладаешь.

— У меня есть могущество, — возразил Магнус, — и в твоем я не нуждаюсь.

Змей удовлетворенно зашипел, и его челюсти разошлись в некоем подобии улыбки.

— Ты уже отпил из отравленного кубка, Магнус с Терры, — сказал змей. — Ты обладаешь заимствованным могуществом, только и всего. Ты оживленная марионетка, которой

управляет невидимый хозяин. Ты и сейчас пляшешь под чужую дудку.

— И ты считаешь, что я тебе поверю?

— У меня нет причин лгать, — заметил змей.

— У тебя множество причин лгать, — возразил Магнус.

— Верно, но не здесь и не сейчас. — Змей отлетел в сторону от Магнуса и описал несколько неторопливых кругов в воздухе. — В этом нет необходимости. Никакая ложь не сравнится с ужасом действительности, который тебя ожидает. Ты заключал сделки с существами гораздо более злобными и могущественными, чем можешь себе представить. И теперь ты стал их заложником, игрушкой, которую можно использовать и выбросить.

Магнус покачал головой.

— Зря тратишь свое красноречие. Я побеждал более сильных противников, чем ты с твоим примитивным представлением об аде, — презрительно заявил примарх. — Ради спасения своего

Легиона я странствовал по самым дальним окраинам Великого Океана, я распутывал нити судеб своих воинов, ведущие к гибели, а потом сплетал их заново. Неужели ты думаешь, что твои пустые посулы могут меня прельстить?

— Это тоже высокомерие, — прошипел змей. — Оно под стать твоему непомерному самомнению и зазнайству. Ты станешь отличной добычей.

Магнус решил, что он достаточно долго слушал. Он был уверен, что чуждый разум в обличье змея не что иное, как мелкий князь Великого Океана, злобная сущность, у которой нет ничего, кроме пустого бахвальства и лживых обещаний. Он жестом подтянул к себе змея и крепко обхватил рукой его извивающееся тело.

Змей отчаянно забился, но Магнус удерживал его с такой легкостью, словно это была простая веревка. Он немного сжал пальцы, и черная чешуя стала осыпаться с тела, многоцветные перья крыльев мгновенно потускнели. Затем глаза змея потухли, и ядовитые клыки вывалились из челюсти. Угасание змея

привело к исчезновению окружающего ландшафта.

— Ты никого не победил, — прошипел змей, прежде чем Магнус свернул ему шею.

Ариман широким взмахом хеки расчистил пространство, на котором он и Охтхере Судьбостроитель могли отражать натиск врагов. Но это было бесполезное усилие. Едва рассыпались останки одной группы щупалец, как на их место из ямы вылезли сотни других. Ариман давно утратил связь с Исчислениями, и исчезновение примарха в яме окончательно нарушило его концентрацию. Обычно он мог сражаться, не отвлекаясь на мысли, которые помешали бы ведению боя, но сейчас он был ослеплен пламенем ярости и боли.

Утратив контроль над своими чувствами, он снова познал, что такое страх.

Такая бездна пустоты в его душе возникла только в тот день, когда погиб Ормузд.

Тогда Ариман поклялся, что никогда

больше не испытает подобных чувств, однако сегодня ему пришлось еще хуже.

Ариман попытался восстановить связь с высшими сферами, но Исчисления не могли уберечь его от повторения судьбы примарха, и вместо этого он сосредоточился на борьбе за выживание, и сознание распространялось только на восприятие очередного врага. Такое состояние было для него непривычным, но способствовало очищению духа.

В пещере стало тесно от врагов, и невозможно было определить, в каком направлении находится выход. Воздух наполнился темной энергией, оживлявшей щупальца, давление на разум достигло предела.

Он больше не видел Утизаара и даже не знал, жив ли он. Тысяча Сынов и Космические Волки сражались поодиночке или мелкими группами, отрезанные друг от друга сплошной черной трясиной. И как бы сильно они ни отличались друг от друга, сегодня их объединяла одна особенность: они сражались не ради победы, а ради собственной жизни.

Пистолет Аримана давно опустел, и он схватился обеими руками за хеку, нанося размашистые удары. Но движения давались все тяжелее, а мысли путались и замедлялись. Великий Океан давал мощную поддержку в битве, но и платить за это приходилось полной мерой.

Ариман славился как непревзойденный боец, но даже он уже ничего не мог сделать: его дух был измучен до крайности, а тело подошло к пределу физической выносливости. Главный библиарий сражался так, как должен был сражаться смертный, — с отважным сердцем и грубой силой, но он понимал, что этого недостаточно. Он нуждался в силе, а ощущал только ту энергию, что бурлила в яме и поглотила его примарха. И в таком отчаянном положении он понимал, что даже единственный шаг на этом пути приведет к неизбежному концу.

Он продолжит этот бой без помощи эфира, насколько хватит сил.

Такой метод борьбы был ему непривычен, и Ариман невольно припомнил слова, легкомысленно сказанные им

Хатхору Маату. Он тогда предположил, что, возможно, настанет день, когда им придется сражаться, не прибегая к помощи своих способностей. Слова оказались пророческими, хотя он и не ожидал, что с такой ситуацией придется столкнуться ему самому.

Ариман отвлекся лишь на мгновение, и щупальца успели ухватиться за его посох, потянули его в сторону. Он попытался удержать оружие, но было поздно. Вторая рука тоже оказалась в плену. Затем щупальца обвили его ноги и туловище, подняли над землей, и броня затрещала под их чудовищным нажимом.

Охтхере Судьбостроитель пытался ему помочь, но даже мощи рунного жреца было недостаточно, чтобы совладать с противостоящей им силой. В общем шуме сражения все чаще раздавались стоны умирающих, яростные крики Космических Волков и горькие проклятия Тысячи Сынов.

Но вот страшное давление ослабло, и щупальца вокруг него стали рассыпаться и опадать черными хлопьями. Как ни был

измучен Ариман, он не мог не почувствовать, что бурлящая энергия в яме внезапно пропала, как будто кто-то завернул кран.

Грохот стрельбы и стук клинков сменился прерывистым дыханием и всеобщим молчанием. Ариман вырвался из ослабевших щупалец и спрыгнул вниз. Легко приземлившись, он поднял взгляд к потолку. Спускавшаяся сверху лоснящаяся и извивающаяся масса стала неподвижной и утратила блеск. Текучая упругость щупалец тоже исчезла, и они падали на землю, на лету распадаясь в пыль.

И в пелене этого дождя показалась кроваво-красная фигура, сверкающий гигант в запылившихся доспехах, с единственным глазом, из которого изливалось золотое сияние. Словно древний бог войны, сошедший на землю, чтобы поразить своим огнем нечестивцев, он, широко раскинув руки, ступил на край ямы.

— Мой лорд! — воскликнул Ариман и преклонил колени.

Его примеру последовали все Астартес из Тысячи Сынов и многие

Космические Волки. В живых осталось не больше двух десятков воинов, но тел павших нигде не было видно.

Как только Магнус коснулся ногами земли, золотые и серебряные символы на краю впадины засияли с прежней силой, как будто напитанные новой энергией. Ариман сразу же ощутил перерождение потока энергии, то же случилось и в районе мертвых камней. Теперь она стала чище, свежее и сильнее.

— Сыны мои, — энергично и бодро заговорил Магнус, — опасность миновала. Я уничтожил зло, жившее в сердце этого мира.

Ариман сделал очищающий вздох, прикрыл глаза и обратился к первому уровню Исчислений. В то же мгновение его разум прояснился и сгладились пики эмоций. Заслышав позади шаги, он открыл глаза. К нему подошли лорд Скарссен, командир Пятой роты Космических Волков, и Охтхере Судьбостроитель. Рунный жрец едва заметно кивнул Ариману.

— Сражение выиграно? — спросил

Скарссен.

— Выиграно, — подтвердил Магнус, не скрывая гордости. — Расщелина в этом мире ликвидирована. Я закрыл ее навеки, так что даже создатели не смогут нарушить мои чары.

— Следовательно, твои дела в этом мире закончены, — продолжал Скарссен, и Ариман не понял, было ли это вопросом или констатацией факта.

— Да, — подтвердил Магнус. — Здесь больше нечего делать.

— Ты должен отправляться к Королю Волков.

— Верно, — согласился Магнус.

В самом уголке рта примарха мелькнула тень усмешки, которую вряд ли заметил кто-либо из присутствующих, кроме Аримана.

— Я доложу лорду Руссу о нашем отправлении, — сказал Скарссен.

С этими словами Космический Волк отвернулся и стал собирать своих воинов и готовиться к выходу на поверхность.

— Ясно и откровенно, без всяких ненужных формальностей, —

прокомментировал подошедший Утизаар. — Таковы Космические Волки. Но порой меня это бесит.

— Согласен. Впрочем, их простотой нельзя не восхищаться.

Ариман был рад, что Утизаар уцелел в битве, хотя выглядел так, словно вот-вот потеряет сознание. Выдержка Утизаара вызывала у него восхищение.

— Это не простота, Азек, — сказал Магнус, пока вокруг них собирались уцелевшие Астартес Тысячи Сынов. — Это ясность цели.

— Разве это не одно и то же?

— Время покажет, — ответил Магнус.

— Так, значит, здесь действительно все закончено? — спросил Утизаар.

— Да, — подтвердил Магнус. — Того, что нас сюда притягивало, больше нет, и я обнаружил бесценную награду.

— Что это за награда? — поинтересовался Ариман.

— Всему свое время, Азек, — многозначительно усмехнулся Магнус. — Всему свое время.

Книга вторая
MUTATIS MUTANDIS

Глава 11
СОРОКОПУТ
ХОРОШАЯ ВОЙНА
КОРОЛЬ ВОЛКОВ

После рассвета прошло лишь несколько часов, а битва за Крепость Ворона 93 была уже выиграна. Стройные, покрытые перьями тела ее защитников усеяли все окрестности этой твердыни. Только благодаря предвидению Корвидов бой за неприметный утес превратился в фактически беспрепятственное уничтожение противников.

Шесть месяцев странствий по Великому Океану в поисках фрагментов будущего и непрерывные сражения до предела истощили тех воинов из Тысячи Сынов, которых Магнус взял с собой в ответ на призыв Русса, но они старались не отставать от Космических Волков.

Разреженный воздух южных приполярных гор обжигал морозом, но стал приятным разнообразием после жары

Агхору. Ариман не ощущал холода, однако солдаты Гвардии Шпилей Просперо не обладали этим преимуществом. Чтобы выжить при температуре, близкой к нулю, они надевали толстые бордовые шинели, тяжелые ботинки и серебряные кивера, подбитые шкурой снежных сорокопутов, которых авенианцы эффективно использовали в боях.

Ариман, Хатхор Маат и Фозис Т'Кар вместе с тремя сотнями Астартес сидели в развалинах горной крепости и занимались своим снаряжением. Воины чистили оружие и устраняли мелкие повреждения в броне, а апотекарии оказывали помощь немногочисленным раненым.

Множество убитых авенианцев лежали на брустверах разбитых редутов и позади укреплений, но это была капля в море по сравнению с количеством убитых с начала боевых действий на Гелиосе. По подсчетам Аримана, эта цифра составляла около трех миллионов воинов.

— Пять тысяч, — объявил Собек, вернувшись после осмотра поля боя.

— Пять тысяч, — повторил Фозис Т'Кар. — Всего лишь. Я же говорил, что в этом сражении противников меньше, чем в предыдущем.

Болтер Фозиса парил перед ним в воздухе, причем в разобранном виде, словно в трехмерном пособии для учебника. Лоскут ткани и флакон со смазкой двигались сами по себе, очищая все детали под руководством Хранителя Фозиса Т'Кара. Неяркое сияние Ютипы окутывало оружие, словно чисткой занимался призрак космодесантника.

Оружие Хатхора Маата лежало рядом с ним и сияло чистотой, словно только что было вынуто из стерильного бокса. Хатхор даже не трудился разбирать болтер: усилием воли он просто разлагал на молекулы грязь и все посторонние частицы в механизмах, а потом выводил их наружу.

Ариман орудовал широкой щеткой, предпочитая самый непосредственный и традиционный способ ухода за оружием. Аэтпио парил над его плечом, но превращать Хранителя в слугу и

заставлять чистить болтер Ариману не хотелось, хотя так легко было забыть о делах, уединившись в одной из многих библиотек экспедиции или медитируя в зале для занятий.

Большую часть полета к двойному скоплению Ариман провел в компании Охтхере Судьбостроителя, и рунный жрец оказался очень интересным собеседником. Несмотря на различия в используемых терминах, они нашли друг в друге много общего, гораздо больше, чем можно было ожидать.

Судьбостроитель учил Аримана раскладывать руны, а потом с их помощью отыскивать ответы на мучительные вопросы и познавать причины внутреннего беспокойства. Для определения будущего этот метод, в отличие от учения Корвидов, не обладал достаточной точностью, поскольку интерпретация каждой руны имела несколько вариантов. Но Судьбостроитель посвятил его в секреты связанных рун, когда свойства нескольких рун комбинировались и притягивали к объекту или личности

соответствующие потоки эфирной энергии.

На груди и плечах Судьбостроителя имелось несколько татуировок в виде связанных рун: руны здоровья, руны силы, руны стойкости, но, как заметил Ариман, там не было руны обладания энергией. Он спросил об этом жреца, и тот как-то странно посмотрел на Аримана, а затем ответил:

— Говорить об обладании энергией так же глупо, как говорить, что тебе принадлежит воздух, попавший в легкие.

В свою очередь, Ариман учил Космического Волка более мягким методам манипулирования энергией Великого Океана. Судьбостроитель был опытным жрецом, но навыки его ограничивались примитивными действиями: вызвать бурю, образовать трещину в земле или поднять уровень моря. Ариман оттачивал способности Судьбостроителя, открывал ему некоторые тайны Корвидов и рассказывал о ритуалах Просперо.

Но прежде всего ему пришлось

познакомить рунного жреца с концепцией Хранителя.

Судьбостроитель сначала был шокирован общением Тысячи Сынов с существами подобного рода, но Ариману удалось убедить его в том, что Хранители мало чем отличаются от волков, сопровождавших сынов Русса. Спутник Судьбостроителя, серебристо-серый зверь по имени Йтир, оказался менее сговорчивым и каждый раз, когда Ариман призывал Аэтниo, грозно рычал и скалился, готовый вступить в бой.

Прежде такие секреты никогда не открывались посторонним, но Магнус сам поощрял Аримана к обучению Судьбостроителя. Если уговорами и объяснениями можно склонить на свою сторону такой Легион, как Космические Волки, говорил он, то с другими Легионами проблем быть не должно.

Охтхере Судьбостроитель был частым гостем на «Фотепе», но лорд Скарссен тем не менее предпочитал оставаться на борту корабля хищных очертаний под названием «Копье

фенриса».

— Хочешь, я помогу тебе с чисткой? — предложил Охтхере Хатхор Маат, сверкнув ослепительно-белыми зубами.

Сегодня у него были темные волосы и карие глаза. Несмотря на то что его лицо оставалось хорошо узнаваемым, черты стали резче, под стать окружающему пейзажу.

— Нет, — отказался Ариман. — Я не прибегаю к биомансии там, где могу обойтись и без нее. И вам не следовало бы этого делать. Когда вы в последний раз чистили болтеры руками?

Фозис Т'Кар поднял голову и пожал плечами.

— Давно, — протянул он. — А что?

— А ты хоть помнишь, как это делается?

— Конечно! — воскликнул Фозис Т'Кар. — Иначе как бы я мог его чистить?

— Валяй, прочитай нам очередную лекцию на тему «Не слишком полагайтесь на свои силы», — застонал Хатхор Маат. — Вспомни, что было бы с нами на Агхору, если бы мы тебя слушались. Без

энергозащиты Фозиса Т'Кара примарх мог погибнуть. И сам Фозис Т'Кар был бы мертв без моей биомансии.

— И ты никогда не позволишь мне об этом забыть, — проворчал Фозис Т'Кар.

— В первую очередь ты Астартес, а потом уже — псайкеры, — сказал Ариман. — Вот о чем ты забыли в той переделке.

— Отлично, — сказал Фозис Т'Кар. Он жестом отпустил Ютипу и перехватил у него компоненты болтера, а затем ловко собрал их вместе, щелкнув напоследок затвором. — Теперь ты доволен?

— Так гораздо лучше, — заметил Ариман и собрал свое оружие.

— В чем дело? — спросил Хатхор Маат. — Или ты боишься расстроить своего нового приятеля?

Фозис Т'Кар сплюнул через ограждение, предоставив плевку падать с высоты в тысячу футов.

— Этот проклятый Судьбостроитель преследует нас, как психнойен, почуявший незащищенного псайкера, — неожиданно злобно прошипел он. — Если бы не твои запреты, мы давным-давно выиграли бы

эту войну.

Фозис Т'Кар обвиняющим жестом ткнул в сторону дымящихся развалин самой высокой башни горной крепости.

— Азек, примарх не придерживается таких строгих ограничений, так почему ты должны прятаться? — спросил он. — Или ты так боишься наших способностей?

— Возможно, — ответил Ариман. — Возможно, нам всем следует их опасаться. Не так давно мы скрывали свои способности от всего мира, а теперь вы устраиваете фокусы, лишь бы не запачкать руки. Иногда следует спуститься в грязь.

— Если опуститься в грязь, ничего не достигнешь, кроме грязи, — заметил Хатхор Маат.

— Да в этом мире и грязи-то не найдешь, — насмешливо заметил Фозис Т'Кар. — Эти крепости не оказывают почти никакого сопротивления. И как они могли продержаться так долго?

— Птицы-воины слишком растянули свою оборону, — пояснил Хатхор Маат. — Это Волки постарались. А тех, кого

пропустили воины Русса, предали огню Несущие Слово. Три дня назад, чтобы очистить крепости, обнаруженные Азеком и Анкху Аненом, целую горную цепь подвергли плотной бомбардировке прометиевыми снарядами.

— Очистить?

— Это словечко из лексикона Кора Фаэрона, — пожав плечами, пояснил Хатхор Маат. — По-моему, подходит.

Кор Фаэрон был одним из главных помощников Лоргара и, по мнению Ариман, воплощал в себе все самые неприятные черты Несущих Слово. Этот человек был настолько ортодоксален, что не слышал никаких логических доводов.

— Потеряно столько жизней, — со вздохом заметил Ариман, глядя, как солдаты выносят из разрушенной крепости тела убитых и складывают их аккуратными рядами для сожжения.

— Неизбежные потери, — пожал плечами Хатхор Маат.

— Так ли это? — спросил Ариман. — Я в этом не уверен.

— Лоргар вел переговоры с Советом

феникса, — сказал Фозис Т'Кар. — Это великий примарх, но все его предложения были отвергнуты. Какие еще нужны доказательства вырождения этой культуры?

Ариман ничего не ответил, вспоминая свое знакомство со златокожим примархом Несущих Слово на торжественной церемонии в честь прибытия Тысячи Сынов. Целый день был посвящен пышному ритуалу встречи и приветственным речам, настолько же бессмысленным, насколько они были долгими.

Леман Русс не появился на церемонии и даже не позаботился прислать своих представителей. Вместе со своими воинами он сражался в восточных отрогах гор и не собирался тратить время на пустые ритуалы, если имелся повод подраться.

Это был редкий случай, когда Ариман полностью поддерживал мнение Короля Волков.

Наконец он отвлекся от мыслей о Семнадцатом Легионе и посмотрел

наверх. Над головой простиралось слишком широкое и слишком голубое небо со стаями вездесущих птиц: чернокрылых воронов, длинношеих водоплавающих птиц и парящих в вышине стервятников.

Вот стервятников в последние шесть месяцев Ариману приходилось наблюдать чаще всего.

Тысяча Сынов сыграли важную роль в прорыве обороны Приюта Ковчега, и их дополнительная мощь нарушила установившийся баланс военных сил в пользу Империума.

Первые столкновения с разрозненными обществами двойного скопления начались еще два года назад, когда разведывательные корабли Сорок седьмой экспедиции Несущих Слово обнаружили шесть миров, связанных между собой торговыми отношениями и соглашениями о взаимопомощи.

Четыре из шести миров покорились объединенным силам Несущих Слово и Космических Волков, сопротивление пятого было подавлено вскоре после

прибытия Тысячи Сынов. Осталось завоевать только один мир — авенианцев.

Покоренные народы вели свое происхождение от невероятно изменившейся генетической базы, возникшей в результате многих тысячелетий существования вдали от родного мира человечества. Генетики Механикум подтвердили, что подобные вариации укладываются в рамки допустимых параметров, и Магнус с нетерпением ожидал встречи с сокровищницей знаний сразу после приведения миров к Согласию.

Но его постигло сильное разочарование.

Ариман видел, как дерутся Космические Волки на Агхору, но сейчас действия Легиона Русса мало чем отличались от геноцида. Целенаправленная жестокость его воинов не допускала иных вариантов, кроме полного и окончательного истребления противника.

И Несущие Слово проявляли не больше милосердия. В местах своих побед они

оставляли огромные монументы, высеченные в скалах, и изображения Императора и его подвигов, поднимающиеся в высоту на десятки тысяч метров. Все это противоречило эдикту самого Императора и вызывало тревогу у Аримана.

Кор Фаэрон объявил все отрасли культуры местного сообщества опасными, и в результате все библиотеки, все хранилища предметов искусства и истории были обращены в пепел.

Изучение информационных сводок свидетельствовало о том, что Лоргар и Кор Фаэрон встречались с членами Совета Феникса — коллегиального органа управления, состоящего из правителей систем, — и выдвигали различные предложения, чтобы привлечь их под крыло Империума. Но как ни старался Ариман, он так и не смог отыскать записи о том, в чем состояли эти предложения.

Так или иначе, все они были отвергнуты, и война по приведению миров к Согласию стала неизбежной.

Историки Великого Крестового

Похода отметят ее как обычную, успешную войну.

Покорение авенианцев началось вполне благополучно, и внешние миры вскоре пали под натиском объединенных имперских сил, но Гелиоса, центральный мир всего сообщества, оказалась крепким орешком.

Тектонические процессы прошлых веков сформировали поверхность этой планеты в виде трех огромных континентов, почти полностью покрытых остроконечными горными системами, которые разделялись широкими просторами лазурных морей. Местные жители селились в серебристых башнях на склонах самых высоких вершин, а между зазорами над бездонными расселинами тянулись легкие сверкающие мосты, хотя люди предпочитали парить в воздухе на спинах изящных воздушных существ.

Но кроме этой давно потерянной ветви человечества, хозяевами Гелиосы чувствовали себя и всевозможные летающие создания. В здешних небесах непрестанно сновали стаи самых

разнообразных птиц — от крошечных пташек размером с насекомое, которые питались гуано, до неукротимых птерозавров, вылетающих на охоту из гнезд, выдолбленных в горных вершинах. Пока не были установлены дополнительные системы непрерывного огня, очищающего путь, от столкновений с птичьими стаями погиб не один имперский корабль.

Чистой атмосферой и безграничными небесными просторами этот мир напоминал Ариману Просперо.

В картографических каталогах Империума планета обозначалась как Приют Ковчега JJ — общепринятое системное название для периода ассимиляции, за которым следовали либо переговоры, либо выстрелы. Местные жители называли свою планету Гелиоса. А солдаты Имперской Армии дали ей другое имя, такое же, как и остроклювым убийцам, грозившим гибелью многим воинам, которые штурмовали высотные крепости.

Они называли ее Сорокопут.

После Агхору силы братства, к которому принадлежал Ариман, значительно выросли вследствие неожиданных колебаний Великого Океана, и Корвиды снова спасали жизни имперцев. Они видели отголоски будущего и возвращались в свои физические тела со знанием о расположении вражеских крепостей и засад.

Столь важная информация позволила Тысяче Сынов и Гвардии Шпилей Просперо организовывать координированные атаки на горные крепости и направлять воздушные силы на подавление самых значительных очагов сопротивления их защитников.

Магнус лично возглавлял многие атаки и пользовался энергией Великого Океана, словно оружием, которое можно вынимать из ножен и убирать обратно в любой момент. Никто не мог ему противостоять, и даже самым одаренным последователям было не под силу пользоваться временем и пространством, возможностями физическими и

психическими.

Пока Несущие Слово успокаивали гражданское население стоявших в предгорьях селений, Тысяча Сынов пробивали путь для Космических Волков, которые готовились нанести в сердце Авенианской империи решающий удар. После падения Крепости Ворона 93 до этого дня оставалось совсем немного.

Ариман прошел вдоль ряда мертвых тел и остановился над одним из воинов-авенианцев, чье тело не слишком пострадало в бою. Аэтпио, терцавший над его плечом, слетел к трупу, чтобы поживиться исчезающей аурой убитого солдата.

Страх, гнев и растерянность — вот все, что осталось от эмоционального фона: страх перед лицом смерти, гнев на чужеземцев, опустошающих его родину, и растерянность... растерянность оттого, что он не знал причин происходящего. Это последнее ощущение удивило Аримана. Как можно было не знать, почему воины Империума ополчились на его мир?

Тонкая черная броня убитого плотно

прилегала к его высокому и очень худощавому телу. На груди виднелся символ — двуглавый сорокопут с распростертыми крыльями. Эмблема настолько походила на имперского орла, что противостояние казалось почти невероятным.

Лица стройных и тонкокостных авенианцев отличались крайне резкими очертаниями, словно позаимствованными у гор, среди которых они жили. Их тела казались слабыми и хрупкими, но впечатление было обманчивым. Аутопсия позволила установить, что гибкие кости обладают большой прочностью, а броня снабжена фиброволоконными мышцами, очень похожими на те, что использовались в бронекостюмах Астартес.

Ариман уловил горячий запах зверя с резким привкусом льда и постукивание когтей, что служило верным признаком присутствия фенрисийского волка. Волк рыкнул, и Аэтпио тотчас скрылся в эфире. Ариман, обернувшись, увидел перед собой горящие янтарные глаза и полную зубов пасть, готовую его растерзать. Позади, в

плаще из волчьих шкур, стоял Охтхере Судьбостроитель. Его взгляд, минуя Аримана, остановился на мертвом теле.

— Странная форма для такого гористого мира, — заговорил Судьбостроитель.

— Еще одно доказательство того, что жизнь порой опровергает вероятности, — поддержал беседу Ариман.

— Да, ты прав. Посмотри хотя бы на Фенрис. Какая форма разумной жизни решится эволюционировать в таком враждебном окружении? И тем не менее планета кишит жизнью: морские драконы, кракены и волки.

— На Фенрисе не водятся волки, — машинально произнес Ариман, вспомнив слова Магнуса.

— Что ты сказал?

— Ничего, — ответил Ариман, удивленный угрожающей ноткой в голосе рунного жреца. — Просто повторил нелепый слух.

— А, знаю. Я и сам это слышал, но доказательство обратного перед тобой. — Судьбостроитель провел закованной в

броню рукой по жесткой, словно проволока, шерсти зверя. — Имир — волк, он родился и вырос на Фенрисе.

— Да, конечно, — согласился Ариман. — Наглядный пример.

— Чем тебя привлек убитый противник? — спросил Судьбостроитель, ткнув концом посоха в труп. — Он ведь ни о чем не может рассказать. Или ты умеешь разговаривать с мертвыми?

— Я не занимаюсь некромантией, — заверил жреца Ариман, заметив в его глазах замешательство. — Мертвые хранят свои секреты. Только живые могут расширить наше представление об этих мирах.

— А что здесь понимать? Если они сопротивляются, мы их уничтожаем. Если покоряются нашей воле — щадим. Больше и говорить не о чем. Ты слишком все усложняешь, друг мой.

Ариман улыбнулся и выпрямился. Он лишь чуть-чуть превосходил ростом жреца, хотя тот был шире в плечах и массивнее.

— Или это ты оцениваешь все

слишком прямолинейно.

Рунный жрец помрачнел.

— У тебя приступ меланхолии, — холодно произнес он.

— Возможно. — Ариман поднял голову и поверх гор посмотрел на горизонт и стоящие вдали серебристые города. — Мне больно даже представить, сколько знаний мы здесь потеряли. Мы навсегда лишились возможности чему-то научиться у этих людей. Что мы оставим после себя, кроме пепла и ненависти?

— Что здесь останется после нашего ухода, не наше дело.

Ариман покачал головой.

— А должно быть нашим, — сказал он. — Как, например, для Жиллимана. В тех мирах, которые покорил его Легион, жители прославляют имя этого примарха, неустанно трудятся на благо Империума и являются его верными подданными. Люди же этих миров в лучшем случае будут недовольными гражданами, а в худшем — придутся постоянно затевать восстания.

— Тогда ты вернешься и покажешь им,

что ждет клятвопреступников, — рассердился Судьбостроитель.

— Иногда мне кажется, что мы очень похожи, — сказал Ариман, раздраженный прямолинейностью Охтхере. — Но потом приходится вспоминать, насколько мы разные.

— Да, мы сильно отличаемся друг от друга, брат, — произнес рунный жрец более мягким тоном. — Но нас объединяет война. Остается только Утес Феникса, и, когда он падет, наши противники окажутся перед выбором: или признать свое поражение, или быть уничтоженными. В течение недели Сорокопут будет нашим, и мы с тобой смешаем кровь в победной чаше.

— Гелиоса, — поправил его Ариман. — Этот народ называет свой мир Гелиосой.

— Это не надолго, — пообещал Судьбостроитель и поднял голову, прислушиваясь к реву двигателей над самой высокой вершиной. — Король Волков уже здесь.

Леман Русс — Король Волков,

Великий Волк, Волк Повелитель Фенриса, Яростный, Гроза Врагов, Истребитель Зеленокожих.

Ариман слышал эти и многие другие титулы примарха Космических Волков, но ни один из них не мог точно передать неизгладимое впечатление, производимое этим волком в обличье человека, который только что ступил на потрескавшиеся камни Крепости Ворона 93. Светлая скала почернела от раскаленных струй тормозных двигателей его «Громового ворона», и в воздухе резко запахло перегретым камнем.

Примарха Космических Волков, высокого воина, словно выкованного из льдов Фенриса и закаленного в его холодных океанах, сопровождал отряд терминаторов в серой броне с копьями-гарпунами. Величественный и свирепый, Леман Русс воплощал в себе стократ усиленную мощь и жестокость Космических Волков. Его широкие плечи прикрывала черная волчья шкура, а на груди и шее висело множество амулетов из звериных клыков. Боевая броня густо-серого, грозового цвета была

испещрена глубокими царапинами и вмятинами, как будто примарх дрался с огромными мускулистыми волками — черным и серебристым, которые стояли у его ног.

В присутствии Лемана Русса кожа Аримана покрылась мурашками, словно под броню проник ледяной ветер. Волосы примарха, цвета расплавленной меди, застыли под слоем столы, зато его глаза, пронзительно-холодные и настороженные, все время были в движении. На боку Русса висел огромный меч, не менее полутора метров длиной, и Ариман заметил на его рукояти руны, призывающие леденящий ветер.

Казалось невероятным, чтобы перед этим воином мог устоять какой-то противник. В Руссе Ариман видел грубую, ничем не сдерживаемую силу и неукротимый дух, в вечном противоречии со строгой дисциплиной и преданностью долгу. Леман Русс пылал ослепительно-белым огнем, а его аура переливалась самыми невероятными цветами. Световое излучение, исходящее от примарха в

Великом Океане, можно было сравнить со вспышкой сверхновой звезды, и Ариман непроизвольно закрыл свой разум от эфира, а потом некоторое время моргал, избавляясь от остаточного изображения, пока его физическое зрение не приспособилось к отсутствию дополнительной информации.

Охтхере Судьбостроитель опустился на одно колено, а его четвероногий спутник распростерся на земле перед волками Русса.

Ариман вдруг осознал, что его мышцы пришли в движение, он и сам преклонил колено перед величием примарха, чей облик вырастал до неба. Русс шагнул им навстречу, двигаясь с уверенностью непревзойденного воина, и резкий холод горного воздуха заметно усилился. Весь его облик говорил о горделивом высокомерии, но Русс мог гордиться по праву.

Ариман давно привык к обществу своего примарха, к тому, что их объединяло общее стремление к познанию. Но здесь было совсем другое. Если Магнус ценил понимание, познание и науки ради

самих знаний, то Русс стремился только к тому знанию, которое способствовало более эффективному уничтожению врагов.

Он не испытывал страха, но близость Русса заставляла его ощущать свою уязвимость, словно открылось истинное лицо неизвестного до сих пор противника.

— Ты тоже знаток звезд? — спросил Русс.

В его хриплом голосе отчетливо слышались акцент и гортанный рык, как у Судьбостроителя, но чуткое ухо Аримана уловило его искусственность. Леман Русс как будто пытался выглядеть жестоким дикарем одного из отсталых миров, жители которого забыли о своем интеллектуальном наследии и вернулись к варварству.

Ариман скрыл свое изумление. Было ли его впечатление верным? Древние стратеги Старой Земли когда-то утверждали, что любая война строится на лжи и заблуждениях. Возможно ли, чтобы Король Волков скрывал от посторонних свою хитрость под маской благородного дикаря?

Русс встретил его взгляд. Каждая черточка его лица свидетельствовала о склонности к агрессии, которая могла проявиться в любой момент.

— Азек Ариман, мой лорд, — представился главный библиарий. — Своим прибытием ты оказал нам большую честь.

Русс отмахнулся от комплимента и окинул взглядом закопченные развалины крепости авенианцев и тех немногих кораблей, которым удалось дотянуть до посадочной площадки.

— Охтхере Судьбостроитель, — произнес Русс, нагибаясь, чтобы потрепать пятнистую шкуру волка, сопровождавшего рунного жреца, — я опять нахожу тебя в компании очередного колдуна.

— Верно, верно, мой повелитель, — со смехом ответил Судьбостроитель и, приняв протянутую руку примарха, выпрямился во весь рост. — Он не Сын Шторма, но я надеюсь сделать из него достойного толкователя рун.

Все это прозвучало довольно легкомысленно, но Ариман снова уловил

какую-то неискренность, как будто маленькая сценка была разыграна специально для него.

— Ладно, только не раскрывай ему всех наших секретов, Судьбостроитель, — проворчал Русс. — Некоторые тайны Фенриса предназначены только для его сынов, и больше ни для кого.

— Конечно, мой повелитель, — согласился Судьбостроитель.

Русс снова повернулся к Ариману, но явно видел в нем не личность, а вероятного противника. Глаза примарха оценили броню, моментально отыскали ослабленные соединения, поврежденные поверхности и точки возможного проникновения клинка. В одно мгновение Русс узнал о его физическом состоянии больше, чем было известно самому Ариману, узнал, какие кости легче всего сломать, куда лучше вонзить меч, а куда нанести удар кулаком, чтобы гарантированно повредить внутренние органы.

— А где твой повелитель? — спросил примарх. — Он должен был прийти.

— Я здесь, — раздался звучный голос Магнуса, и воздействие подавляющего присутствия Русса вдруг уменьшилось, как уменьшилась сила шторма, которому преградил путь кайн-щит Фозиса Т'Кара.

Природная агрессивность Русса мгновенно ослабела, и его враждебность по отношению к Ариману уменьшилась. И произошло это по вполне объяснимой причине: Магнус был братом Русса, его генетическим родственником, одним из немногих, кто мог похвастаться близкими узами с самим Императором.

Несколько десятилетий тому назад Магнус попытался объяснить членам Рехахти историю своего создания. Термином «создание» он намеренно заменил слово «рождение». Магнус не был рожден, как рождались смертные, но был вызван к жизни волей Императора. Тем не менее такая концепция оказалась слишком чуждой и слишком отстраненной от понятий смертных, чтобы ее могли понять даже искушенные в науках капитаны Тысячи Сынов.

Для тех, кто не испытал на себе

такой ускоренной эволюции, было слишком сложно понять, что значит осознавать растущее вокруг мозга тело, наблюдать за формированием разума по воле его создателя, а не самого организма, и беседовать с творцом в тот момент, когда само твое существование переходит из стадии концептуальной вероятности к жизни в материальном мире.

И это было еще не самое сложное. Чтобы все это узнать и при этом не сойти с ума, требовался уникальный разум, разум, способный объять необъятное и постичь непостижимое, — разум примарха.

То обстоятельство, что во всей Галактике на протяжении тысячелетий нет и не может быть существ, подобных тебе и твоим братьям, должно было связать примархов теснейшими узами, непостижимыми для простых смертных.

И все же, несмотря на схожее происхождение, Магнус и Русс не испытывали друг к другу особой любви. Легендарное братство примархов, столь популярное в выступлениях итераторов, в

данном случае никак себя не проявляло.

— Брат Русс, — произнес Алый Король, проходя мимо Аримана к Королю Волков.

Магнус явился в своей рогатой броне из кожи и золота, и плащ из перьев развевался и хлопал на ветру за его плечами. Оба примарха принимали участие в одной и той же войне на протяжении шести месяцев, но это была их первая встреча за тридцать с лишним лет.

Ариман не знал, к чему может привести свидание двух примархов после многих десятилетий разлуки, но он никак не ожидал этой чопорной демонстрации вынужденной дружбы. Волки Русса оскалили клыки и зарычали. Магнус медленно покачал головой, и звери, опустив уши, отступили и прижались к ногам хозяина.

— Магнус, — откликнулся Леман Русс.

В братском рукопожатии не было ни намека на теплоту. Русс окинул Магнуса взглядом с головы до ног:

— В этом плаще ты похож на наших врагов. Это же перья.

— А может, плащи делают их похожими на меня?

— Все равно, мне это не нравится. Ты должен от него избавиться. Плащ играет в бою важную роль.

— Я бы мог то же самое сказать об этой облезлой волчьей шкуре.

— Мог бы, но тогда мне придется тебя убить, — сообщил Русс.

— Попробуй, — предложил Магнус. — Вряд ли тебе это удастся.

— Ты так думаешь?

— Я это знаю.

Их перепалка привела Аримана в ужас. Но вскоре он заметил неуловимую усмешку на губах Русса и озорной блеск в янтарном глазу Магнуса.

Он с облегчением выдохнул: этот неприветливый обмен колкостями можно не принимать всерьез. Ариман не раз убеждался, что солдаты, которые яростнее других нападали друг на друга в словесных поединках, были, как правило, связаны крепкими узами дружбы. Но можно

ли это отнести и к примархам?

Несмотря на некоторое облегчение, он все же ощущал напряженность в их разговоре, словно в этой шутливой перепалке скрывались самые жестокие шипы, о которых ни один из них не догадывался. Или, наоборот, оба прекрасно понимали? Ариман ничего не мог сказать наверняка.

— Что привело тебя в Крепость Ворона Девяносто Три, брат? Я не ожидал увидеть тебя до начала штурма Утеса Феникса.

— Время пришло, — сказал Русс, отбросив легкомысленный тон. — Мои воины готовы нанести смертельный удар по резиденции вражеских королей.

— А Уризен?[56] — спросил Магнус, воспользовавшись именем, данным Несущими Слово своему примарху. — Он тоже готов к атаке?

— Не называй его так, — сказал Русс. — Его имя — Лоргар.

— Почему тебе так не нравится это имя?

— Не знаю, — ответил Русс. — Разве обязательно иметь причину?

— Нет, мне просто любопытно.

— Магнус, не все нуждается в объяснении, — заметил Русс. — Некоторые вещи просто есть. А теперь собирай своих воинов, пора кончать с этим.

Глава 12
УТЕС ФЕНИКСА

Взрывы раскрасили все небо, снаряды противовоздушной обороны прочертили его огненными штрихами, а горящие обломки сбитых судов падали на поверхность беспорядочными спиралями. Ариман чувствовал их все за несколько мгновений до момента детонации, вздрагивал от еще не прогремевших взрывов и чертил траектории еще не выпущенных снарядов.

Опутанный ремнями безопасности, он полулежал в пассажирском отсеке модифицированного транспортного судна «Громовой ястреб» под названием «Первый скарабей», летевшего позади основной массы атакующей флотилии. Частота пульса Аримана постепенно возрастала, и вскоре перед мысленным взором замелькали отрывочные видения будущего.

Позади него, в вертикальных креплениях, прижимая к груди болтеры, стояли Тайные Скарабеи, похожие на древние статуи у входа в гробницу

фараона. Летюэль Гамон рядом с ними казался совсем миниатюрным; лицо летописца стало серым от страха, на лбу выступили крупные капли пота, а глаза были крепко зажмурены.

Среди Тысячи Сынов было не принято брать смертных на боевые вылеты, но в ответ на неоднократные просьбы Магнус разрешил лететь каждому летописцу, который пожелает стать свидетелем решающей атаки Астартес.

Как ни удивительно, но не многие воспользовались его позволением. Ариман знал, что Летюэль уже начинает раскаиваться в своем поспешном решении, но в качестве Послушника он просто обязан был сопровождать воинов. Камилла Шивани летела на «Громовом ястребе» Шестого братства и радовалась возможности оказаться поблизости от линии фронта. Ее обычные исследования ограничивались давно исчезнувшими цивилизациями.

Теперь она могла своими глазами увидеть, как одна из цивилизаций закончит свое существование.

Каллиста Эрида предпочла не участвовать в операции. Случившийся накануне приступ «нашествия огня», как она это называла, почти полностью истощил ее силы. Махавасту Каллимах летел вместе с Магнусом, хотя по сравнению с расцвеченными страхом и волнением аурами его собратьев аура личного летописца примарха была тусклой, словно пламя, почти погашенное пеной.

Пассажирский отсек «Громового ястреба», в котором летел Ариман, обычно предназначенный для воинов или тяжелого оборудования, сегодня занимали ящики с приборами наблюдения и кристаллические приемники. Толстые кабели тянулись по металлическому полу отсека и подключались к системе, внутри которой полулежал Ариман.

Его голову сплошным капюшоном покрывала блестящая, тонкая, как шелк, матрица из тщательно подогнанных кристаллов, добытых в Отражающих пещерах неподалеку от Тизки. Мысли Аримана, не связанные с физическим

телом, свободно парили в одном из высших уровней Исчислений.

От его мерцающего капюшона отходили тонкие медные проводки с никелированными наконечниками. Они погружались в пси-реактивный гель, усиливающий мысли, что давало возможность другим воинам проследить за их ходом. Разум Аримана скользил по поверхности Великого Океана, позволяя Аэтпио направлять его к потокам потенциального будущего. Отголоски такого близкого будущего отыскать не составило труда, и Хранителю магистра Корвидов оставалось только вылавливать их из эфира.

Возросшая чувствительность к ближайшему будущему давала Ариману возможность превосходно чувствовать обстановку. Он видел тепловые потоки на горных склонах, видел каждый из множества кораблей, несущихся к Утесу Феникса, и чувствовал страх их экипажей. Его сознание парило над разворачивающейся атакой, следило за каждым из участвующих в сражении

подразделением, словно это была замедленная учебная реконструкция.

Увенчанный огненной короной город авенианских королей лежал в десяти километрах к востоку от окружавших его кораблей. Вся вершина горы отсвечивала серебром, а на самой высокой точке горел вечный голубой огонь. Ниже простирался величественный город стеклянных башен и ажурных мостов, казавшихся не прочнее шелковой нити. На каждой вершине виднелись минареты или стеклянные пирамиды, между ними возвышались жилые башни, похожие на ледяные столбы, освещенные яркими лучами солнца. По склонам горы из сумрачных долин поднимались отмеченные колоннами дороги, и на них уже расцвели огненные сполохи взрывов и поднялись столбы дыма: тяжелая артиллерия Гвардии Шпилей Просперо, Лакунанского Дозора и Уранти Дракс начала наступление на нижние уровни города.

Одновременно с приступом снизу Утес Феникса подвергся и воздушной атаке.

— Что вверху, то и внизу, — прошептал Ариман.

К последнему бастиону авенианцев, сквозь огненную завесу заградительного огня, невзирая на сопротивление оставшихся истребителей противника, устремились три тысячи воздушных судов. «Громовые ястребы» нетерпеливых Космических Волков взлетали к самой вершине, тогда как более тяжелые «Грозовые птицы» Несущих Слово и транспортные модули Имперской Армии спускались к основанию горы. Флотилия Тысячи Сынов, состоявшая из стремительных истребителей «Лотос», бомбардировщиков «Апис» и транспортных «Громовых ястребов», выбрала своей целью средний уровень горы.

Атаку Тысячи Сынов Ариман сравнивал с живым организмом, обладающим устрашающей силой Магнуса Красного и его невероятно мощным разумом. Магнус управлял операцией, но Атенейцы были его мыслями, Рапторы — его щитом, а Пирриды и Павониды служили кулаками.

Корвиды же были глазами и ушами примарха.

Перед мысленным взором Аримана возникло видение «Орлиного когтя», «Грозовой птицы» Шестого братства, получившего пробоину в нижней части корпуса от попадания бронебойного снаряда, и он тотчас направил в матрицу предупреждающий импульс. На долю секунды он ощутил контакт с невообразимо сложной структурой мозга Магнуса — ярчайшего солнца в центре золотой паутины, затмевающего всех своим сиянием.

В то же мгновение, когда был послан импульс, «Орлиный коготь» резко нырнул вниз, а очередь снарядов пробила пустоту над его фюзеляжем, и взрывы не причинили кораблю ни малейшего вреда. Это было лишь одно из многих предупреждений, посылаемых Ариманом, и корабли Тысячи Сынов исполняли в воздухе сложный танец по его указаниям, избегая повреждений от вражеских выстрелов. Каждое перемещение изменяло картину будущего, и последствия расходились кругами во все

стороны, взаимодействуя с другими чудовищно сложными схемами, так что разобраться в них могли лишь специально обученные Астартес с усиленной структурой мышления.

Во второй модифицированной «Грозовой птице» таким же образом работал Анкху Анен, еще один последователь учения Корвидов. Тем не менее этот процесс не был абсолютно точным, и они не могли предусмотреть всех опасностей. Как бы ни старались Корвиды, некоторым кораблям суждено было погибнуть.

А чтобы смягчить последствия неизбежных потерь, на каждом корабле присутствовали представители всех братств. Старшие члены Павонидов и Пирридов устанавливали вокруг корабля огненный заслон, взрывающий все подлетающие снаряды, а Рапторы поддерживали кайн-щиты, которые задерживали те снаряды, что прорывались сквозь огненный барьер. Атенейцы сканировали мысли пилотов вражеских истребителей, считывая информацию о

предполагаемых перехватах и атаках.

Это был танец вероятностей будущего, вихрь возможности и реальности, которые каждое мгновение менялись друг с другом местами.

И по мнению Аримана, этот процесс, как никогда раньше, был близок к совершенству.

«Грозовая птица» качнулась: снаряд, летевший, казалось бы, точно в цель, взорвался в воздухе над правым крылом.

— До начала торможения осталось две минуты! — крикнул пилот.

Ариман улыбнулся.

Танец продолжался.

Камилла испытывала приступы тошноты, но одновременно и удовольствие от виражей и толчков, сотрясающих весь корабль, и от оглушительных взрывов за бортом. Выданный ей шлем оказался поцарапанным и неудобным, но уже не один раз спас ее череп от сокрушительных ударов о переборку.

— Ну что, не похоже на то, как это описано в книгах?! — крикнул Калофис из

противоположного конца пассажирского отсека.

— Нет! — с притворным смехом ответила она. — Гораздо лучше.

Она не притворялась. Несмотря на то что спина от страха покрылась мурашками, а сердце выбивало в груди барабанную дробь, она никогда еще не чувствовала себя настолько полной жизни. Ей представилась уникальная возможность своими глазами увидеть подвиги экспедиционной флотилии во имя человечества.

Утес Феникса стал зоной боевых действий, а следовательно, ни в чем нельзя быть уверенной заранее. Каждое мгновение ее жизнь могла прервать отскочившая от скалы пуля или случайный артиллерийский снаряд, но какой смысл жить, если не покидать зону комфорта и не видеть, что творится на переднем крае истории?

— Сколько времени осталось до приземления? — спросила она.

— Одна минута, — ответил Калофис.

Вместе со своим Практиком, воином

по имени Йаотл, он прошел вдоль всего отсека, чтобы убедиться в готовности к высадке основного груза «Грозовой птицы».

— Ты уверена, что хочешь все это увидеть? Война Астартес может показаться непривлекательным зрелищем тем, кто к ней не привык. Тем более те действия, за которые отвечаю я.

— Я готова, — заверила его Камилла. — И я хочу все увидеть своими глазами. Я летописец и, если хочу, чтобы мои свидетельства чего-то стоили, должна все видеть сама.

— Это справедливо, — согласился Калофис. — Только держись позади манипулы. И не попадайся у меня на пути, потому что обеспечение твоей безопасности не входит в мои обязанности. Держись поближе к Йаотлу, он прикроет тебя огненным плащом, но не вздумай притрагиваться к чему-то ценному — все сгорит, как пропитанная прометием бумага.

— Не беспокойся, — сказала Камилла и показала ему свои руки, закрытые перчатками. — Не буду.

Калофис кивнул и обернулся к что-то бормотавшему себе под нос технодесантнику. Тот заглядывал время от времени в информационный планшет и производил последние приготовления оружейных систем безмолвных пассажиров «Грозовой птицы».

В пассажирском отсеке в три ряда стояли девять автоматонов — массивных боевых машин, напоминающих очертаниями человеческие фигуры, но вдвое превышающих ростом Астартес. Этих грозных роботов, пахнувших смазкой и гибридным топливом, Калофис называл катафрактариями.[57] Их громадные корпуса до самых бедер покрывала толстая броня, и отдельные пластины были прикреплены также к оборудованным поршнями ногам и вращающимся на шестернях рукам. Головы автоматонов, раскрашенные в голубой и золотой цвета, были опущены на грудь, а рельефные лица напоминали бесстрастные маски давно умерших императоров. Каждый автоматон был вооружен

длинноствольным орудием и огромнейшим кулаком. Орудия с ленточной подачей патронов пока висели за их спинами, на обильно смазанных полозьях. Камилла догадалась, что в момент необходимости эти пушки легко скользнут по полозьям на плечи машин.

Интересно, какое чувство вызовет эта неодушевленная громада, какой отклик возникнет при контакте с массивным устройством из стали и керамита? Она сняла одну перчатку и осторожно прикоснулась к холодной поверхности руки.

Камилла прикрыла глаза, прислушиваясь к нахлынувшим ощущениям. Беспросветные промежутки между битвами, темные, пропитанные машинным маслом отсеки от выключения до активации. Через бесчувственные глаза машины она увидела толпы врагов, падающих под залпами ее орудий, и бесконечную войну, ни последствий, ни причин которой она не знала.

Женщина проследила за потоком энергии, пробуждавшей робота к жизни,

определила его источник, ощутила осознание цели, обусловленное активированной боевой программой, увидела, как в синтетический мозг поступают инструкции, побуждающие к сражению.

Но ее наблюдения прервались, когда в машине проявилось высшее сознание. Камилла не ожидала обнаружить его среди массы проводов и электронных узлов. Она вдруг почувствовала ужасную, мучительную потребность разрушения, овладевшую всеми высшими функциями этого наполовину механического, наполовину органического разума.

В мозге робота Камилла увидела зеркально-гладкий кристалл и сразу поняла, что он был высечен в местечке под названием Отражающие пещеры на Просперо и бережно отшлифован человеком по имени Эстока, учеником мастера по выращиванию кристаллов. Шлифовщик в тот самый день узнал о неоперабельной опухоли в легком, но не слишком расстроился, поскольку на вечер был назначен визит лекаря из братства

Павонидов.

На задней грани кристалла мерцал огонек, свидетельствующий о присутствии высшей воли, которая объединяла под своей властью все девять машин.

Огонек постепенно разгорался, заполняя весь кристалл, и вместе с ним в сознании робота разгоралась жажда сражения. Затем все девять автоматонов одновременно подняли из-за спин орудия и взяли их на изготовку, сопровождая каждое движение металлическим лязгом и легким свистом гидравлических приводов.

Но вскоре «Грозовая птица» ударилась о землю, и пальцы Камиллы соскользнули с металлической руки; контакт был нарушен.

Роботы развернулись в ее сторону, и из ротовых отверстий всех девяти машин послышался воспроизведенный электроникой голос Калофиса:

— Не попадайся нам под ноги, госпожа Шивани.

Опустилась аппарель, и в отсек ворвался завывающий ветер, насыщенный

песком и выхлопными газами реактивных двигателей. В уши ударил оглушительный грохот стрельбы и уханье взрывов.

Манипулы готовых к бою роботов строем покинули «Грозовую птицу».

Первым предупреждением об атаке стало отчетливое хлопанье крыльев, складывающихся вокруг покрытых белой шерстью тел. Магнус поднял голову: над дымящимися развалинами башни показалась стая снежных сорокопутов, насчитывающая не меньше трех десятков птиц.

— Рассредоточиться! — крикнул он, и воины отряда Тайных Скарабеев бросились в укрытия.

Махавасту Каллимака мысль Магнуса отбросила в тень опрокинутой статуи льва, и ошеломленный летописец даже не подумал жаловаться на подобное обхождение. Его оборудование писца продолжало фиксировать все мысли Магнуса, и пишущие механодендриты заполняли страницу за страницей, собирая материалы для гримуара. Вся улица была

усыпана осколками стекла и обломками металла, а также телами авенианских защитников, убитых Космическими Волками.

Сорокопуты с протяжными криками устремились вниз сквозь стену огня. Болты засвистели в воздухе, но даже Астартес было трудно справиться со столь стремительно летящими целями. Масс-реактивные снаряды высекали искры из разбитых башен, но поразили лишь несколько атаковавших существ, превратив их в комки окровавленных перьев.

Они выглядели довольно хрупкими созданиями, и длинные узкие тела напоминали оперенных змей, но гибкие крылья обеспечивали невероятную скорость маневра. Из передней кромки крыльев торчали рудиментарные пальцы, превращавшие их в зазубренные кинжалы, но главным орудием сорокопутов были их длинные и очень острые клювы. Каждое из этих существ несло на себе двух всадников: один при помощи упряжи направлял полет, а второй вел огонь из высокоточной

длинноствольной винтовки.

Магнус пристально следил за тем, как стая пронеслась над самой землей, среди развалин. Наездники управляли сорокопутами с таким мастерством и легкостью, какие достигались только десятилетиями совместных полетов.

Один из Тайных Скарабеев вышел из укрытия, чтобы лучше прицелиться, но недооценил скорость приближения противников. Сорокопут, словно древний рыцарь, ринулся в атаку, и его зазубренный клюв смертоносным копьем пронзил воина, а наездник добавил еще и выстрел в голову. Снаряд пробил визор шлема и вылетел через затылок.

Магнус мигнул, и грозное существо объяло пламя, но его пронзительные крики стали слабым утешением после понесенной потери. Наездники попытались спрыгнуть с пылающего сорокопута, однако Магнус движением мысли пригвоздил их к спине птицы, обрекая на гибель.

Остальная стая пронеслась над их позицией, но Тайные Скарабеи больше не позволили застигнуть себя на открытом

месте, предпочитая воспользоваться другими видами оружия.

— Открыть канал, — скомандовал Магнус, и от каждого воина отделился сияющий силуэт — Хранители в облике птиц, глаз, ящеров и других форм.

Они вылетели из укрытий, и на сорокопутов обрушились потоки огня и разряды молний, вызванные эфирной энергией, которую Астартес направили через нематериальные тела. Несколько противников мгновенно превратились в пылающие и кричащие факелы. Те, кто уцелел, взмыли в небо, а Магнус, дождавшись, пока они наберут опасную высоту, усилием воли превратил их кости в песок.

Небо огласилось мучительными воплями, но он даже не стал смотреть, как разбиваются насмерть наездники. Прогремели разрозненные выстрелы, и навстречу Тысяче Сынов выбежали авенианские пехотинцы.

— Глупо, — пробормотал Магнус. — Очень глупо.

Он сжал кулак, и оружие взорвалось в

руках авенианцев, в одно мгновение свалив целую шеренгу солдат. Затем раздались вопли раненых, но Магнус не стал обращать внимание на эти ужасные звуки, а быстро зашагал к упавшим солдатам. Многие из них еще светились страхом и жизнью, но тяжелые шаги Тайных Скарабеев быстро загасили все искры.

Махавасту Каллимак безропотно трусил следом за Магнусом, фиксируя в журнале непрерывный поток его мыслей. Когда закончится это сражение, Магнус превратит их в более изящный текст для своего великого труда.

Дойдя до конца улицы, он взглянул на великолепный арочный контрфорс, по гребню которого пролегла дорога к Великой библиотеке Утеса Феникса.

Предсказания Корвидов определили местоположение главного городского хранилища знаний и истории, огромного музея, расположенного в серебряной пирамиде высотой шестьсот метров, а в поперечнике около двух километров. Магнус не мог не заметить, насколько это здание было похоже на Великую

библиотеку Просперо. К площади перед увенчанными фигурой орла воротами вели десятки узких мостов, некоторые из них уже были разрушены в ходе атаки, другие объяты пламенем, а кое-где еще продолжались ожесточенные сражения.

Леман Русс и его Космические Волки громили верхние уровни города, расправляясь с политиками и правителями, словно океанские хищники, охваченные буйством охоты. Согласно донесениям по вокс-связи, Несущие Слово и Имперская Армия успешно подавили оборону ворот в долине, а теперь поднимались наверх, оставляя после себя лишь пепел и камни.

Если бы не увещевания Магнуса, от города ничего не осталось бы.

Примархи встретились накануне вечером, чтобы обсудить план атаки. И Леману Руссу, и Лоргару не терпелось стереть Утес Феникса с лица земли, хотя и по совершенно разным причинам. Русс хотел этого только потому, что город осмелился противостоять ему, а Лоргар желал покарать его жителей, поскольку

они не слышали об Императоре и это его оскорбляло.

Трудно было представить себе трех братьев, так сильно отличающихся друг от друга: Русс в своей звериной манере, которая, по его мнению, всех обманывала, и Лоргар, чьи манеры были намного сдержаннее, но истинная сущность, скрывавшаяся под этой маской, была недоступна даже для Магнуса. Они проговорили до самой ночи, и каждый пытался настоять на своем.

Утес Феникса не постигнет участь остальных горных городов Гелиосы, хранилища которых разрушены, артефакты уничтожены, а значение утрачено. Магнус был намерен спасти историю этого изолированного островка человечества и восстановить его место в славной истории достижений людской расы.

Этот мир перенес кошмары Древней Ночи и заслуживает лучшей участи.

— Вперед, братья! — призвал Магнус. — Нам предстоит спасти наследие целого мира.

Город был полон красивых зданий, встроенных в скалы, множества вырубленных в склонах жилых и производственных помещений, площадок для отдыха, пересекающихся улиц и бульваров, а также межуровневых переходов. Для любой нормальной армии штурм такой горы стал бы жестоким испытанием, требующим много времени и потерь, но Тысячу Сынов нельзя было назвать обычной армией.

Ариман продолжал поддерживать контакт с Аэтпио и, пользуясь связью своего Хранителя с эфиром, получал видения из близкого будущего. Он видел ловушки еще до того, как они были поставлены, и ощущал взволнованные мысли участников любой засады.

Вместо того чтобы проверять каждый дом, Тайные Скарабеи посылали туда своих Хранителей, обнаруживали места скопления противников, а потом выжигали их невидимым огнем или сокрушали мощными психическими ударами. Первое братство Аримана

быстро и эффективно поднималось вверх по склону к Магнусу. Примарх призвал их защитить интеллектуальный центр города от уничтожения. Тысяча Сынов пробивали себе путь наверх по вымощенным мрамором проспектам, и каждое братство сражалось согласно природе своего капитана.

Воины Второго братства Фозиса Т'Кара, используя мантии-невидимки, создаваемые усилием мысли, вплотную подбирались к вражеским отрядам и истребляли их залпами эфирной энергии. Астартес Третьего братства Хатхора Маата заживо сжигали своих противников, доводили до кипения кровь в их венах или вытягивали воздух из легких, обрекая врагов на страшные мучения.

Призыв примарха не касался только одного Калофиса. Во главе отряда Разрушителей и манипул роботов он защищал тылы Тысячи Сынов. Психорезонансные кристаллы позволяли капитану Шестого братства с необыкновенной четкостью командовать его бездумными подчиненными, чего нельзя

было достичь даже при помощи доктринальных плат Легио Кибернетика.

Стаи сорокопутов при каждом удобном случае пытались атаковать Тысячу Сынов. Эти нападения происходили так быстро, что даже возросшие способности Аримана к предсказаниям оказывались недостаточными. В Первом братстве уже насчитывалось более сотни раненых, и Ариман знал, что до конца сражения их число возрастет.

Он пробрался к упавшей колонне, за которой прятался Летюэль Гамон. По пути он невольно отметил, что пропорции опоры и украшенная резными листьями капитель очень похожи на колонны Великой библиотеки Просперо. Столь неуместное для боевой ситуации наблюдение вызвало у него усмешку.

Летюэль обеими руками зажимал уши, защищаясь от пронзительных криков атакующих сорокопутов и оглушительного грохота болтерной стрельбы Астартес. Ужас, который испытывал этот человек, окрашивал его ауру зеленовато-желтыми потоками энергии. Рядом с ним

расположился Собек. Он вел ответный огонь, и ударная волна каждого выстрела поднимала с поверхности колонны фонтанчики пыли.

— Ну как, это то, что ты надеялся увидеть? — спросил Ариман, меняя обойму в своем пистолете.

Лемюэль покачал головой. В его глазах блеснули слезы.

— Это ужасно, — сказал он. — Как ты выносишь такой шум?

— Я этому долго учился, — ответил Ариман.

Очередной залп болтерного огня громким эхом раскатился по скалам, и ему ответили резкие крики налетевших сорокопутов. Из-за колонны послышался резкий хлопок, и Лемюэль, вздрогнув, сжался, когда над его головой с воем пронеслись энергетические заряды.

Мощный предупреждающий импульс Аэтпио заставил Аримана броситься на колени.

Клюв сорокопута просвистел над его головой, и Ариман успел взмахом хеки блокировать удар крыла, а выстрелом из

пистолета превратить голову нападавшего существа в кровавое месиво. Сорокопут рухнул, но вслед за ним ринулись другие противники.

Когти летающего убийцы вонзились в колонну рядом с Ариманом, посыпались осколки камня, а из кожистой кромки крыла высунулись рудиментарные пальцы. Летюэль вскрикнул от страха, и сорокопут направил на летописца свой длинный крепкий клюв. Ариман, подняв руку, резко сжал пальцы в кулак.

Жест Аримана вызвал мощный импульс боли, губительный для нервной системы врага, и нацеливший на Летюэля сорокопут издал сдавленный крик. Его дрожащее тело бессильно упало на землю, а Ариман, наступив ему на шею, резко развернулся, получив очередное предостережение. Взмах посоха отбил удар следующего противника и поджег перья.

Огонь со сверхъестественной скоростью распространился по всему телу крылатого существа, издавшего мучительный вопль. Пламя,

подпитываемое жизненной силой сорокопута, угасло только после его смерти.

Собеку пришлось отражать нападение сразу двух противников. Его левая рука попала в клюв белоснежного монстра, и зазубренные лезвия яростно двигались, стараясь оторвать руку у самого плеча. Крылья второго сорокопута хлопали над головой воина, поднимая тучи пыли и оставляя на броне Практика глубокие царапины.

В яростной схватке между Астартес и крылатыми хищниками мелькали когти, клинки, клювы и руки. Ариман поднял пистолет и благодаря контакту с Аэтпио подключился к Великому Океану, мгновенно оценивая бесчисленное множество вариантов будущего, которые зависели от его выстрелов. Затем он дважды нажал на курок.

Первый болт пробил череп вцепившегося в Собека сорокопута, а второй взорвался в сердце его сородича, который яростно размахивал крыльями. Оба снаряда прошли всего в нескольких

сантиметрах от тела Собека. Точные выстрелы поразили обоих противников насмерть.

— Благодарю, мой лорд! — крикнул Собек, освобождая истерзанную руку от клюва мертвого сорокопута.

Броня уже была пробита насквозь, и через прореху виднелась окровавленная плоть воина.

— Ты сможешь продолжать бой?

— Да, мой лорд, — заверил его Собек. — Рана уже начала исцеляться.

Ариман кивнул и присел на корточки рядом с Летюэлем.

— А ты, мой Послушник? — спросил он летописца.

Летюэль сделал глубокий вдох. Его темная кожа приобрела пепельный оттенок, а по запыленным щекам протянулись дорожки слез. На улице еще вовсю гремела стрельба, но выстрелы были направлены в другую сторону.

— Они мертвы? — спросил Летюэль.

— Мертвы, — подтвердил Ариман. — Тебе ничто не угрожало. Собек прикрыл тебя маскирующим полем, и птицы даже

не догадывались о твоем присутствии, пока ты не закричал. Кроме того, сержант Ксеатан на всякий случай развернул над тобой кайн-щит.

— Я думал, что вы все Корвиды, — сказал Летюэль, — прорицатели. Разве телекинезом владеют не только Рапторы?

— Большинство моих воинов действительно Корвиды, — согласился Ариман, с радостью пользуясь случаем преподать урок даже в пылу сражения. — Но, по обычаю Тысячи Сынов, отряды формируются с участием представителей самых различных братств. Собек и я — Корвиды, а Ксеатан — последователь Рапторов.

Ариман показал на воина, укрывшегося в дверном проеме от ожесточенного обстрела десятка авенианских солдат. На его наплечнике была выгравирована звезда с волнистыми лучами Тысячи Сынов, с разноцветным пером в центре.

— А вон там Гастар, он Павонид. Смотри внимательно.

Несмотря на сильный испуг, Летюэль высунулся из-за колонны, и в тот же момент Гастар прыгнул на мостовую, а авенианские солдаты выскочили из укрытия. Свой болтер он оставил висеть на боку, а сам встал в оборонительную позицию, перенеся вес тела на отставленную назад левую ногу. Увидев врага, авенианцы подняли оружие, но выстрелить не успели. С протянутых вперед рук Гастара сорвалась целая стена молний, и от оглушительного раската грома на пятьсот метров вокруг вылетели все стекла.

Автоматические гасители шлема Аримана смягчили ослепительную вспышку, а вот Летюэлю пришлось долго моргать, чтобы избавиться от мерцания перед глазами. Когда наконец его зрение снова прояснилось, все было кончено. Авенианские солдаты превратились в почерневшие колонны, удерживаемые в вертикальном положении только спекшимися костями. Сожженная плоть сползала с их скелетов, словно растаявшее масло. Летюэль со стоном согнулся

пополам и избавился от содержимого желудка.

Потом ошеломленно поднял голову.

— Сохрани меня, милосердная Инкосазана,[58] владычица небес! — воскликнул он.

Ариман простил ему обращение к языческим богам и подождал, пока Летюэль отдышится и вытрет лицо. Но летописец никак не мог успокоиться.

— Это ужасно... Я хотел сказать, невероятно... Как? Откуда он узнал, что солдаты начнут двигаться в этот самый момент?

— От Атенейца, капитана Утизаара, который стоит на противоположной стороне улицы, — сообщил Ариман и указал на воина, притаившегося за другой упавшей колонной. — Он прочел мысли командира авенианцев и дал знать Гастару, когда они собрались выскочить.

— Невероятно, — повторил Летюэль. — Просто невероятно.

Ариман улыбнулся. Он был доволен, что его Послушник так быстро принял

основные способности Тысячи Сынов. Безоговорочное стремление нового Империума к атеизму и логике заставило многих подданных отказаться от веры в чудеса. Имперское Кредо отрицало эзотерические науки, и, вместо того чтобы принять их как новую форму понимания, государство обвинило их последователей в черной колдовстве.

— Ты быстро учишься, Летюэль, — сказал Ариман. Он поднял вверх руку со сжатым кулаком, созывая своих воинов. — А теперь прочти их ауры и скажи, что ты чувствуешь.

Три сотни Астартес, в основном терминаторы Сехмет и ветераны Тайных Скарабеев, выстроились рядом с воинами Утизаара.

— Гордость, — сказал Летюэль, прикрыв глаза. — Жгучую гордость своими способностями.

— Этого недостаточно, — заметил Ариман. — Такой ответ способен дать любой ребенок. Погружайся глубже.

Дыхание Летюэля стало более размеренным, а изменения в его ауре

подсказали Ариману, что летописец достиг нижнего уровня Исчислений. Его действия были неуклюжими и медлительными, но обычные смертные не могли сделать и этого.

Как легко было забыть, что когда-то и сам Ариман не представлял, что значит повышать уровень своего сознания. Обучая летописца процессу, который стал для него столь же естественным, как дыхание, он нередко забывал о трудностях.

— Старайся, чтобы это происходило естественно, — сказал Ариман. — Следуй за потоком, и он сам принесет тебя к цели.

Лицо Летюэля разгладилось, и это означало, что он уловил ритм пульсаций города: черные потоки страха его жителей, злобно-красные штрихи солдат и глубокий золотой фон гордости, сиявшей в каждом сердце.

Необычайно мощный выброс психической энергии Ариман почувствовал за мгновение до того, как был нанесен удар.

Сокрушительный заряд психического шума обрушился на них, заглушив своей

яростью все ощущения. Утизаар вскрикнул и выронил оружие. Летюэль согнулся пополам, содрогаясь в конвульсиях.

— Великий Океан, что это было?! — крикнул Собек. — Оружие?

— Психическая ударная волна, — выдохнул Утизаар. — Невероятной силы.

Ариман прогнал боль и встал на колени возле Летюэля. Все лицо летописца было залито кровью. Она сочилась из глаз и двумя ручейками текла из носа.

— Такая мощная? — спросил Ариман, моргая, чтобы избавиться от остаточных эффектов. — Ты уверен?

Утизаар кивнул:

— Уверен. Это вопль откровенной ярости, холодной, неудержимой и беспощадной.

Ариман не мог не поверить заявлению Утизаара, он и сам ощущал металлический холод и неистовую ярость охотника.

— Такая психическая мощь не под силу обычному разуму, — заметил Утизаар, оживляя печальные

воспоминания. — Я ощущал это и раньше.

Ариман заглянул в ауру Утизаара и все понял.

— Леман Русс, — сказал он.

Глава 13
БИБЛИОТЕКА ПЕРЕРОЖДЕНИЕ ПЛОТИ МИРОТВОРЕЦ

Они поднялись выше на Утес Феникса. В ущелье, где располагались мастерские ремесленников, Первое братство Аримана соединилось с Третьим Хатхора Маата, а в районе пустых шахт к ним вышли еще и разведывательные отряды Гвардии Шпилей Просперо. Десантники Уранти Дракс уже заняли городские кварталы выше позиции Аримана и расступились перед целеустремленно марширующими Астартес.

Донесения о ходе сражения были самыми противоречивыми и беспорядочными: на юго-восточном склоне воины вели яростную перестрелку с противником на короткой дистанции, шесть тысяч солдат в промышленном районе нижнего уровня оказались

втянутыми в рукопашный бой, на отдаленном северном отроге продолжалась артиллерийская дуэль, а выжившие наездники на сорокопутах вступали в головокружительные воздушные поединки с воинами Тысячи Сынов, которые использовали для передвижения гравидиски.

Рапорты накладывались один на другой, и в результате получалась такая мешанина, что Ариман с трудом улавливал смысл. Но кроме донесений о скорой победе и разгроме врага, он уяснил еще два неопровержимых факта.

Несущие Слово продвигались медленно, гораздо медленнее, чем он рассчитывал.

Чего нельзя было сказать о Космических Волках.

Леман Русс и его Первая Великая рота высадились точно на самый высокий серебряный пик, затушили вечный огонь и разгромили символы правителей. Гвардейцы Совета Феникса самоотверженно сопротивлялись неудержимой лавине Космических Волков,

но были буквально разорваны в клочья и сброшены с вершины горы.

Побежденные правители предложили обсудить условия капитуляции, однако Леман Русс остался глух к их просьбам. Он уже произнес слова обета перед Великим Кругом, а Король Волков никогда не нарушит клятвы ради такой мелочи, как милосердие. Космические Волки пронеслись по горе с неистовством разбушевавшейся стихии, и их клинки потрошили тела защитников, словно ножи мясников свежие туши.

После них не оставалось ничего, и город на горе, бывший произведением искусства, исчез под натиском грубой и бессмысленной жестокости. За спинами воинов Русса царила смерть, а перед ними была новая цель: Великая библиотека Утеса Феникса, где в строгом порядке выстроились воины Второго братства фозиса Т'Кара во главе с Магнусом Красным.

Буйство Космических Волков наконец было остановлено.

Ариман провел своих воинов над зияющей пропастью по узкой эстакаде, которая выходила на широкую площадь перед сверкающей пирамидой из стекла и серебра. За время боев многие позолоченные панели были разбиты, но библиотека оставалась величественным сооружением, напоминавшим храмы-пирамиды Просперо, только меньшего размера.

— Воины Русса учинили тут настоящий разгром, — заметил Хатхор Маат, окидывая взглядом развалины города. — И я склонен согласиться с тобой, Азек.

— В чем?

— Возможно, это действительно напрасная трата жизней, — ответил Хатхор Маат, удивив Аримана своей искренностью.

Они уже поднялись так высоко, что Ариман мог разглядеть вершину горы — серебряный пик с выемкой посредине, из которой вместо вечного огня поднимался дым. Зато огни пожаров виднелись по всему склону, а с этого наблюдательного

пункта на эстакаде было видно, что нижний уровень пострадал ничуть не меньше.

Впереди, у самого конца эстакады, на страже стояли Астартес со знаками отличия Второго братства; они держали болтеры наготове, а над их головами Ариман заметил мерцающую сферу кайн-щитов.

Лемюэль Гамон догнал Аримана. Его лицо покрылось пленкой подсохшей крови, впрочем, на щеках виднелись и свежие ссадины.

— Что происходит? — спросил Лемюэль, жадно хватая ртом разреженный воздух. — Ты видишь Короля Волков? Его воины попали в беду?

— Что-то вроде этого, — ответил Ариман. — Они точно в беде, вот только я не могу понять, по чьей вине.

Ариман переглянулся с Утизааром, но его приятель капитан только смущенно пожал плечами. Дело плохо. Уж если телепат не в состоянии разобраться в том, что происходит, у него шансов еще меньше.

— Идем, — позвал он. — Надо выяснить, в чем тут суть.

При его приближении воины у конца эстакады опустили болтеры, и Ариман заметил глубокие царапины на их оплечьях, не похожие на тонкие следы когтей сорокопутов. Эти раны были нанесены цепными мечами.

Библиотека во всем своем великолепии возвышалась над ними мерцающей громадой поляризованного стекла. Внутрь вели широкие позолоченные двери, и Ариман на мгновение представил себе, с каким удовольствием он станет исследовать самые сокровенные тайны этого удаленного мира.

Воинские наряды Тысячи Сынов охраняли и все остальные переходы, ведущие к библиотеке. На краю площади в сиянии золотой и багряной брони стоял Магнус Красный. Он держал в руке обнаженный изогнутый меч, а все тело искрилось эфирной энергией. За спиной Магнуса Ариман разглядел древнего летописца и удивился, что старик выжил

в этом сражении.

К Ариману подбежал Фозис Т'Кар, роняя шипящие искры с посоха-хеки.

— Азек, Хатхор, вы не слишком торопились, — упрекнул их Фозис.

— Мы пришли так быстро, как только смогли, — возмутился Хатхор Маат.

— Ладно, вы оба здесь, а это важнее всего. Есть какие-то вести о Калофисе?

— Нет, — ответил Ариман. — Он подключился к кристаллам своих роботов. Когда его сознание так сильно рассеяно, становится трудно определить его местонахождение.

Фозис Т'Кар пожал плечами:

— Отлично. Придется справляться без него.

— Т'Кар, — обратился к нему Ариман, — скажи мне, что происходит? Мы услышали психический вопль такой силы, с каким я еще не сталкивался.

— Это был Леман Русс? — спросил Утизаар. — Верно?

Фозис Т'Кар кивнул, а затем, развернувшись, жестом пригласил их

следовать за собой.

— Весьма вероятно, — бросил он. — Он убил почти всех Атенейцев в моем братстве, а те, кто выжил, превратились в слюнявых идиотов.

— Убил?! — воскликнул Утизаар.

Эти воины не состояли в его братстве, но он был магистром храма Атенейцев, и все они были ему близки не меньше, чем фозису Т'Кару.

— Убил, — коротко ответил капитан. — Именно это я и сказал. А теперь хватит тянуть время. Примарх зовет вас к себе.

Ариман подавил гнев, вызванный грубостью фозиса Т'Кара, и зашагал следом за ним к самому широкому выходу с площади, где стоял Магнус.

— А где же Король Волков? — спросил Летюэль.

Фозис Т'Кар лишь презрительно глянул в сторону летописца.

— Ответь ему, — попросил Ариман.

— Мы и сами еще точно не знаем, — сказал фозис Т'Кар. — Но он направляется сюда, в этом мы уверены.

Магнус повернулся им навстречу, и Ариман оценил силу ярости примарха. Его плоть бурлила жизнью, словно под кожей разливалось жидкое пламя, и глаз источал такой же воинственный свет. Рост примарха, часто менявшийся в зависимости от настроения, сейчас казался огромным.

Ариман уловил страх Лемюэля, но с удивлением отметил, что не наблюдает ничего подобного в ауре Махавасту Каллимака, и только потом понял, что сознание старика подавляется контактом с разумом примарха.

— Кто мог подумать, что до этого дойдет?! — вскричал Магнус, заставив Аримана выбросить из головы мысли о летописцах.

— До чего дойдет? — спросил он. — Что все-таки происходит?

— А вот что, — ответил Фозис Т'Кар и указал на дальний конец эстакады.

Там выстроился клин Космических Волков, и во главе его встал воин в кожаной маске, из-под которой холодно сверкали безжалостные глаза. Воины уже

обнажили оружие, а целая стая волков рвалась в бой.

— Атлоди Скарссен?! — воскликнул Ариман. — Я не понимаю. Зачем ему понадобилось на нас нападать?

— Нет времени на объяснения, — сказал Фозис Т'Кар. — Они идут!

Наступление Космических Волков представляло собой картину, полную грозного великолепия.

Они надвигались широкой волной несокрушимой брони, громыхающих щитов и навощенных бород. Они не бежали, а шли размашистым шагом, их хищные усмешки, обнажавшие клыки, и некоторая неторопливость в движениях свидетельствовали о непоколебимой уверенности в своих силах.

Этим воинам не требовалась скорость, чтобы прорвать строй противника.

Им было достаточно боевого мастерства.

С каждым шагом, приближавшим Космических Волков к Тысяче Сынов, ужас Аримана все возрастал. Как получилось,

что эти воины, еще недавно бывшие их союзниками, превратились во врагов? Они уже спустили с цепей рвавшихся волков, и звери во весь опор понеслись по эстакаде.

Фозис Т'Кар занял позицию в центре линии Тысячи Сынов. По обе стороны от него встали на колени его товарищи по братству Раптора.

— Кайн-щиты, — скомандовал Фозис Т'Кар, вытянув руки перед собой.

Воздух перед ними слегка затуманился и задрожал.

— Заставим этих зверей слегка притормозить, — сказал Хатхор, создавая на пути волков энергетические завихрения.

Рядом с Хатхором Маатом встал Гастар, рукавицы которого уже начали потрескивать от зарождающихся молний.

— Только никаких убийств, сыны мои, — предостерег их Магнус. — Нельзя, чтобы на наших руках осталась кровь после навязанной нам битвы.

Хатхор Маат хоть и неохотно, но уменьшил мощность, и энергетические вихри и разряды молний немного

потускнели.

— Мой лорд, почему это произошло? — спросил Ариман.

— Я вместе с Тайными Скарабеями охранял библиотеку, — сказал Магнус. — Но сразу вслед за нами здесь появилась Великая рота Скарссена. Космические Волки хотели все уничтожить. Я их остановил.

У Аримана возникло отвратительное ощущение, что события вышли из-под контроля. Гордость, самолюбие и первобытная страсть к уничтожению вошли в конфликт между собой, а подобное столкновение всегда грозило величайшими разрушениями.

Наступление Космических Волков было равносильно неудержимой ярости стихии.

Тысяча Сынов стояли словно непоколебимая и неподвижная скала.

Найдется ли во всей Галактике мощь, способная обуздать приведенные в движение силы?

Быстроногие волки первыми

ощутили на себе ярость Тысячи Сынов. Они влетели в мерцающую паутину молний, и шерсть на них мгновенно загорелась. Протяжный вой разнесся по окружающим ущельям, волки лязгали зубами и катались по земле, пытаясь сбить пламя. Два зверя пылающими кометами сорвались с эстакады и разбились о камни. Остальные повернули назад, и лишь несколько волков помчались дальше.

Но ни один не успел добежать до Тысячи Сынов.

Космические Волки сумели прорваться сквозь эфирное пламя. Их броня почернела, местами оплавилась, но защитила от огня. Разрисованные волчьими мордами щиты сомкнулись, и между ними высунулись лезвия цвета льда. Обгоревшие волки затихли, перестав скулить, когда раздалось яростное протяжное завывание, вырывающееся из глоток воинов Атлоди Скарссена.

Два Легиона разделяло уже всего десять метров.

— Оттолкните их назад! — приказал

Магнус.

Фозис Т'Кар кивнул, воины Второго братства вышли вперед, и кайн-щиты встали против щитов металлических.

— Мы должны остановиться! — закричал Ариман. — Это безумие!

Взгляд Магнуса обратился на него, и все вокруг исчезло за пеленой ярости его примарха, такой же первобытной и неудержимой, как эмоции Космических Волков.

— Не мы начали эту битву, Азек, — напомнил Магнус. — Но, если потребуется, мы сумеем ее завершить.

— Мой лорд, пожалуйста! — взмолился Ариман. — Если мы пустим в ход оружие против Космических Волков, они никогда нам этого не простят.

— Я не нуждаюсь в их прощении, — отрезал Магнус. — Но я требую уважения!

— Но это не лучший способ его заслужить, мой лорд. И нам обоим это хорошо известно. Король Волков ничего не забывает и ничего не прощает. Стоит убить хоть одного из его воинов, он навеки станет считать тебя должником.

— Уже слишком поздно, Азек. — В голосе Магнуса неожиданно прозвенел страх. — Битва уже началась.

Кайн-щиты Тысячи Сынов столкнулись со щитами Космических Волков с отвратительным пронзительным скрежетом. Невидимая сила встретила на своем пути закаленную льдами сталь. Космические Волки и Тысяча Сынов выгнули спины, пытаясь оттолкнуть друг друга в борьбе между силой и волей.

Никто даже не потянулся за оружием, как будто все воины понимали, что в этом бою надо смотреть противнику в глаза. После столкновения они замерли, словно превратились в резные фигуры на триумфальном барельефе. Но такое равновесие не могло длиться долго.

Медленно, метр за метром, Тысяча Сынов были вынуждены пятиться назад.

— Хатхор Маат! — крикнул Магнус. — Подорви их силы!

Капитан Третьего братства стукнул себя кулаком в грудь и направил свою волю на помощь боевым братьям.

Стоявший рядом Гастар и остальные Павониды присоединились к нему и обрушили на противника всю мощь биоманипуляций.

Невидимые потоки эфирной энергии устремились навстречу Космическим Волкам. Они блокировали мозговые центры, изменили направление электрических импульсов и быстро вывели кислород из крови, текущей от легких. Эффект проявился немедленно.

Тела Космических Волков взбунтовались, и строй нарушился. Руки и ноги свело судорогами, сердечные мышцы резко сократились, и воины утратили контроль над своими мускулами. Они дергались, словно марионетки в руках обезумевшего кукловода. Ариман видел, как Атлоди Скарссен упал на одно колено, щит выпал из непослушных пальцев и его тело явно отказывалось подчиняться командам мозга.

Волк Повелитель заскрипел зубами, и из ротовой прорези его маски показались клочья кровавой пены. Нервную систему Космических Волков раздирали

противоречивые импульсы, заставлявшие их биться в агонии. Безответственная демонстрация силы Хатхором Маатом, доставляющая ему явное удовольствие, привела Аримана в ярость. Все Павониды отличались злобной самонадеянностью, но это было уже слишком.

— Прекрати! — закричал Ариман, не в силах совладать со своим гневом. Он подскочил к Хатхору Маату и, схватив его за руку, развернул лицом к себе. — Хватит! Ты их убиваешь!

После чего он послал в ауру Павонида импульс белого шума, и капитан Третьего братства вздрогнул.

— Что ты делаешь? — возмущенно спросил Хатхор Маат.

— Пытаюсь тебя остановить, — сказал Ариман. — Освободи их.

Хатхор Маат гневно уставился на него, потом перевел взгляд на Магнуса. Ариман схватил его за края оплечья.

— Прекрати это сейчас же! — потребовал он.

— Уже сделано, — огрызнулся Хатхор Маат и оттолкнул Аримана.

Ариман снова повернулся к Космическим Волкам и с облегчением перевел дыхание. Энергетический поток Павонидов ослаб. Воины в серых доспехах лежали на мостовой. Наступление сорвалось, боевой запал был утрачен. Атлоди Скарссен, с трудом превозмогая раздирающие тело спазмы, поднялся на ноги. От этого усилия глаза у него налились кровью и все тело била крупная дрожь.

— Я... знаю... вас, — прошипел Скарссен, с трудом выговаривая каждое слово. — Всех... вас...

— Я же сказал тебе — прекратить! — закричал Ариман, оборачиваясь к Хатхору Маату.

— Я так и сделал, — возмутился Хатхор Маат. — Клянусь!

Внезапно Ариман ощутил рядом с собой сильнейшую пульсацию энергии, а потом увидел, что Гастар дрожит так же сильно, как и Атлоди Скарссен. Он заглянул в его ауру и ощутил горячий выброс ужаса, смешанного с извращенной энергией.

Ужасающее узнавание признаков вызвало тошнотворный страх.

Хатхор Маат увидел все это одновременно с ним, и оба воина, подскочив к Гастару, сбили его с ног и попытались прижать к земле, несмотря на сильнейшие конвульсии.

— Держи его крепче! — крикнул Ариман, стараясь справиться с застежками нагрудной брони.

— Пожалуйста, не надо! — молил Хатхор Маат. — Держись, Гастар! Сопротивляйся!

Ариман сорвал шлем Гастара и отбросил его в сторону. Перед его глазами повторялось то, чего он надеялся больше никогда не увидеть.

Плоть Гастара бурлила активностью, она скручивалась и изгибалась самым невероятным образом, а мышцы и кости его черепа уже начали увеличиваться. Полные ужаса глаза воина превратились в светящиеся красные сферы, похожие на тлеющие угольки.

— Помогите! — прохрипел Гастар.

— Перерождение плоти! — крикнул

Ариман.

Он еще старался удержать Гастара, но изменения в теле его товарища были настолько же ужасными, насколько неотвратимыми. Тело под броней стало так стремительно расти, что нагрудная пластина треснула по центру и из-под нее показалась бурлящая масса. Из ставшей необычайно податливой плоти выступили энергетические вены, поблескивающие беловатым светом.

Гастар закричал, и Ариман, ошеломленный воспоминаниями о смерти Ормузда, вырвавшимися из потаенных уголков сознания, на мгновение ослабил хватку. Гастар отбросил от себя их обоих. Его тело раздулось от безобразных наростов мышц, местами покрылось коростой, а кое-где вспучились отвратительные пузыри влажной плоти.

С противным шлепаньем и треском деформирующихся костей тело Гастара внезапно поднялось, хотя в этой горе плоти уже невозможно было найти ничего похожего на конечности. Вокруг раздувшейся туши вспыхнули завихрения

энергетических потоков, и пронзительный крик превратился в булькающий хохот безумца.

— Убейте его! — раздался чей-то вопль, но Ариман даже не понял, кому принадлежит голос.

— Нет! — заорал он, хотя и понимал, что его протест бесполезен. — Это все еще Гастар! Он один из нас!

Воины Тысячи Сынов, в равной степени испуганные и потрясенные, разбежались от переродившегося Гастара. К ним вернулся древнейший страх, ужас прошлого, который они считали давно похороненным.

Из выростов на теле Гастара стали вылетать импульсы ничем не сдерживаемой энергии, его торс и ноги срослись в одну морщинистую колонну из светящейся амебовидной плоти. Гребни из не до конца сформировавшихся мембран хлопали на невидимом ветру, и из множества рудиментарных ртов, открывшихся по всему телу, раздавался злобный смех. Из-под кожи со звонкими щелчками стали выскакивать сотни

выпуклых глаз, фасетчатых, как у насекомых, щелевидных, как у рептилий, и молочно-мутных от множества зрачков.

Аримана вдруг охватила неодолимая слабость, словно все его внутренности восстали против привычных форм, и тело задрожало от жажды новой конфигурации.

— Нет, — сквозь стиснутые зубы прохрипел Ариман. — Этому больше не бывать... Я не поддамся! Я Астартес, верный слуга Верховного Правителя Человечества. Я не уступлю!

Воины Тысячи Сынов вокруг него опускались на колени и падали навзничь, пораженные смертоносным вирусом, который распространялся от Гастара со скоростью «Пожирателя жизни». Если не остановить его действие, все они падут жертвами спонтанных мутаций, едва не погубивших их Легион в далеком прошлом.

— Я выживал прежде, — прорычал Ариман, сжимая кулаки, — и теперь тоже выживу!

Решимость придала ему сил, и он сумел направить сознание на Исчисления, стараясь отвлечься от боли и пульсаций

плоти. Чем выше он поднимался по уровням Исчислений, тем надежнее становился его контроль над физическим телом, и вскоре Ариман рискнул снова открыть глаза.

Все мышцы ныли от неимоверных усилий, но он по-прежнему был Азеком Ариманом, здоровым телом и духом. Оглянувшись через плечо, он увидел, что Космические Волки постепенно приходят в себя. То ли поток трансформирующей энергии до них не добрался, то ли они были к нему невосприимчивы. Нервная система, поврежденная Павонидами, уже восстановилась, и Атлоди Скарссен, держа перед собой боевой топор, шагнул к позиции Тысячи Сынов.

Внезапно он ощутил мощный выброс энергии и, перекатившись на бок, увидел, как Магнус Красный шагнул навстречу чудовищно изменившемуся Гастару. Та самая энергия, что уничтожила воина-Павонида, придала Магнусу еще больше сил. Существо, совсем недавно бывшее Гастаром, потянулось к Магнусу, словно желая его обнять, и примарх развел руки,

готовый принять его, одарить прощением и милосердием.

Но прогремел выстрел, и тело Гастара взорвалось от снаряда, пробившего ему грудь. Стало так тихо, что Ариман отчетливо услышал звон тяжелой латунной гильзы, упавшей на землю.

Сохранившийся в воздухе дымный след направил взгляд Аримана к огромному пистолету, зажатому в кулаке гиганта, одетого в серый керамит и волчью шкуру.

Пришел Король Волков.

Совершенно неожиданно в памяти Аримана всплыло полузабытое стихотворение, прочитанное в пыльном архиве мериканской полупустыни. Как полагали археологи, эти строки украшали пьедестал памятника, посвященного началу древней и невероятно разрушительной войны:

> По простому мосту перешли через бурный поток,
> Подставляя знамена апрельскому ветру.
> Здесь насмерть встали

фермеры с оружием в руках,
И целый мир услышал грохот их винтовок.[59]

Леман Русс шел в окружении воинов, облаченных в броню и волчьи шкуры, вооруженных огромными боевыми топорами и окровавленными копьями-гарпунами, направляясь к Великой библиотеке Утеса феникса. Хотя Ариман и раньше встречался с Королем Волков, на поле боя Леман Русс казался ему совершенно другим, чем в мирное время. Грозный и опасный воин превратился теперь в живое воплощение ужаса, чудовищной жажды крови и разрушения, последователя богов убийств, войны и смерти.

Ариман отчетливо определил его природу: это грозная смертоносная машина, объединившая в себе несокрушимую силу и волю, орудие, которое можно направить и пустить в бой, но невозможно остановить.

Король Волков вышел на узкую дамбу,

рядом с ним с непроницаемым выражением лица шагал рунный жрец Охтхере Судьбостроитель. Ариман ожидал, что примарх Космических Волков, оправдывая язвительные отзывы недоброжелателей, стремглав помчится им навстречу, но Леман Русс шел медленно, демонстрируя безграничную выдержку и безграничную ярость.

Сопровождавшие его воины остались ждать своего лорда, демонстрируя неудержимую жажду крови.

Теперь Ариман слышал только шаги Русса. Его поступь была уверенна и неторопliва, а лицо словно окаменело. В руке Короля Волков появился сверкающий инеем меч, способный рассекать скалы. Магнус шагнул ему навстречу, и его изогнутый клинок блеснул энергией солнца. Два бога войны шли на бой, унося с собой души своих Легионов.

Ариман хотел что-нибудь крикнуть, чтобы прекратить это противостояние, но вид двух примархов, идущих друг на друга с намерением убить, лишил его дара речи.

Никто не смог произнести ни слова, когда между ними внезапно возник огненный барьер, яркий, словно вспышка сверхновой звезды. Слепящий свет принес с собой видения далеких миров, горьковатый запах ладана, горящего пластика и перегретых генераторов, гудящих от избытка энергии.

Затем по склонам раскатилось эхо громкого хлопка перемещенного воздуха, и свет исчез.

На месте огненного барьера встал широкоплечий гигант с золотистой кожей и в гранитно-серых доспехах.

— Уризен, — прошептал Ариман.

— Все, хватит, — сказал воин с золотой кожей.

Он встал между Магнусом и Руссом, словно арбитр на ринге. Ариман, взглянув на выразительное лицо примарха Несущих Слово, резко изменил свое мнение о Лорграре. В его подведенных глазах плескалась бездонная грусть, словно он хранил тайны, которыми никогда и ни с кем не мог поделиться.

Броня Лоргара имела цвет камня, тысячелетия пролежавшего под толщей воды, и каждая тщательно подогнанная пластина была украшена изречениями из древних книг Колхиды. На одном наплечнике был закреплен тяжелый фолиант с пожелтевшими от старости страницами, еще трепетавшими от ветра телепортации.

На плечи Лоргара был наброшен плащ глубочайшего винно-красного цвета, и хотя примарх явился без оружия, его ни в коем случае не следовало считать беззащитным.

Ариман слышал каждое слово, произнесенное примархами, и каждое слово навеки врезалось ему в память. До конца своих дней Ариман не забудет, насколько важным оказался этот разговор.

— Прочь с дороги, Лоргар! — грубо рявкнул Леман Русс, на мгновение сбросив маску ледяного спокойствия. — Тебя это не касается.

— Два моих брата собираются зарезать друг друга. Как же это может меня не касаться? — удивился Лоргар.

— Уйди с моей дороги, — повторил Русс и стиснул обернутую шкурой рукоять меча. — Или...

— Что? Меня ты тоже убьешь?

Русс нерешительно остановился, и Лоргар подошел к нему ближе.

— Брат, подумай, что ты делаешь, — сказал он. — Вспомни об узах любви и дружбы, что нас связывают, вспомни, чего ты лишишься, если не сойдешь с этой дороги кровопролития.

— Циклоп зашел слишком далеко, Лоргар. Он пролил нашу кровь и должен за это заплатить.

— Кровь пролилась по незнанию, — напомнил Лоргар. — Брат, ты должен унять свой гнев. Ярость не помощник, когда предстоит сложный выбор. Только позволь ей затуманить разум, и тебе останется лишь сожалеть о последствиях. Помнишь Дулан?

— Да, — ответил Русс, и выражение его лица немного смягчилось. — Война со Львом.

— Вы с Джонсоном сцепились в Тронном зале свергнутого тирана, но это

не помешало вам оставаться братьями по оружию. Здесь то же самое.

Магнус молчал, и Ариман затаил дыхание. Два столь могущественных существа, готовые выплеснуть свою агрессию, представляли самую большую опасность, какую ему доводилось знать.

— Может, нам что-то предпринять? — прошептал Фозис Т'Кар, оглядываясь на Аримана.

— Нет, если тебе дорога жизнь, — предостерег Ариман.

В бессмертных воинах клокотала титаническая энергия, и от создавшейся напряженности воздух между ними потрескивал. Ариман ощущал давление грандиозных сил, но не решался открыть им свое сознание.

— Неужели ты встанешь на сторону Циклопа, Лоргар? Этого знатока грязной магии? Взгляни на труп того... существа, сраженного моей пулей. Взгляни и скажи, ошибаюсь я или нет.

— Нестабильность геносемени еще не повод объявлять войну между братьями, — заметил Лоргар.

— Это не только нестабильность геносемени, это еще и колдовство. И тебе это прекрасно известно. Мы все знали, что Магнус погряз в темных науках, однако закрывали на это глаза, потому что он наш брат. Но всему приходит конец, Лоргар. В его Легионе заражен каждый воин, все они пользуются магией и некромантией.

— Некромантией?! — возмутился Магнус. — Да ты ничего не понимаешь...

— Я знаю вполне достаточно, — отрезал Русс. — Ты зашел слишком далеко, Магнус. Пора положить этому конец.

Лоргар прижал руку к нагрудной броне:

— Этими силами пользуются во всех Легионах, брат. И твои рунные жрецы тоже, разве не так?

Русс запрокинул голову и расхохотался в приступе буйного негодования.

— Как ты можешь сравнивать Сынов Шторма с этими колдунами?! — воскликнул он. — Наши силы рождены

громом Фенриса и закалены в мире-кузнице. Они естественного происхождения, а управляют ими сильные духом воины. Здесь нет ни капли скверны, в которой погрязли Тысяча Сынов.

Тогда настала очередь Магнуса рассмеяться.

— Если ты еще веришь в это, ты глупец! — сказал он.

— Магнус! Хватит! — рявкнул Лоргар. — Сейчас не время для подобных споров. Два моих дорогих брата готовы вцепиться друг другу в глотку, и мне больно думать, как сильно разочарует это нашего отца. Разве для этого мы были созданы? Разве для этого он скитался по небу, разыскивая нас? Неужели мы опустимся до мелких дрязг, словно простые смертные? Нам предстоит более достойная судьба, и мы должны быть выше мелких разногласий. Мы воплощаем волю нашего отца к завоеваниям, мы яркие кометы, запущенные его рукой, чтобы осветить Галактику его славой. Мы эмиссары, несущие весть о его приходе в самые дальние миры. Мы должны

олицетворять все самое яркое и самое лучшее, что есть в Империуме.

Слова Лоргара донеслись до каждого из собравшихся, и содержащаяся в них истина пролилась на ожесточенные сердца успокаивающим бальзамом. Ариман вдруг увидел, в каком ужасном положении они очутились, и ему стало стыдно, что они выпустили ситуацию из-под контроля.

Брат против брата. Что может быть страшнее?

Во время своей речи золотой примарх, казалось, сиял внутренним светом. Охваченные яростью сердца воинов смягчились. Космические Волки чуть-чуть опустили оружие, и в ответ защитные позы Тысячи Сынов стали менее напряженными.

— Я не отступлю и не позволю ему разрушить этот мир, — заявил Магнус, опуская свой хопеш.

— Это не твой мир, чтобы ты его защищал, — фыркнул Русс. — Мой Легион его открыл, и мне решать, как с ним поступить. У его обитателей был выбор: присоединиться к нам и жить или

вступить в борьбу и погибнуть. Они выбрали смерть.

— Не все так однозначно, Русс, — возразил Магнус. — Если ты будем разрушать все на своем пути, какой толк в завоеваниях Великого Крестового Похода?

— Сначала надо выиграть войну. А потом разбираться с тем, что осталось.

Магнус покачал головой:

— Останутся одни руины.

Леман Русс опустил покрытый инеем меч. Гнев примарха Космических Волков на время улегся.

— Я это переживу, — сказал он, а потом молча развернулся и зашагал в обратную сторону.

У конца насыпи он снова повернулся лицом к Магнусу.

— Это еще не конец! — крикнул он. — На твоих руках кровь Фенриса, и ты рассчитаемся, Магнус. Клянусь в этом клинком Мджалнара.

Король Волков провел лезвием меча по своей ладони и уронил несколько сверкающих капель крови на потрескавшуюся землю. А потом он

запрокинул голову и завыл, и все воины последовали примеру своего повелителя, и казалось, что воет сама гора.

Скорбный крик достиг самых высоких вершин и самых глубоких ущелий. То был плач по умершим и мрачное предупреждение о грядущих событиях.

Глава 14
СОГЛАСИЕ

После падения Утеса Феникса войну на Сорокопуте можно было считать законченной, хотя, как и во всех завоеваниях такого масштаба, еще оставались изолированные очаги сопротивления. В горах находилось множество уединенных крепостей, которые не обнаруживали даже обостренные чувства Корвидов, и, прежде чем Согласие будет завершено, должно было пролиться немало крови.

Пока Уранти Дракс патрулировали город, Калофис повел Гвардию Шпилей Просперо и Лакунанский Дозор на поиски мятежных крепостей. Манипулы Шестого братства оказали в этой миссии неоценимую помощь: управляемые посредством кристаллов роботы без страха, жалоб и усталости взбирались на самые высокие утесы. Воины Шестого братства при помощи своих Хранителей направляли огонь Пирридов вглубь горы,

выжигая укрывшихся там противников.

Леман Русс забрал своих воинов с Сорокопута меньше чем через десять часов после объявления победы. Его флагманский корабль «Храфнкель»[60] увел экспедиционную флотилию Космических Волков без фанфар и без заверений в братской дружбе. К разговору о столкновении у Великой библиотеки больше никто не возвращался, но дело не было закончено. Магнус отмахивался, называя это незначительным эпизодом, но близкие к нему воины видели, что противостояние вызвало у него сильное потрясение, как будто оправдало какие-то давние страхи.

На поверхность планеты допустили гражданских лиц, и армия итераторов Сорок седьмой экспедиционной флотилии начала долгую процедуру внушения местным жителям просвещенных идей Империума. Несущие Слово принимали участие в этом процессе с энтузиазмом миссионеров и сгоняли огромные толпы людей в лагеря перевоспитания,

построенные в длинных долинах командами первопроходцев Механикум.

На протяжении трех месяцев после уничтожения Совета Феникса все архивы Великой библиотеки под надзором Анкху Анена копировались пикт-сканерами или переписывались тысячами сервиторов-писцов. Примарх Тысячи Сынов поглощал текст за текстом, усваивая каждую порцию информации быстрее, чем ее мог хотя бы прочесть самый гениальный ученый.

Камилла Шивани проводила в библиотеке все свободное ото сна время, сосредоточенно изучая историю Гелиосы и более ранние легенды, которые относились к мифической Горе Терры. Погрузившись в океан информации, она изучала книги так, как мог бы изучать любой другой исследователь, но вместе с тем свободно использовала свой дар для получения сведений об их бывших владельцах. Многие труды были созданы людьми, не имевшими никакого отношения к описываемым событиям, или победителями в рассматриваемой войне, а потому не

представляли особой ценности, если не считать субъективной оценки.

Но в заброшенном зале под самой вершиной пирамиды Камилла отыскала хрупкую от старости, пожелтевшую книгу, которая все изменила. Многие страницы настолько пострадали от сырости, что их невозможно было прочитать, однако, едва притронувшись к ним, Камилла поняла, что ей нет необходимости читать текст, чтобы усвоить его содержание.

Это была история, написанная непосредственным ее участником, достоверный отчет о турбулентном периоде перемен в чужом мире. В одно мгновение она узнала, что автором был молодой человек из южных областей по имени Калеб. Ей открылись его надежды и мечты, его страсти и пороки. Его глазами Камилла просматривала жизнь, полную радостей и огорчений, узнавала о том, что происходило почти две тысячи лет назад, когда родовые города-государства Гелиосы, соединенные древней верой в бога-громовержца, защищались от расы

захватчиков из чужих миров.

Рассказы Камиллы о временах Калеба произвели сильное впечатление на Анкху Анена, и тогда к ней был немедленно приставлен Астартес-Ревнитель из числа Атенейцев, который считывал мысли из ее мозга и фиксировал их при помощи записывающих устройств. С тех пор Камилле для идентификации приносили каждую книгу неизвестного происхождения.

Лемюэль, напротив, очень редко появлялся в Великой библиотеке. Почти все его время забирали занятия с Ариманом, который продолжал его обучать скрываться от хищников и плавать на отмелях Великого Океана.

Только однажды Лемюэль сделал попытку завести разговор о случае с Гастаром на эстакаде перед Великой библиотекой. Чудовищно изменившееся тело воина было отправлено на «фотеп» и помещено в стазис-камеру, но тень его ужасной гибели мрачной тучей нависла над Тысячей Сынов.

Задав вопрос, Лемюэль понял, что

коснулся обнаженного нерва.

— Он не мог контролировать свою силу, — сказал Ариман, трачно взглянув при этом на серебряный дубовый лист, украшавший его наплечник.

Лемюэль, понимая, что здесь существует какая-то связь, мысленно пообещал себе выбрать более подходящий момент и подробнее расспросить об этом символе.

— А могло это, как ты его называешь, перерождение плоти произойти с тобой? — спросил Лемюэль, отчетливо сознавая, что поднимает опасную тему.

— Он обещал, что это больше не случится ни с кем из нас, — сказал Ариман.

В его ауре Лемюэль заметил боль предательства, слишком резкую и мучительную, чтобы ее можно было скрыть. В словах Аримана звучал холодный ужас жертвы, чувствующей приближение хищника. Тот факт, что Астартес способны испытывать подобные эмоции, потряс Лемюэля до глубины души.

Ариман больше не намерен был продолжать разговор на эту тему, и

занятия с Летюэлем шли своим чередом. Он научился освобождать свое световое тело из оков плоти и плыть по течениям и термальным потокам эфира. Но эти прогулки длились очень недолго, поскольку Летюэль еще не имел достаточного опыта, чтобы надолго оставаться вне материального тела.

Зато в свободное от занятий время он был в своей стихии, путешествуя из города в город в компании отряда Астартес из Первого братства Аримана и записывая свои личные наблюдения за реконструкцией мира. Все эти воины были философами, и Летюэлю, еще не привыкшему даже к рангу Послушника, трудно было поверить, что человек в состоянии достичь таких высот мастерства.

Корабли-кузницы, величиной с целые города, несущие на себе огромные строительные машины и миллиарды тонн сырья, спустились в нижние слои атмосферы и повисли над планетой. Появление в небе столь громадных металлических сооружений вызвало

эффект бабочки, заключающийся в сокрушительных ураганах, сотрясавших весь мир, пока не пошли проливные дожди, которые не прекращались два месяца.

Жители планеты решили, будто мир оплакивает свою свободу, но как только слух достиг ушей императоров, они объявили, что ливни смывают изъяны старого порядка. В добавление к этому утверждению из анонимных источников стали неназойливо распространяться легенды, изображающие бывших правителей Совета Феникса в самом неприглядном виде. Их обвиняли в коррупции, деспотизме и в эксплуатации народа ради корыстных целей.

По мере работы императоров жителям Гелиосы стали демонстрировать примеры могущества Империума. Летюэль пристально следил за работой агитаторов и замечал вооруженных людей, рассредоточенных в толпе и незаметно нейтрализующих активных критиков, а также перебежчиков из числа местных жителей, которые поддерживали выступающих

громкими аплодисментами, и манипуляции с вокс-микрофонами, транслировавшими только доброжелательные вопросы, ответы на которые были приготовлены заранее.

Каждый итератор работал с командой дознавателей. В их задачу входило выявление местных верований и традиций, которые затем приукрашивались и перерабатывались, чтобы укреплять верность Империуму. И работа Тысячи Сынов в Великой библиотеке приносила в этом смысле огромную пользу.

Воины Магнуса почти не покидали хранилище знаний, зато Несущие Слово работали в тесном контакте с итераторами, обеспечивая охрану лагерей перевоспитания и подкрепляя проповеди собственным примером лояльности. Подобный вариант приведения к Согласию вызывал у Лемюэля отвращение: имперские доктрины вытесняли первобытную культуру планеты, как птенец кукушки вытесняет из гнезда своих соседей. Особенно прямолинейной была

версия Имперского Кредо в устах самих Несущих Слово, и вскоре Летюэлю стало тошно от устрашающей риторики, которая была похожа не на просвещение, а на промывание мозгов. Ходили слухи, что Император в прошлом высказал порицание Лоргару по поводу такого рвения, но, если даже это и было так, урок на него не подействовал.

Империум действительно был благословением, и единство действительно давало надежду на лучшее, но аргументы Несущих Слово казались абсурдными, словно доводы задиристых подростков на школьном дворе.

«Мы правы, потому что мы правы, — говорили они. — Согласитесь с нами, и мы будем друзьями. Не согласитесь, и мы станем врагами».

Это явно не лучший способ завоевать умы и сердца покоренного народа, но, с другой стороны, что оставалось делать? Плохо, конечно, что новые начинания приходится внедрять при помощи лингвистических уверток и откровенного запугивания, но Летюэль не был так

наивен, чтобы поверить в добровольный приход к Согласию населения, давшего столь жестокий отпор имперским силам. Процесс пойдет значительно быстрее, если удастся убедить людей в том, что теперь жизнь станет лучше, чем прежде.

И что больше всего расстраивало Лемюэля, так это действенная эффективность подобных методов.

Он вспомнил древний текст, показанный ему Камиллой, — «Ши цзи»,[61] подробнейший труд великого историка, который прославлял правящего императора и всячески чернил предыдущую династию.

Как и на Агхору, в двойном скоплении Причал Ковчега был назначен имперский правитель, чтобы еще долгие годы следить за процессами реконструкции и интеграции. Но в отличие от Агхору, где был оставлен гражданский чиновник, на Гелиосе требовалась более твердая рука. Генерал-майор Гестор Наварра был старшим офицером в отряде Уранти

Дракс, где служили темнокожие воины, набранные исключительно из уничтоженных засухой джунглей Суд-Мерики. Наварра, кадровый офицер из Хай-Бразила, вместе с Несущими Слово прошел сотни сражений, и его назначение было единогласно одобрено.

По сравнению с Агхору имелось и еще одно отличие: на планетах скопления были оставлены и отряды солдат. Имперская администрация быстро внедрила свои щупальца во все сферы общественной жизни, заменила свергнутых правителей делегатами Империума и создала работоспособную инфраструктуру. Чиновники Мунициума подсчитывали прибыль, которую можно извлечь из каждой планеты, а лекторы и создатели легенд странствовали по всем уголкам мира, превознося славную историю Человечества.

Через четыре месяца после подавления сопротивления поступило донесение о том, что последний документ из Великой библиотеки Утеса Феникса был скопирован и сохранен в архивах

«Фотепа». Спустя еще день Двадцать восьмая экспедиционная флотилия покинула орбиту планеты, и Магнус Красный отдал приказ на предельной скорости двигаться к изолированному островку космических обломков, который находился к галактическому востоку от Причала Ковчега.

Многие капитаны кораблей стали уточнять координаты, поскольку этот пункт находился вдали от известных точек варп-переходов, но Магнус подтвердил приказ. В этом районе космоса переход в Великий Океан должен был пройти более спокойно, а конечный пункт назначения Магнус объявил только в тот момент, когда корабли достигли недавно установленного варп-перехода.

Двадцать восьмая экспедиция получила приказ отправляться в систему Улланор, и перспектива присоединиться к своим братьям в войне против зеленокожих вызвала всеобщее волнение. Еще более заманчивым был шанс сражаться под руководством самого Императора, который разил жестоких

врагов на передовой совместно с Хорусом Луперкалем.

Но надежды на грядущие битвы и славу быстро развеялись и сменились восторгом, когда стало известно, что кампания завершена, несмотря на то что война против зеленокожих грозила растянуться еще на целые годы и даже на десятилетия.

Император призывал их не ради участия в войне, а ради празднования победы.

Тысяче Сынов предстояло вместе со своими братьями-Астартес принять участие в Великом Триумфе и восславить победу Императора торжественным маршем, равного которому не было во всей Галактике. Навигаторы флотилии под опытным руководством Магнуса проложили кратчайший маршрут к системе Улланор.

Экспедиционная флотилия Несущих Слово была так занята процессом интеграции миров скопления Приют Ковчега в Империум, что Лоргар решил оставить большую часть воинов и

отправиться на Улланор, как только сможет.

Магнус и Лоргар сдержанно попрощались и обменялись несколькими словами, которых, кроме них, никто не слышал. Но Ариман, внимательно наблюдая за примархами, уловил в ауре Магнуса какой-то необъяснимый, но тревожный всплеск.

Точно такой же выброс он наблюдал в тот день, когда Магнус был готов обменяться ударами с Руссом.

Глава 15
ТРИУМФ
СУМРАЧНЫЙ ЛОРД
СТАРЫЕ ДРУЗЬЯ

Улланор претерпел немало изменений. В руках зеленокожих он превратился в грубый мир отвратительно пахнущих берлог и задыхающихся от ядовитых испарений бивуаков. Военные действия Астартес очистили его поверхность с беспощадной яростью, сметавшей все на своем пути. Но даже их действия не шли ни в какое сравнение с работой Механикум.

Четыре производственных флотилии геоформеров приступили к работе над пересеченной местностью, где еще недавно скрывался беспощадный вождь зеленокожих, чтобы превратить самый большой континент в сцену, достойную Повелителя Человечества. Здесь трудились миллионы сервиторов, автоматонов и солдат штрафных батальонов; целые горные

вершины дробились в щебень, которым засыпали глубокие ущелья, недоступные для солнечного света, и даже холмистые пустоши, где зеленокожие жгли походные костры и сооружали крепости из глины и грязи.

Работа, для которой природе понадобилось бы несколько столетий, была выполнена за считаные месяцы, и когда «Громовые ястребы» Тысячи Сынов, переносившие на поверхность отряд за отрядом, вырывались из пелены смога и пыли, окутавшей Улланор, перед их пассажирами представала картина, от которой захватывало дух.

Вся поверхность внизу сверкала полированным гранитом, словно линзы придворного астронома. На ровной поверхности были оставлены кратеры с оплавленными до состояния стекла краями, в которых горел прометий. Вздымающееся пламя окрасило воздух в оранжевый цвет, а столбы черного дыма поднялись к самому небу. Мимо кратеров протянулась прямая как струна дорога шириной в пятьсот метров и длиной в

пятьсот километров, а по краям дороги безмолвным свидетельством победы встали высокие мачты с трофеями в виде побелевших черепов зеленокожих бестий.

Почти невидимые за облаками дыма, на низкой орбите висели многочисленные корабли, их двигатели ни на минуту не прекращали работы в борьбе против силы гравитации. Мощные электромагнитные поля, генерируемые каждым кораблем, приводили к появлению цепных разрядов молний, от которых атмосфера планеты кипела и бурлила. Над поверхностью проносились эскадрильи истребителей, перехватчиков и бомбардировщиков, и рев их двигателей без слов прославлял великую победу.

Ярко-красные корабли Кровавых Ангелов остановились рядом с затейливо украшенными судами Детей Императора. «Фаланкс», могучая золотая крепость Имперских Кулаков, подавляла своей массивностью все окружающие корабли и, словно насмехаясь над законами природы, неподвижно висела над планетой.

Покрытые боевыми отметинами

флагманы Хана, Ангрона, Лоргара и Мортариона проплыли над зеркальной поверхностью земли мимо судов своих собратьев-примархов, но больше всех поражал воображение позолоченный военный корабль, бросивший якорь над единственным участком континента, который не тронули мощные машины Механикум.

Это был «Дух мщения», флагманский корабль Хоруса Луперкаля, уступавший в своей грозной мощи только «Фаланксу». От его могучих орудий погибали целые миры, и Хорус Луперкаль безо всяких колебаний обрушивал на противников смертоносную ярость артиллерии. На призыв Императора откликнулись четырнадцать Легионов, сотня тысяч величайших во всей истории человечества воинов и девять примархов собрались на торжество, а остальные в ходе Великого Крестового Похода оказались слишком далеко от Улланора, чтобы поспеть вовремя.

Кроме того, здесь присутствовали восемь миллионов солдат Имперской

Армии, и посреди каждого воинского лагеря колыхались на ветру многочисленные боевые знамена, почетные стяги и трофейные штандарты. Рядом с солдатами гордо выстроились тысячи единиц бронетехники и сотни титанов из Легио Титаникус. Они возвышались над смертными солдатами, словно вышедшие на марш стальные горы.

Тысяча Сынов высадились на поверхность планеты одними из последних. Весь континент уже раскалился, словно кузница, и молот истории был готов ударить по мягкому металлу, чтобы придать ему новую форму.

Только величайшее существо Галактики было способно внушить такую преданность.

Других таких собраний не было и быть не могло.

Ариман закрепил плащ на наплечниках примарха костяными защелками, выполненными в виде согнутых когтей. Потом расправил его по плечам

Магнуса, позволяя переливающимся перьям окутать всю фигуру.

Магнус стоял в центре спирали внутри своего санктума; его стеклянная пирамида была разобрана на части и перенесена с борта «Фотепа» на идеально ровную поверхность Улланора. Свет гигантских факелов снаружи окрашивал хрустальные панели в оранжевый цвет, но мастерство Магнуса в науках Павонидов позволяло сохранять внутри комфортную прохладу.

При обычных обстоятельствах примарху помогал бы Амон, но в этот торжественный день Магнус попросил Аримана застегнуть пластины брони, чтобы не ударить в грязь лицом перед братьями-примархами.

— Как я выгляжу? — спросил Магнус.

— Ты наверняка привлечешь к себе внимание, — заверил его Ариман, отступив на шаг.

— А почему бы и нет? — заметил Магнус и мелодраматическим жестом раскинул руки. — Разве я этого недостоин? Пусть Фулгрим и его воины стремятся к

совершенству. Я его воплощаю.

Примарх надел парадные доспехи, и золото ярко мерцало в изменчивом свете костров. Огромные рога воинственно торчали над его плечами, а шлем едва сдерживал гриву красных волос, связанных в три длинных пучка. За спиной крест-накрест висели два клинка, в руке сверкал золотом и изумрудами посох-хека, а висевший на цепях гримуар был едва виден из-под кольчужного килта, отделанного кожей.

— Мне кажется, это не то внимание, которого тебе хотелось бы, — заметил Ариман. — Я заметил, как смотрят на нас другие Легионы.

Он помедлил, прежде чем продолжить, прислушиваясь к страху, который преследовал его уже два месяца после отбытия из скопления Приют Ковчега.

— Они смотрели на нас точно так же, когда перерождение плоти было нередким событием.

Магнус повернулся в его сторону, и его зеленый глаз почти затмил сияние

изумруда на посохе.

— В моем санктуме действует Символ Тутмоса, так что твоих слов никто не услышит, но не вздумай упоминать о перерождении плоти вне этих стен, — предупредил его Магнус. — Это проклятие осталось позади. Когда Император отправил всех вас на Просперо, я остановил деградацию геносемени и восстановил биологическую гармонию Тысячи Сынов. — Магнус слегка нагнулся и положил руку на плечо Аримана. — Да, это было слишком поздно для твоего брата, но достаточно скоро, чтобы спасти Легион.

— Я знаю, но после того, что случилось с Гастаром...

— Аберрационная мутация, ее вероятность — один шанс из миллиарда, — заверил его Магнус. — Поверь, сын мой, это никогда не повторится.

Ариман заглянул в глаз Магнуса и увидел силу его сердца.

— Я верю тебе, мой лорд, — сказал он после паузы.

— Отлично. Тогда мы больше не будем к этому возвращаться, —

решительно заявил Магнус.

Магнус в окружении воинов Сехтет по зеркально-гладкой поверхности направился к единственному возвышающемуся объекту. Эта гора когда-то служила логовом военачальникам зеленокожих, но вершину снесли, а покрытое сталью основание стало помостом для Императора и его благородных сынов.

Магнус тоже займет место рядом со своим генным родителем и братьями: Дорном, Ханом, Ангроном, Сангвинием, Хорусом, Фулгримом, Мортарионом и Лоргаром. Всю дорогу от самого скопления Приют Ковчега воины Тысячи Сынов тщательно готовились к этому дню, и никто не хотел показаться недостойным своих братьев.

Для сопровождения Магнуса к помосту Ариман отобрал самых лучших и опытных воинов своего братства и каждого снабдил почетным картушем, прикрепленным к доспехам восковым скарабеем. Аураматма в шутку предложил

всем выбить по одному глазу, чтобы в них признавали избранников Магнуса. Никто не засмеялся, но Аурамагма никогда не отличался тонким юмором. Во главе тридцати шести воинов Сехмет шли капитаны братств, старшие воины Песеджета, носящие титул магистров храма. Отсутствовал только Фаэль Торон, поскольку его братство осталось на Просперо, чтобы защищать его жителей и тренировать учеников, которые питали надежду когда-нибудь оказаться в числе Тысячи Сынов.

Над их головами, наслаждаясь мощными потоками примитивной энергии эфира, резвились мерцающие силуэты Хранителей. Некоторые невидимые послеобразы остались от представителей ксеносов, которые называли эту скалу своим домом. Они были грубыми и мощными, как огнеметы, но к тому же очень недолговечны. Аэтпио следовал в потоке, остающемся после Магнуса, а Ютипа рыскал по краю отряда вместе с Паэоком и Эфрой, представляя собой единую массу света, крыльев и глаз.

В воздухе Улланора, несмотря на горячий запах прометия, вездесущий аромат оружейного масла и биохимикалий Астартес, еще остались следы зеленокожих. Облака выхлопных газов длинными полосами стелились над землей, и в воздухе постоянно чувствовался запах разогретого металла машин Механикум, их экзотических масел и смазок.

Вся плоскость, насколько хватало глаз, была занята тысячами Астартес, которым предстояло принять участие в триумфальном марше. Поскольку на планете собралось неимоверное количество воинов и различного вооружения, в атмосфере чувствовалась какая-то напряженность, взрывоопасная смесь воинской гордости и превосходства, довольно обычная при встрече солдат из разных частей. Каждое подразделение приглядывалось к соседям, прикидывая, кто из них сильнее, решительнее и отважнее.

Ариман шагал рядом с Магнусом и во взглядах своих собратьев, обращенных на могущественного примарха, улавливал скрытую настороженность.

— Я никогда не видел, чтобы в одном месте собралось такое множество Астартес, — сказал он Магнусу.

— Да, впечатляющее зрелище, — согласился Магнус. — Мой отец всегда понимал толк в символических жестах. Они этого никогда не забудут, и рассказы разнесутся по самым дальним уголкам Галактики.

— Но почему сейчас? — спросил Ариман. — Ведь Великий Крестовый Поход подошел к завершающему этапу.

По лицу Магнуса пробежала тень, словно Ариман коснулся нежелательной темы.

— Потому что для человечества наступает эпохальный момент, — сказал примарх. — Грядут великие перемены. А этот этап необходимо отметить в памяти всей расы. Кому из нас представится еще один случай пережить подобные события?

Ариман не мог не согласиться с этими доводами, но по пути к первому пропускному пункту перед помостом Императора он понял, что Магнус искусно

уклонился от ответа на его вопрос.

На подходе к усеченному подножию скалы часовыми стояли два титана класса «Владыка войны». Эти боевые машины, украшенные позолотой и символическими молниями Императора, прибыли с Терры, чтобы защищать своего повелителя. Здесь же стояли самые могучие представители преторианской гвардии — Кустодес, великолепный сплав технологий и боевого духа.

— А они больше, чем тот, что ты поставил у входа в храм Пирридов, — сказал Хатхор Маат Калофису, когда они проходили между машинами.

— Да, больше, — согласился Калофис, то ли не замечая, то ли игнорируя его насмешливый тон. — Но войну не всегда выигрывает тот, у кого самая большая пушка. «Канис Вертекс» — хищник и, погибая, заберет с собой обоих этих красавцев. Величина — это неплохо, но большее значение имеет опыт, а его с лихвой хватает «Канис Вертекс» после Кориоваллума.

— Как и всем нам, — понимающе

кивнул Фозис Т'Кар. — Но, говоря о «Канис Вертекс», разве не стоит отметить, что он был хищником?

— Мы еще посмотрим, — с усмешкой ответил Калофис.

— Титаны меня не беспокоят, — сказал Хатхор Маат. — Это всего лишь машины. Да, они очень большие, но без принцепсов это всего лишь гигантские статуи. Адепты Механикум, при всем своем опыте, так и не сумели создать машину, которой не требовался бы для управления человеческий разум. Я могу так раскачать молекулы воды в черепе принцепса, что он взорвется, могу довести до кипения его кровь или послать на броню разряд в миллион вольт и уничтожить весь экипаж.

— Я тоже легко могу с таким справиться, — вставил Фозис Т'Кар. — Помните, я уже однажды сделал это?

— Да, — ответил Утизаар. — Мы все прекрасно об этом помним. Ты никогда не устаешь рассказывать, как спас примарха от титана Агхору.

— Точно, — сказал Фозис Т'Кар. — В

конце концов, чем он больше...

— Тем сильнее он тебя изуродует, когда доберется, — закончил Ариман. — Наш долг — сопровождать примарха, а не хвастаться своей силой.

Сразу за титанами их встретили огромные золотые воины, охранявшие все подходы к центру континента. Эти гиганты, не уступавшие ростом Астартес, были одеты в золоченую броню, украшенную рукописными изречениями и развевающимися клятвенными свитками под восковыми печатями. На пропускном пункте их было шестеро, за их спинами урчали двигателями три «Ленд Рейдера», а в стороне стояла еще и пара терминаторов.

— Сначала титаны, потом еще и это! Вам не кажется, что они ожидают каких-то неприятностей? — насмешливо спросил Хатхор Маат.

— Они всегда ожидают неприятностей, — ответил Ариман.

— А по-моему, все эти меры предосторожности смешны и никому не нужны. В конце концов, кто осмелится на

какие-то диверсии, когда мир кишит Астартес и лучшей боевой техникой Империума?

— А ты когда-нибудь встречался с Кустодес? — спросил Фозис Т'Кар.

— Нет, а какое это имеет значение?

— Если бы ты с ними пообщался, ты бы не задавал таких глупых вопросов.

— Я был знаком с одним из них еще до отъезда на Просперо, — сказал Ариман. — Это был молодой, прямой, как шомпол, воин по имени Вальдор. Я думаю, примарх его помнит.

Магнус что-то проворчал, и все поняли его отношение к этому знакомству.

— И что ты о нем думаешь? — спросил Утизаар.

— А ты не понял?! — воскликнул Хатхор Маат. — В чем дело, ты больше не читаешь чужие мысли?

Утизаар проигнорировал насмешку капитана Третьего братства. Магнус повернулся к своим офицерам, и преувеличенно серьезное выражение его лица вызвало усмешку у Аримана.

— Хватит, — сказал Магнус. — Не важно, что вы капитаны. Если Кустодес решат, что вы недостаточно серьезно настроены, вам не удастся пройти внутрь. Их слово — закон, и, когда дело касается безопасности Императора, даже примарх не может отменить их приказ.

— Ладно, Азек, — не сдавался Хатхор Маат. — Расскажи, что собой представляет этот Вальдор?

Магнус доброжелательно кивнул, и Ариман начал рассказывать:

— Это преторианец, действующий с беспощадной эффективностью и абсолютно лишенный чувства юмора. Я полагаю, что служба в подразделении, отвечающем за безопасность величайшей личности в Галактике, оставляет не так уж много времени для веселья.

— Не так уж много? — неожиданно раздался чей-то голос рядом с Ариманом. — Совсем не оставляет.

Как смог кустодий так близко подойти к Магнусу и воинам Сехмет, так и осталось загадкой для Аримана.

Он не почувствовал его приближения, не ощутил ни малейшей дрожи в эфире, вызванной присутствием постороннего. Весь отряд только что подошел к контрольно-пропускному пункту, и вдруг, в одно мгновение, их Хранители исчезли, а рядом возникли два воина-Кустодес.

Оба они были такими же высокими, как и Астартес, но броня на вид сильно уступала в массивности. Их доспехи могли показаться церемониальным украшением, но Ариман отлично знал, что это обманчивое впечатление, благодаря которому Кустодес нередко получали преимущество. Кустодии были очень похожи на Астартес, но в то же время сильно отличались от них, как далекие родичи, пошедшие по иному пути эволюции.

В руках они держали Копья Хранителей — длинные пики, способные пронзить листовую сталь, а также одним ударом рассечь надвое бронированную тушу зеленокожего. Плюмажи из красных конских хвостов спускались с их шлемов подобно ручьям крови, а сверкающие

зеленые линзы визоров почти полностью соответствовали тем, которыми пользовались Астартес Тысячи Сынов.

— Остановитесь, чтобы вас могли опознать, — сказал тот воин, что заговорил первым.

Ариман сосредоточил на нем все свое внимание. Он не мог отыскать даже эхо его присутствия в мире, как будто перед ним было не живое существо, а голографическое изображение. У Аримана даже в горле пересохло, а во рту появился неприятный горький привкус.

«Неприкасаемые, — раздался в его мозгу голос, сохранивший знакомые модуляции. — Могущественные, но не слишком».

Ариман по-прежнему не мог их видеть, но, зная теперь о существовании пустот, мог определить их по имеющимся провалам.

— Их шестеро, — передал он по вокс-связи, встроенной в доспехи.

— Семеро, — поправил его Магнус. — Одна из них гораздо искуснее маскирует свое присутствие, чем ее собратья.

Кустодес скрестили свои копья, блокируя проход к помосту Императора, и в душе Аримана вспыхнул гнев, вызванный оскорбительным присутствием Неприкасаемых. Величественный и грозный Магнус остановился. Его украшенный шлем выглядел увеличенной копией головных уборов стоящих перед ним воинов, и на мгновение могло показаться, что Магнус один из них — высокий предводитель воинов в золотых доспехах.

Магнус слегка наклонился, и его взгляд проследил за строчкой гравировки на нагрудной броне того воина, что стоял слева.

— Амон Тауромах Ксиагейз Лепрон Кайрн Хедросса, — произнес Магнус. — Я мог бы продолжать, но остальная часть твоего имени скрыта в изгибах брони. И Хаэдо Венатор Урдеш Жуйахао Фейн Маровия Трайен. Прекрасные имена, говорящие о великом наследии и исключительном происхождении. Ничего другого я и не ожидал от воинов Константина. Как поживает старик?

— Лорд Вальдор в порядке, — ответил

кустодий, которого Ариман идентифицировал как Атона.

— Я так и думал, — сказал Магнус. Протянув руку, он коснулся сначала выгравированной строки на плече воина. — Ты носишь древнее и очень гордое имя, Атон. Так же зовут моего адъютанта, изучающего поэзию и скрытую суть вещей. Если имя действительно оказывает влияние на человека, значит ли это, что и ты интересуешься неведомым?

— Охрана Императора требует таланта проникать в скрытые истины, — осторожно ответил Атон. — И я горжусь, что имею некоторый опыт в таких делах.

— Да, вижу, что имеешь. Ты исключительный человек, Атон, и я уверен, ты высоко поднимешься в своем ордене. Тебе предстоят великие дела, — сказал Магнус. — И тебе тоже, Хаэдо, — добавил он.

Атон ответил на комплимент примарха легким наклоном головы, и копья стражей поднялись, позволяя Магнусу и отряду Сехмет пройти дальше.

— Это означает?.. — спросил Ариман,

когда Кустодес отвели свое оружие в сторону.

— Система Единого Биометрического Контроля идентифицировала и записала в память ваши генетические метки, — сказал Хаэдо. — Вы те, за кого себя выдаете.

Магнус рассмеялся.

— Разве заявления и действительность когда-нибудь совпадают?! — воскликнул он.

Кустодес ничего не ответили, а только расступились, приглашая их пройти.

Подиум уже был виден, но, прежде чем занять место рядом с Императором, Магнусу предстояло получить последнее одобрение. Уже после проверок на всех контрольных пунктах Ариман периферийным мысленным зрением все еще ощущал гнетущее присутствие Неприкасаемых.

Из пояснений примарха он сделал вывод, что невидимыми часовыми были Сестры Безмолвия, безгласные члены

сестринства Неприкасаемых и Стражей с Черных Кораблей. Весьма символично, что они с Кустодес работают рука об руку.

Астартес Магнуса уже вступили во внутренний круг, как метафорически, так и буквально, поскольку здесь собрались самые могущественные существа Вселенной, великолепнейшие сыновья своего ослепительного повелителя. Здесь, перед тем как подняться на платформу и присоединиться к отцу, собрались примархи.

Ариман заметил крылатый ангельский образ Сангвиния, чья броня ярко-красного цвета составляла странный контраст с белоснежными крыльями. Богоподобный примарх, увешанный серебряными кольцами и жемчужинами, стоял рядом с Ханом, стуглым воином в мехах и доспехах из лакированной кожи, с крылатым знаменем, похожим на знамя Повелителя Ангелов.

Блистающий золотой кожей Уризен что-то оживленно обсуждал с Дорном, примархом Легиона Имперских Кулаков, тогда как Феникиец, сопровождаемый

четверкой своих лорд-командиров, самодовольно прихорашивался рядом с Хорусом Луперкалем и его лейтенантами. Снежно-белые волосы Фулгрима сияли вокруг его превосходно вылепленного лица. Неудивительно, что члены его Легиона гордились своим видом, когда они следовали такому великолепному примеру.

Магнус направился прямо к своим братьям, но навстречу ему шагнул воин в тускло-белой броне с бледно-зеленой отделкой. На его наплечнике виднелся череп, окруженный колючим венцом, что указывало на принадлежность к Легиону Гвардии Смерти. Этот Астартес держался весьма угрожающе, и Ариман без труда определил в ауре все признаки враждебности.

— Я Игнаций Грулгор, капитан Второй роты Гвардии Смерти, — произнес воин, и Ариман заметил в его голосе высокомерную насмешку и осуждение, что свидетельствовало о полном отсутствии смирения.

— Мне нет дела до того, кто ты такой, воин, — спокойно проговорил

Магнус, хотя и не без некоторого угрожающего оттенка в голосе. — Ты загородил мне дорогу.

Астартес, словно живая статуя, продолжал стоять перед Магнусом. Затем к Грулгору с двух сторон подошли могучий воин в золоте и меди и терминатор в доспехах пепельного цвета. В руках, закрытых рукавицами-кастетами, все они держали косы на эбонитовых древках. Длинные темные лезвия отяжелели от совершенных убийств. В мозгу Аримана всплыло название: Людокосы.

— А, безымянные воины Савана, — сказал Магнус и оглянулся вокруг. — Скажите своему лорду, пусть покажется. Я знаю, что он где-то рядом, — если память мне не изменяет, то на расстоянии не больше сорока девяти шагов.

Ариман невольно заморгал. От тени одного из титанов Кустодес отделился темный силуэт — высокий костлявый воин в доспехах тускло-белого цвета, отделанных только железом и бронзой, и в серой, словно грозовая туча, мантии.

Бронзовый ворот со встроенным дыхательным аппаратом закрывал всю нижнюю часть лишенного волос черепа, и из него через равные промежутки времени вылетали струйки зловонного газа. Гигантское существо дышало этими испарениями.

— Мортарион, — свистящим шепотом произнес Хатхор Маат.

Впалые щеки этого воина наводили на мысль о крайнем истощении, а глубоко посаженные глаза, горящие янтарным огнем, казалось, видели бесчисленные ужасы. На груди Мортариона при каждом движении мелодично позвякивали многочисленные сосуды и фильтры, каждый его шаг сопровождался трачным стуком железного древка косы по полированному граниту. На боку висел огромный револьвер, в котором Ариман узнал Лампион, изготовленный на Шенлонге пистолет, при каждом выстреле испускающий звездный свет.

— Магнус, — произнес примарх Гвардии Смерти вместо приветствия. — Я не ожидал, что ты осмелишься

появиться здесь.

Слова Мортариона прозвучали прямым вызовом. Эти два божества, созданные Императором, чтобы его именем завоевать Вселенную, были братьями. И как все братья, они нередко ссорились между собой, желая привлечь внимание отца, но сейчас... сейчас в речи Мортариона прозвучала нескрываемая ярость.

— Брат, — откликнулся Магнус, игнорируя оскорбительный выпад, — сегодня великий день, не так ли? Девять сынов Императора собрались в одном мире. Такого не случалось с...

— Я прекрасно помню, когда это было, Магнус, — прервал его Мортарион голосом сильным и звучным, что не соответствовало бледному, изможденному лицу. — И Император запретил нам упоминать о том случае. Ты нарушаешь его приказ?

— Я ничего не нарушаю, брат, — сказал Магнус, сохраняя легкомысленный тон. — Но даже ты не можешь не признать символического значения этого числа. Три

раза по три, песеджет древних богов, чудесное явление ангелов и девять космических сфер забытых веков.

— Ну вот, ты опять заговорил об ангелах и богах, — презрительно фыркнул Мортарион.

Магнус усмехнулся и сделал шаг вперед, чтобы взять Мортариона за руку, но тот уклонился.

— Ну же, Мортарион! — воскликнул Магнус. — Ты и сам не чужд музыке небесных сфер. Даже тебе должно быть известно, что числа не так просто являются в этот мир, они влекут за собой тщательно сбалансированные системы, как соединение кристаллов или музыкальные аккорды, все в соответствии с законами гармонии. Иначе зачем бы тебе держать своих телохранителей на расстоянии семь раз по семь шагов?

Мортарион покачал головой:

— Да, ты действительно погряз в тайных науках, как и говорил Король Волков.

— Ты разговаривал с Руссом?

— И не один раз, — подтвердил

Мортарион. — После возвращения из скопления Приют Ковчега он очень разговорчив. Нам известно обо всем, что делал ты и твои воины.

— И что же вам известно?

— Ты переступил черту, Магнус, — прошипел Мортарион. — Ты держишь змею за хвост и торгуешься с силами, которые выше твоего понимания.

— Таких сил не существует, — возразил Магнус. — И ты должен бы прекрасно об этом знать.

Мортарион рассмеялся, и этот звук напомнил о сходе лавины в горах.

— Когда-то я знал существо, очень похожее на тебя, — сказал он. — Этот человек был так уверен в своих силах, так убежден в своем превосходстве, что не заметил своей судьбы, пока она не нависла над ним. Как и ты, он пользовался темными силами. Наш отец заставил его жизнью заплатить за этот порок. Будь осторожен, не то тебя ждет такая же судьба.

— Темные силы? — переспросил Магнус, качая головой. — Сила есть сила, и

она не может быть хорошей или плохой. Она просто есть.

Он показал на пистолет, висевший на боку Мортариона.

— Это дурное оружие? — спросил он. — А твоя огромная боевая коса? Это просто оружие, не больше и не меньше. Лишь использующий его человек может заставить оружие сотворить зло. В твоих руках Лампион творит добро. В руках плохого человека он станет совсем другим.

— Дай человеку оружие, и он наверняка захочет пострелять, — заметил Мортарион.

— Теперь ты хочешь прочитать мне лекцию о случайности и предопределении? — огрызнулся Магнус. — Я уверен, Ариман и его Корвиды с радостью выслушают твою точку зрения. Приезжай на Просперо, и ты сможешь просветить моих воинов.

Мортарион покачал головой.

— Неудивительно, что Русс просил Императора наказать тебя, — сказал он.

— Русс — суеверный невежда, — презрительно бросил Магнус, но Ариман

успел заметить, насколько сильно он шокирован поступком Короля Волков. — Он рассуждает о вещах, о которых не имеет представления. Императору известно, что я его самый преданный сын.

— Посмотрим, — прошипел Мортарион.

Повелитель Смерти резко развернулся и зашагал к помосту Императора, поскольку в этот момент на всем Улланоре раздалось пение труб титанов.

— Как ты думаешь, что он имел в виду? — спросил Фозис Т'Кар.

Отряд Сехмет выполнил свою задачу, проводив Магнуса на сглаженное основание скалы, служившее помостом Императору, и теперь Астартес предстояло пройти в торжественном шествии вместе с почетной стражей всех остальных примархов, собравшихся на Улланоре. Ариман не мог вообразить себе более почетной миссии, чем предстать перед таким высоким собранием.

Примархи заняли свои места на

окованном сталью подиуме и распустили почетные караулы. Возможность пройти парадным маршем перед самим Императором для большинства воинов предоставлялась один раз в жизни.

Быть лично знакомым с примархом уже считалось большой честью, но промаршировать перед девятью примархами, да еще в присутствии Императора, было пределом мечтаний. Ариман был готов пройти с высоко поднятой головой перед теми, кого считал полубогами во плоти, апофеозом гуманизма и генной инженерии, взращенной на корнях древней науки.

То, что было создано двадцать таких существ, уже было подобно чуду. Глядя на их благородные лица, он вдруг почувствовал себя ничтожно маленьким, крошечной шестеренкой в непрерывно разрастающейся машине. Мысль о задействованных титанических силах задела в нем чуткую струну, и в груди стала нарастать энергия Великого Океана. Он увидел, как его метафора обретает очертания, и перед мысленным

взором предстала необычная гигантская машина, размером с планету, в которой удивительно гармонично работали все шестерни, рычаги и поршни. Эти могучие поршни с грохотом поднимались и опускались, питая энергией целые миры, пробуждая их к новой жизни и новым начинаниям.

В середине машины он заметил поршень, отмеченный клеймом в виде оскаленной волчьей головы с горящими янтарными глазами. Рядом с этим поршнем работали и другие, несущие на себе различные эмблемы: золотой глаз, белый орел, обнаженные клыки, коронованный череп.

Видение еще не успело сформироваться полностью, как Ариман вдруг заметил, что поршень с волчьей головой движется немного не в такт с остальными, да еще и постепенно отклоняется в сторону. Дефектный поршень нарушил гармоничный баланс, и машина протестующе завибрировала, а потом раздался скрежет металла.

Главный библиарий покачнулся и в

ужасе вскрикнул — механизм угрожающе скрипел и мог взорваться в любое мгновение. Видеть, как такому совершенному сооружению грозит гибель, было для Аримана непереносимой трагедией.

Но внезапно он ощутил прикосновение руки к своему плечу и увидел перед собой потрясающе красивого воина в доспехах жемчужно-серого цвета с эмблемой Лунных Волков. Видение грандиозной машины рассеялось, но горечь от сознания ее неминуемого разрушения исказила лицо Аримана.

— Брат, с тобой все в порядке? — с искренним участием спросил воин.

— Да, в порядке, — ответил Ариман, хотя его подташнивало.

— Он говорит, что в порядке, — прогудел подошедший сзади гигант. Он был намного выше Аримана, с пучком блестящих волос на макушке, и излучал дурное настроение и сильное желание самоутвердиться. — Оставь его и пошли к своей роте. Скоро начнется торжественный марш.

Воин протянул руку, и Ариман ответил на рукопожатие.

— Ты должен простить Эзекиля, — сказал гигант. — Временами, а точнее — всегда, он забывает о хороших манерах. Позволь представиться, я Гастур Сеянус.

— Азек Ариман, — ответил главный библиарий. — Сеянус? Эзекиль? Вы ведь из братства Морниваля?

— Признаю свою вину, — с обаятельной улыбкой сказал Сеянус.

— Я же говорил, что эти Кустодес совершенно не смыслят в охране! — воскликнул Фозис Т'Кар, протискиваясь мимо Аримана, чтобы заключить Сеянуса в сокрушительные объятия. — Как я рад снова тебя видеть, Гастур!

Сеянус со смехом освободился из его рук и толкнул Фозиса в плечо:

— Я тоже рад встрече, брат. Значит, так никто и не сумел тебя убить?

В это время к ним подошли еще два воина в доспехах Лунных Волков.

— Нет, хотя не могу сказать, чтобы не было попыток. — Фозис отступил на шаг назад и окинул взглядом подошедших

воинов. — Эзекиль Абаддон и Тарик Торгаддон, чтоб мне провалиться. И Маленький Хорус тоже! Я часто рассказываю своим братьям, с какими врагами нам приходилось сражаться. Помнишь эти «бойни» на Кейлеке? Эти проклятые чудовища задали нам жару, ничего не скажешь. Помнишь, Тарик, там был один с синей шкурой? Так он почти...

Маленький Хорус поднял руку и прервал воспоминания Фозиса Т'Кара.

— Может, мы встретимся после триумфального марша? — предложил он и тотчас добавил: — Все вместе. Я бы с удовольствием познакомился с твоими друзьями и послушал рассказы о героических сражениях.

Сеянус кивнул.

— Обязательно, — согласился он. — Мне известно из достоверного источника, что Император намерен сделать важное объявление, и мне не хотелось бы его пропустить.

— Объявление? — повторил Ариман, ощущая трепет дурного предчувствия. — А что за объявление?

— Мы об этом узнаем, когда услышим, — проворчал Абаддон.

— Никто не знает. — Сеянус дипломатично улыбнулся. — Хорус Луперкаль не соизволил известить даже своих доверенных лейтенантов.

Сеянус оглянулся на подиум.

— Но что бы это ни было, — добавил он, — я подозреваю, оно будет очень важным для всех нас.

Глава 16
НОВЫЙ ПОРЯДОК ОБУЧЕНИЕ ОЧЕРЕДНОЙ ПРИКАЗ

За хрустальным стеклом пирамиды плыли звезды — слабые проблески света, который горел тысячу, а может, и миллион лет назад. Перспектива заглянуть в такое далекое прошлое всегда привлекала Аримана, потому что настоящее казалось ему эхом минувших эпох.

В санктуме на «фотепе» стояла приятная прохлада, но этот тщательно подобранный климат не имел ничего общего с машинным контролем. Пол покрывали кристаллы черного и белого хрусталя, выложенные в форме спирали. Каждый кусочек хрусталя был добыт в Отражающих пещерах под Тизкой и собственноручно обработан Магнусом.

Свет звезд играл в блестящих плитках и сверкал на серебряных нитях

алых каплевидных подвесок, украшавших плащ Магнуса.

Примарх, неподвижный как статуя, скрестив руки на груди, стоял строго в центре пирамиды и, запрокинув голову, смотрел в бесконечность космоса.

Когда Магнус спускался на поверхность планеты, местом отдыха ему служил шатер, воспроизводивший форму и размеры внутреннего санктума, но вот изысканную атмосферу, отличавшую это место, взять с собой никак не удавалось.

— Входи, Ариман, — сказал Магнус, не сводя взгляда со звездного неба. — Ты пришел как раз вовремя, чтобы вместе со мной наблюдать за полярным сиянием Механикум. Проходи в центр.

Ариман, следуя по черным плиткам спирали, прошел к центру, позволяя им очистить его разум от дурных мыслей, чтобы иметь возможность пройти обратно по белым. На ходу он изучал Магнуса.

После Великого Триумфа примарх держался отчужденно и чаще всего казался печальным. Гастур Сеянус не ошибся

относительно объявления Императора, оно действительно изменило природу Вселенной, где они вели боевые действия. Уже почти два столетия Император, возлюбленный всеми, стоял во главе Великого Крестового Похода и сражался в авангарде человечества, раздвигая границы Империума до самых отдаленных уголков Галактики.

Но всему приходит конец, и Император объявил своим преданным воинам о том, что прекращает участие в боях, что настало время передать командование походом в другие руки. Астартес со слезами на глазах услышали о разлуке со своим любимым повелителем, но, как ни важна была эта весть, второе объявление Императора поразило их ничуть не меньше.

На виду у всех собравшихся воинов Император снял с головы золотой лавровый венок, в котором все привыкли его видеть, и передал своему любимому сыну. С этого момента армиями Империума командовал уже не Император. Эта честь принадлежала Хорусу

Луперкалю. Воителю.

Этот древний титул был извлечен из пыльной тьмы веков, но он как нельзя лучше отображал уникальные качества примарха Лунных Волков. От миллионов воинов, собравшихся вокруг стального помоста, поднимались волны восхищения, смешанного с печалью, но Ариман заметил, что примархи на возвышение Хоруса отреагировали по-разному. Возможно, кто-то рассчитывал оказаться на его месте, а кто-то негодовал при мысли, что придется получать приказы от равного себе по рождению.

В любом случае это не имело значения. Решение было принято, и Император не собирался его обсуждать. Многие воины надеялись возобновить на Улланоре старые знакомства или завязать новую дружбу, но после объявлений Императора собрание Астартес распалось с невероятной поспешностью.

Двадцать восьмая экспедиция, покинув Улланор, совершила двухмесячный переход к Малому Гексию, одному из удаленных миров Механикум, чтобы

пополнить свои припасы. Свидетелями зарождения нового галактического порядка стала основная часть Легиона Тысячи Сынов, но отдельные отряды выполняли задания в других пунктах этого сектора. И с каждым днем все больше сынов Магнуса присоединялось к родному Легиону в ожидании приказов от нового главнокомандующего Великого Крестового Похода.

Сотек привел роту наставников после оказания поддержки Пожирателям Мира в Глубинах Голготана, а потом пришло известие, что и последний отряд — Громодержцы Кенафа — вот-вот должен прибыть после сражений в составе Четвертого Легиона Пертурабо. Небольшое количество воинов Магнуса еще оставалось на других объектах, но подавляющее число его сыновей собралось на Малом Гексии.

Корабли Тысячи Сынов, словно новорожденные младенцы, на шесть месяцев присосались к кузницам и складам планеты. Миллиарды снарядов, тысячи тонн продовольствия и воды, комплекты

снаряжения, сушеные продукты, взрывчатка, бронетехника, энергетические батареи, цистерны с горючим и сотни других предметов, необходимых для функционирования экспедиционной флотилии, были переправлены громоздкими транспортными шаттлами либо с использованием невероятно тонких башен Циолковского.

После дозаправки Легион и миллионы солдат поддержки оставались на якоре на орбите, ожидая очередного приказа. Эти месяцы не были потрачены впустую. Армейские подразделения вместе с Астартес занимались боевой подготовкой и узнавали что-то новое о способностях друг друга.

Каждый капитан братства делил свое время между боевой подготовкой и ментальными занятиями, чтобы восстановить силы и связь с эфиром, но в целом Легион снова был готов оказаться в гуще событий. Летописцы тоже не теряли времени даром. Многие занимались шлифовкой сделанных ими записей, с тем

чтобы опубликовать их после окончания Великого Крестового Похода, а попутно старались разузнать побольше о церемонии Великого Триумфа на Улланоре.

Другие доводили до совершенства наброски и эскизы, сделанные во время покорения Гелиосы и приведения к Согласию ее обитателей. А некоторые избранные, ставшие Послушниками Тысячи Сынов, продолжали обучение.

— Очень красиво, верно? — спросил Магнус у подошедшего Ариман.

— Да, красиво, мой лорд, — согласился Ариман.

— Я так много могу увидеть, когда смотрю из своего святилища, Азек, но гораздо больше хочется узнать. Конечно, мне и сейчас многое известно, но когда-нибудь я буду знать все. — Магнус улыбнулся и покачал головой, словно удивленный собственной самонадеянностью. — Можешь не скрывать своего хмурого вида, друг мой, — продолжал он. — Я не такой невежда, чтобы забыть труды Аристофана и диалоги Платона. «Я

знаю только то, что ничего не знаю»[62] — вот истинная суть познания.

— Я не так глубоко заглядываю в небеса, мой лорд, — сказал Ариман, — но созерцание звезд всегда приносит мне умиротворение, уверенность в том, что Галактика подчиняется определенному порядку. Это дает мне ощущение стабильности в эпоху перемен.

— Ты говоришь так, словно перемены внушают опасения, — сказал Магнус, наконец переведя на него свой взгляд.

— Перемены иногда необходимы, — обезоруживающе улыбнулся Ариман. — Но я предпочитаю порядок. Он более... предсказуем.

Магнус усмехнулся:

— Да, я понимаю, что это было бы очень приятно, но прекрасно устроенный и упорядоченный мир подвержен стагнации. Реальный мир жив только потому, что в нем много изменений, беспорядка и разложения. Старый порядок должен уйти, чтобы уступить место новому.

— Именно это и произошло на

Улланоре? — осмелился спросить Ариман.

— В некотором роде — да. Ни один режим, даже установленный божеством, не может сохраняться вечно. В конце концов, величайший принцип творения состоит в том, что нереальность и вероятность сближаются и расходятся бесчисленное количество раз в ограниченный промежуток времени.

Ариман помолчал, не уверенный, что правильно понял слова примарха.

— Мы одиноки среди звезд, Азек, — со вздохом произнес Магнус и снова скрестил руки на груди.

— Как это, мой лорд?

— Император покидает Великий Крестовый Поход, — пояснил Магнус. — Я слышал его разговор с Хорусом на помосте во время парада. Мой брат хотел узнать, почему отец оставляет нас, и знаешь, что он ответил?

— Нет, мой лорд, — сказал Ариман, хотя вопрос был чисто риторическим.

— Он сказал, что причина тому не в усталости от сражений, а в том, что его призывает более великое предназначение,

которое, как он уверен, поможет сохранить результаты наших завоеваний на вечные времена. Хорус, конечно, захотел узнать, что это такое, но отец не пожелал отвечать и тем сильно уязвил его гордость. Видишь ли, Хорус был первым, кого отец разыскал после того, как все мы были... разбросаны по Вселенной. Отец и сын почти тридцать лет сражались плечом к плечу, и образовавшуюся между ними связь нелегко ослабить. По правде говоря, многие из моих братьев с завистью смотрят на эти узы.

— Но не ты?

— Я? Нет, я никогда не терял контакта с отцом. Мы не раз беседовали с ним еще до того, как он ступил на поверхность Просперо. Такой связи, что существует между нами, нет ни у одного из моих братьев. Когда наш Легион покинул Улланор, я пообщался с отцом и рассказал ему о том, что обнаружил на Ахору тайный лабиринт тоннелей, которые пронизывают Ультериум и связывают между собой все точки и все

времена.

Магнус опять отвернулся к звездам, а Ариман хранил молчание. Он понимал, что нельзя нарушать откровения Магнуса, хотя его рассказ об открытии на Агхору вызывал глубочайший интерес.

— А знаешь, что он сказал, Азек? Знаешь, как он отреагировал на это важнейшее открытие, дающее доступ в любой уголок Галактики?

— Нет, мой лорд.

— Он знал, — спокойно произнес Магнус. — Он уже знал о нем. Наверное, это не должно было меня удивлять. Если кто-то в Галактике и мог знать об этих вещах, то только мой отец. После того как он убедился, что я раскрыл эту сеть, он признался, что знает о ней уже не одно десятилетие, и принял решение овладеть ее секретами. Именно поэтому он и решил возвратиться на Терру.

— Но это ведь великое открытие?

— Бесспорно, — согласился Магнус, но без особого энтузиазма. — Я сразу же предложил ему свою помощь, но предложение было отклонено.

— Отклонено? Но почему же?

У Магнуса едва заметно поникли плечи.

— По всей видимости, научные исследования моего отца находятся еще в слишком хрупком состоянии, чтобы на них могла взглянуть чья-то другая душа.

— Это меня удивляет, — сказал Ариман. — В конце концов, нет более прилежного исследователя эзотерических явлений, чем Магнус Красный. А Император сообщил, почему отказывается от твоей помощи?

— Он не только отказался от моей помощи, но и предупредил, чтобы я прекратил свои исследования. Лишь сообщил, что мне отведена важнейшая роль в его грандиозных замыслах.

— А ты не спрашивал, что наговорил ему Леман Русс?

— Нет, — покачал головой Магнус. — Мой отец прекрасно знает волчью натуру брата; ему не надо доказывать, насколько смешны и лицемерны обвинения Русса.

— И все же, — заметил Ариман, — жаль, что ты не успели побольше узнать

от Волков. Между мной и Охтхере Судьбостроителем образовалась крепкая связь. С помощью Утизаара я многое мог бы выведать о внутренней структуре Легиона Короля Волков.

Магнус кивнул и улыбнулся.

— Не беспокойся, Азек, — сказал он. — Судьбостроитель не единственный источник информации среди Волков. У меня есть другие агенты, хотя они и сами не догадываются, что пляшут под мою дудку.

Ариман ждал продолжения, но примарх предпочел оставить сведения при себе.

Больше он ни о чем не успел спросить, потому что в этот момент сияние звезд дрогнуло, словно на хрустальную пирамиду накинули тончайшую вуаль.

— Смотри, — сказал Магнус, — начинается полярное сияние Механикум.

Словно оставленная под дождем акварель, свет звезд стал расплываться. Смесь химических испарений и влаги в атмосфере поймала отраженные лучи

далекого солнца Малого Гексия, и вокруг всего мира образовался мерцающий ореол, как будто планета от полюса до полюса была объята разноцветным пламенем.

Эффект, несмотря на то что происходил от постоянного загрязнения атмосферы и бурно развивающейся в ущерб экологии планеты промышленности, получился великолепный. Ариман считал это явление доказательством того, что из самых отвратительных источников можно извлечь нечто удивительное. Сопутствующим эффектом полярного сияния Механикум было уменьшение плотности барьера между материальным миром и Имматериумом, а еще в короне планеты появлялись отблески эфирных вихрей самых невообразимых оттенков, и их тоже можно было заметить сквозь хрустальный полог пирамиды.

— Великий Океан, — грустно произнес Магнус. — Насколько же он прекрасен!

Ариман приглушил освещение личной библиотеки, помня о том, насколько важна любая мелочь для концентрации

внимания. Летюэля удивил небольшой размер этого помещения, уступавшего обычному кабинету терранского чиновника. И для библиотеки здесь было совсем немного книг, всего лишь один шкаф, заполненный кожаными футлярами для свитков и стопками отдельных листов бумаги.

Вдоль одной из стен стоял большой письменный стол из светлого полированного дерева с темными прожилками, на котором лежала обтянутая зеленой кожей папка и несколько открытых фолиантов толщиной не менее полуметра.

В углу безмолвным свидетелем его неудачных попыток стояла подставка с доспехами Аримана. Доспехи напоминали Летюэлю роботов Калофиса, и от одной мысли о бездушных механических воинах у него по спине пробегал холодок.

— Ты уже видишь ее? — спросил Ариман.

— Нет.

— Посмотри еще раз. Плыви вместе с потоком. Вспомни все, чему я тебя учил

после Сорокопута.

— Я стараюсь, но их слишком много. Как я могу определить, где реальное будущее, а где потенциальные возможности?

— А вот для этого, — принялся объяснять Ариман, — необходим личный опыт прорицателя. Некоторые предсказатели обладают внутренней связью с эфирными потоками, которая ведет их к истине с неукоснительной точностью, а другим, чтобы ее достичь, приходится отсеивать тысячи бессмысленных видений.

— А к каким из них ты относишь себя? — спросил Летюэль, не открывая глаз и пытаясь проследить за миллионами возможных траекторий разлетающихся карт.

— Думай больше о картах, а не обо мне, — посоветовал ему Ариман. — Готов?

— Готов.

Карточный домик, тщательно собранный на краю стола, представлял собой идеально сбалансированную пирамиду. Ариман построил ее из

семидесяти восьми карт, вынутых из обернутой тканью коробки, которые назвал колодой Триумфов Висконти--Сфорца.[63] Каждая из карт была тщательно прорисована и несла на себе образ царственной особы.

-- Поймай «Семерку монет», -- сказал Ариман и хлопнул ладонью по столу.

Пирамида рухнула, и со стола красочным вихрем посыпались «Всадники», «Короли» и «Принцессы». Летюэль, протянув руку, выхватил одну из карт и поднес к глазам.

-- Покажи мне, -- потребовал Ариман.

Летюэль положил карту на стол. На ней была изображена фигура женщины, тянувшейся к восьмиконечной звезде.

-- «Звезда», -- назвал карту Ариман. -- Попробуем снова.

-- Это невозможно! -- в отчаянии воскликнул Летюэль. Он уже три часа пытался выхватить из потока падавших карт именно ту, которую называл Ариман, но все безуспешно. -- Я не могу этого сделать.

— Можешь. Поднимись к нижнему уровню Исчислений и очисти свой разум от хаоса материальных забот. Пусть твои мысли текут свободно, без влияния голода, желаний и страсти. Только в этом случае ты сможешь отыскать истинный путь в отголосках будущего.

— Освободиться от желаний? Это не так-то легко сделать, — заметил Летюэль.

— А я и не обещал, что будет легко. Наоборот, предупреждал о трудностях.

— Я знаю, но для человека с моим аппетитом нелегко подавить голод. — Летюэль похлопал рукой по объемистому, хотя и слегка усохшему чреву.

Корабельная кухня могла предложить только безвкусную смесь из восстановленных паст и быстрозамороженной органики, выращенной в трюмах гидропонным методом. Такой набор обеспечивал питание организма, но не более того.

— Тем более тебе должны помочь Исчисления, — сказал Ариман. — Поднимайся до нижних сфер и мысленно

представь себе траекторию каждой карты, изменения, вызванные столкновениями, и их влияние на поток в целом. Учись читать геометрическую прогрессию вероятностей, когда каждое смещение дает начало тысяче новых вариантов, даже если все исходные параметры были одинаковы. В забытые века люди называли это теорией хаоса или фрактальной геометрией.

— Я не способен на это, — возразил Летюэль. — Твой мозг создан с учетом подобных возможностей, а мой — нет.

— Мне помогает не мое улучшенное восприятие, — возразил Ариман. — Я ведь не математик.

— Тогда попробуй сам, — предложил Летюэль.

— Хорошо, — согласился Ариман и спокойно восстановил карточную пирамиду. Закончив строительство, он обернулся к Летюэлю. — Назови карту.

Летюэль задумался.

— «Колесница», — наконец выбрал он.

Ариман кивнул и встал рядом со столом, прикрыв глаза и опустив руки.

— Готов? — спросил Лемюэль.

— Да.

Лемюэль хлопнул по столу, и карты посыпались на пол. Рука Аримана, словно атакующая змея, метнулась вперед и подхватила в воздухе единственную карту с золотым обрезом. На ней была изображена золотая колесница, запряженная парой белых крылатых коней. Ариман положил карту лицом вверх.

— Видишь? Это вполне возможно.

— Тебе помогли рефлексы Астартес, — сказал Лемюэль.

— Ты так считаешь? — с улыбкой спросил Ариман. — Ладно, давай попробуем еще раз.

Он еще раз построил карточный домик и предложил Лемюэлю выбрать карту. Летописец назвал одну из карт, и тогда Ариман, закрыв глаза, снова встал перед столом. На этот раз он поднял руку и близко свел большой и указательный пальцы, как будто уже поймал невидимую карту. Затем его дыхание стало глубже, а глаза под опущенными веками то поднимались, то опускались.

— Давай, — скомандовал Ариман.

Летюэль хлопнул по столу, разрушив хрупкую постройку. Ариман не шелохнулся, но одна из карт, пролетев по воздуху, скользнула точно между его пальцами. Летюэль даже не удивился, когда увидел на карте фигуру с огненным мечом в правой руке и увенчанным орлом глобусом в левой. По обе стороны от нее летели ангелы и трубили в золотые трубы со свисающими серебряными знаменами.

— Как раз то, что ты хотел, — сказал Ариман. — «Правосудие».

Четыре дня спустя Летюэль снова уютно устроился в личной библиотеке Аримана, хотя на сегодня вместо занятий ему были обещаны воспоминания. Прошел почти целый год с тех пор, как летописцев не допустили на поверхность Улланора, и теперь Летюэль надеялся услышать рассказ о возвышении Хоруса Луперкаля из уст очевидца и участника Великого Триумфа. Но его ожидало разочарование.

Как только Летюэль начал

расспрашивать о торжестве, Ариман пожал плечами, словно это было рядовое событие, не заслуживающее внимания летописцев.

— Это было наше частное дело, — сказал он.

Лемюэль едва не рассмеялся, но вдруг заметил, что Ариман говорит совершенно серьезно.

— И почему тебе все же так хочется о нем услышать?

— Серьезно?

— Да.

— Вероятно, потому, что там присутствовал Император, — сказал Лемюэль, стараясь понять, почему Ариман находит странным желание узнать подробности этого выдающегося события. — Или, возможно, потому, что Император вернулся на Терру и Великий Крестовый Поход получил нового командующего. Хорус Луперкаль стал Воителем. Такое событие представляет собой поворотный пункт в истории человечества, ты ведь и сам это прекрасно понимаешь, верно?

— Верно, — кивнул Ариман. — Хотя

боюсь, что я не слишком хороший рассказчик. Я уверен, что другие, когда придет время, поведают об этом событии лучше меня.

Ариман сидел за письменным столом и прихлебывал прозрачное золотистое вино из огромного оловянного кубка. Летюэль догадывался, что он просто не хочет говорить об Улланоре и лишь потому ссылается на свое неумение рассказывать.

Пожалуй, воспоминаний сегодня будет не много. Мысли Аримана были заняты каким-то событием, произошедшим на поверхности Улланора, но узнать, что именно случилось, Летюэлю, пожалуй, не удастся.

Летюэль никак не ожидал встретить Астартес, которого беспокоит что-либо еще кроме сражений, и он присмотрелся к Ариману. Даже без боевых доспехов, в одной красной тунике и солдатских брюках цвета хаки, этот воин был огромен. Пластины брони скрывали его тело, и тогда оно казалось гладким и ровным, словно машина, а теперь можно

было рассмотреть его вздувшиеся бицепсы и волнистую поверхность грудных мышц. Без доспехов Астартес, пожалуй, производили еще более пугающее впечатление. Их тела своими пропорциями вполне соответствовали человеческим, но в силу величины казались чужеродными.

Лемюэль достаточно хорошо познакомился с Ариманом после Улланора — не настолько тесно, чтобы считать его своим другом, но и не так плохо, чтобы не замечать его настроения. Своих друзей-летописцев он видел очень редко, поскольку Камилла и Каллиста большую часть времени проводили в библиотеке «Фотепа» в обществе Анкху Анена, который учил их развивать проявившиеся способности. Но если женщин он хоть изредка встречал, то Махавасту Каллимака не видел совсем.

— Лемюэль? — окликнул его Ариман, возвращая мысли к настоящему.

— Прости, — сказал Лемюэль. — Я задумался об одном своем друге. Надеюсь, у него все в порядке.

— О ком это?

— О Махавасту Каллимаке, летописце примарха.

— А почему у него что-то может быть не в порядке?

Лемюэль пожал плечами, не зная, как объяснить свое беспокойство.

— В последний раз, когда я его видел, он был чем-то расстроен, а кроме этого, он пожилой человек, подверженный старческим болезням. Понимаешь?

— Не совсем, — признался Ариман. — Я сейчас так же здоров, как и две сотни лет назад.

Лемюэль хихикнул:

— Это должно было бы меня удивить, но удивительно другое: как быстро привыкаешь к самым невероятным вещам, особенно когда находишься в обществе одного из Тысячи Сынов.

Он поднес к губам небольшой хрустальный бокал с вином и сделал глоток, наслаждаясь редким вкусом напитка, в котором не ощущалось следов фильтрации.

— Как тебе нравится вино? — спросил

Ариман.

— Оно более изысканное, чем то, к которому я привык, — сказал Лемюэль. — Очень ароматное и насыщенное, но в то же время на удивление деликатное.

— Виноград был выращен в подземных садах на Просперо, — объяснил Ариман. — Вино моего собственного приготовления, по генному образцу, взятому с бывшего острова Дименсландт, что находится в заливе Эретаунга.

— Я никогда не думал, что среди Астартес могут быть специалисты по виноделию.

— Нет? Почему?

Лемюэль склонил голову набок, прикидывая, не шутит ли Ариман. Главный библиарий Тысячи Сынов, безусловно, хранил серьезное выражение лица, но уж слишком часто эта серьезность нарушалась шутками, произносимыми с самым бесстрастным видом. Тем не менее аура Аримана свидетельствовала о том, что вопрос задан вполне серьезно, и Лемюэль стал подбирать слова для ответа.

— Ну, просто вы созданы для войны. Я не думал, что сражения оставляют много времени для мирных занятий.

— Другими словами, ты хочешь сказать, что ты не годишься ни на что, кроме войны? Так? Что Астартес — это просто оружие, инструмент для убийства и не имеют других интересов?

Лемюэль заметил блеск в глазах Ариана и решил ему подыграть.

— Астартес действительно очень хороши в войне, — сказал он. — Я понял это на Утесе Феникса.

— Ты прав, мы искусные убийцы. И я думаю, именно поэтому в нашем Легионе поощряются другие интересы, не относящиеся к сражениям. В конце концов, Великий Крестовый Поход не будет длиться вечно, и после его окончания нам потребуется другое занятие. Что станет с воинами, когда не будет больше войн?

— Они осядут на одном месте и будут выращивать отменный виноград, — сказал Лемюэль, после чего он прикончил вино, а Ариан снова наполнил его бокал.

Абсолютная нелепость этой сцены

вызвала у него невольную дрожь. Летюэль покачал головой и рассмеялся.

— Что тут смешного? — поинтересовался Ариман.

— В общем-то ничего, — ответил летописец. — Я только удивляюсь, как могло случиться, что Летюэль Гамон, знаток и в то же время дилетант в эзотерических науках, вдруг решился выпить стаканчик вина с генетически усовершенствованным сверхчеловеком? Еще два года назад, если бы кто-то сказал, что я буду вот так сидеть с тобой за стаканом вина, я счел бы его сумасшедшим.

— Я тоже испытываю подобные чувства, — заверил его Ариман.

— Тогда давай выпьем за наши новые ощущения, — предложил Летюэль, поднимая бокал.

Они выпили и помолчали, наслаждаясь странностью момента. Наконец Летюэль счел паузу достаточно длинной и заговорил снова:

— Но ты так и не ответил на мой вопрос.

— Какой вопрос?

— Помнишь, во время тренировки с картами я тебя спросил, к какому виду предсказателей ты относишь себя: к тем, кто имеет непосредственный контакт с эфиром, или к тем, кому приходится бороться за каждую крупицу истины? Мне кажется, это первый вариант.

— Да, когда-то так и было, — сказал Ариман, и в его ауре Лемюэль смог прочесть гордость и одновременно сожаление. — Я мог без особых усилий извлечь видения будущего из эфира, я вел свое братство самыми эффективными тропами в сражениях и в учебе, но теперь я вынужден усиленно работать ради самого краткого отблеска будущего.

— А что изменилось?

Ариман встал, обошел вокруг стола, взял колоду карт и тщательно ее перемешал. Лемюэль, глядя на него, подумал, что он мог бы стать крупье в любом казино. Ариман с невообразимой легкостью вертел карты между пальцами, даже, казалось, не замечая их.

— Течения Великого Океана все время

меняются, и их влияние то нарастает, то ослабевает. Бурный поток в долю секунды может превратиться в едва заметный ручеек. Пологая волна способна увеличиться до яростного тайфуна. Так и способности предсказателя растут и уменьшаются в зависимости от его настроения, а оно отличается непостоянством, словно полет бабочки.

— Ты говоришь о нем как о живом существе, — сказал Лемюэль, отметив задумчивое выражение глаз Аримана.

Ариман улыбнулся и положил карты на стол.

— Возможно, — согласился он. — Древние мореплаватели Терры часто говорили, что у них две жены — земная женщина и океан. Обе они ревновали друг к другу, и люди верили, что и та и другая имели равные права на жизнь моряка. Жить так близко к эфиру — значит стоять одной ногой в другом мире. Оба мира грозят опасностями, но человек может научиться узнавать о взаимодействии миров и подстраиваться под их ритм. Самое важное — угадать

верный момент и оказаться на гребне энергетической волны.

Лемюэль протянул руку и постучал пальцем по картам с золотой рубашкой.

— Похоже, что именно это мне и не удается, — сказал он.

— Да, предсказания не твой конек, — согласился Ариман. — Хотя в чтении эфира у тебя есть определенные способности. Возможно, я сумею уговорить Утизаара из братства Атенейцев выкроить для тебя немного времени. Он сумеет развить в тебе эту черту.

— Я часто слышу о ваших братствах и давно хотел спросить: к чему такая узкая специализация? Я проходил обучение у сангомов, и эти мужчины и женщины служили своему народу самыми различными способами. Они не ограничивали себя строгими рамками какой-то одной области. Почему в твоем Легионе воины следуют учениям разных культов?

— Лемюэль, сангомы, о которых ты говоришь, получили лишь крошечную часть знаний Великого Океана. Самый

молодой стажер любого братства Тысячи Сынов знает и использует больше тайн, чем самый опытный сангом.

— В этом я не сомневаюсь, — сказал Петюэль и отпил еще глоток вина. — Но почему их так много?

Ариман улыбнулся:

— Допивай свое вино, а я расскажу тебе о первом путешествии Магнуса в пустоши Просперо.

— Просперо настоящий рай, — начал свой рассказ Ариман. — Это чудесная планета, светлая и прекрасная. Ее горы возносятся к небу белоснежными клыками, леса удивляют пышным цветением, а океаны кишат жизнью. Этот мир восстановил былую славу, но так было не всегда. Задолго до появления Магнуса планета оказалась на грани опустошения.

Ариман взял с верхней полки книжного шкафа ящичек из простого железа и поставил его на стол перед Петюэлем. Под крышкой ящика оказался причудливый череп явно не человеческого происхождения, темный и блестящий,

словно покрытый лаком. Череп имел удлиненную форму, с двумя выдающимися мандибулами и огромными глазницами. С первого взгляда он был похож на останки отвратительного насекомого.

— Что это? — не скрывая своего отвращения, спросил Летюэль.

— Это законсервированный экзочереп психнойена, ксенохищника, который водится на Просперо.

— А почему ты решил мне его показать?

— Потому что без него не возникли бы братства Тысячи Сынов.

— Не понимаю.

— Я тебе объясню. — Ариман вынул череп из ящика и протянул его Летюэлю. — Не бойся, он давно мертв, и даже остаточная аура уже растворилась в Великом Океане.

— Нет, благодарю. Эти мандибулы, того и гляди, оторвут мне голову.

— Это было возможно, но не они делали психнойена таким грозным хищником. Главную опасность представлял репродуктивный цикл этих

существ. Самка психнойена реагировала на психические излучения, а кроме того, обладала зачатками телепатии и телекинеза. В период размножения она откладывала яйца в мозг живого существа, не обладавшего защитой от влияния эфира.

— Отвратительно, — ужаснулся Лемюэль.

— Но это еще не самое худшее.

— Вот как?

— Далеко не самое худшее, — не без удовольствия повторил Ариман. — Яйца были мелкими, не больше песчинки, но уже на следующее утро из них вылуплялись личинки, которые начинали пожирать мозг. Сначала жертва не чувствовала ничего, кроме слабой головной боли, а к середине дня уже наступала агония, сопровождавшаяся жестокими мучениями и безумством, поскольку личинки выедали весь мозг изнутри. К закату жертва умирала, а опустевший череп кишмя кишел жирными червями. В течение нескольких часов зародыши доедали труп, а потом прятались в темные места и

окукливались. На следующий день они выходили на свет уже взрослыми особями, готовыми к охоте и размножению.

У Лемюэля тотчас скрутило внутренности, и он постарался прогнать мысли о существах, чей мозг изнутри пожирали мерзкие паразиты.

— Какая ужасная смерть, — пробормотал он. — Но я все же не понимаю, какое отношение имеют эти отвратительные создания к жизни на Просперо и формированию Тысячи Сынов.

— Терпение, Лемюэль. — Ариман уселся на край стола. — Дойдем и до этого. Ты ведь слышал о Тизке, Городе Света, не так ли?

— Это место, которое мне не терпится увидеть, — ответил Лемюэль.

— Скоро увидишь, — усмехнулся Ариман. — Именно Тизка стала последним оплотом цивилизации, исчезнувшей несколько тысячелетий назад, и те, кто пережил всепланетную катастрофу, скрывались там от психнойенов. Есть предположение, что необычайно сильный прилив в Великом Океане вызвал у

населения планеты неконтролируемый всплеск психической энергии, что послужило толчком к агрессивному поведению психнойенов во время размножения. Цивилизация Просперо потерпела сокрушительный удар, а немногие оставшиеся обитатели бежали в город.

— Тизка, — прошептал Летюэль, предвкушая рассказ о давней истории Просперо.

— Верно, — подтвердил Ариман. — Жители Тизки выдержали не одно тысячелетие, но все, что они создали после прибытия с Терры, превратилось в прах. На поверхности Просперо и сейчас сохранились многочисленные свидетельства древней цивилизации, но городами завладели леса, а в дворцах правителей обитают дикие звери.

— Но как же они выжили?

— Несмотря на катастрофу, они сберегли достаточно знаний и оборудования, чтобы создать технопсихические приспособления и изыскать возобновляемые источники

энергии, что позволило им построить гигантские гидропонные сады в пещерах на нижних отрогах гор.

— Где ты выращиваешь отличный виноград для этого превосходного вина, — добавил Лемюэль, приподняв бокал. — Но я спрашивал не об этом. Как они спасались от психнойенов?

Ариман постучал пальцем по лбу:

— Они развивали в себе силы, которые сделали их не столь уязвимыми. Тизка привлекала к себе тысячи психнойенов, но среди выживших нашлись одаренные псайкеры, которые силой разума сумели воздвигнуть невидимые барьеры. Это были примитивные и грубые силы по сравнению с теми тонкими методами, которыми пользуемся мы, но они держали чудовищ на расстоянии. И вплоть до появления Магнуса эти специалисты-практики оставались в узких границах, обусловленных непониманием природы Великого Океана.

Лемюэль поставил свой бокал на стол. Предания, связанные с ранними периодами жизни примархов, как правило,

были перегружены гиперболами и аллегориями и сверх меры изобиловали деталями, которые описывали их силу, ловкость владения оружием и прочие подобные достоинства.

Но рассказом о деяниях примарха в его домашнем мире, услышанным от воина его Легиона, мог похвастаться не каждый летописец; правдивое повествование не шло ни в какое сравнение с приукрашенными легендами литераторов. От предвкушения у Летюэля участился пульс, и он ощутил за спиной дуновение ветерка, словно кто-то прошел мимо. И вдруг в гранях хрустального бокала ему привиделись красные блики, а потом почудился и золотой глаз, словно выглядывающий из вина.

Летюэль, нахмурившись, оглянулся через плечо, но сзади никого не было.

Он перевел взгляд на бокал и увидел только золотистое вино. Тряхнув головой, он прогнал остатки видения. Ариман с довольным видом смотрел на него, словно ожидая каких-то слов.

— Так ты рассказывал, — заговорил

Лемюэль, не дождавшись продолжения, — о Магнусе?

— Да, — ответил Ариман. — Но это не моя история, и не мне ее рассказывать.

Лемюэль в растерянности откинулся на спинку стула:

— А чья же это история?

— Моя, — произнес Магнус, возникший рядом с Лемюэлем будто из воздуха. — И я ее расскажу.

Глава 17
пустоши просперо упавшая статуя новый приказ

Сидеть в присутствии столь могущественной личности было верхом неприличия, но, как ни старался Лемюэль подняться, ноги его не держали.

— Мой лорд, — с трудом выдавил он.

Примарх был в просторном багряном одеянии, схваченном на талии широким кожаным поясом с пряжкой в виде нефритового скарабея. Его изогнутый меч покоился в ножнах за спиной, а яркие волосы, заплетенные в несколько косичек, загибались, словно корни гигантского дерева.

Своим присутствием Магнус заполнил всю библиотеку, хотя и казалось, что ростом он не выше Аримана. Лемюэль торгнул несколько раз, чтобы избавиться от дымки, окутавшей фигуру примарха, а затем уставился в его единственный глаз —

— золотисто-янтарный, с ослепительно-белыми искрами. На том месте, где должна была быть вторая глазница, блестела чистая кожа, словно глаза никогда не было.

— Летюэль Гамон, — произнес Магнус.

Звуки, из которых складывалось имя летописца, стекали с губ примарха, словно капли меда, словно древнейшее заклинание силы.

— Э... Это я, — заикаясь произнес он, чувствуя себя полным идиотом, но ничуть не расстраиваясь по этому поводу. — То есть да. Да, мой лорд. Это большая честь видеть тебя, я не ожидал...

Наконец Магнус поднял руку, и он умолк.

— Ариман рассказывал тебе, как я основал братство Просперо?

Летюэль все-таки сумел справиться со своим голосом:

— Да, он начал рассказ. И я был бы весьма польщен, если бы ты продолжил повествование.

Его просьба прозвучала довольно дерзко, но неожиданно для себя Летюэль

остелел. У него вдруг возникло твердое убеждение, что приход Магнуса не случаен и эта встреча так же подготовлена, как все якобы импровизированные выходы на сцену Коралины Асенека.

— Я продолжу рассказ, потому что ты не обычный человек, Лемюэль. Ты способен смотреть на то, от чего в страхе убежало бы подавляющее большинство смертных. На тебя возлагаются большие надежды, и я намерен проследить, чтобы они не оказались тщетными.

— Благодарю, мой лорд, — ответил Лемюэль, хотя в дальнем уголке его сознания возникла тревога, поскольку он и представления не имел, о чем идет речь.

Магнус, проходя мимо, коснулся его плеча, и радость от этого контакта мгновенно смыла все его сомнения. Архимарх, обойдя стол, взял в руки колоду позолоченных карт.

— Колода Висконти—Сфорца, — сказал он. — И если не ошибаюсь, это колода Висконти ди Модроне.[64]

— У тебя острый глаз, мой лорд, —

сказал Ариман, а Лемюэль с трудом удержался, чтобы не хихикнуть, решив, что это одна из шуток, как их себе представляют в Легионе Тысячи Сынов.

Но слова Аримана прозвучали вполне искренне, и Магнус перетасовал колоду с еще большей ловкостью, чем это немного раньше сделал его главный библиарий.

— Это самая старинная колода из всех существующих, — сказал Магнус, раскидывая карты по столу.

— Как это можно определить? — удивился Лемюэль.

Магнус перебросил несколько карт и выбрал «Шестерку монет». Каждое очко было представлено в виде золотого диска, на котором изображался либо флорентийский ирис, либо человеческая фигура с длинным посохом в руке.

— Масть монет, которая впоследствии превратилась в бубны, обозначена аверсом и реверсом золотого флорина, который магистр Висконти чеканил примерно в середине второго тысячелетия, хотя монеты такого вида были в обращении всего около десяти лет.

Магнус бросил карту обратно на стол и перешел к книжному шкафу Аримана. Несколько мгновений он молча изучал его содержимое, а затем снова повернулся к Лемюэлю. Примарх улыбнулся, как будто собрался пошутить, а не поделиться бесценными воспоминаниями.

— О моем появлении на Просперо рассказывали как о падении кометы, потому что город вздрогнул от сильного удара, — с довольной улыбкой начал свой рассказ Магнус. — Община тизканцев, как называли себя те, кому удалось спастись от психнойенов, была опутана древними традициями, но они имели кое-какой опыт в использовании сил эфира. Они, конечно, не знали этого названия, и их способности, хотя и достаточные, чтобы отгонять психищников, не многим отличались от заклинаний полоумных детей.

— Но ты научил их, как лучше использовать эти силы?

— Не сразу, — сказал Магнус и взял с полки книжного шкафа золотой диск с выгравированными на нем клинообразными

символами.

Он быстро осмотрел диск и положил на место, едва заметно покачав головой. Затем повернулся к столу, и тогда Летюэль увидел, что это был зодиакальный хронометр.

— Я... был тогда очень молод и почти ничего не знал о своих возможностях, хотя обучал меня величайший во Вселенной наставник.

— Император?

Магнус усмехнулся:

— А кто же еще? В общине тизканцев я тоже прошел обучение и быстро усвоил все, что они могли мне дать. По правде говоря, я обогнал самых прославленных ученых Просперо уже через год после появления на планете. Их убеждения были для меня слишком прямолинейными и догматичными. Мой интеллект во всех отношениях превосходил умы тех, кто пытался меня обучать. Даже начальное обучение дало мне гораздо больше, чем могли дать они.

В голосе Магнуса Летюэль отчетливо слышал нотки высокомерия.

Потенциал примарха был неизмеримо выше способностей простого смертного, и в отличие от речей Аримана, в которых порой проскальзывало смирение, в словах Магнуса не было ничего подобного. Если Ариман все же сознавал границы своих возможностей, то Магнус явно был убежден в их отсутствии.

— Так как же получилось, что ты сам стал их учить? — спросил Лемюэль.

— Я предпринял поход в пустоши Просперо. Истинная сила дается только тем, кто подвергает себя самым суровым испытаниям. В пределах общины я не знал никаких страхов, ни голода, ни особых трудностей и потому не имел повода испытывать пределы своих возможностей. Необходимо было проверить свои силы, чтобы понять, имеются ли вообще эти пределы. Я знал, что вне города я либо найду способ разблокировать свои силы, либо погибну.

— Это чересчур радикальное решение проблемы, мой лорд.

— Ты так думаешь, Лемюэль? Но разве не лучше потерпеть неудачу,

дотягиваясь до звезд, чем никогда не пытаться это сделать?

— Звезды представляют собой гигантские шары раскаленных газов, — с улыбкой заметил Летюэль. — И они сжигают всех, кто оказывается слишком близко.

Ариман засмеялся:

— Этот летописец неплохо изучил своего Псевдо-Аполлодора.[65]

— Верно, — с довольной усмешкой согласился Магнус. — Но я отвлекся. Через год после прибытия на Просперо я вышел из ворот Тизки и почти сорок дней странствовал в пустошах Просперо. Эти области и сейчас известны под таким названием, хотя оно и ошибочное. Эта цветущая местность наверняка понравится тебе, Летюэль.

У Летюэля защемило сердце: он вспомнил о видении Аримана, в котором он был на поверхности Просперо.

— Я уверен, что так и будет, мой лорд, — сказал он.

Магнус налил себе бокал вина и начал

рассказ:

— Я прошел сотни миль по дорогам через разрушенные города, где еще остались металлические каркасы высоких башен, пустынные площади и огромные амфитеатры. Не так давно здесь существовала великая цивилизация, которая рухнула в течение одного дня, но в период безумства Древней Ночи такое случалось не так уж редко. Наконец я пришел в город у подножия горы, и он показался мне знакомым, хотя до сих пор я не выходил за пределы Тизки. Целый день и всю ночь я бродил по его опустевшим улицам среди темных зданий, где еще сохранились последние вздохи живших там людей. Их вид сильно растрогал меня, хотя я даже не ожидал, что способен на такие чувства. Эти люди были уверены в том, что им нечего бояться, что они сами распоряжаются своими судьбами. С приходом Древней Ночи все изменилось. Они поняли, насколько уязвимы. В тот момент я поклялся овладеть своими силами настолько, чтобы никогда не стать жертвой превратностей постоянно

меняющейся Вселенной. Я должен выстоять против подобных угроз.

И снова Лемюэль ощутил полную силы уверенность примарха, она словно обволакивала кожу и придавала крепости телу.

— Я стал взбираться в гору по узкой тропе и дошел до поворота, где давно умерший скульптор установил огромную статую птицы, высеченную из многоцветного камня. Это была величественная фигура с поднятыми крыльями и грациозной лебединой шеей. Статуя примостилась на самом краю обрыва и простояла так тысячи лет, покачиваясь и все же сохраняя равновесие. Но едва я взглянул на это великолепие, как статуя сорвалась с постамента и разлетелась вдребезги далеко внизу, у подножия скалы. Падение вызвало в моей душе сильнейшее ощущение потери, которое я так и не мог объяснить. Я отказался от восхождения и спустился вниз, где, как и ожидал, обнаружил разбитую статую.

Там, где она упала, вся земля была

покрыта ковром осколков. Большие и малые, они разлетелись во все стороны на расстояние, которое человек может пройти за час. Целый день я провел, разглядывая осколки, измеряя их, прикидывая вес и удивляясь, почему статуя выбрала для падения именно этот момент.

Глаз Магнуса затуманили далекие воспоминания, и он немного помолчал.

— Можно подумать, что статуя ждала твоего прихода, мой лорд, — заметил Летюэль. — Разве это не могло быть простым совпадением?

— Я уверен, что Ариман уже объяснил тебе, что никаких совпадений не существует.

— Я упоминал об этом раз или два, — сдержанно заметил Ариман.

— Я провел там всю ночь, а наутро проснулся полный энтузиазма. Несколько следующих дней я рассматривал ковер из каменных осколков и наконец заметил одну странную вещь. Там лежали три больших камня, и они образовывали абсолютно равносторонний треугольник. Я

был восхищен. Продолжая осмотр, я нашел четыре белых камня, образующих безукоризненный квадрат. А потом увидел, что, если взять пару из этой белой четверки и соединить с парой серых камней, получится совершенный ромб! А если взять тот камень, и этот, и этот, и этот, и еще вон тот, то будет пятиугольник такой же величины, как треугольник. А вон там небольшой шестиугольник, а вот квадрат, который частично лежит внутри шестиугольника, и еще десятиугольник, и два пересекающихся треугольника. Потом я обнаружил круг, и еще один круг, поменьше, а внутри него треугольник, состоящий из белого, серого и красного камней.

Я провел много часов, отыскивая все новые и новые фигуры, и с каждым разом они становились все сложнее, поскольку с практикой росли и мои способности к наблюдению. Вскоре я начал записывать свои наблюдения в гримуаре. По мере того как я перечислял все увиденные находки и описывал их, страницы гримуара быстро

заполнялись, а солнце не раз совершило свой цикл. Проходили дни, но моя страсть к рассматриванию различных композиций не ослабевала.

— Вот так его и обнаружил Амон, — сказал Ариман. — Сидящим на корточках перед россыпью каменных осколков.

— Амон? — переспросил Лемюэль. — Капитан Девятого братства?

— Да, и мой наставник на Просперо, — ответил Магнус.

Лемюэль нахмурился, уловив очевидное противоречие, но ничего не сказал. А Магнус продолжал свой рассказ:

— Когда меня отыскал Амон, я уже начал заполнять второй гримуар. Амон всегда был спокойным и не слишком общительным парнем, не склонным проводить время в больших компаниях. И как многие одинокие люди, он любит поэзию и живо интересуется скрытой сущностью вещей. «Амон, иди сюда! — закричал я, как только его увидел. — Я обнаружил самое удивительное явление во всей Вселенной». Он бегом устремился ко мне, желая узнать, что же я нашел. А

когда я показал ему россыпь камней, он засмеялся. «Это всего лишь куча обломков!» — воскликнул он.

Но я взял его за руку и стал показывать своему наставнику плоды многодневных наблюдений. Амон, увидев композиции камней, кинулся читать мои гримуары и, когда перевернул последнюю страницу, был так же увлечен замыслом, как и я.

Лемюэлю порой было трудно уследить за логикой Магнуса, но устоять перед его энтузиазмом он не мог. И он заметил, что Ариман точно так же увлечен страстным рассказом своего примарха.

— Идея настолько захватила Амона, — продолжал Магнус, — что он начал сочинять стихи о каждом из этих невероятных узоров. Пока он созерцал и описывал композиции в стихах, я понял, что они должны что-то означать. Такой сложный порядок и красота не могут быть бессмысленными. Созданные осколками камней схемы несли в себе информацию о сложных процессах во Вселенной.

Вместе с Атоном мы вернулись домой, и он прочел свои стихи, а я показал мудрецам Тизки свои гримуары. То были великие люди, и их преклонение перед красотой природы помогло проникнуть в суть моих наблюдений. Они были так взволнованны, что поспешили повторить мое путешествие и вслед за мной добрались до того места, где стояла статуя. Осколки камня лежали в том же виде, в каком я их оставил, и магистры Тизки, переполненные эмоциями, начали заполнять свои гримуары. Одни описывали треугольные композиции, другие занимались окружностями, а некоторые все свое внимание уделили обширному цветовому спектру камней.

Магнус, сверкая единственным глазом, в упор взглянул на Летюэля.

— Знаешь, что они мне сказали? — спросил он.

— Нет, — выдохнул Летюэль, даже не сознавая, что от волнения лишился голоса.

Магнус слегка наклонился вперед:

— Они сказали: «Как же мы были слепы!» Все, кто мог увидеть эти фигуры,

сразу же поняли, что они составлены Изначальным Творцом, поскольку эта невероятная красота не доступна никому другому.

Лемюэль живо представил себе эту сцену: отвесный склон скалы, россыпь разноцветных камней и взволнованное собрание мудрецов, изучавших эзотерические и любые необычные явления. Он чувствовал их благоговейный восторг и, казалось, видел, как вздымается волна истории, готовая смыть старые догмы и оставить чистый путь к будущему. Лемюэль ощущал все это так отчетливо, как будто сам вселился в тело одного из мыслителей Тизки, сам увидел бескрайние возможности, как слепец, впервые увидевший свет солнца.

— Поразительно, — прошептал он.

— Да, Лемюэль, так оно и было. — Магнус, похоже, остался доволен тем, что смог достоверно передать значимость момента. — Это был важнейший день в истории Просперо, но, как часто бывает в истории, ни одно важное достижение не обходится без кровопролития.

Грудь Летюэля сдавило ужасное предчувствие надвигающейся опасности, словно он стоял на краю пропасти, ожидая толчка в спину.

— Мы забыли о необходимости соблюдать ментальную дисциплину, — сказал Магнус, и его голос окрасился печалью. — Мы все были так взволнованны, что психическая защита ослабела.

— И что же случилось? — спросил Летюэль, заранее боясь услышать ответ.

— Психнойены, — объяснил Магнус. — Тысячи этих чудовищ устремились к нам, и небо потемнело, как в древние времена.

Летюэль набрал полную грудь воздуха, представляя себе грачные тучи пси-хищников, покинувших темные пещеры, нестолкаемое гудение прозрачных крыльев, предвещавшее близкую гибель, и забыл выдохнуть.

— Сначала налетели самцы, и после жестокого вихря хищных мандибул и острых когтей, не успев вскрикнуть, погибли пятьдесят человек. А следом за ними появились самки, разбухшие от огромных кладок имматериальных яиц. Их

репродуктивный голод был ненасытным, и люди десятками падали на колени, ощутив в своем мозгу шевеление личинок психнойена. Их крики никогда не изгладятся в моей памяти, Лемюэль. Это вопли самых выдающихся людей, осознавших, что им грозит скорое безумие, а мозг пойдет на корм отвратительным существам.

Примитивный ужас, рожденный этими словами, вызвал в библиотеке ошеломленное молчание.

Магнус, прежде чем продолжить повествование, налил себе бокал вина.

— Чудовища носились вокруг нас, изматывая психическими выбросами, разрушая ментальные барьеры и пытаясь заразить наш рассудок своими яйцами. Вскоре остались только сильнейшие. Рядом со мной стоял Амон и еще восемь магистров Тизки. Психнойены снова ринулись в атаку, и вот тогда я понял, что ждал именно этого — настоящего испытания своих способностей. В тот момент мне предстояло узнать, существует ли предел моим

возможностям, смогу ли я управлять своими силами или потерплю неудачу.

Глядя на Магнуса, Лемюэль не мог себе представить, чтобы такой могущественный воин потерпел поражение. Даже от воспоминаний о давних событиях его кожа засияла внутренним блеском. Янтарный глаз Магнуса потемнел до огненно-оранжевого, с мерцающими в глубине искрами.

— Психнойены снова набросились на нас, и тогда произошло знаменательное событие. Я ощутил, как во мне что-то сдвинулось, я ощутил изменения, как будто дремлющая и невостребованная сила во мне пробудилась к жизни. Пока я раздумывал о смерти, из моих рук вырвались языки пламени. И я направил потоки огня в небо, словно все время знал об этой своей способности. Каждое мое движение уничтожало сотни психнойенов.

Мемфий и Кайтега, мастера, увидевшие закономерность расположения красных камней, встали рядом со мной, и по их команде взметнулись вверх стены огня. Ахтеп и Луксантеп перехватывали

чудовищ в полете и швыряли их на скалу, поскольку они обнаружили закономерность расположения белых камней. Гастар и Имходен, обнаружившие в россыпи камней восьмиугольный венец, силой своих мыслей заставляли кипеть жидкость, заполнявшую экзоскелеты психнойенов. Амон, который первым среди жителей Тизки увидел закономерности в осколках разбитой статуи, в своем мастерстве уступал только мне. В его мозгу появлялись видения будущего, и он предупреждал всех нас о грозящих опасностях, а также подсказывал, как их избежать.

Фанек и Тутмос, постигшие танец квадратов, треугольников, кругов, через взаимодействие прямых и ломаных линий научились воспринимать любые мысли. Они ощущали желание психнойенов отложить яйца в наш разум, ощущали неуемный животный голод, заставлявший их охотиться и размножаться, но сумели изменить восприятие чудовищ таким образом, что они нас не видели.

— Братства Тысячи Сынов, —

протянул Летюэль. — Вот, значит, как они появились!

— Именно так, — подтвердил Магнус. — В тот день мне открылись некоторые тонкости Великого Океана, и, когда мы вернулись в Тизку, члены моего братства разошлись по пирамидам-библиотекам, чтобы осмыслить только что приобретенный опыт. Я наблюдал за их дискуссиями и направлял исследования, потому что я первым увидел фигуры, образовавшиеся в результате падения статуи, и лучше других знал, как обращаться с силами эфира. Девять магистров все свое время посвящали освоению опыта, приобретенного во время нашего путешествия, и оттачивали свое мастерство, чтобы впоследствии стать магистрами храмов девяти братств Просперо. Слухи об их искусстве скоро разошлись по всей Тизке, и тогда в храмы стали стекаться последователи, жаждавшие узнать о новых методах управления энергией Великого Океана.

— А что же ты? — спросил Летюэль. — Почему ты не стал лидером братства?

— Потому что я стал магом, — сказал примарх. — Магистром всех братств.

— Магом? Это самый высокий ранг? — спросил Летюэль.

— Нет, — ответил Магнус. — Есть еще одно звание, это Инсиссимус,[66] существо, свободное от любых ограничений, которое живет в исключительной гармонии между материальной и нематериальной Вселенной, существо, совершенное во всех отношениях.

Летюэль слышал гордость в голосе Магнуса и знал, что во всем мире может существовать только одна личность, удовлетворяющая всем этим характеристикам, один человек, которого Магнус ставил превыше всех остальных.

— Император, возлюбленный всеми, — сказал Летюэль.

Магнус улыбнулся, кивнул и скрестил руки на своей широкой груди.

— Правильно, Летюэль, — сказал он. — Император. И в библиотеку к Ариману я

пришел как раз с известиями от моего отца.

Лемюэль мгновенно насторожился. Все летописцы высоко ценили любые крохи информации, касающейся Императора, архитектора судьбы человечества и движущей силы Великого Крестового Похода. А получить такую информацию от самого примарха было неоценимой честью.

— Теперь, когда все отряды Легиона собрались, мой отец вновь призывает нас к себе.

— Мы возвращаемся на Терру? — спросил Ариман. — Уже пора?

Магнус помедлил, подчеркивая важность момента.

— Нет, мы возьмем курс не на Терру. Император созывает конклав, серьезнейшее из всех собраний, где будут обсуждаться самые важные вопросы эпохи.

Лемюэль от волнения приоткрыл рот. Эта новость имела исключительное значение, но он чувствовал, что Магнус обладает еще какой-то информацией. Неожиданно осмелев, он улыбнулся и

спросил:

— Мне кажется, есть кое-что еще, мой лорд. Верно?

— А он догадлив, — сказал Магнус и кивнул Ариману. — Я думаю, ты прав, друг мой, уроки Утизаара помогут ему отточить свои способности.

Магнус снова повернулся к Летюэлю:

— На этом конклаве будет решаться судьба нашего Легиона. Это будет определяющий момент, когда Император признает наши достоинства.

— Ты видел это, мой лорд? — спросил Ариман.

— Я видел многое, — ответил Магнус. — Грядут великие события, колесо истории завершает свой оборот, и Легиону Тысячи Сынов предстоит одному из первых встретить новый порядок во Вселенной.

— Где же произойдет это собрание? — спросил Ариман.

— Далеко отсюда, — сказал Магнус. — В мире под названием Никея.

Глава 18
НИКЕЯ
НА РАСТЕРЗАНИЕ ВОЛКАМ
ПРАВАЯ РУКА ИМПЕРАТОРА

Поверхность планеты закрывали плотные тучи, пронзаемые химическими разрядами и янтарно-желтыми молниями. Никея была сравнительно молодым миром, ее геологическое развитие еще не завершилось, и поверхность не оформилась окончательно. Тектонические сдвиги и километровые волны давления сотрясали поверхность, вызывая постоянные подвижки земной коры, разрывая на части континенты и сталкивая их между собой.

Две «Грозовые птицы» и «Громовой ястреб», словно пернатые хищники, рассекали тучи, спускаясь через постоянно изменяющуюся атмосферу, оттетившую их багряные корпуса потеками едкого

дождя. Никея продолжала переживать родовые муки, и облик мира еще не обрел постоянства.

Все пространство вокруг планеты представляло собой сплошные каскады электромагнитных разрядов, а волны нестабильной гравитации поднимали тучи обломков, которые выводили из строя геомагнитные системы ориентирования.

Спуститься на Никею корабли могли только благодаря лучу ослепительного света, который бил с поверхности планеты. Отыскать Никею, не говоря уже об определенной точке на ее поверхности, без этого сигнала было под силу лишь некоторым, самым удачливым пилотам. Для того чтобы добраться от Малого Гексия до этого удаленного уголка Галактики, Двадцать восьмой экспедиционной флотилии потребовался целый год.

Ариман, напряженно выпрямившись, сидел в «Первом скарабее» и смотрел на мерцающие огоньки табло перед пилотом, векторные диаграммы и трехмерные

карты неровной поверхности. Пульсирующие кабели соединяли пилотов с полным набором авиационного оборудования, позволяя им вести корабль только по приборам, поскольку из рубки не было видно ничего, кроме дыма и пепла.

Несмотря на некоторое святотатство, Ариман мысленно попросил помощи у Бога-Машины. Лишиться контроля над судном в такой враждебной атмосфере было бы равносильно вынесению смертного приговора.

На самом деле корабль вели даже не пилоты, а Джетер Инновенс, навигатор, пристегнутый ремнями безопасности на том сиденье, которое во время боевых вылетов обычно занимал Ариман. Сначала Инновенс наотрез отказывался покидать свою герметичную камеру на борту «Фотепа», но, когда узнал, кто будет находиться вместе с ним в самолете и чей свет будет служить маяком, быстро забыл о своих возражениях.

Позади навигатора сидел Магнус Красный, в роскошно вышитой золотом красной тунике и золотой кольчуге,

украшенной перьями и драгоценными камнями. В честь торжественного события на его предплечьях красовались наручи с выгравированными орлами, а талию обвивал пояс с вплетенными молниями. Свободно распущенные по плечам волосы отливали цветом свежей крови.

Более великолепного воина и ученого невозможно было себе представить.

Рядом с Магнусом почти потерялась тщедушная фигура Махавасту Каллимака, чье пышное облачение не могло скрыть его крайней худобы. Со слов Летюэля Ариман знал, что Каллимак был очень стар, но не сознавал, как сильно влияет на летописца постоянный контакт с примархом. Неподалеку от него стояла тяжелая сумка с чистыми тетрадями для записей о новых речах и деяниях примарха.

Ариман перехватил взгляд примарха: сегодня его взволнованно сверкающий глаз имел бледно-голубой оттенок с карими крапинками.

— Мы уже близко, Азек, — сказал Магнус. — Близко во всех отношениях.

— Да, мой лорд. До приземления осталось меньше десяти минут.

— Так много? Я бы привел корабль к цели вдвое быстрее! — воскликнул Магнус, глянув на полулежащего в своем кресле навигатора.

Но гнев был притворным, и Магнус тотчас рассмеялся.

Светящейся в полумраке рукой он хлопнул навигатора по плечу, отчего тот испуганно вздрогнул.

— Не обращай внимания, Инновенс, — сказал Магнус. — Просто мне не терпится поскорее увидеться с отцом. Ты прекрасно выполняешь свои обязанности, друг мой!

Ариман не удержался от улыбки. Меланхолия, поселившаяся в душе Магнуса после Уллианора, бесследно исчезла, как только пришло известие о конклаве на Никее. Год странствий по имматериуму на борту «Фотепа» после вылета с Малого Гексия был проведен в непрерывном обучении и исследованиях, и Магнус заваливал своих сыновей теоретическими выкладками, философскими теориями и сложными логическими загадками, чтобы

они могли отточить свой разум. Никея должна была предоставить Тысяче Сынов шанс реабилитироваться, и Магнус, как и весь его Легион, не хотел потерпеть неудачу.

Ариман снова повернулся к кабине пилота. Судя по показаниям телеметрии, они были уже почти над целью, но пелена туч оставалась все такой же непроницаемой.

— Готовится к снижению, — объявил пилот. — Протоколы посадки получены и подтверждены. Получен сигнал привязки, контроль передан.

Наземная служба Кустодиев взяла на себя контроль над судном, и пилоты свободно откинулись на спинки кресел. Через несколько мгновений челнок клюнул носом, и начался стремительный спуск. На пару секунд к горлу Аримана подступила тошнота, но затем его измененный организм справился с физиологической реакцией. Между тучами замелькали разрывы, а на окнах появились серые мазки оседавшего пепла.

Вскоре они преодолели слой туч, и

внизу открылась поверхность Никеи.

Она оказалась черной и представляла собой нагромождение остроугольных глыб, разбросанных по земле, словно изначальный образ, составляющий основу всего существующего, который впоследствии сглаживается обманчивым слоем индивидуальности. Из базальтового основания поднимались гигантские сферы с волнистой поверхностью, выдающей их происхождение. Огромные глыбы кубической формы изломанными рядами лежали бок о бок, образуя слишком сложные рисунки, чтобы поверить, будто они возникли случайно.

Рядом с Ариманом остановился Магнус. Он выглядел взволнованным, как юный Послушник, готовящийся стать неофитом. Примарх вглядывался в редеющую пелену, оценивая геометрическую точность ландшафта.

— Невероятно, — прошептал он. — Зарождение мира. Порядок Вселенной, выраженный в математически точных геометрических формах. Только мой отец мог выбрать такой мир. Он знал, что я его

пойму. Это как напоминание о моей юности в планетарном масштабе.

«Громовой ястреб» нырнул, выполняя последний вираж, и в поле зрения появился обширный остров с коническим возвышением посредине. Это был гигантский стратовулкан, с крутыми склонами, образованными застывшей лавой, тефрой и почерневшим пеплом.

Вершина конуса уходила выше облаков, и Ариман с невероятной уверенностью понял, что в сердце горы высечен огромный амфитеатр. Из центра кратера поднималась колонна ослепительного света, невидимого для глаз смертных, но служившая негасимым маяком тем, кто был связан с эфиром. Все небо над вулканом закрывала грозовая туча, пронизанная золотыми молниями.

Присутствие света Ариман ощутил сразу, как только Двадцать восьмая экспедиционная флотилия переместилась в систему Никеи, но увидеть его своими глазами было все равно что выйти из комы в ярко освещенной комнате.

— Великий Трон, какой великолепный

чистый свет! — воскликнул Магнус. — Это настоящая сила, способная достичь самых отдаленных областей Галактики и связать их в единую империю. Перед таким могуществом нашего повелителя я могу испытывать только смирение.

Ариман ничего не ответил. Во рту у него пересохло, а сердце молотом колотилось в груди.

Свет действительно великолепен. Его сила и чистота потрясают воображение.

Но Ариман не ощущает ничего, кроме тягостной тревоги.

— Я уже видел это раньше, — сказал он.

— Когда?

— На Агхору, — вздохнул Ариман. — Когда парил в Великом Океане в поисках видений будущего. Перед тем как встретить Охтхере Судьбостроителя, я видел этот вулкан и золотой свет.

— И ты ничего не сказал? Почему ты промолчал? — спросил Магнус.

— Видение не имело никакого смысла, — пояснил Ариман, не в силах скрыть

тревогу. — Это были разрозненные фрагменты, неизвестно что означающие.

— Ладно, не важно, — махнул рукой Магнус.

— Нет, — возразил Ариман, — я уверен, что это важно. Очень важно.

Пилоты-кустодии издалека подали команду, и под кораблем мелькнули быстро расходящиеся посадочные огни. Еще два судна будут кружить в воздухе и не смогут снизиться до тех пор, пока не разгрузится «Громовой ястреб». Наконец корабль приземлился с оглушительным грохотом в облаках перегретых газов. Едва он коснулся площадки, герметичная бронированная дверь отошла в сторону и по платформе протянулся широкий белый луч.

В ярком свете от склона горы отделились длинные тени воинов, одетых в кроваво-красные доспехи, отделанные аметистами. Массивные фигуры почетного караула идеально ровными рядами застыли перед опускающейся аппарелью «Громового ястреба». Часть

стражей держали в руках ромфаи[67] с золотыми лезвиями, тогда как другие выставили перед собой мечи с серебряными клинками, уперев их острием в платформу и сложив руки на рукояти.

Пневматические приводы с негромким гудением установили аппарель, и Магнус Красный первым сошел с корабля. Сопровождаемый Ариманом и тщедушным Каллимаком, примарх ступил на землю и глубоко вдохнул горячий воздух Никеи.

Каллимак слегка задыхался, а у Аримана на лбу выступила испарина, но никто не произнес ни слова. Позади Магнуса, настороженно поглядывая на почетный караул, выстроилось отделение Сехмет из девяти воинов.

Встречавшая их стража состояла не из обычных Астартес — это были элитные отделения двух Легионов. Вооруженные мечами стражи были ни больше ни меньше как гвардейцами-сангвинариями, охранявшими самого повелителя Кровавых Ангелов. Напротив них выстроилась Гвардия Феникса лорда Фулгрита с

длинными ромфаями, выставленными в одну безукоризненную линию.

Все это могло означать только одно.

Из склона вулкана, бок о бок, словно старые друзья, появились две огромные фигуры, и сердце Аримана пропустило удар. Безукоризненные доспехи первого воина сверкали пурпуром и золотом, наплечники горели огнем, а за спиной развевался алый с золотом плащ. Его ослепительно-белые волосы поддерживал на висках серебряный обруч, а лицо отличалось абсолютной симметрией, словно подчинялось законам евклидовой геометрии.

На втором воине была броня насыщенного темно-багряного цвета. За его спиной шелестели черно-белые крылья, украшенные серебряной проволокой и перламутром. Черные как смоль волосы обрамляли бледное, с классическими чертами лицо, похожее на лики статуй, украшавших Имперский Дворец на Терре. Только оно не было безжизненным и застывшим, это было лицо ангела во плоти, основную красоту которому

придавало его выражение.

— Лорд Сангвиний! — удивился Ариман.

— И брат Фулгрим, — добавил Магнус. — Firmitas, utilitas, venustas.[68]

Можно было подумать, что примархи услышали его, поскольку оба искренне улыбнулись, но слова наверняка потонули в ворчании остывающих двигателей «Громового ястреба».

Отраженный от склона горы свет вулкана прекрасно освещал открытые и доброжелательные лица братьев, давно не видевших своего родича, хотя все трое совсем недавно встречались на Улланоре.

Магнус шагнул навстречу Фулгриму, и примарх Детей Императора широко распахнул братские объятия. Они обменялись словами приветствия, но это была личная сцена, и Ариман позволил себе отвернуться от величественного Фениксийца. Затем Магнус повернулся к Сангвинию, и примарх Кровавых Ангелов искренне расцеловал брата в обе щеки, сохраняя при этом сдержанность. Только

после этого Ариман обратил внимание на воинов, сопровождавших обоих примархов. За спиной Сангвиния стояли двое помощников: один — худощавый аскет с глазами убийцы, другой — настолько бледный, что на лице под кожей просвечивали вены.

После того как братья разомкнули объятия, Ариман занял место позади своего примарха.

— Брат Сангвиний, позволь мне представить своего главного библиария, Азека Аримана.

Повелитель Ангелов переключил на него свое внимание, и Ариман тотчас ощутил на себе тяжесть его пристального взгляда. Как и лорд Русс незадолго до этого, Сангвиний быстро оценил Аримана, но если Русс искал слабые стороны для нанесения удара, Сангвиний определял сильные стороны, которые можно было бы использовать.

— Я слышал о тебе, Азек Ариман, — неожиданно мягким голосом произнес Сангвиний. Но эта мягкость не могла скрыть неистовой силы, подобной

приливной волне под мирной гладью моря. — Тебя высоко ценят и за пределами твоего Легиона.

Подобная похвала из уст примарха заставила Аримана улыбнуться.

— Мой лорд, — сказал он, — я в силу своих способностей служу Императору и своему Легиону.

— И это весьма ценные способности, — добавил Сангвиний, многозначительно усмехнувшись. Затем он обернулся, чтобы представить своих спутников. — Магнус, это Ралдорон, магистр роты моей охраны, — сказал он, касаясь рукой безукоризненной формы плеча воина с беспощадным взглядом. — А это, — он повернулся к воину с бледной кожей, — Торос, один из самых отважных боевых капитанов.

Оба Астартес низко поклонились, а в мозгу Аримана мелькнуло мгновенное видение, словно цепочка пиктов: яростно кричащее паукообразное существо со множеством клыков и когтистых лап. Видение было таким коротким, что Ариман засомневался, было ли оно на самом деле, но при взгляде на Тороса этот

образ показался ему грозным предвестником.

Он тряхнул головой, прогоняя видение, а Фулгрим тем временем повернулся к своим спутникам. Оба они излучали надменность и высокомерие, оба смотрели на окружающих с оттенком собственного превосходства, и это вызвало у Аримана прилив беспокойства. Их внешний вид, как и облик их примарха, был близок к совершенству, но, в отличие от преторианцев Сангвиния, в них не было ни капли смирения.

— Магнус, позволь представить тебе моих лорд-командиров Эйдолона и Веспасиана.

— Рад вас видеть, — с легким поклоном произнес Магнус, отдавая дань уважения воинам своих братьев-примархов.

— Ну, братец, нам предстоит знаменательный день, так что не будем задерживаться, — сказал Фулгрим.

— Конечно, — согласился Магнус. — Мне не терпится начать.

— И нам тоже, — заверил его Феникиец.

Сангвиний и Фулгрим повели их вглубь вулкана по тоннелям с гладкими, как стекло, стенами, на которых были заметны следы обработки промышленными мелта-установками. Ширина проходов, ведущих через слои застывшей лавы, позволяла трои примархам идти рядом, а люминесцентное освещение было столь ярким, что казалось, будто это из сердца вулкана просачивается раскаленная лава.

Ариман снял шлем, чтобы лучше рассмотреть геологическое строение вулкана, и сквозь прозрачную скалу заметил смещенные кристаллические слои, похожие на осадочные породы в открытой выработке.

— Этот мир молод, но вулкан кажется мне старым, — сказал он и заметил взгляды, которыми Фулгрим обменялся со своими лорд-командирами.

Он не мог прочесть их ауры, как не мог установить контакт со своим Хранителем, поскольку чрезвычайно мощный свет Императора заливал все

вокруг.

Оставалось только гадать, был ли Магнус так же слеп, как и он.

Он с надеждой следил за своим повелителем, который шел с братьями, не проявлявшими никаких признаков враждебности. Но, несмотря на внешнее добродушие, разговор между ними велся поверхностный. Чем пристальнее Ариман следил за интенсивностью их беседы и жестами, тем отчетливее чувствовал напряженность словесного поединка.

Примархи беседовали о прошлых кампаниях, славных битвах и совместных походах, не выходя за рамки воспоминаний. Любая попытка обратиться к теме предстоящего конклава мягко пресекалась Фулгримом, который немедленно направлял разговор в более безопасное русло.

«Он что-то скрывает, — подумал Ариман. — Что-то касающееся собрания».

Магнус тоже должен был это заметить, но его примарх не подавал никаких признаков беспокойства и, казалось, с радостью участвовал в

разворачивающемся спектакле. Посмотрев на идущих впереди и позади них Детей Императора, Ариман понял, что это не почетный караул, а конвой для пленников.

Он хотел бы предостеречь Магнуса, но его слова уже ничего не могли изменить. Что бы ни ожидало их в огромном амфитеатре, который, как ему было известно, находился в сердце вулкана, им уже не миновать своей судьбы. Это тот случай, когда будущее неизменно и неотвратимо.

Свечение стен тоннеля постепенно усиливалось, и вскоре Ариман увидел впереди небольшой зал с зеркально-гладкими базальтовыми стенами. Там их ждали сервиторы с прохладительными напитками, а вдоль стен стояли мягкие кресла.

— Это будут твои личные покои на время перерывов в работе конклава, — сказал Сангвиний.

— Совсем неплохо, — отметил Магнус.

От напыщенной формальности этой сцены Ариману хотелось кричать во весь

голос. Неужели Магнус не видит надвигающейся угрозы? Пот заливал лицо и шею. У Аримана возникло настоятельное желание вернуться к поджидавшему «Громовому ястребу», запустить двигатели и, добравшись до «Фотепа», навсегда покинуть Никею.

К центру вулкана вела двустворчатая бронзовая дверь, за которой ощущалось нарастающее давление будущего.

— Тебе нужно что-нибудь еще, друг Азек? — спросил лорд-командир Эйдолон.

Ариман покачал головой, изо всех сил стараясь сохранить на лице выражение спокойствия.

— Нет, — выдавил он. — Но спасибо за заботу.

— Не за что, брат, — ответил Эйдолон, и Ариман невольно отметил изменившуюся на последнем слове тональность его голоса.

Сангвиний, обернувшись, кивнул Ралдорону и Торосу, и по его знаку они встали по обе стороны от своего повелителя и распахнули бронзовые

створки.

Ариман с трудом удержался, чтобы не предостеречь Магнуса отчаянным криком. Примарх Кровавых Ангелов вместе с Фулгримом шагнул через порог прямо в золотой свет. Они остановились на мгновение и жестами пригласили Магнуса.

Магнус повернулся к Ариману, и в его взгляде сверкнула боль от неминуемого предательства.

— Я знаю, Азек, знаю, — устало произнес Магнус. — Теперь я знаю, зачем нас сюда вызвали.

Ариман вслед за Магнусом прошел в двери и оказался в огромном амфитеатре, вырубленном в крутых склонах кратера вулкана. На черных каменных скамьях собрались тысячи зрителей. По большей части это были адепты высшего ранга в длинных одеяниях, но на верхних ярусах Ариман заметил и несколько групп Астартес. Пол амфитеатра, выложенный полированным черным мрамором, украшал огромный золотой орел.

Сангвиний и Фулгрим вывели их к центру арены. Ариман поразился, насколько точно подходит к их ситуации название этого места, взятое из старинных романских легенд, где описывалось, как схваченных последователей запретных культов бросали на арену к свирепым волкам и звери пожирали пленников живьем на глазах у праздной публики.

Мир вокруг вулкана еще содрогался от родовых мук, но здесь воздух был совершенно неподвижен, а вихри и бури удерживались вдали от кратера благодаря ухищрениям адептов Механикум.

На противоположном краю амфитеатра возвышался пирамидальный ступенчатый пьедестал, и при виде ожидавшего их там существа Ариман едва не споткнулся. Именно здесь был эпицентр света, тот маяк, что позволил им преодолеть бушующие стихии и спуститься на поверхность Никеи. Свет был таким ярким, что почти скрывал облик Императора, сидевшего на резном троне, изображавшем орла с

распростертыми крыльями и лапами, украшенными кроваво-красными рубинами. На коленях лежал золотой меч, а в левой руке покоилась увенчанная орлом держава.

Над головой Императора серебряные херувимы вздымали черные шелковые знамена с золотым шитьем и сверкающие трубы, наполнявшие воздух нестройными звуками. И Ариман сразу же вспомнил карту из колоды Висконти—Сфорца, которую Летюэль попросил его поймать во время занятий.

— «Правосудие», — прошептал он, недоумевая, как мог пропустить столь очевидное знамение.

Гвардейцы Кустодес, обойдя их с обеих сторон, образовали бронированный барьер перед пьедесталом. Сомнения Аримана вдруг рассеялись. Какие тревоги могут быть у человека, удостоившегося лицезреть это воплощенное совершенство? Он даже не мог рассмотреть черты лица Императора, только его выражение. Грозно сдвинутые брови и патрицианское спокойствие рождали сплав нерушимой надежды.

— Сохраняй ясность ума, Азек, — предостерег его Магнус. — Стой рядом со мной и обратись к Исчислениям. Восстанови свою проницательность.

Ариман не без труда отвел взгляд от Императора и занял место возле Магнуса. Он стал повторять шепотом имена первых магистров Тизки, пока не достиг умиротворения первого уровня. После этого подняться к высшим сферам было уже легче, и с каждым предпринятым шагом мысли Аримана приближались к состоянию равновесия.

Избавившись от смятения, Ариман стал изучать окружающую обстановку с такой тщательностью, словно читал гримуар. Он увидел, что на пьедестале находится не только Император. Рядом с ним стоял преторианец, с которым Ариман когда-то встречался на Терре, — Константин Вальдор.

Судя по свиткам, во множестве украшавшим его доспехи, Вальдор сильно продвинулся в рядах Кустодес, а его близость к Императору свидетельствовала о том, что он занял

самое высокое положение.

Рядом с Вальдором стоял человек в простой темной одежде администратора, казавшийся рядом с гигантом-кустодием хрупким и незначительным. Ариман узнал и его. Длинные белые волосы и хрупкость смертного указывали на то, что это был Малкадор Сигиллайт — правая рука Императора и самый доверенный из его советников.

Постоянное место в столь изысканном обществе Малкадор завоевал не в силу каких-то капризов евгеники, а только благодаря своему исключительному и блестящему уму.

Сложный комплекс из плоти и механических частей в красной мантии был наверняка Кельбор-Халом, генерал-фабрикатором Марса. Все остальные присутствующие на пьедестале люди были известны Ариману только понаслышке: хормейстер астропатов в зеленом балахоне, магистр навигаторов и лорд-командующий Имперской Армией.

Нижний ярус амфитеатра был разделен на отдельные ложи вроде тех,

что строятся в театрах для знатной публики. От любой ложи до арены было всего несколько шагов. Внутри каждой из лож кто-то сидел, но Ариман не мог рассмотреть ни очертаний фигур, ни даже роста. Он видел только расплывчатые силуэты, тени и отражения да беспорядочные блики света. Несмотря на то что в каждом помещении наверняка сидели люди, технологические приспособления скрывали их от взглядов окружающих.

Маскировочные плащи.

Кто бы ни занимал отдельные ложи первого яруса, они сохраняли анонимность при помощи накидок, отводящих взгляды случайных наблюдателей. Но Ариман не был случайным наблюдателем, и даже ошеломляющий свет Императора не помешал ему заметить титанические силы, бурлящие под маскировочными плащами.

Он отвлекся от прячущихся участников собрания, когда Сангвиний и Фулгрим дошли до помоста, на котором стоял лишь простой деревянный пюпитр,

вроде тех, на которых дирижеры оркестров разворачивают свои ноты. Магнус и Ариман остановились перед помостом, и за их спинами застыли на страже девять воинов Сехмет.

Кровавые Ангелы и Дети Императора упали на колени перед Императором, и Астартес Тысячи Сынов последовали их примеру. Ариман, увидев в черном полированном траморе отражение своих глаз, осознал весь ужас этого момента.

— Приветствую тебя, Повелитель Человечества, — заговорил Сангвиний, и его мягкий спокойный голос разнесся по всему амфитеатру. — Я привел к тебе Магнуса Красного, примарха Тысячи Сынов и правителя Просперо.

— Встаньте, сыны мои, — раздался голос, который мог принадлежать только Императору.

Ариман не видел, как он говорит, но в амфитеатре установилась абсолютная тишина, казавшаяся невероятной в присутствии многих тысяч людей.

Он поднялся на ноги и увидел, что по

ступеням пьедестала, держа в руке скипетр, принадлежащий Императору, спускается Малкадор. Огромный жезл казался еще больше в руках тщедушного человека, но Малкадор, казалось, не замечал этого и нес скипетр легко, словно прогулочную трость. Вслед за ним спускались два помощника: у одного в руках был пергамент, а другой держал почерневшими щипцами горящую жаровню.

Малкадор пересек блестящую арену и остановился перед тремя примархами. Белые волосы будто слоем снега покрывали его плечи, а кожа на лице казалась сухой и хрупкой, словно старинный пергамент. Он был обычным человеком, но прожил уже несколько человеческих циклов. Некоторые приписывали это успехам незаметной для глаз аугметики, другие говорили о строгом режиме и омолаживающих процедурах, но Ариман прекрасно знал, что именно может так долго поддерживать жизнь смертного.

В темных глубоких глазах Малкадора светилась мудрость веков, проведенных вблизи величайшего ученого

Галактики, и Малкадор жил до сих пор не вследствие дешевых трюков ремесленников от технологии, а по промыслу Императора.

Он поднес скипетр к Магнусу, Фулгриму и Сангвинию, и Ариман заметил, какими тонкими, костлявыми и хрупкими были его руки. Как легко было бы их сломать.

— Фулгрим, Магнус, Сангвиний, — заговорил Малкадор, как показалось Ариману, с ужасающе неуместной фамильярностью, — я прошу каждого из вас положить на скипетр правую руку.

Все трое опустились на одно колено, так что их головы оказались на одном уровне с головой Малкадора, и выполнили его просьбу. Старый мудрец улыбнулся, а затем продолжил:

— Клянетесь ли вы почитать своего отца? Клянетесь ли вы перед всеми, кто здесь собрался, говорить правду, насколько она вам известна? Клянетесь ли вы своими Легионами и своими братьями принять решение, которое будет вынесено на этом высоком собрании? Клянетесь ли во всем

этом на скипетре своего отца, который произвел вас на свет, учил, а теперь наблюдает за вами в сей час смятения и перемен?

Ариман вслушивался в речь Сигиллайта и под напыщенными формальными фразами о благородных идеалах отыскивал истинную суть. Это был не просто разовый обет, это была клятва обвиняемого перед слушанием его дела.

— На этом скипетре я приношу свою клятву, — нараспев протянул Фулгрим.

— Клянусь кровью, текущей в моих венах, — сказал Сангвиний.

— Я клянусь выполнить все, что было сказано над этим скипетром, — продолжил Магнус.

— Пусть это будет записано, — торжественно провозгласил Малкадор, отказавшись на время от своей обычной непринужденности в общении.

Помощники Малкадора подошли к примархам. Первый развернул пергамент, на котором было записано все, что произнес Малкадор. Он поднял его и

приложил к наручи на предплечье Магнуса, а второй помощник тем временем поместил на пергамент кусочек горячего воска и прижал его железной печатью с орлом и скрещенными молниями — печатью Императора. Та же самая процедура была проделана с Фулгримом и Сангвинием, а затем помощники возвратились на свои места позади Малкадора.

— Что ж, — сказал Малкадор, — теперь можно начинать.

Закутанные в плащи с капюшонами адепты проводили Магнуса и его спутников в ложу нижнего уровня, расположенную как раз над входом. Фулгрима и Сангвиния тоже отвели к их ложам. И снова начался взволнованный разговор.

Ариман ощущал, как его непреодолимо влечет к Императору. В высших сферах Исчислений он был свободен от влияния эмоций и отчетливо увидел хмурое лицо Повелителя Человечества, отмеченное выражением недовольства.

— Он не хочет этого, — произнес Ариман.

— Не хочет, — согласился Магнус. — Его уговорили, и теперь Императору ничего не остается, как умиротворять своих приверженцев.

— Уговорили на что? — спросил Ариман. — Тебе известно, что происходит?

— Не совсем,— уклончиво ответил Магнус. — Голос Фулгрима сразу подсказал мне, что он что-то скрывает. Но что именно, я не могу понять.

Во время разговора Магнус постукивал рукой по бедру, производя бессмысленные на первый взгляд движения пальцами, как будто развязывал тугой узел. В этих жестах Ариман распознал соматическую имитацию Символа Тутмоса, при помощи которого их убежище будет защищено от посторонних глаз. Кроме того, этот жест предупреждал о молчании в присутствии врага.

Махавасту Каллимак, пристроившись рядом с примархом,

старательно фиксировал их слова, едва ли сознавая, что происходит, и уставив невидящий взгляд куда-то в пространство. Проявлять подобное равнодушие к великолепному обществу, которое собралось в этом мире, мог только человек, всецело находящийся под влиянием другой личности.

— В любом случае, — произнес Магнус, — скоро повод для этого собрания станет нам известен.

Ариман оглянулся на дверь, выходящую в амфитеатр, и увидел, что Малкадор стоит на помосте, а перед ним на трибуне разложены листы бумаги. Он откашлялся, и акустика кратера вулкана донесла этот звук до самых верхних рядов.

— Друзья мои, мы собрались здесь, на скале Никеи, чтобы обсудить вопрос, который волнует Империум с самого его зарождения. Многим из вас еще неизвестен предмет обсуждения и причина собрания. Другим, наоборот, слишком хорошо известно и то и другое. За это я приношу вам свои извинения.

Малкадор снова заглянул в свои

записи и прищурился, словно с трудом разбирал собственный почерк.

— Теперь перейдем к сути, — продолжил он. — Это собрание будет посвящено вопросу колдовства в Империуме. Да, джентльмены, нам предстоит разрешить начавшийся кризис библиариев.

На верхних ярусах послышались взволнованные возгласы, хотя Ариман догадался о содержании речи Малкадора сразу, как только тот поднялся на помост.

— Эта проблема разделяет нас вот уже много лет, но сегодня мы должны покончить с противоречиями. Кто-то станет утверждать, что колдовство есть величайшая угроза всему делу покорения Галактики, другие будут возражать и доказывать, что их противниками движут суеверия и страхи. Позвольте мне заверить вас, что более опасного кризиса в Империуме еще не возникало, и торжественное обязательство, принятое всеми нами, слишком важно, чтобы рискнуть его нарушить.

Малкадор выпрямился во весь рост и

поднял голову:

— Итак, кто хочет высказаться первым?

Перешептывания на верхних ярусах прервал хриплый и угрюмый голос:

— Я буду говорить.

В ложе напротив Тысячи Сынов упала непроницаемая для взглядов пелена, и из-под сброшенного маскировочного плаща показалась могучая фигура. Наружу вышел воин с навощенной бородой и оскаленной волчьей головой на бритом черепе. Шкура волка, перекинутая передними лапами на грудь, служила ему плащом.

Одетый в броню цвета грозовой тучи, с увенчанным орлом посохом на плече, Охтхере Судьбостроитель, рунный жрец Космических Волков, спустился в амфитеатр.

Глава 19
ОХОТНИКИ НА ВЕДЬМ СЕРДЦЕ ПРИМАРХА РЕЧЬ МАГНУСА

Кризис библиариев. Как постыдный секрет, он маячил за парадным фасадом Объединения, как ноющая боль, о которой Империум старался забыть, словно испуганный человек, игнорирующий боль в животе из страха перед тем, что может обнаружиться при тщательном обследовании. Библиарии появились в Легионах в то время, когда Магнус, Сангвиний и Джагатай Хан предложили режим тренировок и развития психики параллельно обычному курсу формирования воина Астартес.

Император одобрил эксперименты в качестве способа контроля над силами появляющихся в Легионах псайкеров, и в Тысяче Сынов, Кровавых Ангелах и Белых Шрамах были образованы специальные подразделения для их обучения и

тренировки. В результате появились библиарии, которые зарекомендовали себя верными воинами и грозным оружием в арсенале Легионов. После успешного завершения начальной стадии эксперимента Магнус настоял на его расширении, чтобы преимуществами могли воспользоваться и другие Легионы.

Успех заставил многих примархов признать пользу библиариев, и воины-ученые из числа Тысячи Сынов образовали специальные отделения — библиариумы — в других Легионах. Но не все примархи одобрили это решение, и с первых же дней создания программа подготовки библиариев вызывала горячие споры.

Психические силы своими корнями уходили в темное прошлое, а целью Великого Крестового Похода и было освобождение утерянных империй человечества от остатков Древней Ночи — катастрофы, вызванной, как говорили, бесконтрольными действиями псайкеров по всей Галактике. И как бы Магнус и его сторонники ни убеждали всех в надежной целостности психики библиариев, на них

всегда оставалось клейто тех, кто едва не привел человечество к гибели.

Несмотря на постоянные разногласия и споры относительно полезности библиариев, Тысяча Сынов стоически игнорировала все обвинения, довольствуясь тем, что с ними было благословение Императора.

Но разногласия, словно незалеченная рана, становились все глубже и болезненнее, грозя превратиться в трещину, которую невозможно закрыть. И потому Император, назначив Хоруса Луперкаля Воителем и окончательно решив уединиться на Терре, выбрал этот момент, чтобы покончить с назревшей проблемой и снова объединить своих сыновей.

Это собрание войдет в историю как Никейский Совет.

А многие запомнят его как суд над Магнусом Красным.

Охтхере Судьбостроитель пересек амфитеатр и поднялся на помост перед возвышением Императора. Ариману очень

хотелось, чтобы жрец увидел его и ощутил всю тяжесть своего предательства.

— Я же доверял ему! — воскликнул главный библиарий Легиона Тысячи Сынов, сжав кулаки. — А он меня просто использовал. И все это время обманывал меня. — Следующая мысль мгновенно развеяла его гнев. — О Трон! Я ему столько рассказал! Открыл наши методы и наши силы. Это целиком моя вина.

— Успокойся, Азек, — посоветовал ему Магнус. — Не предпринимай ничего, что могло бы доказать его правоту. В конце концов, я сам предложил тебе довериться Судьбостроителю. Если уж кого-то и обвинять в том, что приходится принимать участие в этой пародии на совет, так только меня, потому что я недооценил настойчивость этих скептиков.

Ариман заставил себя снова перейти к высшим сферам Исчислений и сосредоточился на тех потоках, которые увеличивали остроту и скорость мышления, оставив в стороне

сопереживание и силу.

Судьбостроитель поднял голову к ложе Тысячи Сынов, и под волчьей мордой открылось морщинистое лицо, горящее неприкрытым отвращением. В его взгляде читалась такая злоба, что Ариман невольно удивился, почему он раньше не разглядел жестокую и неистовую сущность рунного жреца. Он всегда знал, что Космические Волки были безжалостным орудием, мощным и непримиримым, но столь неприкрытое выражение этих чувств потрясло его.

— Я не стану тратить время на пустые догадки, — заговорил Судьбостроитель. — Я Охтхере Судьбостроитель из Легиона Космических Волков, и я сражался рядом с Тысячей Сынов на Сорокопуте и стоял рядом с ними в выжженных солончаках Агхору. И я называю их сборищем колдунов. Все они, до последнего воина, хитроумные чернокнижники и заклинатели, пользующиеся нечистой магией. Вот все, что я хотел сказать, и я, воин Легиона Русса, присягаю в правдивости своих слов.

Больше всего Аримана поразила архаичная форма обвинения. Неужели они перенеслись в древние времена, когда людьми правили страх и суеверия? Он окинул взглядом амфитеатр и с ужасом увидел, как присутствующие с серьезным видом кивают и бросают в его сторону возмущенные взгляды.

Малкадор подошел к краю помоста и стукнул пару раз в пол концом своего посоха. Все взгляды обратились на него.

— Ты выдвинул серьезное обвинение против братского Легиона, Судьбостроитель, — сказал Малкадор. — Может ли кто-нибудь подтвердить твое заявление?

— Да, Сигиллайт, такие найдутся, — ответил Судьбостроитель.

— Кто поддержит обвинение? — громко спросил Малкадор.

— Я, — откликнулся Мортарион.

Он сбросил маскировочный плащ, так что все присутствующие могли его видеть. Пока Охтхере Судьбостроитель возвращался к своему месту, Мортарион вышел в центр амфитеатра. То ли

случайно, то ли намеренно, но Повелитель Смерти сделал двадцать восемь шагов, и повторение числа семь неприятно поразило Аримана. Мортарион был одет точно так же, как и на Улланоре, словно с того самого дня ждал момента.

Прежде чем заговорил Мортарион, Магнус вскочил со своего места и стукнул кулаком по обсидиановому барьеру.

— Неужели так и будет проходить процесс?! — воскликнул он. — Или меня будут судить невидимки, скрывающиеся под маскировочными плащами? Если кто-то хочет меня обвинить, пусть выскажет мне все прямо в лицо.

Малкадор снова ударил в пол концом посоха.

— Так распорядился Император, Магнус, — поведал он. — Показания не должны искажаться страхом перед тем, на кого они направлены.

— Выплескивать потоки злобы из-под плаща-невидимки очень легко, куда труднее при этом смотреть в глаза тому, кого ты обвиняешь.

— Магнус, ты получишь возможность

высказаться. Решение будет принято не раньше, чем выступит каждый желающий, я тебе обещаю, — заверил его Малкадор. — Тебе обещает Император, — добавил он.

Магнус, покачав головой, вернулся на свое место, но его гнев ничуть не уменьшился.

Во время неожиданного выступления Магнуса Мортарион стоял не шелохнувшись, словно взрыв ярости его брата примарха был чем-то несущественным, всего лишь досадным неудобством. Ариман пожалел, что не может призвать Аэтпио, хотя и сознавал, что это было бы равносильно тому, чтобы выпустить Ревнителя Пирридов в залитый прометием склад.

Мортарион коротко поклонился Императору и начал свое выступление.

— Брат Малкадор заявляет, что этот вопрос беспокоит весь Империум, — произнес Мортарион своим шелестящим, словно сухой ветер в песчаных дюнах, голосом. — Но он ошибается. Ничего сложного в этой проблеме нет. Я видел последствия бесконтрольного применения

колдовства — сожженные миры, порабощенное чужаками население и гуляющие на свободе чудовища. Именно колдовство довело миры до такого состояния, колдовство людей, заглянувших слишком глубоко в темные пропасти, которые, как все знают, лучше обходить стороной.

Всем нам известны ужасы Древней Ночи, но я хотел бы задать вам один простой вопрос: кто вызвал этот галактический геноцид? Псайкеры. Неконтролируемые псайкеры. Эти личности создают реальную угрозу, и ни для кого не является секретом опасность, которую они представляют. Некоторые из вас могли лично в этом убедиться. Псимашины и «Оккулюмы» Терры ищут среди людей обладателей колдовских генов, а Черные Корабли Сестер Безмолвия прочесывают Вселенную в поисках опасных индивидуумов. Неужели Император, возлюбленный всеми, создал эти устройства без особой на то причины? Нет, они были созданы для защиты от этих опасных мутантов, использующих

свои способности в корыстных целях.

Вот в этом-то и заключается разница. Если астропаты и навигаторы пользуются своими силами ради общего блага, обеспечивая связь между отдаленными мирами и определяя звездные маршруты экспедиционных флотилий Империума, то колдуны преследуют личные цели, стремятся получить превосходство над своими братьями.

Да, Империуму требуются наделенные особыми способностями личности, но их действия должны строго контролироваться. Всем известно, к чему может привести беспорядочное употребление сверхъестественных сил. Все мы слышали легенды о Древней Ночи, но кто из вас видел все это в действительности?

Мортарион взмахнул боевой косой, и длинное древко взметнулось на его плечо.

— Это видела Гвардия Смерти, — провозгласил Мортарион.

Его высокопарная манера едва не вызвала смех у Аримана. Хоть

Мортарион и пытался играть роль разгневанного праведника, он явно наслаждался своим участием в процессе, который, по его мнению, означал падение Тысячи Сынов.

— На Кайоре мой Легион столкнулся с воинственной человеческой расой, которая скатилась до варварства. Широкомасштабное сканирование с орбиты не выявило никаких следов высоких технологий, но тем не менее моему Легиону потребовалось шесть месяцев, чтобы покорить этот мир. А почему? Ведь нам противостояли дикари, вооруженные простыми мечами и примитивными кремневыми ружьями. Как могла нецивилизованная раса сдерживать наступление Гвардии Смерти в течение столь долгого времени?

Мортарион стал расхаживать по амфитеатру, и каждый шаг сопровождался громким стуком его косы.

— В борьбе с нами им помогали сверхъестественные силы и невидимые союзники. Каждую ночь созданные магией существа преследовали нас и убивали

просто из любви к убийству. В темноте лесов таились кровожадные псы, обладающие непостижимым инстинктом, и при каждом нашем наступлении ряды воинов рассеивали громовые разряды.

Повелитель Смерти сделал паузу, позволяя слушателям вдуматься в его слова. То, что какое-то явление могло расстроить боевой порядок Гвардии Смерти, можно было объяснить только чудом, и все собравшиеся в амфитеатре внимали его негромкой речи с обостренным вниманием.

— Мои воины сражались с ксеносами всех мастей и размеров и всегда одерживали победы, но в тот раз нам противостояли не обычные создания из плоти и крови. Они были вызваны в этот мир колдунами Кайора. Эти маги вырабатывали в своих телах молнии, усилием воли зажигали пламя, а от их громких заклинаний раскалывалась земля! Но никакие силы не достаются даром, и с каждой одержанной нами победой это становилось все яснее. В центре каждого захваченного нами города воины находили

обширные сооружения, которые мы стали называть кровавыми храмами. И каждый из них был местом казней и захоронений. Мы уничтожали их все до единого, и с каждым разом силы наших противников становились слабее. В конце концов мы разрушили все чары. Но обитатели планеты не пожелали сдаться, и все пали, уничтоженные воинственными жрецами, которые не захотели расставаться со своей властью. Я до сих пор вздрагиваю при воспоминании о Кайоре.

Мортарион закончил речь перед ложей Тысячи Сынов и, произнося последние слова, смотрел на Магнуса:

— Я, безусловно, не обвиняю моего брата в подобном варварстве, но зло берет начало не в чудовищных действиях. Если бы это было так, ни один разумный человек не поддался бы его чарам. Нет, оно вырастает постепенно — шажок здесь, шажок там, а сердце человека при этом чернеет и начинает гнить. Можно начинать творить зло с благими намерениями, можно верить, что такие мелкие злоупотребления ничего не значат

по сравнению с грядущими великими достижениями. Но важен каждый шаг и каждый поступок.

Невозможно перечислить все победы, одержанные Легионом Тысячи Сынов, но невозможно и повторить все слухи об их колдовстве. Мне в прошлом доводилось сражаться рядом с воинами Магнуса, и я прекрасно знаю, на что они способны, а потому могу подтвердить правдивость слов Охтхере Судьбостроителя. Это колдовство. Я видел его своими собственными глазами. Подобно чародеям Кайора, воины братств Магнуса мечут в своих врагов молнии и пламя, а их собратья сокрушают врагов невидимой силой. Я не солгу, признавшись, что в тот день я познал страх. Я только что уничтожил армию колдунов, как вдруг узнал, что у меня под боком есть еще одна.

Всем известно, что я не доверял институту библиариумов в рядах Астартес, опасаясь заразы, насаждаемой Тысячей Сынов. В рядах Гвардии Смерти нет ни одного библиария, и, пока я дышу, их у нас не будет. До сих пор я держал рот

на замке, уповая на мудрость старших. Но я больше не могу молчать. Когда брат Лоргар и брат Русс рассказали о сражениях в скоплении Приют Ковчега, я понял, что пришло время нарушить молчание, хотя мне очень больно называть колдуном своего брата. Я не могу оставаться в стороне и смотреть, как его одержимость увлекает в бездну его и весь Легион. Знайте, что мной движет не ненависть, а искренняя любовь к Магнусу. Это все, что я хотел сказать.

Мортарион развернулся, снова поклонился Императору и вернулся в ложу, где его дожидались воины Гвардии Смерти.

Раздался звонкий треск стекла, и Ариман обернулся на звук. Огонь гнева уже не мог оставаться в теле Магнуса и выплескивался наружу. Руки примарха сжимали край обсидианового барьера, и на глазах у Аримана вулканическая порода размякла и потекла, словно растопленный воск. Сгустки породы падали на пол, но, застывая по пути, раскалывались на мелкие части.

— Мой лорд? — прошептал Ариман.

Все мысли об Исчислениях мгновенно испарились. Между ними искрой психического осознания вспыхнул вихрь ярости. Ариман легонько коснулся пальцами руки примарха.

Магнус ощутил прикосновение и обрушил на главного библиария свой взгляд. Ариман отшатнулся, заглянув в бездонную глубину его глаза, пылавшую переливами неизвестных людям цветов, как будто бесчисленные эмоции боролись между собой за превосходство над остальными. С замиранием сердца увидел он неистовую борьбу между яростью и необходимостью оправдаться, между разбушевавшимся инстинктом и высшим интеллектом. Он увидел желание Магнуса обрушиться на своих врагов, которые в силу собственной ограниченности заклеймили брата. Но высший интеллект, разум, способный вознестись в варп и бросить взгляд со стороны, сдерживал это желание и осуждал низменные эмоции.

В краткий миг контакта Ариман заглянул в самое сердце пламенной

сущности примарха, где в невероятном сплаве соединились гениальность и укрощенный эфир, из которых родились его поразительный разум и тело. Но стоять в раскаленное добела горнило, в сокровенную сущность столь могущественного существа было все равно что наблюдать за вспышкой сверхновой звезды.

Ариман закричал; перед ним пронеслась вся жизнь примарха, тянувшаяся многие тысячелетия, но спрессованная в одно мгновение. Он увидел, как общаются между собой ярчайшие разумы в глубинах подземелья и удивительное создание, спускающееся на золотой горный хребет Просперо. Все это и многое другое лавиной хлынуло в мозг Аримана, несмотря на то что его сознание было не способно усвоить такие колоссальные потоки информации и воспоминаний.

Он осознал лишь малую часть того, что увидел, но и этого хватило, чтобы оказаться намертво прижатым к спинке кресла. Он с трудом мог дышать, а поток

информации грозил разрушить его разум.

— Остановись! — взмолился Ариман, чувствуя, как на него обрушилась неимоверная лавина знаний, накопленных целой цивилизацией, и даже его возможности Астартес оказались на грани перегрузки.

Кровеносные сосуды в глазах начали лопаться, и свет стал меркнуть. У него задрожали руки, Ариман ощутил приближение сильнейшего эпилептического припадка, который почти наверняка его убьет.

В этот момент Магнус прикрыл глаз, и бушующий поток иссяк.

Ариман охнул, с его губ сорвался мучительный стон. В его голове мелькали ужасные тайны и устрашающие знания, и каждое явилось для него беспощадным и неуловимым откровением.

Перегруженное сознание отключилось, пытаясь восстановить поврежденную структуру разума, и Ариман упал с кресла на пол.

Открыв глаза, он обнаружил, что

лежит на одной из мягких кушеток в сводчатом зале под основным амфитеатром. Боль немного утихла, но на голове как будто остался постоянно сжимающийся стальной шлем. Свет резал глаза и усиливал боль, и Ариман поднял руку, чтобы заслонить лицо. Во рту пересохло, а в зоне периферийного зрения мелькали отрывочные образы, словно миллиарды нахлынувших воспоминаний.

— Поднимись к шестому уровню Исчислений, — послышался приятный голос, несущий в себе успокоение и облегчение. — Это поможет тебе восстановить способность мыслить.

— Что произошло? — сумел произнести Ариман, стараясь сосредоточиться на личности говорящего. Он понимал, что узнал его, но в мыслях вертелось столько лиц и имен, что он никак не мог в них разобраться. — Я ничего не помню.

— Это моя вина, сын мой, — послышался тот же голос. — Мне так жаль.

Ариман наконец сумел разобраться,

что за коленопреклоненная фигура стоит рядом с кушеткой.

— Мой лорд Магнус? — спросил он.

— Он самый, Азек, — ответил Магнус и помог ему приподняться.

В голове Аримана вспыхнула целая россыпь ослепительных огней, и казалось, мозг вот-вот вырвется из черепа. В зале кроме них находились и воины Сехмет; некоторые сидели с кубками в руках, другие охраняли вход.

— Твоя нервная система сильно пострадала, — сообщил Магнус. — Я уступил своему гневу и позволил ему разрушить барьер, ограждающий мою сущность. Из этого колодца нельзя пить ни смертному, ни даже Астартес. У тебя еще долго будет болеть голова, но ты остался в живых.

— Я не понимаю, — выговорил Ариман, сжимая виски ладонями.

— Знания могут быть крепче любого алкоголя, сын мой, — с улыбкой пояснил Магнус. — Если выпить слишком много и слишком быстро, можно опьянеть.

— Я никогда не был пьяным. Не думаю,

чтобы для меня это было возможно.

— Да, это действительно так, — согласился Магнус и подал ему кубок с чистой водой. — По крайней мере, от алкоголя ты не опьянеешь. Но что ты помнишь о том, что произошло?

— Не слишком много, — признался Ариман и одним глотком осушил кубок.

— Возможно, это и к лучшему, — заметил Магнус.

Ариман еще не совсем оправился от потрясения, но он не мог не заметить оттенок удовлетворения в голосе примарха.

— Я помню Повелителя Смерти, — сказал Ариман. — Помню его обвинения и подтасованные в их подтверждение факты, но после этого — провал.

Неожиданная мысль вызвала вопрос:

— А сколько времени я пролежал без сознания?

— Чуть больше трех часов, и для тебя это было настоящим благодеянием.

— Как это?

— Ты был избавлен от необходимости выслушивать выступления ограниченных

невежд, суеверных глупцов и отсталых неучей, которые обзывали нас еретиками, колдунами, обвиняли в том, что мы пьем кровь и приносим в жертву девственниц. Судьбостроитель и Мортарион ради нашего осуждения собрали целую толпу охотников на ведьм.

Ариман поднялся на ноги, хотя стены комнаты в его глазах все еще покачивались. Усиленный организм попытался справиться с расстройством, но проиграл, и Ариман наверняка упал бы, если бы не рука примарха. Ариман покачал головой и сделал глубокий вдох, стараясь побороть головокружение.

— Можно подумать, мне на голову наступил «Канис Вертекс».

— Ничего удивительного, — заметил Магнус. — Но сейчас тебе захочется побыстрее справиться со слабостью.

— Почему? Что происходит?

— Наши обвинители закончили свои выступления, — ответил Магнус. — Теперь настал мой черед.

Появление Магнуса было встречено

настороженной тишиной. В развевающемся плаще с перьями, с высоко поднятой головой и взглядом, устремленным на Императора, он решительно направился к помосту. Это был не выход обвиняемого, а поступь правого человека, которому предстоит борьба с ложными обвинениями.

Еще никогда Ариман не испытывал такой гордости от сознания, что является одним из Тысячи Сынов.

Магнус поклонился Императору и Малкадору, затем, повернувшись к Фулгриму и Сангвинию, дружески кивнул братьям. Несмотря на нависшую опасность, он изящными жестами приветствовал Мортариона и Судьбостроителя. Магнус обладал прекрасными манерами и никогда не забывал о них даже перед лицом врага. Покончив с приветствиями, он поднялся на помост и возложил руки на края кафедры.

Некоторое время он молчал, окидывая взглядом собравшихся мужчин и женщин, одаривая каждого из них своим вниманием.

— «Боязливых же и неверных, и

скверных и убийц, и любодеев и чародеев, и идолослужителей и всех лжецов участь в озере, горящем огнем и серою»,[69] — заговорил Магнус, словно читая невидимый текст. — Эти слова взяты из книги, написанной много тысячелетий тому назад и иронично озаглавленной «Апокалипсис». Вот так в те варварские времена думали все люди. Это ясно дает понять, из какой дикости все мы произошли и насколько легко люди могут обернуться друг против друга. Подобные страхи послали в огонь тысячи людей — и ради чего? Только для того, чтобы успокоить страхи тех, кто не в силах воспринимать новые знания.

Магнус сошел с помоста и, словно заправский итератор, прошел по амфитеатру. Выступление Мортариона ставило своей целью запугать слушателей, а Магнус держался таким образом, словно все они, начиная с низшего адепта и заканчивая самим Императором, были его лучшими друзьями и собрались на дружескую беседу.

— Если бы кому-то из вас довелось попасть к людям из тех времен, вас наверняка убили бы из-за тех устройств, к которым мы с вами давно привыкли. Их сочли бы колдовскими штучками и чертовщиной. К примеру: до того как Аристарх Самосский[70] создал свой научный труд, люди верили, что Древняя Терра имеет форму плоского диска, с которого стекают океаны. Можете ли вы представить себе что-нибудь более смехотворное? Ведь теперь же никто не сомневается в сферической форме планет! Много позже ученые духовного звания утверждали, что Терра является центром Вселенной, а Солнце и звезды вращаются вокруг нее. Человек, который решился опровергнуть это геоцентрическое утверждение, был обвинен в ереси и вынужден отказаться от своих идей. Теперь нам прекрасно известно устройство Галактики.

Магнус остановился перед Мортарионом и спокойно встретил полный ненависти взгляд Повелителя

Смерти.

— Из сильного желания рождается самая беспощадная ненависть, — продолжал он, — и лживые слова причиняют вред не только сами по себе. Они заражают сердца тех, кто слушает их, испытывая злобу. Представьте себе, что подумают о сегодняшнем собрании через тысячу лет.

Магнус отвернулся от Мортариона и, воздев руки, прошел в центр амфитеатра. Продолжая говорить, он медленно поворачивался, попеременно глядя на каждого из слушателей.

— Вообразите Империум будущего. Вообразите идеальное государство прогресса и просвещения, где в создании блистательного будущего на равных правах принимают участие ученые, философы и воины. А теперь представьте, что подумают люди этого прекрасного века, вглядываясь сквозь пелену времени в сегодняшний день. Представьте, о чем они узнают и какие сделают выводы. Они с ужасом поймут, насколько близок к затуханию был сегодня факел просвещения.

Искусство все подвергать сомнениям и есть источник всех знаний. Отказаться от него означает обречь самих себя на медленный упадок, обречь Империум на тьму невежества, где к людям, осмеливающимся искать знания, относятся с подозрением. Это не тот Империум, в который я верю. Это не тот Империум, частью которого я хочу стать.

Знания — это пища души, и никакие знания не могут быть вредными, поскольку каждый искатель истины становится хозяином того, о чем узнает. Знаниям нельзя научить, они должны быть получены потом и кровью экспериментаторов, а в этом отношении нет более достойных ученых, чем Тысяча Сынов. Даже во время сражений на переднем крае Великого Крестового Похода мы изучаем вещи, на которые остальные не обращают внимания, ищем информацию в тех местах, куда другие боятся заглянуть. Для нас нет ничего неизведанного, нет неразрешимых тайн и слишком запутанных дорог, потому что все они ведут к просвещению.

Но в полученных знаниях мало проку, если они не испытаны на практике. Информация — это еще не все. Она должна работать. Мало желать чего-то — мы должны это совершить!

Магнус улыбнулся, и Ариман, оглянувшись по сторонам, понял, что примарх Тысячи Сынов завоевал всеобщее внимание.

— С учетом всего вышесказанного, я прошу у вас прощения за то, что займу еще немного вашего времени, поскольку хочу поведать вам одну легенду, — сказал Магнус.

— Эта легенда родилась на Древней Терре, и в ней говорится о трех людях с острова Эгина, живших в пещере глубоко в горах, — начал Магнус с энтузиазмом прирожденного рассказчика.

Ариман, хотя и слышал эту историю не один раз, невольно поддался притягательности голоса Магнуса и его личному обаянию, сквозившему в каждом слове.

— Эти люди жили вдали от дневного

света, и провели бы в темноте всю свою жизнь, если бы не маленький костер, постоянно горевший посреди пещеры. Они питались растущими на стенах лишайниками и пили холодную воду из подземных источников. Так они и жили, хотя настоящей жизнью это было назвать нельзя.

День за днем они садились вокруг костра, смотрели на тлеющие угли и пляшущие язычки пламени и были уверены, что другого света в этом мире не существует. Танцующие на стенах тени служили им величайшим развлечением. Эти люди были по-своему счастливы и проводили день за днем, даже не представляя, что находится за пределами света их костра.

Магнус немного помолчал, давая слушателям возможность представить описанную им сцену вплоть до мелькавших по стенам пещеры теней.

— Однажды в горах разбушевался сильный ветер, но люди укрылись так глубоко, что в пещеру проникали лишь его слабые дуновения. Огонь заплясал пуще

прежнего, и люди, глядя на тени, громко смеялись. Но буря утихла, и они вернулись к спокойному созерцанию огня, как делали это всегда.

Однако один человек поднялся и вышел из освещенного круга. Его поступок взволновал остальных, двое его товарищей стали звать его обратно. Но тот человек только покачал головой. Он один из всех испытывал желание узнать больше о ветре. Он пошел вслед за ветром, взбирался на крутые скалы, пересекал расщелины и избежал множества опасностей, пока не увидел над головой слабый отблеск света.

Вот тогда он выбрался из пещеры на склон горы и взглянул на раскаленное солнце. Яркий свет слепил глаза, а красота и жар светила настолько ошеломили человека, что он упал на колени. Человек боялся, что солнце выжгло его глаза, но через некоторое время зрение восстановилось, и он нерешительно огляделся. Он выбрался из пещеры на верхнем склоне, и мир простирался внизу во всей своей красе: мерцающие бирюзой

торя и бескрайние поля золотой пшеницы. Человек горько заплакал: он провел столько лет во тьме, не догадываясь о великолепии окружающего мира, который всегда был здесь, но оставался недосягаемым из-за ограниченности человеческого взгляда.

Примарх остановился и поднял взор к звездам, и восхищенные слушатели последовали его примеру, как будто представляя себе пылающее солнце.

— Вы можете вообразить себе, что он чувствовал? — спросил Магнус слегка охрипшим от волнения голосом. — Провести всю жизнь у костра в полной уверенности, что другого света нет в природе, а потом увидеть солнце! Человек решил, что должен рассказать об этом чудесном открытии своим друзьям, и отправился обратно в пещеру, где двое оставшихся людей все так же сидели у костра, смотрели на огонь и порой с улыбкой оглядывались на тени. Человек, увидевший солнце, окинул взглядом пещеру, которую называл своим домом, и понял, что на самом деле это тюрьма. Он

рассказал остальным о том, что увидел, но история о далеком, пылающем наверху глазе их не заинтересовала. Все, что они хотели, — это продолжать жизнь, которую вели до сих пор. Они называли его безумцем и смеялись над ним, а сами продолжали смотреть на огонь, поскольку это была единственная известная им реальность.

Впервые Ариман услышал эту историю, будучи философом в храме Корвидов, когда Магнус наставлял его перед прохождением Доминус Лиминис. И сейчас, как и тогда, в голосе примарха прозвучала горечь, тот же самый отлично выраженный оттенок разочарования и боли, вызванной слепотой людей в пещере. Казалось, голос Магнуса говорил: как можно отвернуться от света, зная о его существовании?

— Человек никак не мог поверить, что его друзья не хотят увидеть мир наверху, — продолжал Магнус. — Но он решил, что не примет их отказа. Он должен показать им свет, чего бы это ни стоило. И если они не хотят идти к

свету, значит, он принесет свет к ним.

Итак, человек снова взобрался наверх, в мир света, и начал рыть. Он рыл, пока не расширил устье пещеры. Он копал сто лет, а потом еще сто лет, пока не срыл всю вершину горы. Потом он стал рыть вниз, к самому центру, пока не провалился в ту самую пещеру, где его друзья все так же сидели у костра.

Магнус снова приостановил свой рассказ, и его голос затих, хотя Ариман отлично понимал, что это всего лишь театральная пауза. Зная, чем заканчивается эта история, он ничуть не удивился молчанию Магнуса. В оригинальной версии легенды друзья так перепугались открывшейся картины, что убили человека и ушли вглубь пещеры, прихватив костер, чтобы продолжать жизнь в вечном сумраке.

Это притча о том, как опасно делиться знаниями с теми, кто обладает слишком узким взглядом на реальность. Рассказывая ее не до конца, Магнус нарушал данное собранию обещание, и об этом никто не догадывался, поскольку он

продолжил повествование, но уже в собственной версии:

— Люди пришли в восхищение, увидев свет, какого не видели всю свою жизнь, и золотое сияние, которое могло стать их постоянным спутником, если бы только у них хватило храбрости последовать за своим товарищем. В конце концов они выбрались из своей темной пещеры и увидели окружающий мир во всем его величии и красоте. Оглянувшись на сырую сумрачную пещеру, которую они называли домом, люди ужаснулись тому, насколько ограниченным было их представление о мире. Они осыпали похвалами своего друга, показавшего им путь к свету, и горячо благодарили его, поскольку теперь им принадлежал весь мир, с бесконечными чудесами, которые предстояло исследовать.

Магнус снова замолчал, позволяя слушателям проникнуться смыслом придуманной им концовки. Такого внушительного спектакля не мог себе представить даже лучший актер Театра Империалис. Спустя несколько мгновений

ярусы амфитеатра взорвались аплодисментами, и на лице Магнуса вспыхнула улыбка, в которой отлично сочетались скромность и благодарность. Сангвиний и Фулгрим даже встали со своих мест, хотя Мортарион и его Гвардия Смерти остались такими же невозмутимыми, как и всегда.

Однако, каким бы безупречным ни казалось выступление Магнуса, Ариман видел, что его речь подействовала не на всю аудиторию. Впрочем, стало ясно, что обвинительный процесс против Магнуса и Тысячи Сынов пойдет уже не так гладко, как надеялись его инициаторы.

Магнус поднял руки, призывая публику закончить аплодисменты, как будто столь энергичная реакция привела его в смущение.

— Этот человек сознавал, что его долг состоит в том, чтобы показать товарищам истинную сущность окружающего мира и спасти их от скучного, сутрачного прозябания. Так же и Тысяча Сынов сознают свой долг перед Человечеством. Из всех Легионов только

Тысяча Сынов увидели свет за вратами Эмпирея. Этот свет освободит нас от оков привычного восприятия реальности и позволит человеческой расе стать хозяевами Галактики. Как тем людям у костра надо было показать ожидающее их великолепное будущее, так и человечеству нужно дать подсказку. Знания, накопленные Тысячей Сынов, позволят каждому видеть то, что видим мы. Человечество необходимо вести вперед мелкими шажками, чтобы яркий свет не ослепил людей. В этом и состоит высшая цель Тысячи Сынов. Сейчас решается судьба нашего будущего. Друзья мои, я призываю вас не отказываться от шанса достичь новых высот просвещения, поскольку мы вплотную подошли к поворотной точке в истории Империума. Подумайте о будущем и о том, как будут судить о нас спустя многие тысячелетия.

Затем он поклонился всем четырем сторонам амфитеатра.

— Благодарю вас за внимание, — завершил свою речь Магнус. — Это все, что я хотел сказать.

Глава 20
ЕРЕСЬ БИБЛИАРИИ ПРИГОВОР

Магнус налил себе воды и с улыбкой прошелся по комнате, расположенной под амфитеатром. Воины Сехмет, понимая, что процесс подходит к концу, стояли по стойке «смирно». У Аримана все еще болела голова и мысли оставались скованными, словно их было чересчур много для его черепа.

По окончании выступления Магнуса Малкадор объявил перерыв. Процесс, начинавшийся с обвинений в предательстве и постыдных занятиях, благодаря красноречию Магнуса, перед которым могли устоять лишь немногие, грозил превратиться в его триумф.

— Должен признаться, что испытал некоторый трепет, когда узнал повестку дня, — сказал Магнус, протягивая кубок с водой Ариману. — Но теперь я уверен, что

привлек сомневающихся на нашу сторону. Мортарион слишком упрям, чтобы изменить свое мнение, а вот Сангвиний и Фулгрим теперь с нами. И это имеет большое значение.

— Конечно, но слишком многие остались под маскировочными плащами. Основная масса присутствующих склонилась на нашу сторону, однако приговор все еще может быть вынесен не в нашу пользу. Я вообще не понимаю, почему мы здесь остаемся, это так оскорбительно! — вспылил Ариман и раздраженно отбросил кубок.

— Тебе надо успокоиться, Азек, — сказал Магнус. — Не было иного выхода, кроме как созвать этот конклав. Трусы должны быть уверены, что их голос будет услышан. Ты сам видел, что Император не хочет этого процесса. Поверь, я разделяю твой гнев, но ты должен держать себя в руках, чтобы не навредить нам всем.

— Знаю, но мне больно видеть, что наша судьба в руках этих слепых глупцов!

— Осторожнее, — предостерег его Магнус, подходя ближе. — Ты должен

выбирать слова, Азек. Ты дорог мне, как каждый из моих сыновей, но я не потерплю оскорбительных сомнений в мудрости моего отца. Если ты поддашься своему раздражению, ты только подтвердишь все, что они здесь наговорили.

— Я прошу прощения, мой лорд. — Ариман постарался перейти к нижним уровням Исчислений, но попытки успокоиться оказались безуспешными. — Я не хотел никого обидеть, но трудно представить, что другие не видят того, что видим мы. И почти невозможно вспомнить, что чувствовал, когда не знал того, что известно теперь.

— Груз накопленных знаний всегда был проклятием для просвещенных, — гораздо мягче заметил Магнус. — И мы не должны забывать, что и сами когда-то были в таком же положении, что были слепы к откровениям Вселенной. Даже я ничего не знал о Великом Океане, пока отец не открыл мне его великолепие.

— Нет, — прошептал Ариман, осененный внезапным пониманием. — Ты уже знал о нем. Когда Император

показывал тебе его красоты и его опасности, ты только притворялся, что ничего не знаешь, но уже пристатривался к его глубинам и видел их.

В одно мгновение Магнус навис над ним своим огромным телом, и его глаз вспыхнул красным огнем. Ариман ощутил пылающий жар его присутствия и понял, что переступил границу, хотя даже не знал о ее существовании. В тот момент до него дошло, что он совсем не знает своего примарха, и ему захотелось немедленно избавиться от тех знаний, что успели проникнуть в его мозг.

— Никогда не смей это говорить, — сказал Магнус, сверля его взглядом, словно алмазным буром.

Ариман кивнул. Но в гневе Магнуса он различил что-то еще, — возможно, это был невысказанный страх перед всплывающими тайнами. Ариман не видел их, но успел заметить серебряный дубовый листок, точно такой же, как и на его броне.

— Ормузд? О Трон, что же ты сделал?! — воскликнул Ариман.

Не принадлежащие ему воспоминания грозили вырваться на поверхность. Он увидел ужасную тайную сделку, заключенную с невероятно старым и чудовищным существом, каких никогда раньше не встречал.

— Я сделал то, что должен был сделать, — резко ответил Магнус, предваряя его дальнейшие расспросы. — Это все, что тебе нужно знать. Поверь мне, Азек, все это было сделано не без причины.

Ариман хотел поверить, он нуждался в вере, но в основе тайной сделки он видел неприкрытое тщеславие и одержимость. Он попытался проникнуть сквозь пелену самооправданий и раскрыть темную тайну, но Магнус вырвал украденное воспоминание из его мыслей.

— Что это было? — потребовал объяснений Ариман. — Расскажи. Что ты от нас скрываешь?

— Ничего такого, что вам нужно было бы знать, — отрезал Магнус.

Он был явно взволнован и едва сдерживал... Гнев? Признания?

— Ты себе не можешь этого даже

представить, — продолжал Магнус. — Тебе неизвестно, как это было. Деградация геносемени шла чрезвычайно интенсивно, повреждения спиралей были слишком сложными, и мутация казалась неизбежной... Это было... Это было...

— Что это было? — спросил Ариман, не дождавшись продолжения.

— Будущее, — прошептал Магнус, ставший вдруг пепельно-бледным. — Я вижу его. Это...

Он так и не смог закончить фразу.

Словно огромный дуб, срубленный одним ударом, могучий примарх Тысячи Сынов рухнул на колени.

В тот же момент Ариман заметил в его единственном глазу шквал янтарно-желтого пламени.

Перед глазами вспыхнули светящиеся точки и тотчас исчезли.

Магнус открыл глаза и увидел искры, вылетающие от удара камня о камень, и примитивные инструменты, превращающие в оружие осколок кремня. Он видел, как меч обретает очертания, но

техника обработки была не лучше, чем в неандертальский период Древней Терры. И еще он видел, что это не человеческое искусство, поскольку техника была более изощренной и явно чуждой. И пропорции меча и рукоятки были немного другими, а руки, его изготавливающие, были темно-синими, покрытыми красновато-коричневым пушком.

Да и сам меч не был обычным, он был наделен интеллектом. Определение показалось Магнусу не слишком подходящим, но он никак не мог подобрать нужного слова. Меч был изобретен чужими мастерами и наполнен силами судеб, слишком отличающихся от человеческих, чтобы их понять.

Это было орудие возмездия, созданное для того, чтобы разить без милосердия.

Магнус невольно содрогнулся при мысли, что разумная раса рискнула создать такое грозное орудие уничтожения. Какая причина могла побудить их к изготовлению такого ужасного предмета?

Будущее это или прошлое? Это

невозможно определить однозначно. Здесь, в Великом Океане (где же еще он мог находиться?), время является всего лишь бессмысленной конструкцией, которая дает смертным видимость определенности. Это царство бессмертия, поскольку здесь ничто не может реально жить или реально умереть. Энергия вечна, и с уходом одной формы в бесконечном цикле перемен неизменно появляется другая.

Как только он сосредоточился на вопросе различия между прошлым и будущим, видение рассыпалось на миллионы осколков, которые закружились в темноте искрами взорвавшегося алмаза.

Магнус погрузился в Великий Океан глубже, чем кто-либо другой, глубже, чем Император, но он испытывал не страх, а лишь непреодолимое желание постичь суть увиденного. Вокруг него вместе с отзвуками эфира слышался далекий злорадный смех, словно где-то притаился невидимый наблюдатель. Из эха этих звуков в темноте возникло видение почерневшего от огня помещения, где

пахло злобой и кровью.

По стенам хлестнула артериальная кровь, в ноздри ударила едкая вонь негашеной извести. В темноте двигались тени, но слишком расплывчатые, чтобы можно было их рассмотреть. Магнус мысленно потянулся к фигуре, упакованной в доспехи цвета каменного карьера, но видение пропало, и он едва успел заметить только татуировки, покрывающие череп воина.

Путешествие продолжалось, и Магнус позволил себе свободно следовать переменчивому течению Великого Океана. В какой-то момент он задумался о том, что стало с его физическим телом, поскольку сознавал, что покинул его не по своей воле. Такой неожиданный переход в световое тело был для него в новинку, но страх мог только усилить потенциальную опасность.

Он видел объятые пламенем миры, видел бесконечные сражения и целые звездные системы, охваченные войнами. Но этим виденият не суждено было исполниться, поскольку в них участвовали

Астартес, и братья-воины, разошедшиеся с Терры в разные уголки Галактики, бросались друг на друга с мечами и кулаками. Какими бы отвратительными ни были эти картины, Магнус не позволил им себя отвлечь. В Великом Океане возможны самые невероятные вещи, и его непостоянные потоки всегда стараются лишить странника душевного равновесия.

Отвратительный запах бойни, в котором смешалась вонь гниющей плоти и трупных газов, усилился до невыносимой степени. Взгляд Магнуса привлек заброшенный мир, бывший когда-то плодородным и цветущим, но павший под натиском гнили и скверны. Примарх понял, что мир пытался сопротивляться и на поверхности остались шрамы сражений. Битва шла на микроскопическом уровне, между армиями бактерий и вирусов, исчислявшихся триллионами.

Теперь каждое живое существо этого мира превратилось в фабрику заразы, и агрессивные микробы, несмотря на отсутствие сознания, направили все свои силы на размножение и распространение

болезней.

В гибели планеты невозможно было сомневаться, но мир даже не мог капитулировать, как гниение не могло остановить разрушительное действие. Он превратился в мир стагнации, его леса и болота стали океанами гноя и грязи.

В центре этой трясины Магнус увидел огромный металлический предмет — покрытый ржавчиной корпус космического корабля, поднимавшийся наподобие железной скалы или медленно тонущего океанского лайнера. Внутри уже появились очаги гниения, и в омертвевшем сердце корабля устроило себе логово какое-то чудовищное существо. Что это могло быть, Магнус не имел ни малейшего представления, но, глядя на мерцающий блеск металла, он сознавал, что оружие возмездия работы чужаков уже там.

Эта мысль наполнила его сердце ужасом, потому что в следующее мгновение послышалась болтерная стрельба и к потерпевшему крушение космическому кораблю вышел отряд воинов в доспехах Лунных Волков. Во главе

отряда шел брат, Хорус Луперкаль, и Магнус начал громко кричать и махать руками. Но Хорус не замечал его, как это часто бывает в отрывочных видениях будущего, которое может и не наступить.

Хронология событий раскололась, и получился ряд выхваченных наугад пиктов: отвергнутый друг, обратившийся в злейшего врага; Тронный зал или капитанский мостик; возлюбленный сын, сраженный мечом предателя, и тусклый блеск стального клинка, готового нанести удар, который изменит Вселенную; любимый отец, сраженный сыном-мятежником.

Он увидел высокий храм — гигантское восьмиугольное здание с восемью башнями, на которых горели огни, и круглым куполом между ними. Вокруг этого обиталища лживых богов собралось множество людей, а перед бронзовыми воротами стояли Астартес в доспехах из керамита. Широкий пруд блестел, словно в нем было налито масло, на берегу о чем-то спорили два воина, а в воде дрожало отражение месяца.

Гулкий смех прогнал видение, и перед Магнусом вновь предстала гигантская фигура Хоруса Луперкаля. Но это был уже не его брат, перед ним явилось чудовище, первобытная разрушительная сила, угрожавшая огнем всем великим замыслам отца. Каждый взмах его когтистой лапы уничтожал целые миры, и пламя войны смертельной инфекцией распространялось по всей Галактике. Словно обезумевший дирижер, исполняющий симфонию краха, Хорус дотла сжигал Империум и сталкивал братьев в смертельных схватках.

Магнус всмотрелся в существо с лицом Хоруса, но не нашел в его облике ни малейших признаков благородства брата, только ненависть, злобу и тоску. Взгляды Магнуса и существа пересеклись, и он увидел, что в зрачках Хоруса полыхает желтое пламя.

— Ну как, братец? — спросил Хорус. — Тебе нравится снова смотреть на мир, как ты когда-то смотрел?

— Как всегда, Хорус, — ответил Магнус. — Я там, куда мне захотелось

попасть.

— А, твое тщеславие, — сказал Хорус. — Это простейшее из искушений.

— Кто ты? — решительно спросил Магнус. — Ты не мой брат.

— Еще нет, но скоро буду, — с издевательской усмешкой ответил монстр. — Новая луна ждет, чтобы Кхенти-ирти снова превратился в Мекхенти-эр-ирти.[71]

— Опять загадки, — сказал Магнус. — Да ты просто еще один хищник из варпа, совокупность базовых импульсов и желаний, обретшая форму. И я где-то уже слышал это имя.

— Но тебе неизвестно, что оно означает.

— Я узнаю, — пообещал Магнус. — Для меня нет тайных знаний.

— Ты так считаешь?

— Да. Мой брат никогда не учинил бы подобное безумие.

— Тогда ты плохо его знаешь, потому что все это происходит уже сейчас. Планы Изначального Разрушителя уже приведены

в действие, уже расставлены ловушки гордыни, тщеславия и гнева, чтобы заманить в сети сознание рыцарей, которым предстоит свергнуть короля.

— Ты лжешь.

— Разве? — рассмеялся Хорус. — Зачем бы я стал тебя обманывать, брат? Ты же Магнус, примарх Тысячи Сынов. Для тебя нет никаких тайн, нет недоступных знаний. Ты же сам так говоришь. Ты можешь постичь сущность сказанного, и я это знаю. Хорус Луперкаль всех вас предаст. В погоне за властью он зажжет огни войны во всей Галактике. Ничто не уцелеет, и от супертяжелого ядра Галактики до умирающих звезд на самых окраинах останется только ядерный котлован Хаоса.

— Где произойдет это загадочное превращение? — спросил Магнус, стараясь скрыть возрастающий ужас.

— На маленьком спутнике, — хихикнул монстр. — В системе Давин.

— Если даже все это правда, почему ты мне рассказываешь?

— Потому что это уже началось,

потому что я наслаждаюсь твоими страданиями и потому что уже поздно останавливать процесс, — ответил Хорус.

— Это мы еще посмотрим, — заверил его Магнус.

Он открыл свой глаз, и чудовище с лицом Хоруса исчезло.

Вокруг с испуганными лицами столпились Ариман и воины Сехмет.

— Мой лорд! — воскликнул Ариман. — Что случилось?

Рука Магнуса метнулась к лицу, где была отмечена его жертва, принесенная много лет назад. Кожа по-прежнему была гладкой и нетронутой, безо всяких следов совершенства, которым его световое тело наслаждалось в Великом Океане.

Магнус отмахнулся от помощи воинов и поднялся на ноги. Он слышал шелест песчинок в часах Галактики и на мгновение услышал звон бронзового хронометра с треснувшим стеклом и перламутровыми стрелками.

— Нам пора идти, — заявил он, оценив окружающую обстановку по следам

пролитой воды.

— Идти? — переспросил Ариман. — Но куда?

— Необходимо вернуться на Просперо. Нам предстоит много дел, а времени осталось совсем мало.

— Мой лорд, это невозможно, — возразил Ариман.

— Невозможно?! — взревел Магнус. — Это слово неприменимо ко мне, Азек. Я Магнус Красный. Для меня нет ничего невозможного.

Ариман покачал головой:

— Я не это имел в виду, мой лорд. Нас снова вызывают в амфитеатр. Скоро будет оглашен приговор.

Показались звезды, но большая их часть скрылась за сернистыми облаками. Ариман не мог избавиться от впечатления, что они стыдятся смотреть на проходивший внизу спектакль. После внезапного недуга, сразившего Магнуса, он не прекращал попыток восстановить в памяти видение, неясно маячившее в дальнем уголке его сознания.

Несмотря на все старания, видение не становилось отчетливее, и хотя Ариман прекрасно знал, что дальнейшие усилия только отодвинут его, стремление узнать больше перевешивало все разумные доводы. Неизвестно, что совершил Магнус, но это касалось его брата-близнеца, а все подробности скрывались в глубоком колодце памяти.

Радостное возбуждение тысяч собравшихся в кратере вулкана, вызванное выступлением Магнуса, быстро сменилось тягостным молчанием.

— Почему я чувствую себя так, словно уже осужден? — спросил Магнус, поглядывая на противоположный край амфитеатра, где на высоком пьедестале Малкадор беседовал с Императором.

— Возможно, так оно и есть, — ответил Ариман, заметив взгляд Мортариона, горящий мрачным торжеством.

У Сангвиния на щеках появились нарисованные пепельные слезы, Фулгрим отводил взгляд от их ложи, его красивое лицо исказилось выражением вины.

— Мне уже все равно, — прошипел Магнус. — Надо скорее покончить с этим и разойтись.

Атмосфера балансировала на грани взрыва, как мыльный пузырь, растянутый до такой степени, что поверхностное натяжение сравнялось с силой давления. Не было слышно ни слова, лишь шелест одеяний из грубых тканей да сдерживаемое дыхание.

Тишину нарушил Малкадор. Подойдя к краю пьедестала, он трижды стукнул посохом о мраморные плиты.

— Друзья, совет подходит к концу, — заговорил он. — Мы выслушали представителей обеих сторон, и теперь подошло время вынести приговор и восстановить всеобщую гармонию. Предмет спора может расколоть все общество, если не принять мер к объединению сторон, и потому проблема была изучена с величайшим вниманием. Теперь я спрашиваю: есть ли среди присутствующих тот, кто может добавить что-либо к уже сказанному? Говорите сейчас или навсегда оставьте

свое мнение при себе.

Ариман осматривал амфитеатр в надежде на помощь Сангвиния, или Фулгрима, или любого другого союзника, до сих пор скрывающегося под маскировочным плащом. Но в нижних ярусах никто не шевельнулся, и он уже почти отказался от надежды, как вдруг в верхнем ярусе поднялся со скамьи воин в силовых доспехах с длинным посохом, увенчанным черепом.

— Я, Таргутай Йесугей из рода Борджигин Хонгхотан,[72] буду говорить, — сказал воин.

Его грубоватый голос с сильным акцентом на конечных гласных выдавал уроженца Чогора.

Снежно-белые доспехи с темно-красной отделкой и золотой молнией на плече свидетельствовали о его принадлежности к Легиону Белых Шрамов, а посох указывал на то, что он был одним из библиариев Хана. На чисто выбритом черепе, на темени, был оставлен длинный пучок волос, а смуглое обветренное лицо,

пересеченное ритуальными шрамами, оттенял прозрачный капюшон, поднимавшийся над плечами.

По знаку Малкадора воин стал спускаться к арене, двигаясь со спокойным достоинством благородного хищника.

И не только он один.

На разных ярусах, в разных концах стали подниматься библиарии Астартес, спеша присоединиться к своему собрату из Белых Шрамов. Ариман с замиранием сердца отмечал значки Темных Ангелов, Повелителей Ночи, Ультрамаринов и Саламандр.

Двенадцать библиариев собрались перед пьедесталом, на котором стоял трон Императора, и Ариман тотчас осознал, что никто из них до сих пор не встречался друг с другом и решение высказаться не было запланировано заранее.

— Двенадцать их встало перед царем, — слегка улыбаясь, произнес Магнус. — Как удачно! Все древние божества сопровождались двенадцатью рыцарями, и у нас то же самое.

Библиарии, опустив головы, преклонили колени перед Императором, а Ариман тем временем изучал символы на их плащах.

— Эликас, Зарост, Пром, Уиойен, — перечислял он. — Это главные библиарии своих Легионов.

— И они встали на нашу сторону, — с удивлением добавил Магнус.

Таргутай Йесугей поднялся на ноги и дождался кивка Императора, разрешившего говорить. Библиарий Белых Шрамов поднялся на помост. Серьезный взгляд, глубокая мудрость, накопленная за столетия обучения и тяжелых сражений, произвели на Аримана глубокое впечатление.

— Я штормопровидец из Легиона Белых Шрамов Джагатая Хана, — заговорил воин. — И мои слова соответствуют истине. В этом я клянусь честью своего клана, и пусть братья вырежут мое сердце, если я солгу. Я выслушал речи уважаемых людей, но я смотрю не так, как смотрят они. Их глаза не видят окружающий мир. Их

тысли не проникают в истинную сущность Галактики.

Воин, ставший штормопровидцем, не есть зло. Он становится оружием, как «Ленд Рейдер», как болтер. Но какой же глупец станет выбрасывать оружие перед битвой? Как и всякое оружие, его опасно использовать без длительных тренировок, и всем нам известна угроза, исходящая от нелегальных псайкеров, лорд Мортарион немало об этом говорил. Но что опаснее: тренированный воин, понимающий свои силы, или воин, обладающий силой, но не имеющий знаний, чтобы ею пользоваться? Как и все остальное, сила должна быть направлена на достижение достойной цели, а не расходоваться как попало. Каждый псайкер должен пройти подготовку под руководством опытного наставника, как меч подвергается обработке кузнецом, чтобы из слитка стали получилось оружие. Псайкер должен учиться у штормопровидца и не единожды доказывать свое мастерство, чтобы получить посох с черепом.

Йесугей поднял свой посох и плавным

движением направил его в сторону хормейстера астропатов и магистра навигаторов, одетого в черное. Его жест был произведен с величайшей осторожностью, поскольку в той стороне находился и сам Император.

— Предать проклятию всех псайкеров означало бы забыть о том, насколько зависит от них Империум. Без мыслепевцев миры останутся разрозненными и одинокими, без звездопроходцев станут невозможными путешествия между ними. Те, кто выступает против примарха Магнуса, смотрят на мир затуманенными глазами древних. Они не видят последствий своих поступков. Их требования станут приговором всем нам. Свои слова я подтверждаю клятвой на посохе. Если кто-то в них сомневается, я готов отстаивать их с оружием в руках.

Таргутай Йесугей еще раз поклонился и сошел с помоста, присоединившись к своим собратьям-библиариям. Ариман оглянулся на Магнуса. Примарха, как и его самого, растрогала безыскусная

откровенность слов Йесугея и потрясла фальшивость обвинений, выдвинутых против Тысячи Сынов.

— Ну теперь-то совет не может вынести нам обвинительный приговор, — сказал Ариман.

— Посмотрим, — ответил Магнус, заметив, что Император поднялся с трона.

До сих пор Император Человечества лишь издали следил за ходом конклава и ничем не выдавал своего мнения. А теперь он подошел к краю возвышения, и на его броне засверкали лучи вновь появившихся в небе звезд. Ариман попытался сосредоточиться на Исчислениях, чтобы сохранить ясное восприятие. Величие Императора и его могущество не давали возможности мыслить отстраненно.

Все, кто собрался в амфитеатре, с благоговением смотрели на образец всего лучшего, что есть в человеческой расе, на этот апофеоз людских надежд и мечтаний. Каждое его слово подхватывалось и фиксировалось тысячу

раз, как послания богов древности, передаваемые их искренними последователями. На записывающих устройствах Махавасту Каллимака, словно от нетерпения, замигали огоньки.

Но мысли о Каллимаке унеслись прочь, как только Ариман ощутил прикосновение теплой волны благожелательности. Ариман узнал это ощущение — воздействие на другого человека посредством осторожного внедрения частицы своей психики в его ауру. Ариман и сам был способен на подобное мастерство, но лишь на небольшое число людей. Одновременное воздействие на тысячи слушателей свидетельствовало о неограниченной силе.

Из ножен показался меч Императора, и взор Повелителя Человечества остановился на Магнусе, как будто они вели разговор, понятный только двоим. С трудом оторвав взгляд от Императора, Ариман увидел, что Магнус напряженно застыл на своем месте, словно прикованный к стулу, и сильно побледнел. Единственный глаз примарха был крепко зажмурен, а его

тело слегка дрожало, как будто под кожей бушевали энергетические потоки.

— Если я в чем-то и виноват, то только в погоне за знаниями, — пробормотал Магнус сквозь стиснутые зубы. — Клянусь, я держу его в своей власти.

Больше Ариман ничего не успел услышать, поскольку Магнус глубоко и порывисто вздохнул, как человек, только что вынырнувший на поверхность из глубин океана.

— А теперь выслушайте мое решение, — заговорил Император, и в амфитеатре раздался скрип множества перьев. — Я не могу не видеть нужды Империума, но не могу не видеть и реального состояния людских душ. Я слышал, как знания сравнивали с абстрактными понятиями, как утверждали, что оперировать ими так же просто, как мечом или ружьем. Но это не так. Могущество — это живая сила, и главная опасность в обладании силой заключается в одержимости. Человек, который добивается определенной меры могущества, вскоре подпадает под его влияние и не может думать больше ни

о чем, кроме достижения новых пределов. Почти каждый из людей способен устоять перед превратностями судьбы, но лишь немногие обладают достаточно твердым характером, чтобы обладать силой и не поддаваться на ее темные соблазны.

Несмотря на то что Император обращался ко всей аудитории, у Аримана возникло отчетливое ощущение, что его слова предназначены только Магнусу.

— Заглядывать во тьму, чтобы получить знания из варпа, очень опасно, поскольку это пространство изменчивой реальности и причудливой лжи. Искатель истины должен быть уверен, что не поддался заблуждениям, поскольку лживые знания еще опаснее, чем невежество. Все люди стремятся к знаниям, но лишь немногие готовы за них платить. Люди всегда будут стремиться искать короткие пути и легкие способы завладеть силой, и на путь зла их увлекает не враг, а их собственные мысли. Истинное знание приходит только с достижением мудрости. Без мудрости человек, обладающий силой, никогда не обретет

силу, но станет беспечным. Его сила обернется против своего хозяина и в конце концов разрушит все, что он построил.

Я прошел тропами, не доступными ни одному человеку, и я сталкивался с порождениями варпа, которые нельзя называть вслух. Я слишком хорошо знаю об опасностях и тайнах, подстерегающих во тьме, и эти испытания не для слабых умов, какими бы знающими и могущественными они себя ни считали. Мне удалось раскрыть некоторые секреты, но в качестве предупреждения, а не соблазна для дальнейшего исследования. Для тех, кто проникает слишком далеко в погоне за тайнами, не предназначенными для смертных, ждет только гибель и вечные муки.

Ариман, слушая Императора, все сильнее бледнел. В каждом слове его речи он ощущал неизбежность осуждения.

— Теперь я вижу, что напрасно позволил своим сыновьям погружаться в глубины, о которых им лучше было бы и не знать. Все должны уразуметь, что никакой приговор вынесен не будет,

поскольку конклав собирался ради объединения, а не ради раздоров. Но соблазны колдовства больше не должны прельщать никого из Астартес. С этого момента и впредь я повелеваю распустить все библиариумы. Все воины и инструкторы должны вернуться в боевые роты и больше никогда не применять психических сил.

По всему амфитеатру раздались удивленные возгласы, а Ариман похолодел от сознания неотвратимости приказа Императора. После всего, что здесь было сказано, он никак не ожидал столь сурового решения.

Но Император еще не закончил, и в его голосе зарокотали раскаты грома.

— Горе тому, кто осмелится проигнорировать запрет или попытается меня обмануть. Он станет моим врагом, а на его голову и головы его последователей обрушится такая кара, что до конца мира они будут проклинать тот день, когда отвернулись от моего света.

Книга третья
ПЛАЧ ПРОСПЕРО

Глава 21
ЧТО-ТО ЛИЧНОЕ
РАЙ
ПРЕДАТЕЛЬСТВО
ОТКРЫЛОСЬ

Летюэль проходил вдоль крепостной стены Тизки и неожиданно обнаружил Махавасту Каллимака. Старик уснул в мягком кресле над раскрытым альбомом для зарисовок. Не желая попусту тревожить старого друга, Летюэль постарался шагать как можно тише. Пять месяцев, проведенных на Просперо, пошли Каллимаку на пользу: свежий воздух и умеренный климат способствовали восстановлению истерзанной психики, и даже костлявая фигура летописца слегка округлилась.

Просперо пошел на пользу им всем. Летюэль сбросил большую часть лишнего веса и теперь, зная, что выглядит гораздо лучше, чем в прошлые годы, держался с

большей уверенностью. Впрочем, он и сам не мог сказать, повлиял ли на него размеренный образ жизни на Просперо или растущий опыт в манипуляциях с эфиром.

Лемюэль оторвался от созерцания окружающего пейзажа и перевел взгляд на сделанный угольным карандашом набросок в альбоме Махавасту. Там присутствовал тот же величественный вид: высокие горы, обширные леса и необъятное чистое небо. Вдали виднелась изломанная линия силуэта одного из покинутых древними жителями городов Просперо. Вот только представление Махавасту о ракурсе производило менее благоприятное впечатление.

— Я же тебе говорил, что я не художник, — произнес Махавасту, не открывая глаз.

— Ну не знаю, — протянул Лемюэль. — В этом есть своеобразное очарование.

— Ты бы повесил эту картину на стену?

— Подлинное произведение Каллимака? — переспросил Лемюэль, присаживаясь рядом. — Конечно. Я был бы

безумцем, если бы отказался.

Каллимак сдержанно рассмеялся.

— Летюэль, ты всегда был никудышным обманщиком, — сказал он.

— Это потому, что я слишком хороший друг. Я всегда говорю правду, а в противном случае все догадываются.

— Хороший друг и великий летописец, — сказал Махавасту и пожал Летюэлю руку. Пальцы старика, лишенные сил, напоминали сухие веточки. — Посиди со мной, если у тебя есть немного времени.

— Мы договорились пообедать с Камиллой и Каллистой, но для тебя, друг мой, у меня всегда найдется время. Итак, если не говорить о твоем выдающемся таланте, что подвигло тебя заняться рисованием?

Махавасту опустил взгляд на свой набросок и грустно улыбнулся. Он с треском захлопнул альбом, и Летюэль заметил на лице своего друга выражение странной тоски.

— Я хотел создать что-то для себя, — сказал Махавасту, украдкой оглядываясь через плечо. — Что-то такое, в чем я был

бы уверен, что это сделал я сам. Ты меня понимаешь?

— Думаю, что понимаю, — осторожно ответил Летюэль, вспомнив его несвязные высказывания накануне страшного сражения между Тысячей Сынов и стражами у входа в Гору.

— Я помню, как давным-давно покидал Просперо вместе с восстановленным Легионом, — сказал Махавасту. — Это был славный день, Летюэль. Ты бы прослезился, если бы это увидел. Тысячи и тысячи воинов маршировали по мраморным мостовым, а сверху на них летели розовые лепестки, и со всех сторон звенели приветственные возгласы. Магнус оказал мне честь, разрешив принять участие в торжественном марше, и я никогда не испытывал большей гордости, чем в тот день. Я не мог поверить, что мне, Махавасту Каллимаку, предстоит вести хронику деяний Магнуса Красного. О большей чести я и мечтать не мог.

— Жаль, что я этого не видел, но боюсь, что в то время меня еще и на свете не было.

— Скорее всего, не было, — согласился Махавасту, не скрывая слез. — Легион, которому грозило окончательное вымирание, воссоединился со своим примархом. И Магнус спас их от бездны. Я дорожу этими воспоминаниями, но с тех пор мне часто кажется, что моей жизнью живет кто-то другой. Я помню отдельные моменты, однако ни один из них не кажется реальным. Я заполнил записями целую библиотеку, но это не мои слова. Я не могу их даже прочитать.

— Вот об этом я и хотел с тобой поговорить, — сказал Лемюэль. — Кажется, я смогу тебе помочь. Помнишь, я говорил, что у меня в библиотеке на Терре хранится неполный экземпляр «Liber Loagaeth» и что я никак не могу найти «Claves Angelikae», ее вторую часть, где приводятся таблицы соответствия символов?

— Да, помню.

— Так вот, я ее нашел.

— Нашел? Где?

— В библиотеке Корвидов, — сообщил Лемюэль. — Сразу по прибытии на

Просперо Ариман увеличил интенсивность моего обучения. Я оказался буквально прикованным к столу рядом с Анкху Аненом — величайшим из ученых, каких я только встречал. И должен признаться, при первой встрече я не обратил на него никакого внимания. Но впоследствии он оказал мне неоценимую помощь в занятиях. Вот я и попросил у него эту книгу, а он просто послал за ней библиотечного сервитора, словно в этом не было ничего необычного.

— И ты собираешься перевести то, что я тогда написал?

— Да, со временем, — сказал Лемюэль. — Этот язык непросто понять даже при наличии таблиц. Есть целые группы символов, которые и вовсе не похожи ни на какой язык. Я собираюсь попросить Камиллу помочь мне психометрией.

— Лучше бы ты этого не делал, — вздохнул Каллимах.

Лемюэль оторопел.

— Тебе не интересно знать, что ты писал все это время? — спросил он.

— Мне кажется, я боюсь это узнать.

— Чего именно ты боишься?

— Я писец, Летюэль. Я исключительный писец, и я не делаю ошибок. Ты это знаешь лучше других. Наверное, именно по этой причине мне поручено записывать то, чего я не понимаю. Мне кажется, что написанные мной слова не предназначены для глаз смертных.

Летюэль, пораженный выражением ужаса во взгляде Каллимака, глубоко вздохнул.

— Я старик, Летюэль, — продолжал Каллимак. — И я устал от этой жизни. Я хочу оставить Великий Крестовый Поход и вернуться на родину. Я хочу перед смертью еще раз увидеть Уттарпату.

— Без тебя хроника Великого Крестового Похода будет намного беднее, друг мой.

— Поедем со мной, Летюэль, — настойчиво, но негромко предложил Махавасту. — Этот мир проклят, и ты должен знать об этом.

— Проклят? О чем ты говоришь?

— Этот мир однажды чуть не погиб

из-за самонадеянности его обитателей, а вся история человечества свидетельствует о том, что люди не учатся на чужих ошибках, даже такие просвещенные, как воины Тысячи Сынов.

— Но древние обитатели планеты не понимали собственных способностей, — возразил Лемюэль. — Тысяча Сынов овладели своими силами.

— Не будь таким уверенным, Лемюэль, — предостерег его Махавасту. — Если бы они действительно овладели этими силами, зачем бы Императору накладывать на них запрет? Зачем отсылать Легион на Просперо, не говоря уже о роспуске всех библиариумов?

— Я не знаю, — признался Лемюэль. — Но как, должно быть, грустно услышать, что все их великие достижения, все знания, накопленные за много лет, оказались не только бесполезными, но и запрещенными?

— Вот об этом я и говорю! — воскликнул Махавасту. — Им запрещено заниматься эзотерическими исследованиями, но они продолжают это

делать, несмотря ни на что. И ты продолжаешь учиться вопреки эдикту Императора! Ты хоть раз задумался над этим?

При мысли о непослушании самому Императору Летюэля бросило в жар. Ему это ни разу не приходило в голову, потому что он не видел в своих занятиях никакого вреда. Весь долгий путь до домашнего мира Тысячи Сынов летописцы отдыхали, но с прибытием на Просперо его занятия с Ариманом возобновились и стали более интенсивными, чем прежде.

— Этот Легион обречен, — сказал Махавасту. Взяв Летюэля за руку, он сжал ее с неожиданной силой. — Если они и дальше не откажутся от своего пути, их непокорность не долго будет оставаться незамеченной. И тогда...

— Что?

— Лучше оказаться в любом другом месте Галактики, только не на Просперо, — заключил Махавасту.

Разговор с Махавасту расстроил Летюэля, и, направляясь к месту встречи

с Камиллой и Каллистой, он никак не мог собраться с мыслями. Вокруг него на широких проспектах, окаймленных подстриженными деревьями, вздымались к небу высокие бело-золотые здания. Над тротуарами под тяжестью желтых и красных плодов склонялись пышные зеленые пальмы.

Солнце радовало теплом, и по многолюдным улицам пролетал насыщенный ароматами моря ветерок. Жители Тизки в большинстве отличались высоким ростом и приятной внешностью. Они радушно приветствовали возвращение Тысячи Сынов из Двадцать восьмой экспедиционной флотилии и так же доброжелательно встретили прибывших с ними летописцев. Летюэлю очень понравилось жить на Просперо, и не в последнюю очередь из-за его обитателей.

Тизка поражала своим великолепием, прекрасной архитектурой, просторными площадями, оживленными амфитеатрами и живописными парками. Белые горы и Акрополь Магнум создавали неповторимый фон для города, над

которым господствовали шпили и пирамиды братств Тысячи Сынов. В любом другом месте такое господство могло бы произвести угнетающее впечатление, но силуэты пирамид отличались столь превосходной гармонией, что эти здания казались частью природного ландшафта, как и сами горы. Даже пирамида Пирридов со своим гигантским стражем и пылающим навершием эстетично вписывалась в городской пейзаж.

За несколько месяцев, что он провел на Просперо, Лемюэль неплохо познакомился с топографией города; кроме того, план застройки был настолько логичен, что даже после нескольких прогулок ориентироваться на улицах не составляло никакого труда.

Сегодня он направлялся на восток, к улице Тысячи Львов и к «Войсану». Впервые Лемюэль зашел в «Войсан» во время одной из своих утренних прогулок по радиальным улочкам вокруг площади Оккулюм и обнаружил, что в этом скромном кафе-пекарне изготавливали

невероятно вкусные лакомства. Лемюэль так и не набрал вес, сброшенный еще на Агхору, и теперь, испытывая душевное смятение, мог позволить себе утешиться чем-нибудь сладким.

Сегодня был как раз такой случай.

Махавасту задел рану, о существовании которой Лемюэль до сих пор и не подозревал. Как и все подданные Империума, он узнал об эдиктах Никеи и их последствиях. Но, несмотря на то что эти эдикты исходили непосредственно от Императора, нашлось немало тех, кто сомневался, что этих требований будут придерживаться все Легионы.

Лемюэль считал, что с этой проблемой должен разбираться кто-то другой, и ничуть не удивился, когда сразу по возвращении на Просперо Ариман возобновил их занятия. Он решил, что Тысяча Сынов заботится об образовании летописцев, поскольку воины уверены в своих способностях. А теперь Лемюэль в этом сомневался. Неужели они действительно пользуются силами, попадавшими под запрет?

Историю падения Просперо Летюэль слышал не один раз, но он никогда не задумывался об истинной причине катастрофы. Ариман говорил о Древней Ночи как о неизбежном зле, но было ли оно неизбежным на самом деле? А может, человечеству и не пришлось бы переживать тысячелетия ужаса, если бы люди не прибегали к силам, которыми Летюэль пользуется уже с привычной легкостью?

Он посмотрел на окруженную водой пирамиду Фотепа, на которой воздух дрожал от поднимающихся с зеркальной поверхности нагретых волн. В этом грандиозном сооружении, на котором, словно в огне, сверкали в лучах полуденного солнца золотые и серебряные украшения, обитал примарх Магнус.

Летюэль свернул на улицу, обрамленную серебряными статуями львов. Каждый из зверей слегка отличался от другого размером или позой, и казалось, что целую стаю хищников привезли в Тизку, позолотили и рассадили на высоких постаментах из полированного мрамора.

Лемюэль наудачу прикоснулся к стоящей слева статуе и невольно улыбнулся при мысли, что один определенный лев может быть счастливее остальных.

Два особо крупных зверя стояли перед входом в небольшой парк, и Лемюэль немного задержался, чтобы посмотреть, как группа горожан под бдительным присмотром Астартес из Тысячи Сынов занимается тайцзи-цюань.[73] Медленные точные движения дышали спокойствием, и бесконечные синхронные повторения благотворно действовали на его встревоженный разум.

Лемюэль стал дышать так же глубоко и равномерно, как участники группы, и вскоре обнаружил, что его руки бессознательно воспроизводят фрагменты упражнений. Он улыбнулся, и мрачная тревога рассеялась. Лемюэль двинулся дальше по улице и вышел на широкую площадь, представлявшую собой идеально очерченный круг.

Множество улиц, а точнее восемьдесят одна, расходились от

стоявшей в центре дорической колонны, на вершине которой в резной урне горел огонь. Огромный монумент на квадратном постаменте символически изображал скорбное падение цивилизации Просперо и одноглазого воина в тяжелых доспехах, ее поднимающего. Кое-кто утверждал, что колонна — это все, что осталось от станции связи, при помощи которой жители Просперо еще до наступления Древней Ночи общались с Террой. Но восстановить систему так никто и не сумел.

День был базарный, и площадь заполнили прилавки, продавцы и благодушно торгующиеся покупатели шелка, фруктов, украшений ручной работы. Все это напомнило Лемюэлю о доме, и он ощутил внезапный приступ ностальгии по тесным, шумным и душным базарам торговых районов Сангхи.

Он потолкался в толпе, вежливо отклонил предложения напитков и продуктов, но остановился, чтобы купить два хрустальных флакона ароматизированных масел. Затем он

свернул на Гордиев бульвар и пошел на восток, до пересечения с узкой улочкой, на которой было тесно от шпалер, поддерживавших ветви фруктовых деревьев.

Кондитерская «Войсан» располагалась в самом конце улочки, и у входа его уже поджидали Камилла и Каллиста. Лемюэль улыбнулся и помахал им рукой. Обе женщины ответили ему тем же, а вскоре он уже смог расцеловать их в щеки.

— Ты опоздал, — упрекнула его Каллиста.

— Приношу свои извинения, леди. Я покупал вам подарки на рынке и не сразу смог убедить продавца отказаться от непомерной цены.

— Подарки?! — весело воскликнула Каллиста. — Тогда мы тебя прощаем. А что ты нам купил?

Лемюэль поставил перед каждой по хрустальному флакону.

— Эфирное масло боронии, — объявил он. — Я уверен, в ваших комнатах имеются масляные лампы. Добавьте в воду пару капель, и помещение наполнится

приятным цветочным ароматом с легким фруктовым оттенком. Аромат действует освежающе и возбуждает творческую энергию. По крайней мере, так мне сказал торговец.

— Спасибо, Лемюэль. — Камилла вынула пробку и понюхала содержимое флакона. — Чайе понравится. Она любит, когда в наших комнатах приятно пахнет.

— Чудесно, — добавила Каллиста.

— Не стоит благодарности, леди, — отвесил легкий поклон Лемюэль. — Небольшой пустячок в знак извинения за мое опоздание.

— А я думала, ты опоздал из-за того, что покупал это масло, — заметила Камилла.

— По правде говоря, меня задержал Махавасту, — с притворной легкостью признался Лемюэль. — Вы же знаете, как старик любит рассказывать пространные истории.

Камилла неодобрительно нахмурилась, а Каллиста просто кивнула, и Лемюэль уже собрался повернуться и попросить меню, как появилась

официантка с полным подносом. Перед Каллистой она поставила блюдо с фруктами, для Камиллы принесла пирожные с кремом, а для Летюэля пирожные с глазурью и фрукты.

Официантка тут же ушла, и Камилла, откусив пирожное, вздохнула от удовольствия.

— Превосходно, — сказала она. — Но мне кажется, я никогда не привыкну к тому, что они угадывают мои желания еще до того, как я что-то скажу.

— Понимаю, — кивнул Летюэль. — И я бы забеспокоился, но они каждый раз приносят именно то, что я хочу.

— Верно, — согласилась Камилла. — В таком случае тревожиться не о чем. Ну и как он?

— Кто?

— Махавасту. Ты же сказал, что видел его сегодня.

— Ах да. Он в порядке, но мне кажется, немного скучает по родине. Он говорил, что подумывает о возвращении на Терру.

— Зачем? — удивилась Каллиста. —

Неужели кому-то хочется покинуть Просперо? Это же настоящий рай.

— Я думаю, он просто стареет. И хочет вернуться домой, пока не стало слишком поздно.

— Я буду скучать по старику, — поведала друзьям Камилла. — Он так интересно рассказывает.

— Да, конечно, — согласился Летюэль. Разговор о Каллимахе тревожил его, словно задевал старую рану. — Ну а вы как поживаете, прекрасные леди?

— Хорошо, — ответила Камилла, откусывая еще кусочек пирожного. — Я составила каталоги большей части руин вокруг Тизки, и Калофис вскоре обещал взять меня с собой дальше, в пустоши. Он собирается отвезти меня в один из покинутых городов. По его словам, это один из первых городов, оставленных жителями Просперо.

— Это, наверное, будет очень интересная поездка, моя дорогая, — заметил Летюэль. — Но прошу, будь осторожна.

— Хорошо, папочка, — хихикнула

Камилла.

— Я говорю серьезно. Кто знает, что там может быть?

— Хорошо, хорошо, буду осторожной.

— Ладно. А ты, моя дорогая Каллиста? Как твои успехи? Анкху Анен все еще заваливает тебя работой в Атенеуме?

Каллиста с энтузиазмом кивнула. После приезда в Тизку она заметно похорошела, и даже среди красивых горожан Каллиста Эрида выделялась своей эффектной внешностью. Ходили слухи, что за ней ухаживает щеголеватый капитан Гвардии Шпилей Просперо. Сам Летюэль, хотя и не был обойден вниманием, по известным лишь ему причинам предпочитал вести одинокую жизнь.

После Никеи ночные припадки Каллисты становились все реже, и наконец появилась надежда, что она навсегда от них избавилась. Она все еще носила с собой пузырек с кавой, но не пользовалась снадобьем уже несколько месяцев.

— Да, Летюэль, все по-прежнему. В

Атенеуме хранится множество текстов, датированных периодом, предшествующим Древней Ночи, но они написаны на старинном наречии Просперо, на котором давно никто не говорит. И я помогаю с расшифровкой, устанавливая связь с мыслями их авторов. Работа продвигается медленно, но она проливает свет на цивилизацию Просперо до ее падения. Ты должен как-нибудь к нам зайти — уверена, тебе будет интересно узнать, как развивалась жизнь на планете.

— Я непременно так и сделаю, моя дорогая, — пообещал Лемюэль. — Ариман не оставляет мне ни минуты свободной, но я думаю, он не будет возражать против такого визита.

— Я с удовольствием все тебе расскажу, — сказала Каллиста и, отпив немного воды, снова занялась фруктами.

Оставшееся время они по-дружески болтали о всяких пустяках и наслаждались теплыми солнечными лучами. Потом им принесли вино, и Лемюэль не смог удержаться от смеха, узнав, что виноград собран на плантации

Аримана. Когда была разлита вторая бутылка, Камилла завела разговор об их хозяевах.

— Как вы думаете, сколько еще времени Тысяча Сынов будут оставаться на Просперо? — спросила она.

Вопрос прозвучал довольно беспечно, но в ее голосе Лемюэль заметил скрытое беспокойство. Он уважал право друзей на личную жизнь и старался не вчитываться в их ауры, однако в этом случае отчетливо проявилось ее желание подольше задержаться в домашнем мире Тысячи Сынов.

— Я не знаю, — искренне признался Лемюэль. — Ариман ничего не говорит, но другие Легионы добывают славу в сражениях, и я знаю, что Тысяча Сынов с нетерпением ожидают новых приказов. Дети Императора сейчас воюют на Лаэране, Лунные Волки — на Один-Сорок-Двадцать, Ультрамарины — на Месклоре. После Приюта Ковчега прошло уже больше двух лет, а Тысяча Сынов все еще бездействуют, пока их братья продолжают воевать.

— Ты не думаешь, что это как-то связано с событиями на Никее? — поинтересовалась Каллиста.

— Наверное. Из того, что я слышал, получается, что Алый Король пока не может покинуть Просперо. По словам Аримана, примарх сразу после возвращения разослал всех своих воинов по библиотекам братств.

— Я тоже об этом слышала, — с таинственной улыбкой добавила Каллиста. — И даже подслушала, как Анкху Анен говорил об этом с Атоном.

— А ты не слышала, что именно они ищут?

— Думаю, да, хотя не слишком хорошо поняла суть разговора. Речь шла о том, чтобы найти способ переместить световое тело на большее расстояние, чем обычно. Но я не понимаю, что это означает.

— А ты не догадываешься? — спросила Камилла.

— Понятия не имею, — ответил Петюэль.

Ужас. Шок. Неверие. Ярость.

Слова примарха заставили Аримана испытать сразу все эти эмоции. Вместе с восемью другими капитанами Некседжета он стоял на линии спирали в пирамиде фотепа, где находились личные покои Магнуса. Косые лучи солнца рассеивали полумрак, но вокруг Аримана сомкнулась враждебная тьма. Он не мог заставить себя поверить этим словам. Если бы это злосчастное известие принес не Магнус, а кто-то другой, Ариман немедленно убил бы дерзкого наглеца.

Со своего места на спирали он мог хорошо видеть каждого из своих собратьев-капитанов. Фозис Т'Кар гневно нахмурил брови и сжал кулаки. Рядом с ним Фаэль Торон заскрипел зубами, и под воздействием его гнева черные плитки пола вырвались из цементирующего раствора.

Хатхор Маат сохранил видимость спокойствия, но его мучения проявились в расходящихся лучах эфирного света. Калофис и Аурамагма раскалились от ярости, и с кончиков пальцев у них

посыпались искры.

Утизаар выглядел еще ужаснее: его лицо стало пепельным от тяжести предполагаемого предательства, поскольку он ощущал боль Магнуса как свою собственную.

Ариман знал, что должно произойти нечто невообразимое. Он почувствовал это еще несколько месяцев назад и понял, что Магнус, лихорадочно работавший в своей личной библиотеке и в подземельях Тизки, скрывает от своих капитанов какую-то страшную тайну. Амон и Анкху Анен разделяли его опасения, но даже их объединенных усилий было мало, чтобы прорвать пелену будущего, которое так беспокоило их примарха.

— Этого не может быть, — произнес Хатхор Маат, на этот раз абсолютно точно выразив мысли своих товарищей. — Здесь какая-то ошибка.

В обычных условиях никому из них и в голову не пришло бы высказать сомнения по поводу сообщения примарха, но известие казалось настолько невероятным, что те же самые слова готовы были сорваться и с

губ Аримана.

— Ошибки нет, — сказал Утизаар, не стыдясь бегущих по щекам слез. — Это должно произойти.

— Но Хорус, — прошептал Фозис Т'Кар, — он не мог... Он не должен... Как он решился?

Произнести эти слова стоило Фозису Т'Кару большого труда. Сказать их вслух означало признать их реальность.

— Как можно быть в этом уверенным? — спросил Калофис.

— Я это видел, — сказал Магнус. — В комнате под амфитеатром в Никее. Я видел лицо монстра и, хотя и против своей воли, сознавал, что он говорит правду. После нашего возвращения с Никеи я странствовал по Великому Океану, исследуя тропы прошлого и будущего. Миллиарды волосков фортуны из далекого прошлого сплелись в одну нить, на которой висит судьба Галактики. Или мы спасем Хоруса, или будем вовлечены в войну настолько ужасную, что никто не способен ее даже представить. Я странствовал в далеких землях прошлого и напрягал все

свои силы, чтобы открыть истину, и понял, что все это началось очень давно.

Магнус открыл свой большой гримуар и провел пальцами по последним страницам, заполненным его почерком.

— «В древнем пророчестве Гипта говорится о далеком будущем, когда повсюду будет война и бог небес Херу-ур[74] сойдет на землю, чтобы уберечь свой народ от хаоса, — прочел он. — Большая часть пророчества утеряна, но в сохранившемся отрывке говорится, что бог Херу-ур в борьбе за власть ополчится на другого бога, ослепительного Сутеха.[75] В тот период Херу-ур был больше известен под именем Кетвер,[76] что в переводе с древнего наречия означает "большой и черный"».

— Но какое отношение эти легенды имеют к Хорусу Луперкалю? — удивился фозис Т'Кар.

— Херу-ур — это одно из множества имен одного из старших богов, чье имя на разных языках звучит как Хорус или Гор, — сказал Магнус. — Признаки, указывающие

на эти события, появились уже давно, вот только у нас не хватило способностей, чтобы их заметить. Увы, очень многое утрачено безвозвратно. Мы стараемся постоянно расширять горизонты своих знаний, однако все же многое забываем.

— А что еще говорится в пророчестве? — уточнил Утизаар.

Магнус кивнул.

— Там говорится, что ни одна из сторон не сможет одержать верх, но еще указывается, что Херу-ура в его борьбе будут поддерживать многие из его братьев-богов, — поведал он. — Если победит бог Гор, он впоследствии станет известен как Херу-ур, что означает «великий Гор». А если победу одержит Сутех, то земля навеки станет голой и бесплодной.

Еще более древние легенды об этом боге рассказывают, что он был ослеплен во время новолуния и тогда назывался Мекхенти-эр-ирти, что означает «тот, у кого нет глаз». И в период до появления новой луны он был очень опасен, поскольку часто набрасывался на своих друзей,

ошибочно принимая их за врагов.

— Но зачем все это Хорусу Луперкалю? — спросил Амон. — Что побудило его к подобным действиям?

— Оскорбленная гордость? — высказал предположение Аурамагма. — Честолюбие? Ревность?

— Нет, — сказал Ариман, догадавшийся, что именно эти чувства могут заставить Аурамагму поднять руку на брата. — Подобные чувства могут привести к войне между смертными, но не между примархами. В основе его поступков лежит что-то еще.

— Что же это?! — воскликнул Хатхор Маат. — Какое безумие могло заставить Хоруса Луперкаля стать мятежником?

Вот оно. Слово прозвучало, и только сейчас Ариман осмелился взглянуть на Магнуса. Примарх был одет как жрец на погребении, и даже плечи его бессильно опустились, словно у человека, ожидающего, когда опустится топор палача. В простой красной тунике с белым плащом, ниспадающем с плеч, он ждал, пока его сыновья справятся с эмоциями и

будут способны мыслить рационально.

Ариман даже пожалел о том, что Магнус рассказал им о своих видениях. Впервые в жизни он предпочел бы чего-то не знать, поскольку в неведении было хоть какое-то утешение.

Хорус Луперкаль намерен предать их всех.

Даже сама эта мысль, казалось, оскорбляет благородство и честь Воителя.

— Ну? — настаивал Хатхор Маат. — И что это может быть?

— Что-то укоренившееся в его душе, — заговорил Ариман. Слова срывались как будто сами собой, словно он и раньше знал ответы, но не мог их выразить. — Что-то первобытное и вместе с тем уже зараженное.

— Что это может означать?! — возмутился Фозис Т'Кар. — Ты думаешь, что на плоть примарха может посягнуть какой-то хищник из варпа? Это смешно!

— Не посягнуть... Но я не знаю, как сказать. — Он в упор посмотрел на Магнуса. — В какой-то степени это так.

Я прав?

— Да, сын мой, — печально подтвердил Магнус. — Многое из того, что происходит, мне и самому непонятно, но времени, чтобы остановить процесс, остается все меньше. Лунным Волкам скоро предстоит вести боевые действия на небольшом спутнике под названием Давин, и парки сговорились именно там поразить Хоруса оружием, обладающим чудовищным интеллектом. Воспользовавшись его слабостью и временной слепотой, враги всего живого попытаются проникнуть в его воинственное сердце. Без нашего вмешательства они воплотят свои намерения, и тогда Галактика расколется на части.

— Необходимо предупредить Императора, — заявил Хатхор Маат. — Он должен об этом узнать.

— И что ты ему скажешь?! — взревел Магнус. — Что его великолепный сын намерен его предать? Без доказательств этому никто не поверит. А Император пришлет своих боевых псов, чтобы

наказать нас за использование запрещенных методов, при помощи которых мы узнали о предполагаемом предательстве. Нет, перед нами остается только один путь. Мы должны сами спасти Хоруса. И только в случае неудачи мы известим Императора.

— Что ты можешь сделать, чтобы его остановить? — спросил Утизаар. — Приказывай, мы повинуемся.

— В работе, которой я загрузил вас после возвращения с Никеи, содержится ключ к спасению Хоруса Луперкаля, — сообщил Магнус. — С вашей помощью я перенесусь через варп и защищу своего брата от врагов.

— Мой лорд, — вступил в разговор Амон, — такое перемещение потребует невообразимого напряжения сил. Я даже не уверен, что это вообще возможно. В тех материалах, что мы отыскали, нет никаких доказательств, что можно осуществить подобный ритуал.

— Это должно быть сделано, Амон. Начинай собирать траллсов,[77] — приказал

Магнус. — Направь их энергию ко мне, и они снабдят меня силами для путешествия.

— Не все перенесут этот ритуал, — заметил Ариман, в ужасе от такого пренебрежения чужими жизнями со стороны Магнуса. — Многие траллсы просто сгорят, и это нам дорого обойдется.

— Если ничего не предпринять, мы потеряем больше, Азек, — сказал Магнус. — Я принял решение. Назначайте сбор через три дня в Отражающих пещерах.

Счет просить не пришлось, он появился как раз вовремя, и Летюэль подписал чек. После выпитого вина у него слегка шумело в голове, и Каллиста с Камиллой, как он заметил, были примерно в том же состоянии. Еда была восхитительной, а обслуживание на высшем уровне. «Войсан» в очередной раз оправдал свою репутацию, и день прошел восхитительно.

— Спасибо, Летюэль, — сказала Каллиста. — Это очень любезно с твоей стороны.

— Пустяки. Такие великолепные леди никогда не должны оплачивать счета.

— Мне это нравится, — одобрительно кивнула Камилла.

Они отодвинули стулья и поднялись, предоставляя официанткам убирать со стола пустые тарелки, стаканы и бутылки.

— Итак, куда ты направляешься теперь? — поинтересовалась Камилла.

— Наверное, еще немного поброжу по базару, а потом вернусь к себе, — ответил Летюэль. — Перед завтрашней встречей с Ариманом мне надо прочитать несколько отрывков из манифеста розенкрейцеров «Слава братства»,[78] а после двух бутылок вина подобный материал плохо усваивается.

— А что это за книга? — спросила Каллиста.

— Она о монахе, который рассказывал о сверхъестественных существах, что незаметно бродят среди нас с самых первых дней цивилизации. Что они излечивают больных и изучают законы

природы ради блага человечества.

— Звучит заманчиво, — заметила Камилла, собирая со стола свои вещи.

— Это точно. — Летюэля обрадовала возможность поговорить на любимую тему. — Эта книга взывает ко всему лучшему, что только есть в человеческой натуре. В конце концов, что может быть благороднее, чем оказать помощь, не рассчитывая на награду? Ты со мной согласна, Каллиста? Каллиста?

Каллиста Эрида стояла у стола и сжимала спинку стула побелевшими от напряжения пальцами. Ее лицо пылало, а на шее проявились вздувшиеся вены. Внезапно у нее закатились глаза, и в уголке рта показалась капля смешанной с кровью слюны.

— Нет, — прошипела она.

— О Трон, Калли! — вскричала Камилла, протягивая к ней руки. — Летюэль, лови ее!

Летюэль слишком медленно реагировал. Ноги Каллисты подогнулись, она испустила мучительный стон и, разворачиваясь, толкнула стол, стахнув

оставшиеся стаканы. Стол опрокинулся, а Каллиста упала поверх осколков.

Вместе с посудой разбился и хрустальный флакон, наполнив воздух сильным ароматом ягод и дыни.

В то же мгновение Камилла бросилась к подруге.

— Летюэль! Достань каву, она должна быть в сумочке! — крикнула она.

Летюэль рухнул на колени. Волна адреналина смыла без остатка все следы опьянения. Он быстро отыскал под перевернутым столом сумочку Каллисты и стал торопливо выбрасывать на пол все содержимое.

Записная книжка, ручки, портативный диктофон, какие-то мелочи, не предназначенные для глаз джентльменов, — все полетело в сторону.

— Скорее!

— Где настойка?! — закричал он. — Я ее не вижу!

— Она в зеленом стеклянном пузырьке. Белая непрозрачная жидкость.

— Ее нет!

— Должна быть. Ищи внимательнее!

Вокруг собралась толпа встревоженных зевак, но они, к счастью, держались поодаль. Каллиста завыла, и полный мучения вопль казался невозможно пронзительным для человеческого горла. Наконец среди выброшенных из сумочки мелочей и осколков разбитых бокалов Лемюэль увидел флакон, который описывала Камилла. Поспешно схватив его, он кинулся к Камилле, изо всех сил старавшейся удержать подругу. Хорошенькая женщина оказалась сильнее, чем можно было подумать с первого взгляда, и, даже несмотря на помощь человека в одеянии лекаря, сумела вырваться.

— Вот, я его нашел! — воскликнул Лемюэль, вытягивая руку с флаконом.

Каллиста села и резко выпрямилась, глядя в упор на Лемюэля. Мелкие сосуды лопнули и наполнили ее глаза кровью, красные потеки протянулись из носа и рта. На него смотрела уже не Каллиста — это было настоящее чудовище с оскаленными клыками и глазами хищника. Оно было старше, чем само время, и с

невероятным терпением и хитростью выслеживало добычу между мирами.

— Слишком поздно! — крикнула она и выбила флакон из руки Летюэля.

Пузырек ударился о мостовую, разбился, и вязкая жидкость смешалась с пролитым вином.

— Волки предадут вас, и его боевые псы будут обгладывать плоть с ваших костей! — закричала Каллиста.

Внезапно она бросилась на Летюэля, целясь ногтями в глаза, и он едва успел отшатнуться. Каллиста прыгнула на него, опрокинула на спину, обвила ногами его талию и схватила за горло.

Он уже не мог дышать, но тут Каллиста, не успев порвать ему трахею, издала пронзительный крик, у нее со страшным треском выгнулась спина. Жажда убийства мгновенно исчезла. Каллиста упала, рука, протянувшись к записной книжке, бессильно царапала землю. Летюэль заметил в ее глазах безмолвную мольбу.

— Дайте ей бумагу! — потребовала Камилла.

Глава 22
ТЫСЯЧА СЫНОВ В ПУСТОШАХ

Спустя три дня после поразившего Каллисту припадка Ариман заговорил о ранних днях Тысячи Сынов. Лемюэль никак не мог сосредоточиться на воспоминаниях после двух бессонных ночей, проведенных вместе с Камиллой у постели Каллисты. Она лежала в медицинском комплексе в пирамиде апотекариев, окруженная множеством устройств, назначение которых осталось для Лемюэля загадкой. Некоторые машины явно принадлежали Корвидам, но Анкху Анен отказался объяснить Лемюэлю, ради чего они установлены.

Приступ высосал из Каллисты все жизненные силы, и она будто усохла, но каждый раз, когда Лемюэль пытался отдохнуть, он вспоминал ее налитые кровью глаза, и сон тотчас пропадал. Ее облик во время приступа так сильно

напугал Летюэля, что он и сам себе не решался в этом признаться.

Малика страдала от похожих припадков за несколько месяцев до...

Нет, не надо об этом думать.

Как только Летюэль вложил в руки Каллисты блокнот и карандаш, она стала лихорадочно заполнять страницы какой-то бессмысленной чепухой.

Анкху Анен до сих пор изучал эти записи, пытаясь извлечь из них какую-то истину, и Летюэль надеялся, что ему это удастся. По крайней мере, тогда мучения Каллисты не будут напрасными.

— Ты хочешь об этом услышать? — спросил его Ариман, отвлекая от воспоминаний.

Они сидели на высоком открытом балконе храма Кор-видов под остроугольной стеклянной крышей. Открывающийся вид на город и тщательно регулируемая температура создавали впечатление пребывания на свежем воздухе, а поскольку эта терраса находилась на южной стене, Летюэль мог видеть и пирамиду Пирридов, и боевого

титана, охранявшего ее вход. Он слышал, что прежде машина принадлежала Легио Асторум, но была взята в качестве военной добычи Калофисом в сражении на Кориоваллуме. Лемюэль находил неловким считать имперскую машину военным трофеем, но, насколько он знал Калофиса, его это не тревожило.

— Прости, я думал о Каллисте, — сказал он.

— Я понимаю, но она находится в хороших руках, — постарался успокоить его Ариман. — Если кто-то и способен расшифровать записи госпожи Эриды, то это, несомненно, Анкху Анен. Кроме того, наши медицинские учреждения не знают себе равных, потому что мы пользуемся не только новейшими достижениями технологии, но и рекомендациями лекарей древности.

— Я знаю, но никак не могу избавиться от беспокойства, понимаешь?

— Понимаю. И даже лучше, чем ты думаешь.

— Конечно, — кивнул Лемюэль. — Вероятно, тяжело терять в сражениях

своих товарищей.

— Да, но я не это имел в виду. Я говорил о тех, кто погиб не в бою.

— Вот как? А я был склонен верить в относительное бессмертие Астартес.

— Если не считать смерти в бою, возможно, это и так. Но еще слишком рано об этом говорить.

— Почему же ты говоришь, что понимаешь мою тревогу?

— Потому что и мне пришлось пережить смерть любимого существа, — сказал Ариман.

Потрясение, вызванное таким признанием Астартес, окончательно отвлекло Лемюэля от грустных размышлений, и он внимательно прищурился, глядя на Аримана. Главный библиарий опять неосознанно тронул рукой серебряный дубовый листок, украшавший его наплечник.

— Что это? — спросил Лемюэль.

— Это талисман, — с грустной улыбкой ответил Ариман. — Оберег, если хочешь. Когда нас выбрали для участия в подготовке для Легиона Тысячи Сынов, моя

мать дала по талисману мне и моему брату-близнецу.

— У тебя есть близнец?

— У меня был близнец, — поправил его Ариман.

— Что же с ним случилось?

— Он давно умер.

— Мне очень жаль, — сказал Лемюэль.

Он вдруг понял, что ни разу не задумывался над тем фактом, что до трансформации в высокотехнологичных супервоинов Астартес жили своей жизнью. Их отличия от обычных людей были настолько огромными, что казалось, будто они создавались уже в своем теперешнем виде где-то в секретной лаборатории. Слишком трудно оказалось представить, что у Аримана имелся брат, хотя для смертных это было обычным делом.

— Как его звали?

— Его звали Ормузд, что на языке «Авесты»[79] означает «жертва».

— А почему ты мне об этом рассказываешь?

— Потому что это будет тебе

полезно, — сказал Ариман. — Вернее, нам обоим. Судьба Ормузда тесно связана с судьбой Легиона Тысячи Сынов. Хочешь послушать?

— Хочу, — ответил Лемюэль.

— Наш Легион с самого начала доставлял немало тревог, — начал Ариман. — Наш примарх говорит, что геносемя было собрано в неблагоприятное время колоссальных космических возмущений. Варп-шторма, почти полностью изолировавшие Терру в эпоху беспросветных страданий, вернулись, и их воздействие во всем мире отозвалось волной безумия, самоубийств и беспричинной жестокости. В тот период были низвергнуты последние панконтинентальные деспоты, и мир только начал возрождаться после опустошительных конфликтов. Казалось, что это последние пароксизмы затухающей войны, и в некоторой степени так оно и было. Но это еще не все.

— Ты был там? — спросил Лемюэль. — И все это видел?

— Нет, но я был способным учеником. Мне посчастливилось родиться в одном из племен процветающей империи Ахеменидов.[80] Наши цари уже сто лет были союзниками нового повелителя Земли, и потому мы избежали ужасов атомной войны и вторжения воинов грома и молнии.

— Предшественников Астартес.

Ариман кивнул:

— То были грубые и не слишком искусные существа, однако они прекрасно исполняли свою роль в завоеваниях земель. Это обычные люди, преданные Императору воины, в тела которых он имплантировал полный набор биологических и механических устройств, что увеличило их мощь, выносливость и скорость. Чрезмерное усиление физических свойств этих чудовищных существ со временем привело их почти к поголовному безумию.

Лемюэль не мог не отметить особую модуляцию голоса Аримана, выдававшую его критическое отношение к первым творениям Императора.

— После окончания войн Император взял в свои руки управление Террой и обратил взгляд в небеса. Он сознавал, что сделал только первый шаг по пути к Объединению. Понимал он и то, что воины грома и молнии не способны сопровождать его в поисках разрозненных ветвей человечества. Ему требовалась другая армия, армия, настолько же превосходящая воинов грома и молнии, насколько они превосходили обычных людей. Но сначала следовало создать генералов, которые оказались бы способны повести эту армию в бой.

— Ты ведь говоришь о примархах, верно?

— Да, конечно. При сотворении примархов Император использовал утраченные технологии и знания, которые он обнаружил за время долгих войн. При помощи ученых-генетиков — перебежчиков из Марсианской Гегемонии — он создал таких блистательных существ, что ничего подобного невозможно себе даже представить. Это был апофеоз генетической эволюции, но примархи были

потеряны еще до того, как успели возмужать. Ты ведь наверняка слышал эти легенды?

— Да, но я полагал, что это всего лишь легенды.

— Нет, — покачал головой Ариман. — Это правда, лишь слегка приукрашенная мифами, позволяющими людям увековечить их деяния. Согласись, идти в огонь войны гораздо легче, если тебя ведет легендарный герой, а не обычный смертный.

— Полагаю, ты прав. Я как-то не думал об этом.

— И не только ты, — усмехнулся Ариман. — Но пока я рассказываю о себе.

— Прости. Продолжай, пожалуйста.

— Биологическая наследственность моего народа не была осквернена врожденными болезнями и вирусными инфекциями, так часто встречающимися у других земных племен. И вот однажды Император появился в наших краях с целой армией ученых, которые провели тестирование каждой семейной группы на наличие необходимых доминирующих

генов. Искомые гены были найдены у меня и у моего брата, и с благословения родителей нас отвезли в секретную лабораторию, расположенную глубоко под Короной Мира. Перед расставанием мать дала каждому из нас по талисману и сказала, что они содержат силу Зуль-Карнайна,[81] величайшего правителя Ахеменидов. Она просила нас беречь талисманы, говорила, что сила древнего вождя поможет нам.

Ариман потянул за кожаный шнурок, висевший на шее, и вытащил серебряную подвеску размером с монету — точную копию дубового листка, украшавшего его броню.

— Это, конечно, глупое суеверие. Как может помочь живым царь, обратившийся в прах много тысяч лет назад? Но весь период обучения и тренировок мы хранили талисманы, вопреки новому имперскому кредо, прославляющему логику.

— А что это были за тренировки?

— Испытания силы, скорости и мыслительных способностей. В нашем

народе с давних пор истина ценилась превыше всего. Кроме того, Ормузд и я происходили из королевского рода, и потому с детских лет нас приучали к соревнованиям, охоте и дискуссиям. Мы преуспевали по всем направлениям учебы, а наше биологическое совершенствование радовало наблюдавших за нами ученых. В этом горном лагере было немало таких же, как и мы, но постепенно происходило деление на различные группы, и мы с Ормуздом не могли не радоваться, что остались вместе, тогда как многих других близнецов в процессе тренировок разлучали.

Мы быстро росли и тренировались так, как никто не тренировался ни до, ни после нас. Вместе с мастерством росла и наша отвага, и впервые испытать свои силы нам довелось в сражениях против последних мятежников Терры. К тому времени мы уже носили броню последней модели и обладали самым разрушительным оружием. Мы получили имя Тысячи Сынов, и уже никто не мог нам противостоять.

День расставания с Террой мы запомнили навсегда, и с этим событием не может сравниться даже Триумф на Улланоре. Весь мир со слезами на глазах провожал в путь воинов, которым предстояло добиться Единства. Между Террой и Марсом уже был заключен союз, и адепты Механикум превзошли себя, построив огромный флот, позволивший Императору начать свой Великий Крестовый Поход среди звезд. В небе над Террой стало тесно от сотен тысяч космических кораблей, собранных в семь тысяч флотилий, резервных групп, вспомогательных и сопровождающих эскадрилий. Эта армада была создана для покорения Галактики, и именно это мы и намеревались сделать.

Ариман замолчал и окинул взглядом простиравшуюся внизу Тизку, затем обратился к черному зеркалу океана. Летюэль, заметив отсутствующее выражение его лица, понял, что рассказ был важен не столько для летописца, сколько для самого Аримана.

— Первые годы Великого Крестового

Похода приносили нам радость. Мы странствовали по Солнечной системе и вновь отвоевывали покоренные когда-то миры. Вокруг Терры угнездилось множество ксенорас, и мы истребляли их без всякого милосердия, сжигали их города и оставляли после себя лишь пепельные пустыни.

— Не очень-то похоже на Великий Крестовый Поход, — заметил Лемюэль. — Я всегда считал, что главное — это просвещение и разум, а выходит — обычное завоевание.

— Ты должен понимать, что в те времена мы сражались ради выживания своей расы. Терру со всех сторон окружали злобные хищники, и мы вынуждены были отвечать жестокостью на жестокость. Это было славное время. Астартес только еще начинали осознавать, на какую непреодолимую ярость они способны. Война закаляет характер человека, и то же самое можно сказать о целом Легионе. Не знаю, возможно, это было влияние геносемени наших прародителей, но уже тогда каждый Легион стал приобретать

свои характерные черты, и мы отличались друг от друга не только названиями. Ультрамарины быстро прославились своей дисциплинированностью и целеустремленностью. Они учились в каждом сражении и в каждом следующем бою уже применяли полученные знания. Пожиратели Миров... Ну, ты и сам можешь представить, чему они научились.

— А Тысяча Сынов?

— Ах... В то время нас постигли первые неприятности, — сказал Ариман.

— Неприятности?

— В течение первых пяти лет Великого Крестового Похода уже начал формироваться характер нашего Легиона. У воинов стали проявляться совершенно неожиданные способности. Я видел события до того, как они происходили, а Ормузд мог создавать молнии. И подобными силами обладали многие наши товарищи. Поначалу мы только радовались, считая, что необычные способности заложены в нас Императором, но вскоре ликование сменилось ужасом.

Сначала один воин, а за ним и другие стали стремительно меняться.

— Как Гастар на Сорокопуте? — спросил Лемюэль.

— Да, это было перерождение плоти.

Ариман поднялся и прошел в другой конец террасы. Положив руки на ограждение, он уставился вдаль, и Лемюэль, стараясь побороть легкое головокружение, последовал его примеру.

— Первый воин умер на Безанте. Его плоть вывернулась наизнанку, а силы вышли из-под контроля. Что-то чуждое овладело его плотью, разорвало в клочья и превратило в сосуд для сущности из Великого Океана. Мы решили, что это случайное явление, но оказалось, что это эпидемия.

— Неужели действительно все было так ужасно?

— Хуже, чем ты можешь себе представить, — сказал Ариман, и Лемюэль ему поверил. — Вскоре об этом несчастье узнали все остальные. К тому времени уже многие Легионы воссоединились со своими прародителями, и некоторые из них нашли

наши способности отвратительными. Больше всех возмущался Мортарион, но Коракс и Дорн были ничуть не лучше. Они боялись наших способностей и рассказывали разные небылицы о нас всем, кто только соглашался слушать, утверждая, что мы занимаемся нечистой магией. Мало кто из них сознавал, что проклятия относятся как раз к тем силам, благодаря которым мы можем странствовать в космосе и благодаря которым они могут распространять свои россказни.

На лице Аримана появилось выражение гнева и горечи, и растущие рядом растения завяли и почернели. Петюэль едва не задохнулся от приступа тошноты и сглотнул подступившую к горлу желчь.

— С каждым годом, — продолжал Ариман, — все больше и больше воинов погибали от перерождения плоти, несмотря на то что мы научились различать признаки приближения этого недуга и уже начали предпринимать некоторые шаги, чтобы его сдерживать.

Как ни странно, с увеличением количества пострадавших росли и наши способности. Мы старались найти способ уберечься от страшного несчастья, но все больше и больше наших товарищей становились его жертвами, а голоса недоброжелателей звучали все более настойчиво. Возникали разговоры даже о том, чтобы расформировать наш Легион и вычеркнуть его имя из истории Империума.

Лемюэль покачал головой.

— История отличается одной особенностью, — сказал он. — Все, о чем мы хотели бы забыть, в ней непременно сохраняется. Никто не в состоянии стереть какие-то факты без следа, всегда отыщется какое-нибудь свидетельство.

— Не будь так уверен, Лемюэль, — предостерег его Ариман. — Гнев Императора — страшная сила.

Лемюэль услышал отзвук печали в голосе Аримана и собрался задать следующий вопрос, но история еще не закончилась.

— Ормузд и я всегда были в первых рядах Тысячи Сынов, как в сражениях, так

и в наших необычных занятиях. Мы думали, что неуязвимы для перерождения плоти, что слишком сильны для этого недуга. Какая самонадеянность! Ормузд первым пал жертвой этого несчастья, и, пока он боролся со своей взбунтовавшейся плотью, я был вынужден заботиться о его безопасности.

Ариман повернулся к Летюэлю, и тот вздрогнул под его напряженным взглядом.

— Вообрази, что тело становится твоим злейшим врагом, и каждая молекула пытается вырваться из отведенного ей генетическим кодом места. Плоть удерживается только силой воли, и все это время ты знаешь, что скоро ослабеешь и она возьмет верх.

— Я не могу себе такого представить, — признался Летюэль. — Это выше моего понимания.

— Я изо всех сил старался помочь Ормузду, но вскоре и сам заметил признаки поражения. Я не отправился в стазис-камеру, где уже находились наши братья, ожидавшие завершения Великого

Крестового Похода, когда можно было бы заняться поисками средств излечения, но только потому, что мог противиться перерождению. Но я понимал, что рано или поздно проиграю эту битву.

Ариман улыбнулся, и у Лемюэля немного отлегло от сердца.

— Потом свершилось чудо, — продолжил Ариман. — Мы достигли Просперо, и Император отыскал Магнуса.

— Как это было? — полюбопытствовал Лемюэль. — Что ты чувствовал при первой встрече с прародителем?

— Магнус стал нашим избавителем, — не без некоторой гордости сказал Ариман. — Мы спустились на поверхность планеты вместе с Императором, но встречу отца и сына я плохо помню, поскольку все тело кричало от боли и все мои силы были направлены на то, чтобы сохранить его целостность. Это был трачный период для нашего Легиона и в то же время радостный. Нам стало ясно, что дальше так продолжаться не может, поскольку слишком много воинов уже

стали жертвами перерождения плоти, а мы ничего не могли сделать, чтобы это остановить. Но, несмотря на подступающее отчаяние, мы испытывали восторг от встречи с генетическим отцом Легиона.

Светлые воспоминания Аримана вызвали улыбку на лице Летюэля. Затем капитан Первого братства перевел взгляд на пирамиду Фотепа, и в его глазах появилось виноватое выражение, словно он опасался потревожить глубоко похороненные откровения.

— Через день Император должен был покинуть Просперо, а перерождение плоти все больше и больше охватывало Легион. И хотя я сопротивлялся недугу дольше, чем кто-либо другой, я тоже начал поддаваться, а плоть бунтовала все сильнее. Я уже не мог контролировать свои силы, и все, что я помню о том дне, так это ужас, охватывающий при мысли, что скоро и я стану ничем не лучше тех чудовищ, которых мы были вынуждены умертвить после отлета с Терры. Я знал, что сам стану таким же монстром.

А потом я помню, как в мозгу послышался успокаивающий голос. Именно так я представлял себе голос отца, разговаривающего с заболевшим сыном. Я провалился в темноту, а когда проснулся, увидел, что мое тело ничуть не изменилось. Перерождение плоти едва не уничтожило наш Легион, но в тот день мы вновь обрели контроль над своими телами. Легион был спасен, однако особой радости я не испытывал, потому что часть меня в тот день умерла.

— Твой брат-близнец, — тихо произнес Лемюэль.

— Да. Я был здоров, а Ормузд умер. Его тело слишком сильно пострадало от перерождения плоти, и спасти его не было никакой возможности, — сказал Ариман. — Я взял его талисман и вставил в свои доспехи. Я не мог не увековечить память о брате.

— Еще раз прими мои соболезнования, — произнес Лемюэль.

— Никто из нас не помнит, как свершилось это чудо, но мы остались живы, хотя в Легионе было не больше

тысячи воинов.

— Как и в названии, — отметил Лемюэль.

— Точно, — согласился Ариман. — После того мы и в самом деле стали Тысячей Сынов.

Лемюэль нахмурился:

— Постой-ка, что-то не сходится. Легион назывался Тысячей Сынов еще до вашего прибытия на Просперо, верно?

— Да.

— А почему?

— Что «почему»?

— Почему вас так назвали? Имя Легиона обрело смысл только после того, как Магнус спас вас на Просперо, — сказал Лемюэль. — Но вы носили это название уже давно. Или вас осталось в живых только тысяча благодаря поразительному совпадению?

— Тебе пора мыслить как Практику, — с улыбкой заметил Ариман. — Я ведь столько раз говорил, что совпадений не бывает.

— А что ты скажешь на это? Что Император видел, что происходит с вами,

и знал, что Магнус успеет спасти только тысячу?

— Возможно. Император видит такое, что недоступно нам, — уклончиво сказал Ариман. — Да, Магнус спас всех нас, но он никогда не говорил, как ему это удалось.

— Разве это важно? — спросил Лемюэль. — Он вас спас, неужели этого мало?

Ариман поднял взгляд к небу:

— Не могу сказать наверняка, но мне кажется, это будет иметь значение. Огромное значение.

Камилла продолжала беспокоиться о состоянии здоровья Каллисты, но радостное волнение, вызванное предстоящей поездкой, оказалось сильнее. Скатившись с постели, она поцеловала на прощание Чайю и помчалась к месту встречи с Калофисом. Вспомнив о Каллисте Эриде, она испытала укол вины, но не настолько сильный, чтобы отказаться от шанса исследовать пустоши Просперо.

Диск-спидер Калофиса доставил их в разрушенный город менее чем за час, и Камилла почувствовала себя разочарованной, пока Калофис не сказал, с какой скоростью и как далеко они улетели. Тизка осталась далеко позади, и Камилла удивилась, насколько общепринятое название «пустоши» не соответствовало действительности. Со всех сторон их окружали прекрасные пейзажи. Безбрежные леса и широкие поляны тянулись до самого горизонта, а кристально чистые реки срывались с горных уступов пенящимися водопадами.

Калофис управлял диск-спидером с искусной осторожностью, чем очень удивил Камиллу, ожидавшую от него резкого и рискованного стиля вождения. Ощущение скорости полета над цветущей землей и предвкушение исследования одного из заброшенных городов Просперо вызывало в душе пьянящую бодрость.

Камилла посмотрела на возвышавшиеся над ней почерневшие остатки сооружения из металла и камня. Обвивавшие их зеленые лианы тихонько

покачивались под прохладным ветерком, дувшим вдоль долины. В дальнем конце виднелись сотни еще сохранившихся каркасов, стоявших в строгом порядке, а под ногами похрустывал бетон, сильно потрескавшийся под натиском упорных растений.

У основания зданий громоздились кучи камней, словно неутомимые силы природы постепенно разбирали строения, лишая их облицовки и перекрытий. В течение утра и первой половины дня они обнаружили несколько зданий, где еще сохранились внутренние конструкции, но их было совсем немного.

Калофис, небрежно забросив болтер за спину, шел вслед за Камиллой, останавливаясь, когда она делала снимки руин. Имевшиеся в библиотеке материалы она уже изучила, а вещи, к которым прикасалась до сих пор, не представляли никакого интереса.

— Ну как, ты что-нибудь нашла? — спросил Калофис. — Эти развалины мне уже надоели.

— Пока ничего, — ответила Камилла.

— Пора бы уходить. В этой долине не так давно было замечено присутствие психнойенов.

Летюэль как-то раз рассказывал им о психнойенах. Эти существа, по-видимому, не представляли собой ничего хорошего, но под защитой такого воина, как Калофис, Камилла не слишком тревожилась о своей безопасности.

— Еще рано уходить, — возразила она и, пригнувшись, шагнула в тень сохранившегося здания, где пахло гнилью. — Все предметы, к которым я притрагивалась, были отштампованы машинами и не обладают памятью. От них нет никакой пользы. Это здание в хорошем состоянии, посмотрим, нет ли здесь чего-нибудь более ценного.

Внутри оказалось пусто и сыро, а в темных углах мелькали животные, для которых пустоши Просперо стали родным домом. Сквозь дыры в стенах и потолке пробивались лучи солнечного света, и в них плясали миллиарды пылинок.

Камилла вдохнула пахнущий пылью воздух, словно пытаясь определить его

возраст на вкус. Да, здесь определенно присутствует история, и она могла бы раскрыть ее секреты, если бы только удалось отыскать вещи, принадлежавшие когда-то разумному существу.

— Сюда, — указала она и направилась к погнувшейся стальной лестнице, ведущей на следующий уровень.

— Это выглядит небезопасно, — заметил Калофис, окинув взглядом проржавевшие поручни.

— Я тронута твоей заботой. Но лестница простояла тысячу лет, и я надеюсь, что ее хватит еще на день, как ты думаешь?

— Не знаю, я ведь не инженер.

Камилла заподозрила, что он шутит, но, глядя на его бесстрастное лицо, отказалась от этой идеи.

— Ладно! — воскликнула она, поворачиваясь к лестнице. — Мне не раз приходилось карабкаться по качающимся ступенькам, эта выглядит ничуть не хуже других.

Она стала подниматься по хлипким ступеням, надеясь, что закон подлости не

сработает и она не станет посмешищем, рухнув вместе с лестницей. К счастью, все обошлось, хотя на тяжесть Калофиса ненадежное сооружение отозвалось жалобным скрипом и стоном.

Верхний этаж оказался таким же пустынным, как и нижний; серый пол покрывал слой пыли и мусора, насыпавшегося с верхнего уровня. Большая часть здания выше второго этажа была разрушена, осталась только высокая труба да несколько фрагментов перекрытий. Наверху порхали птицы, и где-то над головой Камилла услышала тихий шорох крыльев.

— Что ты надеешься здесь найти? — недовольно спросил Калофис. — Все давно сгнило. Если бы здесь и сохранилась какая-то информация, неужели ты думаешь, что ты бы ее не обнаружили?

Камилла самоуверенно усмехнулась.

— Вы не можете смотреть так, как смотрю я, — заявила она.

Калофис сердито поморщился.

— От вас, летописцев, нет никакой пользы, — проворчал он. — Все это пустая

трата времени. Нет тут ничего интересного.

Она не стала реагировать на его ворчание и пошла вперед, время от времени останавливаясь в поисках предметов, которые могли бы оказаться ей полезными. Кое-где среди мусора ей попадались вещи, которые можно было бы назвать личными, но и они были такими же безжизненными, как само здание.

Наверху послышалось какое-то движение, сопровождаемое шорохом мелких камней и негромким рыком. Подняв голову, Камилла увидела ускользающую тень и поняла, что потревожила сидевшую в гнезде птицу. В углу здания она заметила груду деревянных брусьев и металлических листов, расположенных чересчур аккуратно для обычных развалин.

— Нет ли у тебя на броне какого-нибудь фонаря? — спросила она Калофиса. — Или факела?

— У меня имеется кое-что получше, — самодовольно ответил Калофис.

Он вытянул вперед руку, и в воздухе

появился огненный шар. Его свет превосходил яркость сварочной горелки и проникал в самые дальние уголки здания.

— Очень впечатляет, — прищурившись, сказала Камилла.

— Мелочь. Но использовать мою силу в таких тривиальных целях даже оскорбительно.

— Это справедливо, — согласилась Камилла. — Но свет слишком яркий. Ты не мог бы его немного приглушить?

Калофис кивнул, и шар потускнел до такого состояния, что не резал глаза. Шаровая молния отбрасывала резкие черные тени и беспощадно выявляла все подробности ветхого состояния здания. Даже при отсутствии пропитанных историей предметов Камилла на мгновение ощутила укол жалости к цивилизации, исчезнувшей за тысячи лет до ее рождения.

Здесь люди жили и умирали, проводили все отведенное им время, мечтали о лучших временах и работали, чтобы обеспечить себя и свои семьи. Теперь они обратились в прах, и

постигшее их забвение вызвало в душе Камиллы болезненный отклик. Она обошла вокруг баррикады — по-другому это нагромождение предметов было назвать невозможно — и увидела группу покрытых паутиной скелетов, чьи кости удерживались вместе только благодаря отвердевшей смоле.

— Они себе и представить не могли, как легко все это исчезает, — сказала Камилла.

— Что?

— Люди, которые здесь жили, — пояснила она, кивая в сторону ближайшего скелета. Хоть она и не считала себя экспертом, по размеру костей можно было предположить, что это взрослый мужчина. — Могу поспорить, никто из них, даже сознавая, что их миру пришел конец, не постарался как следует. — Она оглянулась на Калофиса. — Нет ничего вечного, и чем дольше я здесь нахожусь, тем сильнее убеждаюсь в этом.

— Кое-что не исчезнет никогда, — с решимостью фанатика произнес Калофис. — Империум.

— Я думаю, ты прав, — кивнула Камилла, не желая затевать с ним спор о будущем Империума.

Она стянула с руки одну перчатку и притронулась к скелету, почти ожидая, что кости тотчас обратятся в пыль. Просто чудо, что скелеты до сих пор не развалились, отвердевшая смола отлично их сохранила.

Сверху до Камиллы донесся шум испуганных птиц, но она мысленно отсекла все посторонние звуки и осторожно провела пальцами по ключице и перешла к черепу, отметив про себя, что верхняя часть черепа смещена. Она висела сбоку, словно выбитая изнутри дверца.

Камилла прикрыла глаза, позволяя теплу руки проникнуть в хранилище памяти. Внутри ее пробудилась сила, и вдруг мужчина, к черепу которого она прикасалась, резко потянул ее за собой в свою жизнь, окутав мощным потоком эмоций.

Слишком поздно она поняла, что это были сплошная мука и безумие. Камилла попыталась отдернуть руку, но багряный

поток страдания уже захлестнул ее, и ослепительная боль вонзилась в мозг раскаленным копьем. Кровь из прокушенного языка окрасила губы. Последний мучительный всплеск боли исторг из нее оглушительный крик, и в сознании вспыхнули видения ужасных белых личинок, пожиравших мозг, и образы умирающих родных.

В следующее мгновение она затряслась всем телом, как от высокого напряжения, скрипнула зубами и раскрыла рот в беззвучном вопле. А потом все закончилось. Она ощутила, как сильные руки оттащили ее от скелета, и контакт с умершим человеком прервался. Перед глазами еще мелькали расплывчатые видения ужасающих сцен, и Камилла испуганно ахнула. Она и раньше прикасалась к мертвецам, но всегда могла изолировать свое сознание от момента их кончины, но в этот случай поток эмоций оказался слишком мощным и неожиданным. Ощутив во рту металлический привкус, она сплюнула смешанную с кровью слюну.

— Я же говорил, что нечего здесь так долго болтаться, — резко бросил Калофис.

— Что? — растерянно спросила она, увидев над собой его массивную фигуру.

Одна закрытая броней рука держала ее за плечо, а вторая, окутанная мерцающим оранжевым пламенем, была поднята вверх.

— Психнойены, — прошипел Калофис и потащил ее за собой к лестнице.

После этого их услышала и Камилла: протяжное жужжание, как будто рядом проснулся осиный рой, и громкое хлопанье крыльев, напоминавшее шум целой стаи хищных птиц.

Глава 23
Бой Пиррида
Если умрешь
Отражающие пещеры

— Беги! — закричал Калофис, перекрывая приближающийся гул.

Камилла взглянула вверх: в небе плавно извивался рой огромных крылатых насекомых, к которому постоянно присоединялись многочисленные чудовища, скрывавшиеся до сих пор в полуразрушенных зданиях.

Ужас затопил ее тело и лишил возможности двигаться.

Звонкий цокот покрытых хитином конечностей подсказал, что увлекаемые ненасытным голодом монстры уже опустились на крышу здания. Камилла видела, что их собрались целые сотни, она уже различала цепкие крючковатые лапы и длинные хоботки. Непрерывное гудение и щелканье острых мандибул становилось все громче.

Позади нее что-то зашуршало, и Камилла, резко обернувшись, увидела одно из ужасных созданий, отдаленно напоминающее пчелу. По обе стороны от блестящего сегментированного тела торчали шесть конечностей, с которых сочилась клейкая смола. Крылья двигались так быстро, что их не было видно, лишь блестящий ореол, как от пролитого в воду масла, а в воздухе резко запахло протухшим мясом.

Из чрезмерно раздутой головы, словно в насмешку имевшей сходство с человеческим мозгом, торчали зазубренные мандибулы, а в фасетчатых глазах дрожали ее испуганные отражения.

Чудовище ринулось навстречу Камилле, но в то же мгновение взорвалось пламенем. Почерневший корпус ударил ее в грудь и рассыпался горячими углями. Камилла с визгом стала отряхивать с себя дымящиеся останки, а Калофис вдруг подхватил ее и сунул под мышку, как взрослый мужчина мог бы поднять маленького ребенка.

— Я же велел тебе бежать, —

прошипел он. — Вечно вы, смертные, не слушаетесь!

Калофис ринулся к лестнице, но снизу вылетел еще один рой психнойенов.

— Проклятые твари! — выругался Астартес и свободной рукой махнул в их сторону.

Снизу поднялась стена красного огня и в несколько секунд поглотила чудовищ. Но едва он успел уничтожить ближайших психнойенов, как другие появились на их месте и расселись на оголенных балках и грудах мусора. Камилла насчитала не меньше дюжины отвратительных тварей.

Через мгновение они сорвались со своих мест и устремились в атаку одновременно, как будто движениями управлял один разум. Громкое гудение крыльев заменило боевой клич.

— Рассчитывали на легкую добычу? — взревел Калофис, наполняя воздух шарами фосфорного пламени.

Он бросал их в разные стороны и управлял полетом, словно это были мячики на шнурках. Психнойены, шипя и плюясь, держались поодаль от

образовавшейся огненной сетки, но их количество возрастало с каждой секундой.

Калофис опустил женщину на пол:

— Держись за моей спиной. Делай то, что я скажу, и тогда останешься в живых. Поняла?

Камилла, онемев от страха, молча кивнула.

Астартес обеими руками метнул шквал огня в самую большую группу психнойенов, и чудовища с пронзительными криками обратились в пепел. Резкий удар левой руки послал огненное копье в монстра, осмелившегося атаковать Калофиса сверху. Затем правая рука резко ударила вперед, и на противников обрушилась невидимая волна раскаленного воздуха. Сверхвысокая температура раскалила молекулы в телах чудовищ, и десяток психнойенов немедленно взорвался.

Воздух стал невыносимо горячим, и у Камиллы под огненным щитом от ожогов покраснела кожа. Взрывы и возгорания сопровождались густым дымом, так что глаза стали слезиться, а дышать было

невыносимо трудно.

— Мне нечем дышать! — прохрипела она.

Калофис бросил в ее сторону сердитый взгляд:

— Придется потерпеть.

На них набросилась очередная стая психнойенов, но ни одному не удалось прорваться сквозь огненный барьер. Камилла сжалась в клубок на полу, прикрыла рот рукой и попыталась делать неглубокие вдохи. Но от испуга все равно хватала ртом дым и вскоре стала терять сознание.

— Пожалуйста, — взмолилась она из последних сил.

Калофис, нагнувшись, поднял ее на ноги.

— Стой здесь, — приказал он. — Оставайся в центре щита, и тогда сможешь дышать.

Камилла едва могла стоять, но вдруг ощутила, как жар спадает, словно перед ней открылась дверь морозильной камеры. Она жадно втягивала холодный воздух и видела, как вокруг нее дрожат струи

раскаленного жара. За пределами ограниченного маревом пространства яростно бушевал вызванный действиями Калофиса пожар. Огонь пожирал все, что могло гореть, но ни одна искра не попадала на нее, словно Камилла оказалась в герметичном пузыре.

Калофис с яростью гладиатора отражал атаки нападавших со всех сторон психнойенов. Но чудовищам, казалось, не было конца, и все новые и новые враги с яростными криками бросались на воина.

— Чтоб вы все сгорели! — орал Калофис.

Он истреблял тварей кинжалами пламени, огненными зарядами и волнами раскаленного воздуха. Камилла, несмотря на сильный испуг, отметила крайнее напряжение в его голосе. Сила Пиррида была феноменальной, но столь же огромной была и цена.

При каждом проявлении его сверхъестественных способностей ярость психнойенов удваивалась.

Камилла попыталась вспомнить все, что Летюэль рассказывал о психнойенах,

но, кроме того, что они размножались, откладывая яйца в живых людей, ничего не приходило в голову. Внезапно в памяти всплыла еще одна особенность чудовищ, и, несмотря на жару, Камилла ощутила внезапный холод.

— Это твои силы! — заорала она. — Их привлекают твои силы! Они сводят их с ума! Ты должен отказаться от них!

Калофис огненным мечом, появившимся из правого кулака, смёл на лету десяток чудовищ и, воспользовавшись мгновенной передышкой, оглянулся на Камиллу. Его лицо блестело от пота, а в воспалившихся глазах читалась усталость.

— Только благодаря этим силам мы еще живы! — крикнул он и взмахнул мечом, истребив еще трех психнойенов.

— Если ты не прекратишь ими пользоваться, мы наверняка погибнем!

На остатки разбитой стены опустился психнойен с раздувшейся грудью, из которой сочилась жидкость. Выпустив из брюшка жало, он бросился на Калофиса, и Камилла закричала:

— Сзади!

Калофис, припав на одно колено, испепелил насекомое взглядом. На его месте тотчас появилось несколько сородичей с высунутыми зазубренными жалами. Даже если брать в расчет кладку, такое оружие способно убить человека еще до того, как он превратится в живой инкубатор.

Астартес недовольно фыркнул, но меч в его руке исчез. Сдернув с плеча болтер, Калофис передернул затвор и послал три заряда в группу психнойенов.

— Быстро к лестнице! — крикнул он, стреляя на бегу. — Если доберемся до диск-спидера, будем в безопасности.

Защитный кокон исчез, и Камилла, кивнув, постаралась не отставать.

Весь пол был в огне, и по пути попадались лужицы расплавленного металла и останки обгоревших тварей. Дым сразу же проник в легкие, и Камилла отчаянно закашлялась, слабея от недостатка кислорода. Объятый пламенем психнойен врезался в Калофиса. Астартес отбросил его одним ударом, но при этом

покачнулся, приостановив стрельбу.

Три психнойена сразу же бросились на него и попытались вонзить свои жала. Два жала сломались о броню, но третье угодило в обмотку кабеля на поясе и проникло внутрь. Калофис взревел и сокрушительным ударом кулака отбросил чудовище. Затем загрохотал болтер, и психнойен разлетелся в клочья.

Калофис ловким движением сменил обойму болтера и новой очередью истребил очередную группу налетевших врагов. Пожар охватил уже все здание, металлические балки начали плавиться от невероятного жара, и Камилла ощутила, как закачался под ногами пол. Треск огня и лопающихся опор почти заглушил гудение крыльев.

— Лестница! — закричала она.

Спуск тоже был весь в огне, металлическая конструкция раскалилась докрасна и начала плавиться. Выхода не осталось.

Все это Калофис увидел одновременно с Камиллой и только покачал головой, словно досадуя на ее

хрупкость.

— Держись! — крикнул он, закинул за спину болтер и перебросил женщину через плечо.

Психнойены тотчас ринулись в атаку, но Калофис уже сорвался с места. Головой вперед, словно живой таран, он пробежал сквозь пламя. Психнойены не отставали. Некоторые пытались расколоть его броню, другие — проткнуть ее жалом. Колючка, застрявшая в его наплечнике, вонзилась ей в бок, и Камилла вскрикнула от боли. Она подняла голову как раз вовремя, чтобы увидеть сплошную стену огня перед Калофисом, и снова закричала, когда Астартес прыгнул в пламя.

Огонь закрыл все вокруг, но в следующее мгновение Калофис снова воспользовался своими силами, и стена раздвинулась, словно театральный занавес.

А потом они стали падать. Увидев несущуюся навстречу землю, Камилла закрыла глаза. Калофис, приземлившись на полусогнутые ноги, едва коснувшись земли, снова ринулся вперед, как будто и не

заметил прыжка через огненную завесу. Камилла почувствовала, как от удара о броню треснуло ее ребро, но стиснула зубы, превозмогая боль. Калофис продолжал бежать и даже не задержался у закрытой двери — он просто вышиб ее, превратив в тучу обломков и пыли. В свободной руке он держал болтер, стреляя через плечо по догонявшим психнойенам. Пронзительные крики преследователей свидетельствовали о том, что его выстрелы не пропадали даром. Как бы Камилла ни относилась к Калофису, она не могла не признать, что он был отменным воином.

Оказавшись снаружи, она с восторгом вдохнула свежий воздух, и почти сразу ее зрение прояснилось, а легкие заработали в полную силу.

Из охваченного пожаром здания все еще вылетали тучи психнойенов. Из всех окон и дверных проемов тянулись струи дыма и вырывались языки пламени. Несущие конструкции начали плавиться, и дом покачивался и вздрагивал всем корпусом, с верхних этажей срывались

пласты штукатурки и целые секции кирпичной кладки.

Калофис бесцеремонно сбросил ее с плеча, и Камилла с трудом удержалась от крика, когда от толчка сошлись концы сломанного ребра.

— Забирайся внутрь, — приказал Калофис.

Оглянувшись, она увидела прямо перед собой диск-спидер. Калофис, забросив внутрь болтер, прыгнул на место водителя.

Камилла встала на выхлопную трубу и с трудом дотянулась до ручки пассажирского отсека в тот момент, когда двигатели машины уже взвыли, пробуждаясь к жизни.

Клубящийся рой психнойенов быстро приближался, и жужжание многочисленных крыльев стало непереносимо громким. От летящих монстров их отделяло не больше двадцати ярдов.

— Скорее, ради Трона, скорее! — закричала Камилла, забираясь в машину.

— Села? — спросил Калофис.

— Села, — ответила она, плюхнувшись

в глубокое кресло и застегивая на поясе ремень безопасности. Тональность гудения двигателей сейчас же изменилась, и дискспидер рванулся вперед с такой скоростью, что Камилла ударилась головой о переборку. Она крепко зажмурилась и едва осмеливалась дышать. Но прошло несколько долгих секунд, гул двигателей стал ровнее, и в интеркоме раздался голос Калофиса:

— Мы оторвались. Как ты там, в порядке?

Она хотела огрызнуться, но поняла, что злится от боли. Вместо этого она открыла глаза и сплюнула сгусток крови:

— Наверное, в порядке. Кажется, сломано ребро, легкие так жжет, словно я выпила бочку горящей смолы, а из-за резкого старта у меня голова раскалывается от боли. Но я осталась в живых.

— Уже неплохо, — откликнулся Калофис. — Я только хотел убедиться, что ты жива.

— Я тронута твоей заботой, — не удержалась Камилла, а затем добавила: —

Но все равно спасибо за то, что спас мне жизнь.

Калофис ничего не ответил, и всю обратную дорогу до Тизки они провели в молчании.

В медицинских покоях не умолкало легкое гудение приборов. Каллиста, откинувшись на спину, лежала в постели с закрытыми глазами, и ее грудь ритмично поднималась и опускалась. Кожа на ее лице стала сероватой, тусклой и безжизненной, волосы пришлось сбрить наголо. Лемюэль сидел рядом с кроватью и сокрушался, что ничем не может ей помочь, кроме как оставаться рядом и держать за руку.

Он с Камиллой сменяли друг друга в палате подруги, но Лемюэль провел здесь уже сорок восемь часов и чувствовал, как веки наливаются свинцовой тяжестью. С другой стороны у кровати тихонько посвистывали приборы в корпусах из орехового дерева, с многочисленными шкалами в золоченых рамочках и выводом информации на пикт-экраны. Медные провода из гнезд в боковых панелях

тянулись к разным точкам на черепе Каллисты и гудящим шарам, что висели над приборами.

Наконец веки Каллисты дрогнули, она открыла глаза и, увидев Лемюэля, слабо улыбнулась:

— Привет, Лемюэль.

Ее голос прошелестел, словно ветерок по опавшим листьям.

— Привет, моя милая, — ответил он. — Ты прекрасно выглядишь.

Каллиста попыталась рассмеяться, но поморщилась от боли.

— Извини, — огорчился Лемюэль. — Я не должен заставлять тебя смеяться, твои мускулы и так слишком деформированы.

— Где я?

— В нейрохирургии пирамиды апотекариев. После того, что произошло, это самое подходящее для тебя место.

— А что со мной было? Очередной приступ?

— Боюсь, что так. Мы пытались дать тебе каву, но ты была уже слишком далеко, — сказал Лемюэль, не решаясь

повторять то, что она наговорила им во время приступа.

Каллиста подняла руку ко лбу, а за ней потянулись прозрачные трубки и кабели, подключенные к тыльной стороне кисти. Она дотронулась до головы и нахмурилась, ощупывая ежик волос и бронзовые контакты на черепе.

— Да, жаль твоих волос, — сказал Летюэль. — Но их пришлось сбрить, иначе было невозможно установить контакты.

— А что это? И для чего?

— Эти приборы Анкху Анен принес из храма Корвидов. Поначалу он отказался рассказывать, что это такое, но постепенно я выяснил, что приборы контролируют эфирную деятельность мозга и подавляют возможные вмешательства. До сих пор, похоже, они работали исправно.

Каллиста кивнула и огляделась по сторонам:

— А как долго я здесь нахожусь?

Летюэль потер ладонью подбородок:

— Моя щетина говорит, что прошло три дня.

Она улыбнулась и немного приподнялась в постели. Летюэль налил стакан воды, и Каллиста с удовольствием все выпила.

— Спасибо, Летюэль. Ты хороший друг.

— Я стараюсь, моя дорогая. А ты помнишь что-нибудь из своих видений? Я бы не стал тебя спрашивать, — добавил Летюэль, — но Анкху Анен считает, что это может быть очень важно.

Каллиста прикусила нижнюю губу, и летописец заметил в ее глазах отблески того ужасного взгляда, который он видел после ланча в кафе.

— Кое-что помню, — сказала она. — Я видела Тизку, но совсем не такой, какой ты ее знаешь. Солнца в небе не было, и единственным освещением служило только зарево пожаров.

— Пожаров?

— Да, весь город был в огне, — подтвердила Каллиста. — Он был сильно разрушен.

— Кем?

— Я не знаю точно, но среди грозовых

туч я заметила подкрадывающихся зверей, а откуда-то издалека доносился вой. — В глазах Каллисты появились слезы, и по щекам протянулись мокрые дорожки. — Да, все вокруг горело, и сверху дождем осыпались осколки стекла. Они все блестели, как будто зеркальные, и в каждом я видела отражение одного открытого глаза, который смотрел прямо на меня.

— Ну, это просто видение, — сказал Летюэль, взял ее за руку и ласково погладил по пальцам.

— Оно очень страшное, и является мне уже не в первый раз. Сначала я не могла узнать Тизку, но теперь, когда познакомилась с городом, я уверена, что каждый раз видела именно эти улицы.

Внезапно она что-то вспомнила:

— Летюэль, а я что-нибудь написала?

— Да, но что-то абсолютно бессмысленное. Анкху Анен до сих пор пытается расшифровать твои записки.

Каллиста прикрыла глаза, стерла со щек слезы, судорожно вздохнула и вдруг улыбнулась, услышав, как кто-то открыл

дверь. Обернувшись, Летюэль увидел высокого и широкоплечего мужчину в форме капитана Гвардии Шпилей Просперо. Этот смуглый парень с резкими чертами лица и решительным подбородком, точь-в-точь как на скульптурах Гектора или Ахилла, был невероятно красив.

Летюэль сразу же невзлюбил незнакомца, просто по привычке.

Алую форменную куртку капитана, аккуратно отглаженную и вычищенную, украшали бронзовые пуговицы, золотое шитье и множество сверкающих медалей. Серебряный шлем он нес на руке, а на боку висели длинная изогнутая сабля и блестящий лазпистолет.

— Сохем! — радостно воскликнула Камилла.

Офицер приветственно кивнул Летюэлю и протянул руку:

— Капитан Сохем Витара, сэр. Пятнадцатый пехотный полк Просперианской гвардии.

Летюэль принял предложенную руку и невольно поморщился, ощутив крепкую

хватку Витары.

— Летюэль Гамон, летописец Двадцать восьмой экспедиции.

— Рад знакомству, — сказал Витара. — Калли много рассказывала о вашей дружбе, и я благодарен за оказанную ей поддержку, сэр.

Приветливые манеры и природное обаяние Витары немного рассеяли недоброжелательность Летюэля. Сознавая, что теперь он лишний, летописец заставил себя улыбнуться.

— Рад встрече, капитан Витара, — сказал он, поднимаясь со стула и подхватывая свой плащ. — Теперь я оставлю вас наедине.

Он бережно приподнял руку Каллисты и запечатлел на ней поцелуй:

— Мы увидимся позже, дорогая.

Каллиста схватила его за плечо и заставила наклониться. Она зашептала ему прямо в ухо:

— Я хочу уехать с Просперо. Я не могу больше здесь оставаться. И никто из нас не должен здесь жить.

— Что? Нет, милая, ты не в том

состоянии, чтобы куда-нибудь лететь.

— Летюэль, ты не понимаешь. Этот мир обречен. Я видела его в агонии.

— Ты не можешь быть в этом твердо уверена, — возразил Летюэль и выпрямился.

— Могу, — настаивала она. — Я слишком хорошо знаю, что я видела.

— Я не могу уехать, — сказал Летюэль. — Я хочу еще многому научиться у Тысячи Сынов.

— Ты не сможешь ничему научиться, если умрешь, — предупредила Каллиста.

Летюэль оставил Каллисту в компании капитана Витары и покинул отделение госпиталя. Хотя у него и не было иных отношений с этой женщиной, кроме дружеских, появление красивого воздыхателя вызвало у него укол ревности.

Он улыбнулся, признавая всю смехотворность своего недовольства.

— Ты неисправимый романтик, Летюэль Гамон, — произнес он вслух. — И останешься таким до самой смерти.

Он уже подходил к выходу, когда дверь

впереди распахнулась и его романтическое настроение исчезло без следа. В пирамиду апотекариев ворвался Астартес, как будто только что покинувший поле боя: его броня местами почернела и из-под пластин торчали ужасные шипы. Летюэль узнал в нем Калофиса, но не его необычный вид заставил летописца замереть на месте.

На руках Астартес лежала Камилла, и выглядела она ужасно.

На волосах и одежде у нее виднелись следы крови. Кожа сильно покраснела, а одной рукой Камилла держалась за грудь, и каждый шаг Калофиса отзывался на ее лице мучительной болью.

— Камилла! — воскликнул Летюэль и подбежал к ней. — Во имя мира, что произошло?

— Лет, — простонала она, — на нас напали.

— Что?! — вскрикнул Летюэль и поднял взгляд на гигантского воина. — Кто напал?

— Уйди с дороги, смертный, — бросил Калофис, проходя мимо Летюэля.

Летописец развернулся и догнал Астартес.

— Скажи, что случилось? — попросил он.

— Она исследовала древние руины даже после того, как я предупредил об опасности. И потревожила гнездо психнойенов.

При упоминании о пси-хищниках Просперо у Летюэля кровь застыла в жилах.

— О Трон, нет! — простонал он и встал прямо перед Калофисом.

Астартес посмотрел на него с таким видом, что могло показаться, будто он собирается шагнуть через него.

— Камилла, послушай меня, — заговорил Летюэль, приподнимая пальцем ее веко. Зрачки у Камиллы были расширены, так что глаза казались почти черными. Но Летюэль не знал, хорошо это или плохо. — Как ты себя чувствуешь?

— Как будто меня переехал «Ленд Рейдер», — отрезала она. — Еще глупые вопросы есть?

— Как твоя голова? — продолжал он,

стараясь говорить медленно и отчетливо. — Она болит?

— Конечно болит. Благодаря Калофису я целую вечность дышала дымом.

— Нет, не то... Ты ощущаешь какие-то изменения? — спросил Лемюэль, стараясь подобрать нужные слова. — Нет ли чего-то странного в этой головной боли?

— Не знаю, — ответила Камилла, невольно заражаясь его тревогой. — А что? Что со мной могло случиться?

Лемюэль проигнорировал ее вопрос и обратился непосредственно к Калофису:

— Немедленно неси Камиллу в лазарет и пошли за лордом Ариманом. Скорее! У нас очень мало времени!

Миллиарды отблесков от граней безупречных кристаллов в руках тысячи траллсов, стоявших в точках пересечения энергетических линий, залили светом Отражающие пещеры. Огромная пещера из хрусталя, расположенная на милю в глубину под Тизкой, была не менее трех

километров в поперечнике в самом широком месте, и свисающие с далекого потолка сталактиты наполняли ее негромким перезвоном. Блики света отражались от стен и освещали людей и приборы, находившиеся в центре колоссальной пещеры.

С середины потолка свисало продолговатое бронзовое устройство, похожее на гигантский телескоп. Его поверхность была усеяна неизвестными символами и серебряными лепестками, а на самом конце был закреплен зеленый полированный кристалл длиной около трех метров.

Точно под этим устройством стоял Магнус Красный и через кристалл наблюдал за ночным небом, нависшим над площадью Оккулюм. Кроме набедренной повязки, на нем не было никакой одежды, и блестевшее от масла тело было открыто всем стихиям.

Ариман наблюдал, как Амон массировал примарха смесью из сандалового масла, жасминового масла и росного ладана. Утизаар снимал излишки

тасел костяным ножом, а Аураматма держал дымящуюся курильницу, наполнявшую воздух ароматом лапчатки.[82] Фаэль Торон, напряженный до предела, стоял рядом с Ариманом.

Капитан Седьмого братства Фаэль Торон большую часть Великого Крестового Похода провел на Просперо и потому пропустил многое из того, что узнали его собратья с тех пор, как Магнус увел их из домашнего мира. Воины Седьмого братства быстро ознакомились с новыми учениями, но для того, чтобы полностью к ним приспособиться, требовалось некоторое время.

— Это действительно необходимо? — спросил Торон, показывая на странные атрибуты, разложенные под бронзовым механизмом.

Белая прямоугольная плита, похожая на алтарь, была обвита тяжелой цепью из намагниченного железа. Напротив каждого из углов плиты четыре вогнутых зеркала фокусировали свет от кристаллов в руках траллсов. Вокруг алтаря замыкалось пять

концентрических окружностей, а между ними были начертаны непонятные слова, от попытки прочесть которые у Ариана во рту остался неприятный привкус.

— Так приказал примарх, — заверил его Ариман. — После того как мы покинули Просперо, мы многому научились, Торон, и тебе еще многое предстоит понять. Если ты хотим спасти Хоруса, все это абсолютно необходимо.

— Но почему здесь, вдали от всех, в пещере?

— Обратись к своей истории, — посоветовал Ариман. — Первые мистические ритуалы всегда проводились в пещерах. Мы — произведения Магнуса, и, когда наши дни закончатся, мы, обновленные и переродившиеся, превратимся в свет звезд, чтобы снова служить нашей цели. Тебе это понятно?

Торон, ошеломленный яркой вспышкой ауры Ариана, отвесил короткий поклон:

— Конечно, лорд Ариман. Просто все это так ново для меня.

— Да, да, прости мою несдержанность, — ответил Ариман. —

Пойдем, уже пора.

Они шагнули вперед, и их помощники из числа траллсов накрыли броню белыми облачениями, перевязав по талии тонкими золотыми цепочками. Ариман взял в руки корону из листьев вербены, скрепленных серебряными нитями, а Торон поднял сверкающий атейм[83] с серебряным лезвием и обсидиановой рукояткой.

Они вместе подошли к Магнусу, и Утизаар, забрав у своего траллса железный фонарь, отступил в сторону. Амон, очистив руки от масел шелковой тканью, облачил Магнуса в белое одеяние, а потом поднял вверх жаровню, от которой пахло ольхой и лавром.

— Твоя плоть освящена, мой лорд, — произнес Амон. — Ты чист.

Магнус кивнул и повернулся к Ариману.

— Алый Король требует свою корону, — сказал он.

Ариман подошел ближе, ощущая жар, исходящий от кожи Магнуса, и медитативную энергию, зарождающуюся в

нем. Магнус склонил голову, и Ариман возложил на его чело корону из листьев вербены, убрав серебряные нити за уши.

— Благодарю, сын мой, — сказал Магнус. Его единственный глаз сверкнул фиолетовым огнем.

— Мой лорд, — отозвался Ариман.

Он с поклоном отошел от Магнуса и обернулся, чтобы принять тяжелую книгу в потертом кожаном переплете с золотым обрезом. В углублении переплета лежал железный талисман в виде оскаленной волчьей морды на фоне полумесяца.

Это была «Книга Магнуса», содержащая квинтэссенцию мудрости, выделенную из всех записей Махавасту Каллимака, сделанных им за долгие годы бездумной службы Тысяче Сынов. Даже взглянуть на нее считалось большой честью, а держать в руках и готовиться прочесть ее страницы составляло мечту всей жизни Аримана.

И все же, после того как он одернул фаэля Торона, Ариман никак не мог отделаться от мысли, что сомнения его

собрата могут быть справедливыми. Ритуал, подготовленный Магнусом, был поразительно похож на те, против которых предпринимался Великий Крестовый Поход.

— Все ли мы придерживаемся одного мнения? — спросил Магнус. — Без единогласия мы не сможем продвинуться ни на шаг. Гармония нашего собрания превыше всего, поскольку она затрагивает самое драгоценное — наши души.

— Мы единогласны, — в один голос ответили все капитаны.

— Наша работа начинается в темноте, но ведет к свету, — продолжал Магнус. — Мой облик обратится в хаос отдельных составляющих, но в целом станет больше, чем сумма его компонентов. Это величайшее из всех наших начинаний докажет, что мы сами хозяева своей судьбы. Мы заявим, что не смиримся с ролью безгласных пешек в Великом Океане, а сами выбираем свой путь. Дилетант станет мастером, самостоятельно принимающим решения. Мало у кого хватит смелости восстать

против безучастной Галактики, но мы — Тысяча Сынов, и для нас нет ничего невозможного!

Магнус кивнул Ауратагме, и тот по его знаку пошел к белой каменной плите, а тысяча траллсов монотонными голосами затянули не имеющие смысла напевы. Свет в их кристаллах начал пульсировать, словно в такт биению сердца самой пещеры.

Ауратагма, дойдя до плиты, повернул вправо и обошел вокруг, оставив своей курильницей непрерывный след ароматического дыма. Ариман последовал за ним, декламируя слова ангельского гимна из «Книги Магнуса», и их сила формировалась под звуки, слетающие с губ.

За Ариманом шагал Фаэль Торон, несущий на вытянутых руках атейм, а за ним с незажженным фонарем шел Утизаар. Замыкал процессию Амон, державший в латных перчатках раскаленную жаровню. Пять сыновей Магнуса девять раз обошли вокруг каменной плиты и остановились, когда он занял место в центре.

Примарх Тысячи Сынов лег навзничь на белую плиту, и его одежды свободно свесились по краям. Ариман продолжал читать его книгу, а Утизаар при помощи фитиля перенес огонь из жаровни Амона в фонарь. Затем Аурамагма поднял курильницу, и Фаэль Торон подошел к распростертому на камне Магнусу.

Ариман заметил, что свет стал неравномерным: из кристаллов в руках траллсов со всех сторон к центру протянулись зыбкие струи эфира. Через несколько мгновений весь пол в пещере был залит дымчатым сиянием, поскольку энергия, накапливаемая траллсами, искала выход. Свет накапливался в зеркалах и мощными потоками изливался на Магнуса, создавая вокруг его неподвижного тела призрачную ауру.

— Пора, — произнес Магнус. — Азек, дай мне лунного волка.

Ариман кивнул и снял с переплета книги металлическую фигурку. Полумесяц в освещении пещеры отливал серебром, а клыки волка блеснули, словно ледяные. Он опустил талисман в открытую ладонь

Магнуса и обмотал цепочкой его пальцы.

— Мне подарил его на Бакхендге Хорус Луперкаль, — сказал Магнус. — Это изображение украшало его доспехи, но случайная пуля отколола его от оплечья. Брат подарил его мне в качестве сувенира той войны и пошутил, что талисман послужит мне путеводной звездой в темные времена. Даже тогда он обладал громадным самомнением.

— Теперь мы проверим, правду ли он говорил, — сказал Ариман.

— Да, проверим, — согласился Магнус.

Закрыв глаза, он сжал руку с талисманом в кулак. Дыхание Магнуса заметно замедлилось и стало поверхностным, его сознание было сосредоточено на любви к брату. Через несколько мгновений на его плече появилось кровавое пятно, а из горла вырвался стон.

— Великий Океан, что это?! — вскричал Фаэль Торон.

— Индуцированная рана, — пояснил Амон. — Отголосок, стигмат, называй как хочешь. А означает она одно: у нас очень

мало времени, Воитель уже ранен.

— Торон, — прошептал Ариман, — твоя роль тебе известна. Выполни свой долг перед примархом.

Атейм вздрогнул на ладони Торона, поднялся, перевернулся в воздухе и повис точно над сердцем примарха. Серебряный шнурок сам собой выскользнул из короны, свесился через край алтаря и обвился вокруг намагниченной цепи.

— Я буду странствовать в Великом Океане девять дней, — произнес Магнус сквозь стиснутые зубы, ошеломив Аримана столь долгим сроком. — Что бы ни произошло, не нарушайте моего контакта с эфиром.

Пять воинов, окружавших алтарь, тревожно переглянулись.

— Не допускайте сомнений, — велел Магнус. — Не останавливайтесь, иначе все это будет напрасно.

Ариман опустил голову и продолжал читать, хотя не понимал значения слов, не представлял, как их произносить, но все же громко их выговаривал. Его голос постепенно окреп и составил резкий

контраст с монотонными напевами траллсов.

— Давай, Торон! — крикнул Магнус.

Атейм рухнул вниз и вонзился в грудь примарха. Над раной расцвел фонтан сверкающей и переливающейся красной крови. В то же мгновение клубящийся свет нашел выход, и ослепительно-белые лучи вырвались из зеркал и сошлись на рукояти атейма.

Магнус с ужасным воплем выгнул спину, его глаз открылся, но в нем не было ни зрачка, ни радужной оболочки, а лишь водоворот самых невероятных оттенков.

— Хорус, брат мой! — вскричал Магнус, и в его голосе откликнулось эхо тысячи душ, придававшее словам странный акцент. — Я иду к тебе!

Над телом Магнуса в пылающей колонне света появился призрачный силуэт.

Глава 24
ОНА БЫЛА МОИМ МИРОМ ЛЮБОЙ ЦЕНОЙ ЦЕНА

Лемюэль весь извелся от беспокойства. Он никак не мог отыскать Аримана, и у Камиллы оставалось все меньше времени. Неделя, так хорошо начавшаяся, всего через пару дней превратилась в настоящий кошмар. Два самых дорогих его друга были опасно больны, а третий страдал на службе у своего повелителя, который ничуть не заботился о его здоровье.

События совершенно вышли из-под контроля, и все его грандиозные мечты пройти обучение у Тысячи Сынов рассеялись как утренний туман. Он успел узнать много полезного, но какой толк от сил, если те, кого ты любишь, могут внезапно уйти навсегда?

Он уже пролил много слез, когда потерял близкого человека, и больше не

хотел переживать подобную утрату.

Палата Камиллы почти не отличалась от той, где лежала Каллиста, хотя здесь не было такого разнообразия приборов и устройств, подключенных к голове больной. Порезы и кровоподтеки были уже обработаны, легкие очистили от двуокиси углерода, остаточных элементов горящих металлов и пепла, рана на боку скрылась под повязкой, и лекари прописали Камилле сильные болеутоляющие средства и три дня постельного режима.

Но, вспоминая рассказ Аримана, Лемюэль опасался, что этих трех дней у Камиллы уже нет.

Он упросил Калофиса отыскать Аримана, но в ответ получил следующее: «Ариман занят с примархом, и его нельзя беспокоить». Несмотря на то что Лемюэль уже потерял счет времени, он подозревал, что сейчас было раннее утро. Взглянув на хронометр медицинской службы, он понял, что после того, как Калофис принес Камиллу к апотекариям, пролетело уже десять часов.

А Ариман все еще не приходил и даже никак не отвечал на призывы о помощи.

Он вернулся в палату Камиллы и застал у ее постели миловидную женщину с эбонитово-черной кожей. Одной рукой она держала ладонь Камиллы, а другой промокала ей пот со лба. Судя по изящному телосложению, это была уроженка Просперо.

— Чайя? — спросил Лемюэль.

Женщина кивнула и растерянно улыбнулась:

— А ты, наверное, Лемюэль.

— Верно. — Он обошел вокруг кровати и взял Чайю за руку. — Мы можем выйти на минуту и поговорить?

Чайя оглянулась на Камиллу:

— Если это касается здоровья Камиллы, наверное, она сама должна услышать все в первую очередь, не так ли?

— В обычных обстоятельствах я бы с тобой согласился, — сказал Лемюэль, — но двое моих лучших друзей попали в этот комплекс, и запас хороших манер у меня истощился. Так что прошу меня извинить.

— Все в порядке, Лемюэль, —

заговорила Камилла. — Ты же меня хорошо знаешь. Если есть какие-то новости, я хочу услышать их сразу, так что рассказывай, что ты хотел сообщить.

Лемюэль нервно сглотнул. Поделиться своими опасениями с возлюбленной Камиллы было уже достаточно сложно, а выложить все это ей самой в лицо казалось невыносимо трудным делом.

— Психнойены, о которых я тебе рассказывал, откладывают свои яйца довольно необычным способом.

Камилла улыбнулась, и ее лицо заметно расслабилось.

— С этим все в порядке, — сказала она. — Ни одно из этих чудовищ меня не ужалило. Калофис об этом позаботился. Если уж на то пошло, это его надо проверить, не готовится ли он стать мамой.

Лемюэль присел на край кровати и покачал головой:

— Размножение происходит не так, Камилла. Как я уже говорил, это очень необычный процесс...

Он пересказал все, что говорил ему Ариман о размножении психнойенов, стараясь при этом подчеркнуть, что такая опасность вряд ли ей грозит. Но по лицу Чайи он понял, что второй цели он не достиг.

— Ты думаешь, что голова у меня болит по этой причине? — спросила Камилла.

— Возможно, — вздохнул Лемюэль. — Я не знаю. Надеюсь, что нет.

— Надеешься? И это все, что ты можешь сказать? — рассердилась Камилла. — Пусть мне сделают сканирование мозга или что-то подобное! Если у меня в голове эти проклятые яйца, я должна об этом знать!

Лемюэль закивал:

— Конечно. Я пойду и выясню, что можно предпринять.

— Нет, — вмешалась Чайя. — Я сама этим займусь. У меня есть друзья среди Тысячи Сынов. Будет лучше, если я их попрошу.

— Да, да, — согласился Лемюэль. — Это звучит разумно. Хорошо, а я... подожду

здесь.

Чайя наклонилась и поцеловала Катиллу.

— Я вернусь, как только смогу, — пообещала она и скрылась за дверью.

Оставшись наедине с Катиллой, Летюэль робко улыбнулся, сел на стул и сложил руки на коленях:

— Плохой из меня лекарь, верно?

— С твоим подходом к больному? Согласна, не самый лучший.

— Ладно. Как твоя голова?

— Все еще болит.

— Ох.

— Но полет на диск-спидере с Калофисом был не самым плавным. И я действительно сильно ударилась головой о переборку.

— Тогда я уверен, в этом вся причина.

— Обманщик.

— Ладно, хватит! — рассердился он. — Что ты хочешь от меня услышать? Что яйца этих чудовищ уже в твоей голове и скоро личинки начнут пожирать твой мозг? Прости, но этого я сказать не могу.

Она окинула его долгим взглядом.

— Да, твои манеры в обращении с больными никуда не годятся, — сказала Камилла после паузы.

Ее вымученная шутка пробила барьер его сдержанности; Летюэль уронил голову на руки и расплакался. Слезы ручьями хлынули из глаз, и плечи затряслись от рыданий.

Камилла села в постели.

— Эй, Летюэль! Прости, но это я здесь больная, а не ты, — негромко напомнила она.

— Прости, — с трудом выдавил он. — Каллиста, а теперь еще и ты... Это слишком... Я не могу потерять вас обеих, не могу...

— И не потеряешь, — заверила его Камилла. — Мы справимся. Если и есть какой-то способ починить мою голову, то ты оказались в самом подходящем для этого месте, верно?

Летюэль вытер лицо рукавом и улыбнулся:

— Ты права. А ты очень смелая, тебе об этом известно?

— Я знаю, что оказалась в хороших

руках, так что это не моя заслуга.

— Ты смелее, чем думаешь, а это очень важно, — сказал Лемюэль. — Я это точно знаю, можешь не сомневаться.

— Да, со мной и с Калли все будет в порядке, а тебе только надо ждать и наблюдать.

Лемюэль горько вздохнул:

— Это все, на что я способен.

Камилла протянула руку и сжала его пальцы, прикрыв глаза:

— Нет. Это не так, верно? Ты сделал все, что мог, чтобы ее спасти.

Лемюэль резко отдернул руку:

— Не надо, прошу тебя.

— Все хорошо, — прошептала Камилла. — Расскажи мне о Малике.

Он нерешительно подбирал слова, поскольку вот уже много лет ни с кем не говорил о Малике. Слишком тяжело было пережитое горе, чтобы слова могли легко слетать с языка. Но постепенно он все же смог рассказать Камилле о самой яркой и самой прекрасной женщине в мире.

Ее звали Маликой, и встретились

они на благотворительном вечере, когда правитель района Сангхи решил собрать деньги для покупки на Анатолийском полуострове травертина, достойного каменоломен Проконнисоса,[84] чтобы пожертвовать его Гильдии вольных каменщиков. Мастер Гильдии пообещал подобрать достойное место для статуй, созданных из этих блоков, возможно даже в Инвестиарии Императора. Кроме того, прошел слух, что заказ был передан самому Остину Делафуру.

Подобные предприятия требуют немалых средств, и самые зажиточные граждане были приглашены финансово поддержать эту затею. Лемюэль был богат благодаря деловой хватке и своему дару, позволявшему читать ауры и отличать ложь от правды, и недавно построил роскошное поместье. Он владел немалой собственностью по всей стране и пользовался популярностью, поскольку не скупился на благотворительность.

Малика была дочерью правителя Сангхи, и в тот вечер под звездами, за

бутылкой пальмового вина они влюбились друг в друга. На следующий год состоялась свадьба, и средств на нее ушло больше, чем иные семьи во владениях Летюэля тратили за целый год. Он никогда не был счастливее, чем в те семь незабываемых лет, и даже сейчас его лицо сияло от прекрасных воспоминаний.

Первыми признаками ухудшения здоровья Малики стали жестокие мигрени, неожиданные обмороки и кратковременные провалы в памяти. Лекари предлагали болеутоляющие средства и отдых, но симптомы не исчезали. Наконец был получен диагноз лучших врачей, практикующих в Нордафрике, и тогда выяснилось, что у Малики развивается прогрессирующая астроцитома — злокачественная опухоль мозга, которая очень трудно поддается лечению.

Хирургическая операция тоже не могла помочь, поскольку клетки опухоли распространились по всему мозгу. В попытке ограничить развитие недуга были назначены сеансы лучевой терапии и

предприняты хирургическое вмешательство и интенсивная химиотерапия, но Лемюэлю сказали, что неоднородный состав опухоли затрудняет лечение. Пока подавляется один тип клеток, другие продолжают разрушать мозг Малики.

Лемюэль видел, как его жена тает на глазах, и ничего не мог сделать. Беспомощность стала его проклятием, и тогда он обратился к эзотерическим методам, пытаясь ее спасти, хотя и безуспешно. Но Лемюэль не отступал и ради любимой жены был готов на все.

Любой шанс лучше, чем бездействие.

Лемюэль привлек знатоков гомеопатии и натуропатии для проведения поддерживающих курсов лечения плоти, тогда как знатоки Аюрведы изо всех сил старались поддержать ее дух. Были использованы гимнастика цигун, акупунктура, контролируемое дыхание, гипноз и ортомолекулярная терапия, но ничего не помогало.

Лемюэль не сдавался. Его

исследования привели к самым тайным отраслям знаний, и ему пришлось читать тексты и общаться с силами, неподвластными человеческому пониманию. В это время он узнал о своих способностях, а также о тех, кто был способен излечить любые болезни, поднять мертвых и призвать неземные и противоестественные силы.

Его ничто не испугало. Ради спасения жены Летюэль не остановился бы ни перед чем.

Она умоляла его прекратить попытки спасти ее, но он не слушал. Малика примирилась с близкой смертью, но Летюэль не мог. Он плакал, рассказывая Катилле, как Малика с крыши веранды провожала его в экспедицию в Гималазию, где он надеялся разыскать тайных мудрецов, овладевших всеми секретами тела и духа.

Если кто-то и мог помочь, то только они.

Он собрал все свои богатства и в сопровождении нескольких спутников поднялся высоко в горы, где всех их чуть не

убил гулявший между вершинами ледяной ветер. Но путешествие оказалось напрасным: строители Императорского Дворца давно прогнали мудрецов, даже если они когда-то и жили в этих горах.

К тому времени, когда он вернулся, Малика уже умерла.

— Она была для меня целым миром, — сказал в заключение Лемюэль.

— Как жаль, — вздохнула Камилла. — Я ничего этого не знала. То есть я видела ее, когда дотронулась до тебя еще на Агхору, но ничего не поняла. Почему ты никогда не рассказывал нам о Малике?

Лемюэль пожал плечами:

— Я не люблю говорить о том, что она умерла. Чем чаще я это повторяю, тем более реальным и бесповоротным становится этот факт.

— Ты считаешь, что сумеешь это изменить?

— Какое-то время я думал, что смогу, — признался Лемюэль. — В некоторых книгах я читал о возвращении мертвых к жизни, но эти указания слишком

расплывчаты. Мне ничто не помогало, но потом представилась возможность вступить в орден летописцев, и я ухватился за этот шанс и подал прошение назначить меня в Легион Тысячи Сынов.

— Почему в Тысячу Сынов?

— Я знал, какие о них ходили слухи, — ответил Лемюэль. — А ты?

— Я не прислушиваюсь к слухам, — улыбнулась Камилла. — Я их создаю.

Лемюэль засмеялся:

— Тише, моя дорогая. В поисках лекарства для Малики я наслушался довольно историй о колдовстве Тысячи Сынов. Я слышал передаваемые шепотом истории о том, как много их воинов пострадало от ужасных мутаций, и о том, что Магнус спас свой Легион. И я решил, что, поучившись у них, я смогу вернуть Малику.

— Ох, Лемюэль. — Камилла взяла его руку и поцеловала. — Поверь, нет никакого возвращения мертвых. Я знаю. Я дотрагивалась до трупов и прислушивалась к их жизням, ощущала их любовь и боль. Но во всем этом я ощущала

радость от жизни, когда они были живыми и были живы их близкие. В конце концов, это лучшее, на что ты можешь надеяться, верно?

— Вероятно, ты права, — согласился Лемюэль. — Но я так сильно старался.

— Она знала это. Она видела, что ты любишь ее и стараешься спасти.

— Можно, я принесу тебе ее вещицу? — спросил Лемюэль. — Возможно, ты сумеешь ее прочитать.

— Конечно, все, что в моих силах, Чайя. Ты и сама это знаешь, — каким-то сонным голосом произнесла Камилла.

Лемюэль нахмурился:

— Ты только что назвала меня Чайей?

— Конечно... А что? Это же... твое имя, — ответила Камилла. — Правда, любовь моя?

Рука Камиллы бессильно упала на постель, и ее глаза широко раскрылись. У Лемюэля перехватило дыхание. Она стала хватать ртом воздух, а левая половина лица вдруг сморщилась, словно его кто-то стиснул изнутри.

— Камилла, нет! Нет!

Ее кулаки сжались, комкая простыню, а тело напряглось, как в эпилептическом припадке, в глазах вспыхнула безумная ярость, а в уголке рта показалась кровь. Потом все тело Камиллы изогнулось от боли, а на лице возникло выражение безмолвной мольбы.

Лемюэль бросился к дверям.

— Помогите! Ради Трона Терры, помогите! — кричал он.

— Ты их видишь? — спросил Фозис Т'Кар.

— Да, — ответил Хатхор Маат. — Увидеть их не проблема. Гораздо сложнее что-нибудь с ними сделать.

— Пожалуйста, — молил Лемюэль. — Сделайте хоть что-нибудь.

После того как он позвал на помощь, в палате Камиллы закипела бурная деятельность. Чайя вернулась не с медиками и не с техниками для установки каких-нибудь приборов, а с двумя капитанами Легиона Тысячи Сынов. Она представила Лемюэлю Фозиса Т'Кара,

капитана Второго братства, и Хатхора Маата, капитана Третьего братства.

Да, у нее точно были хорошие связи с Легионом.

Пока фозис Т'Кар силой своей мысли удерживал Камиллу в неподвижности, невероятно красивый Хатхор Маат обхватил ладонями ее череп. Он прикрыл глаза, но по движению зрачков под веками было ясно, что Астартес пользуется другим зрением.

— Их там шесть штук, они глубоко спрятаны и быстро растут, — сообщил он. — Мерзкие белые твари. Личинки еще не вылупились, но осталось совсем немного.

— Вы сможете ее спасти? — спросила Чайя голосом резким, как звук бьющегося хрусталя.

— А чем мы, по-твоему, занимаемся? — сердито бросил фозис Т'Кар.

— Это хитрые маленькие бестии, — прошипел Хатхор Маат. Он покрутил головой и провел ладонями по черепу Камиллы. — Органические усики, как якоря, проникли в тело мозга и прицепились к нервным волокнам.

придется их понемногу выжигать.

— Выжигать? — в ужасе повторил Лемюэль.

— Конечно, — сказал Хатхор Маат. — А как иначе я могу от них избавиться? А теперь помолчите.

Лемюэль сжал руку Чайи, и она ответила ему тем же. Несмотря на то что до сегодняшнего дня они ни разу не встречались, их объединила любовь к Камилле. По напряженным мышцам на груди и руках было видно, что Камилла пытается биться в агонии, но фозис Т'Кар без всяких видимых усилий не давал ей шевельнуться.

— Я тебя вижу, — произнес Хатхор Маат и согнул указательный палец, словно ловил рыбу.

Лемюэль уловил тошнотворный запах гари.

— Ты делаешь ей больно! — закричал он.

— Я велел тебе молчать! — гаркнул Хатхор Маат. — Стоит только ошибиться на волосок, и я могу сжечь нервный узел, управляющий работой легких

или перекачиванием крови. Я добрался до этой твари и теперь медленно кипячу ее заживо.

Он удовлетворенно хмыкнул:

— Ага, тебе это не нравится? Пытаешься закопаться глубже? Ладно, посмотрим.

Хатхор Маат растопырил пальцы и охватил череп Камиллы. Запах горелого мяса усилился, но Астартес продолжал улыбаться. Его манипуляции продолжались не меньше часа, и наконец Хатхор Маат кивнул, довольный результатом:

— Один. Два. Три. И четыре... Эти готовы.

— Ты всех уничтожил? — спросил Летюэль.

— Не говори глупостей. Это всего лишь усики первого яйца. Эти существа очень упрямы и не сдаются без борьбы. Сейчас яйцо не закреплено, и надо поскорее удалить его, пока не выросли новые щупальца. Фозис Т'Кар?

— Я его зацепил, — откликнулся капитан Второго братства.

Фозис Т'Кар поднес руку к ухо

Камиллы и изогнул пальцы, как будто открывал самый сложный из замков. Пальцы у него оказались неправдоподобно гибкими, и Лемюэль с замиранием сердца увидел, что он стал постепенно сжимать кулак.

— Сохрани нас, великая Инкосазана! — вскричал Лемюэль, когда из уха Камиллы показалось что-то влажное и извивающееся.

Существо было похоже на обыкновенную личинку, и ее покрытое слизью тело отчаянно извивалось, безуспешно сопротивляясь невероятной силе Фозиса Т'Кара.

Личинка шлепнулась в подставленную овальную чашку, забрызгав блестящий металл кровью и слизью. От одного взгляда на это существо Лемюэля сразу начало тошнить.

— Не окажешь любезность? — с усмешкой произнес Фозис Т'Кар, протянув ему плошку.

— О, конечно, — пробормотал Лемюэль.

Он взял плошку кончиками пальцев за

самый край и вытряхнул зародыш психнойена на выложенный плитками пол больничной палаты.

А потом наступил на него ногой и растер до состояния однородной пасты.

— Одна есть, осталось еще пять, — сказал Хатхор Маат, блестя испариной. — Тем лучше, мне нравятся трудности.

За пределами пирамиды апотекариев над Тизкой пролился небольшой дождь. Для горожан подобное явление было редкостью, и многие вышли на улицу, чтобы ощутить капли на своей коже. Дети шлепали по лужам и стояли под водосточными трубами, оглашая город веселыми криками.

Но дождь затянулся на несколько дней и каждое утро грозил затопить Тизку.

Никто не знал, откуда он взялся. До сих пор построенные на склонах гор технопсихические комплексы вполне справлялись с предсказыванием и контролированием климата планеты.

Некоторое количество осадков, безусловно, было необходимо для

поддержания баланса экосистемы, но с такими продолжительными ливнями жителям Тизки еще не приходилось сталкиваться. Здания заблестели в потоках воды, а улицы превратились в бурные реки.

Горожане обратились с вопросами к Тысяче Сынов, но никаких разъяснений по поводу внеплановых дождей не последовало. Больше половины капитанов Легиона отсутствовали, а остальные ничего не могли сказать.

На шестой день на площади Оккулюм состоялся импровизированный парад — толпы людей сбрасывали с себя одежду и нагими скакали под дождем. В Тизке не имелось никаких регулярных подразделений для поддержания порядка, и потому нагих танцоров пришлось разводить по домам просперианским гвардейцам. На седьмой день несколько участников парада пали жертвами вирусной пневмонии, а к утру следующего дня перед пирамидой апотекариев собрались толпы возмущенных горожан, требующих вакцины. К тому времени,

когда Гвардии Шпилей удалось восстановить порядок, погибло шестьдесят три человека. Остальные разошлись по домам, и над городом повисла трачная тишина.

На девятый день дожди наконец прекратились и из-за тяжелых туч показалось солнце. Яркий луч осветил Тизку, окутал ее золотистым сиянием и уперся в горящую урну на вершине колонны, стоявшей в центре площади Оккулюм.

Махавасту Каллимак записал, что в город вернулся небесный свет.

Глубоко под землей, в Отражающих пещерах, этот луч вернулся к своему источнику.

Магнус открыл глаз, атейм выскочил из его тела, и лезвие, едва соприкоснувшись с воздухом, рассыпалось в пыль. Ариман со вздохом облегчения увидел, как примарх приподнялся, спустил ноги с белой плиты и энергично заморгал, вглядываясь в сумрак.

Пещеру освещало только слабое сияние стен. Из тысячи траллсов в живых осталось только восемнадцать, и те были

на грани истощения, свет их кристаллов почти погас.

— Мой лорд, — заговорил Амон, подавая примарху кубок с водой, — мы очень рады снова тебя видеть.

Магнус кивнул, и Ариман заметил, как побледнела его кожа. Длинные красные волосы слиплись от пота, и Ариману даже показалось, что под полупрозрачной кожей он видит вздувшиеся вены и пульсирующие органы. Но это впечатление было обманчиво: Ариман уже заглядывал в сущность Магнуса, и ничего столь примитивного, как внутренние органы, легкие или печень, в бессмертном теле примарха не было и быть не могло.

Фаэль Торон, Утизаар и Ауратагма, безмерно радуясь возвращению своего повелителя, подошли ближе. Только Ариман не сдвинулся с места. Проведенный ритуал вызвал у него противоречивые эмоции. Девять долгих дней они стояли на страже над телом возлюбленного примарха, не спали, не ели и не пили. За все это время они не произнесли ни единого слова, не общались и с оставшимися на

поверхности братьями.

— Твое странствие не было напрасным? — спросил Ариман. — Ты добился успеха?

Магнус перевел на него взгляд единственного глаза — тусклого, водянисто-голубого — и покачал головой.

— Нет, Азек, я думаю, что ничего не добился, — ответил Магнус. — Когда я появился, чтобы спасти брата от бездны, другие уже стояли наготове, чтобы его подтолкнуть.

— Другие?! — воскликнул Аурамагма. — Кто это?

— Негодяй по имени Эреб, который служит у моего бывшего брата Лоргара. Похоже, что те силы, которые жаждут завладеть Хорусом Луперкалем, уже запустили в него свои когти. Несущие Слово уже оказались в рабстве Хаоса.

— Легион Лоргара тоже нас предал? — спросил Фаэль Торон. — Значит, измена глубже, чем мы предполагали.

— Хаос? — переспросил Ариман. — Ты говоришь так, как будто это чье-то имя.

— Так и есть, сын, — сказал Магнус. —

Это Изначальный Разрушитель, который с самого начала времен скрывается в потаенных глубинах Великого Океана. Но сейчас он с бесконечным терпением начинает подниматься на поверхность. Это враг, против которого все должны объединиться, иначе человеческой расе грозит уничтожение. Грядущая война может стать концом всему.

— Изначальный Разрушитель? Я никогда не слышал о таком, — заметил Ариман.

— И я тоже, пока не повстречался с Хорусом и Эребом, — сказал Магнус.

Едва заметная вспышка в ауре примарха повергла Аримана в шок. Магнус обманывал их. Изначальный Разрушитель был ему известен.

— Что же мы теперь будем делать? — спросил Утизаар. — Я уверен, что мы должны предупредить Императора.

Магнус немного помолчал, затем медленно кивнул.

— Да, должны, — сказал он. — Если мой отец будет извещен, он сумеет принять меры против Хоруса, пока не

станет слишком поздно.

— Но разве он нам поверит? — усомнился Ариман. — У нас нет доказательств.

— Теперь у меня есть доказательства, — устало произнес Магнус. — Вы все теперь расходитесь по своим братствам, я вызову вас. Амон, помоги мне, остальные могут уйти. Ариман, — добавил Магнус, — направь все силы Корвидов на распутывание нитей будущего. Мы должны узнать как можно больше. Ты меня понял?

— Да, мой лорд, — ответил Ариман.

— Сделай все, что сможешь, — продолжал Магнус. — Знания надо получить любой ценой.

Лемюэль, внезапно проснувшись, увидел стоявшего над ним Аримана. Наставник смотрел на него очень серьезно, и Лемюэль немедленно ощутил возникшее в комнате напряжение. Он подавил зевок и вспомнил, что снова заснул у постели Каллисты. Ее глаза были закрыты, но спала она или была без сознания, он

определить не смог. Камилла сидела напротив, и ее дыхание все еще было равномерным, как у спящей.

После тяжелого случая с яйцами психнойена Камилла быстро оправилась и теперь уже обрела прежнюю форму.

— Мой лорд? — заговорил Лемюэль. — Что случилось?

Позади Аримана стояли Амон и Анкху Анен, отчего палата вдруг показалась очень тесной.

— Вы оба должны сейчас же уйти отсюда, — сказал Ариман.

— Уйти? Почему?

— Потому что то, что здесь произойдет, вам не понравится.

— Я не понимаю. — Лемюэль поднялся со стула и решительно подошел к постели Каллисты. Камилла тоже проснулась и с изумлением глядела на троих Астартес.

— Лем?! — воскликнула она, мгновенно почуяв напряженность. — Что происходит?

— Я еще не знаю, — ответил он.

— Я не надеюсь, что вы отнесетесь к этому с пониманием... — Ариман не скрывал искреннего сожаления. — Но

происходящие события требуют от нас знания будущего. Наши обычные методы получения такой информации в данный момент нам недоступны, поэтому приходится искать другие пути.

— Что вы собираетесь сделать? Я не позволю вам причинить ей вред.

— Прости, Лемюэль, — продолжал Ариман. — У нас нет выбора. Это должно произойти. Поверь, я бы хотел, чтобы можно было обойтись без этого.

Амон подошел к ряду приборов в ореховых корпусах и повернул все регуляторы в среднее положение. Жужжащие над ними шары немного потускнели, и из них высунулись иглы регистраторов информации.

— Что вы делаете? — настойчиво спросила Камилла. — Лорд Ариман, объясните, пожалуйста.

Ариман ничего не сказал, но его лицо выдавало крайнее смущение.

— Вы хотели узнать, что это за приборы? — Анкху Анен взял Лемюэля за руку и легко отодвинул от кровати Каллисты, направив к Ариману. — Это

блокиратор эфира. Он изолирует мозг субъекта от Великого Океана. Мы использовали эти устройства для помощи своим братьям при угрозе перерождения плоти. Это был единственный способ остановить процесс. Разум вашей подруги открыт бурным потокам Великого Океана, и если бы не эти машины, его переполнила бы эфирная энергия.

— А вы можете... перекрыть этот доступ? — спросила Камилла, встав у кровати, словно на страже подруги.

Астартес ничего не сказали, но Лемюэль прочел ответ в их аурах.

— Могут, — сказал он. — Но не сделают этого.

— Она и так уже должна была умереть, — прошипел Анкху Анен и оттолкнул Камиллу с дороги. — Она обладала уникальной связью с течениями будущего, а нам приходится использовать все имеющиеся инструменты.

— Инструменты? Так вот чем вы нас считаете! — возмутился Лемюэль, безуспешно пытаясь вырваться из рук Аримана. — Все это время вы только

использовали нас?

— Ничего подобного не было, — возразил Ариман, бросив сердитый взгляд на Анкху Анена.

— Было, было, — сказал Лемюэль. — Теперь мне все понятно. Вы считаете, что вам все известно, но ваша вера в свои познания ослепила вас. Вы даже не в состоянии допустить, что кто-то другой может знать больше, чем вы.

— Потому что это невозможно, — сердито бросил Ариман. — Мы в самом деле знаем больше, чем кто-либо другой.

— Может, так, а может, и нет. А вдруг вы что-то упустили? Вдруг не поставили на место какой-то маленький фрагмент мозаики?

— Помолчи, — приказал Анкху Анен. — Мы архитекторы судеб, а не вы.

— А что произойдет, когда вы отключите эти машины? — спросила Камилла.

Она поняла, что физически противостоять Астартес бесполезно, и успокаивающим жестом взяла Лемюэля за руку.

— Мы послушаем, что она скажет, и таким образом узнаем будущее.

— Нет, я вам не позволю, — заявил Летюэль.

— Не позволишь? — усмехнулся Анкху Анен. — Да кто ты такой, чтобы здесь командовать? Ничтожество! Если Ариман научил тебя нескольким трюкам, ты уже вообразил себя одним из нас? Ты смертный, и твои силы, твои способности нельзя даже сравнить с нашими.

— Ариман, прошу тебя! — взмолился Летюэль. — Не делай этого!

— Прости, Летюэль, но он прав. Каллиста все равно умирает. А так ее смерть, по крайней мере, принесет пользу.

— Вы лжете! — закричал Летюэль. — Если вы это сделаете, это будет настоящим убийством. С таким же успехом можно просто пристрелить ее, так было бы честнее.

Амон снял несколько контактов с головы Каллисты и просмотрел показания эфирных блокираторов. Затем кивнул Ариману:

— Я все сделал. Несколько

блокираторов оставлены, но ее разум открыт для Великого Океана. Пока немного, но этого достаточно, чтобы пробудить активность предсказаний.

Каллиста резко открыла глаза и, мгновенно осознав напряженность, испуганно втянула ртом воздух. Потом ее губы задвигались, и откуда-то из глубины груди вырвался прерывистый хрип. В палате заметно похолодало.

— Миллионы стеклянных осколков, миллионы миллионов. Все разбито, повсюду осколки. Глаз в стекле. Он все видит и все знает, но ничего не делает...

Ее глаза закрылись, и дыхание стало глубже. Больше никаких слов не прозвучало, и Анкху Анен, подойдя к кровати, приподнял ее веко.

— Надо увеличить приток энергии, — сказал он. — Мы еще можем чего-то от нее добиться.

— Прошу вас, — молила Камилла. — Не надо.

— Ариман, она ни в чем не виновата, она не заслуживает такой пытки! — крикнул Лемюэль.

Астартес не обращали на них никакого внимания. Амон несколько раз щелкнул тумблерами, бронзовые иглы опустились еще ниже. Тело Каллисты сильно дернулось, она забила ногами, путаясь в простыне. Летюэль не хотел смотреть на ее мучения, но не мог отвести взгляд от ужасного зрелища.

Каллиста вскрикнула, и слова непрерывным потоком хлынули с ее губ, а температура воздуха продолжала падать.

— Слишком поздно... Волк уже у дверей, он жаждет крови. О Трон... нет, не крови. Вороны, я их тоже вижу. Потерянные сыновья и Вороны в крови. Они молятся о спасении и знаниях, но напрасно! Брат предан, брат убит. Ужасная ошибка из благородных побуждений! Этого не может быть, но должно произойти!

Лицо Каллисты заблестело от пота. Глаза едва не вылезали из орбит, и каждый мускул ее тела напрягся до предела. Предсказания отняли слишком много сил, и она упала на спину, всем телом содрогаясь в конвульсиях.

Летюэль почувствовал, что хватка

Аримана ослабла. Подняв голову, он прочел на его лице сожаление. Тогда Лемюэль попытался расширить свою ауру, чтобы передать Ариману свое сочувствие и боль, вызванную отношением Тысячи Сынов к Каллисте. Эффект получился незначительным, но Ариман обратил на него взгляд, в котором восхищение смешивалось с состраданием.

— На меня это не подействует, — заговорил Ариман. — Ты многому научился, но у тебя не хватит сил, чтобы повлиять на меня.

— И ты позволишь этому продолжаться?

— У меня нет выбора. Этого потребовал примарх.

— Лем, они убьют ее, — простонала Камилла.

Ариман повернулся в ее сторону:

— Она уже мертва, госпожа Шивани. — Затем он кивнул Амону. — Пусть эфир вольется в нее с полной силой. Мы должны узнать все.

Советник Магнуса отвернулся к машине, и все переключатели поставил в

положение «ноль». Иглы повисли в воздухе, светящиеся шары мигнули и погасли. Стеклянные шкалы на приборах мгновенно затянуло инеем. Летюэль ощутил неземной холод.

Реакция Каллисты последовала мгновенно. Ее спина выгнулась дугой, глаза распахнулись, и из них вырвались лучи ослепительного света, как будто внутри зажглась яркая горелка. Зеленовато-голубой свет залил всю палату, отбрасывая на стены тени от несуществующих предметов. Из горла Каллисты вырвались завывания миллионов монстров, и Летюэль почувствовал отвратительный запах горящей человеческой плоти.

Тело Каллисты окуталось густым дымом, и даже Астартес испуганно отшатнулись. Ее плоть вздувалась и пузырилась, падала с костей почерневшими хлопьями, как будто под струей невидимого огнемета. Шипящие брызги летели во все стороны, кипящий жир стекал ручейками, и тело быстро истончалось.

Но она все еще кричала.

Она кричала еще долго после того, как легкие и мозг превратились в обугленные сгустки. Звук, похожий на скрип множества когтей по грифельной доске, вонзался в Лемюэля раскаленным ножом, пронизывал все его внутренности, звенел в голове с такой силой, что он упал на колени. Камилла тоже кричала, а ее пальцы клещами сжимали руку Лемюэля.

Затем раздался последний ужасный вопль, и все стихло.

Лемюэль поморгал, прогоняя цветные пятна перед глазами. От запаха горелого мяса, оставшегося в воздухе, у него к горлу подступила тошнота. Лемюэль боялся смотреть, но он должен был увидеть, что стало с Каллистой Эридой, и он медленно поднялся с колен.

От красивой женщины-летописца не осталось ничего, кроме черного силуэта на постели и дымящихся фрагментов отвалившейся плоти, свисавших с кровати длинными тягучими веревками.

— Что вы наделали? — прошептал он, и по лицу покатились слезы. — Ах,

Каллиста, бедная моя девочка.

— Мы сделали то, что должны были сделать, — прошипел Анкху Анен. — И я не намерен извиняться.

— Нет. — Летюэль повернулся к Камилле и помог ей подняться. — Вам и не надо этого делать. Это было убийство, простое и откровенное.

Камилла рыдала, уткнувшись лицом в его плечо и вцепившись пальцами в спину.

К ним подошел Ариман.

— Я сожалею, друг мой, — произнес он.

Летюэль уклонился от его руки и направился к выходу, заботливо поддерживая Камиллу.

— Не прикасайся ко мне, — сказал Летюэль. — Мы больше не друзья, и я сомневаюсь, что были друзьями раньше.

Глава 25
ПРЕДУПРЕЖДЕНИЕ ТЫ БЫЛ ПРАВ СЛИШКОМ БЛИЗКО К СОЛНЦУ

Магнус сидел в центре Отражающей пещеры, позволяя резонансным гармоникам толчащих кристаллов наполнять его душу спокойствием. Его медитации продолжались уже две ночи, и теперь он достиг необходимого спокойствия для совершения следующего путешествия. Он был не один: девятьсот траллсов заняли определенные места в пещере, держа терцающие кристаллы, в которые направляли свою жизненную силу.

Больше траллсов не удалось собрать, поскольку все те, кто принимал участие в прошлом ритуале, погибли от истощения. Магнус хотел бы, чтобы их было больше, но ему придется обойтись девятью сотнями. Другого выхода не было.

Составленное им заклинание требовало жертв. Такого сильного заговора он не употреблял еще никогда — ни в уединении своего санктума, ни в те дни, когда старался спасти Легион от ужасных мутаций.

Платой за него должны стать жизни траллсов, но эту жертву они приносили добровольно. Их собратья погибли напрасно, когда Магнус пытался спасти Хоруса. Эти траллсы умрут ради того, чтобы Магнус смог предупредить об измене Императора, и ни один не жалел света собственной жизни ради своего повелителя.

Магнус открыл глаз, и Ариман подошел ближе.

— Все готово? — спросил примарх.

Ариман, одетый во все белое, нес перед собой на вытянутых руках «Книгу Магнуса», словно драгоценное приношение. Беспокойство Аримана не укрылось от Магнуса, но из всех воинов лишь ему одному можно было доверить чтение заклинания, поскольку только Ариман обладал достаточной ясностью мышления и прочной связью с Исчислениями,

позволяющей с абсолютной точностью воспроизвести заговор.

— Да, мой лорд, — ответил Ариман. — Но я хочу спросить еще раз: нет ли другого пути?

— Почему ты сомневаешься во мне, сын?

— Нет, я вовсе не сомневаюсь в тебе, — поспешно заверил Ариман примарха. — Но я внимательно изучил магическую формулу. К таким мощным силам мы еще не прибегали. Последствия...

— Последствия падут только на меня, — прервал его Магнус. — А теперь делай так, как я прошу.

— Мой лорд, я всегда готов повиноваться, но заклинание для входа в чуждую сеть путей требует заключения сделки с самыми ужасными существами Великого Океана, — существами, чье имя переводится как... демоны.

— Ариман, от тебя мало что может укрыться, но все же есть вещи, о которых ты еще не знаешь. Тебе, как никому другому, надо понять, что «демон» — это бессмысленное слово, придуманное

глупцами, которые не знают, с чем имеют дело. Давным-давно я познакомился с силами Великого Океана, которые считал затонувшими концептуальными материками, но со временем понял, что это огромные средоточия разума, существа настолько могущественные, что они затеняют самые яркие звезды нашего мира. Вот с такими существами можно договариваться.

— Но что может понадобиться столь могучему созданию? — спросил Ариман. — И можно ли быть уверенным, что подобная сделка будет прибыльной?

— Я уверен в этом, — решительно ответил Магнус. — Мне уже приходилось заключать с ними соглашения. И это ничем не отличается от предыдущих. Если бы мы смогли сохранить врата на Агхору, в данном заклинании не было бы необходимости. Я мог бы просто войти в сеть и выйти из нее на Терре.

— При условии, что на Терре тоже есть врата, — заметил Ариман.

— Безусловно, они там есть. Иначе зачем бы отцу возвращаться на Терру и

продолжать исследования?

Аримaн кивнул, но Магнус видел, что его продолжают терзать сомнения.

— Сын мой, другого пути у нас нет. И ты уже говорили об этом раньше.

— Я помню, но меня пугает то обстоятельство, что приходится прибегать к запретным силам, чтобы предупредить Императора. Поверит ли он информации, доставленной таким способом?

— А ты хочешь, чтобы я доверился превратностям астротелепатии? Ты же знаешь, какими ненадежными могут быть интерпретации. Я не могу доверить сообщение такой важности простым смертным. Только я обладаю достаточной силой, чтобы переместить свою сущность в лабиринт чужаков и добраться до Терры с известием о предательстве Хоруса. А чтобы отец мне поверил, я должен говорить с ним напрямую. Он должен убедиться в четкости моих видений и должен узнать все, что знаю я. Передача сообщения через третьи, четвертые или пятые руки посредников только ослабит

впечатление от известий, и тогда будет поздно что-то предпринимать. Вот поэтому остается только один путь.

— Значит, мы должны это сделать, — заключил Ариман.

— Да, должны, — подтвердил Магнус.

Он поднялся с пола и вместе с Ариманом прошел к центру, где точно под площадью Оккулюм висело бронзовое устройство. Магнус посмотрел сквозь зеленый кристалл, словно надеялся увидеть Терру.

— Это опасное путешествие, — признал он, — но если кто-то и способен его осуществить...

— То это ты, — закончил за него Ариман.

Магнус улыбнулся:

— Ты присмотришь за мной, сын?

— Обязательно, — пообещал Ариман.

Магнус почувствовал, как мир вокруг него стал исчезать, и тогда стряхнул свою телесную оболочку, подобно змее, стряхивающей старую кожу. Древние, наблюдавшие за поведением этих существ,

верили, что они владеют секретами бессмертия, и называли их именами заведения для исцеления. И по сей день символом аптекариев является кадуцей с двумя змеями, которые обвиваются вокруг его рукоятки.

Узы плоти остались позади, и Магнус сформировал свою сущность в сверкающую стрелу, направленную с Просперо на Терру. Остановившись на этой мысли, он через площадь Оккулюм взмыл в небеса. Его световое тело было прекрасным творением, не сравнимым с плотской тяжестью, какой довольствовались смертные.

Но энергия заклинания уносила его все дальше, и Магнус выбросил из головы посторонние мысли. Он ощущал слова Аримана, слова древних колдунов Терры, обволакивающие его светящееся тело, и энергию траллсов, подпитывающих его своими жизненными силами.

Это опасное заклинание, и никто другой не осмелится им воспользоваться.

Темнота космоса расступилась, и перед ним открылись бурлящие потоки

Великого Океана. Магнус радостно засмеялся, приветствуя знакомые энергетические волны и течения, принявшие его, словно давно отсутствующего друга.

Среди сверхновых он стал яркой звездой, а остальные по сравнению с его божественным сиянием мерцали кусочками янтаря. В Великом Океане он мог быть чем угодно, здесь не существовало никаких запретов и было возможно все.

Он мчался сквозь вздымающиеся валы цвета, света и безымянных измерений, а мимо него проплывали миры. Бурлящий хаос эфира был сферой действия титанических сил, способных одним движением мысли создать или разрушить целые Вселенные. Сколько же триллионов потенциальных жизней родилось или подверглось уничтожению, пока он об этом думал?

Он спешил к своей цели, словно самая невероятная комета, когда-либо летавшая среди звезд, и даже хищники старались убраться с его дороги. Они узнавали его, и в

царстве, где свет творения горел в каждом дыхании, его ослепительное сияние внушало им страх. Стагнация для Магнуса была равносильна проклятию. Для процветания любой жизни требовалось движение по ступеням эволюции, и перемены являются составной частью жизни любого существа — от мельчайшего одноклеточного организма до лучезарного ангела, заключенного в грубую оболочку человечности.

Его благородный замысел разбрасывал искры силы, создававшие вдоль пути примарха призрачные миры и видения. А в головах тех, кому посчастливилось находиться вблизи его маршрута, рождались новые философии и направления мышления.

Курс полета изменился: блуждающая мысль повернула его в обход чудовищно темной тени, колоссальной массы огромного существа, что шевелилось в глубине Великого Океана. В неясных воспоминаниях Магнус ощутил проблеск узнавания, но подавил его небольшой вибрацией, наславшей кошмарные видения

на воинственное племя дикого мира, куда вскоре должна была прибыть Триста девяносто вторая экспедиционная флотилия.

В Великом Океане не существовало никаких ориентиров, его топография постоянно менялась, но сама изменчивость цвета и света этого ландшафта была знакома Магнусу. Ему уже приходилось проплывать над этой отмелью, и примарх резко свернул, чтобы взять нужный курс.

По его сверкающему телу прошла незначительная рябь, и Магнус понял, что погибла первая группа траллсов. Огоньки их душ погасли, а он потерял часть своей невероятной скорости.

— Держитесь, сыны мои, — прошептал он. — Осталось немного.

Цель его была близка, он это чувствовал: та же самая легкая вибрация потоков Великого Океана, которая привела его на Агхору. Она была совсем слабой, как далекий стук сердца, почти заглушенный рокотом множества боевых барабанов.

Создатели сети, исполненные

эгоизма, постарались сберечь свое творение только для себя, не принимая во внимание то обстоятельство, что время их господства во Вселенной подходило к концу. Даже на закате созданной ими империи они ревностно хранили свои секреты.

Магнус почувствовал, что один из тайных путей совсем рядом, и открыл внутренний глаз, взглянув на сверкающую материю Великого Океана во всем ее великолепии. Тайные капилляры сети ксеносов проявились расходящимися лучами расплавленного золота, и Магнус поспешно свернул к ближайшему пути.

Расстояние здесь не имело особого значения, так что едва намерение Магнуса оформилось, он уже закружился вокруг золотого луча. Магнус сконцентрировал свою энергию и метнул в сеть серебряную молнию. Десятки траллсов погибли в то же мгновение, но мерцающая пелена, окутывающая луч, осталась невредимой. Магнус обрушил кулаки на эту непроницаемую стену, уничтожая дюжины траллсов при каждом

ударе, но все было бесполезно.

Все напрасно. Он не может попасть внутрь.

Магнус понял, что его великолепный замысел под угрозой, и вопль разочарования разнесся по самым далеким уголкам Великого Океана.

А потом он ощутил его, уловил присутствие поблизости каких-то титанических сил, словно по океану двигался целый континент древнейшего разума. Перед глазами появились сполохи бесконечного спектра, более величественные и яркие, чем самое яркое полярное сияние Механикум. Такое извержение света и энергии даже Магнусу показалось невероятным.

Его звучание было шипящим, словно течение песка через воронку часов. Он обладал шириной и глубиной, но не имел ни начала, ни конца, как будто звук вечно существовал вокруг него и никогда не утихнет.

Существо говорило не словами, а энергией. Оно окружило его и свободно, без скрытых мотивов, предложило помощь.

Поистине Великий Океан был полон противоречий, и в его бурных, изменчивых потоках уживалось и добро, и зло. Насколько одни его обитатели были существами злобными и опасными, настолько другие излучали великодушие и альтруизм.

Вопреки убеждениям большинства людей, там существовали силы, не зараженные скверной, и те, у кого хватало сил и знаний, могли ими воспользоваться. Таких одаренных личностей пока было не много, но при содействии адептов, подобных Магнусу, человечество получало шанс шагнуть в золотой век исследований и овладения знаниями.

Магнус пополнил свои запасы предложенной энергией и ринулся внутрь золотистой сети. Стена расступилась, издав пронзительный стон, похожий на крик боли. Не медля ни мгновения, примарх определил маршрут до Терры и устремился вперед.

В глубине планеты, откуда вышла раса, в настоящее время считавшая себя

господствующей в Галактике, пульсировала и сотрясалась от активной работы огромная пещера. Зал, высотой в несколько сотен метров, а шириной в сотни раз больше, был наполнен гулом работающих механизмов и бесконечно воспроизводимым озоном. Когда-то это помещение служило Имперской тюрьмой, но его назначение уже давно сменилось.

По всему залу стояли машины невероятной мощности и сложности, уникальные устройства, которые могли поставить в тупик даже самых одаренных адептов Механикум.

Помещение производило впечатление лаборатории, принадлежащей самому блестящему из всех ученых мира. Все здесь свидетельствовало о великих делах, о еще не выявленных потенциалах и о казавшихся несбыточными мечтах, воплощенных в реальность. В одном конце зала имелось несколько массивных золотых дверей, как будто ведущих к самым секретным укреплениям. Над автоматическими створками располагались огромные резные символы

сросшиеся близнецы, грозный стрелец, ревущий лев, весы правосудия и некоторые другие.

По проходам между машинами, словно кровяные клетки по венам живого организма, двигались тысячи техноадептов, сервиторов и техножрецов, а в десяти метрах над полом размещался центр всей деятельности — золотой трон. От этого огромного, похожего на машину сооружения целая сеть кабелей уходила в широкий, герметично закрытый портал в противоположной стене зала.

О том, что находилось за этой дверью, было известно только одному существу, обладающему высочайшим интеллектом и невероятными силами, равных которым не было во всем мире. Это существо, облаченное в золотые доспехи, восседало на золотом троне и своим могучим разумом направляло очередную стадию великого проекта.

Это был Император. И хотя многие в этом зале видели его уже на протяжении многих жизней, никто о нем больше ничего не знал. Столь блестящей личности

невозможно было подобрать ни другого титула, ни другого имени. Окруженный высокопоставленными преторианцами и самыми доверенными помощниками, Император сидел и ждал.

Но неприятности всегда наступают неожиданно.

Золотой портал вспыхнул своим собственным, внутренним светом, как будто с другой стороны металл раскалился от невидимой горелки. Огромные автоматические орудия, установленные по периметру зала, подняли стволы и переключились в боевой режим. Произошла перегрузка некоторых цепей, и между машинами стали проскакивать миниатюрные молнии. Адепты бросились прочь от двери: они не знали, что за ней находится, но были достаточно сообразительны, чтобы предпочесть бегство.

Из оплавленного металла вырвались потрескивающие энергетические разряды и испепелили тех, кто не успел убежать. Высеченные в камне символы взорвались с резкими хлопками. И наконец все

источники света в зале, рассыпая тучи искр, погасли, а результаты нескольких столетий работы были безвозвратно уничтожены.

При первых же признаках тревоги кустодии Императора схватились за оружие, но к тому, что произошло дальше, их не могла подготовить никакая тренировка.

В проеме показалась массивная красная фигура, объятая пламенем. Она ворвалась в зал, разбрасывая языки огня. Существо, состоявшее из подвижных потоков света и звездного вещества, распространяло сияние, слепившее всех окружающих, и при виде его многочисленных глаз никто не мог избавиться от сознания собственной смертности.

Столь ужасного видения еще никому не приходилось видеть, а настоящее сердце этого существа было таким могучим, что билось только в специально созданной плоти.

Один лишь Император узнал великолепного ангела, а узнав, сильно

опечалился.

— Магнус, — произнес он.

— Отец, — откликнулся Магнус.

Их мысли встретились, и в этот момент тесного контакта Галактика изменилась навеки.

На площади Оккулюм, как обычно, кипела бурная деятельность, хотя в аурах продавцов и покупателей Лемюэль замечал оттенки необъяснимого страха. Они торговались более ожесточенно, чем прежде, но в глазах читалась усталость, а обычные препирательства звучали весьма грустно. Возможно, причиной тому стали беспорядки, произошедшие две недели назад. Никто так и не смог объяснить внезапное неистовство жителей города, не знавшего волнений уже несколько столетий.

Лемюэль и Камилла сидели на кованой железной скамье между Гордиевым бульваром и улицей Дедала, наблюдали за спешившими по своим делам прохожими и притворялись, что все идет как обычно, как будто они не знали, что живут в мире

воинов, считавших людей своими игрушками.

После смерти Каллисты прошло две недели, и большую часть этого времени они провели вдвоем, оплакивая погибшую подругу и стараясь примириться с создавшейся ситуацией. Было рассказано множество историй, пролито много слез и проведена переоценка ценностей, и в конце концов они пришли к общему заключению.

— Она считала этот мир раем, — сказала Камилла, прислушиваясь к неестественному смеху парочки людей, рука об руку прогуливающихся в тени Оккулюма.

— Мы все так считали, — откликнулся Летюэль. — Я даже не хотел, чтобы Тысяча Сынов получили новый приказ. Я хотел остаться здесь и учиться у Аримана. И посмотри, к чему это привело.

— Ты не виноват в смерти Калли! — воскликнула Камилла и взяла его за руку. — Даже не смей так думать.

— Я и не думаю. Я виню Аримана. Пусть он не нажимал на кнопки и не

отключал приборы, но он знал, чем все это кончится, и ничего не сделал, чтобы предотвратить ее смерть.

Еще некоторое время они сидели молча и наблюдали за толпой.

— Ты уверен, что он придет? — спросила Камилла.

Лемюэль кивнул:

— Придет. Он хочет этого не меньше, чем мы.

Камилла отвела взгляд, и Лемюэль заметил в ее ауре тень сомнений.

— Мы ведь оба этого хотим, верно?

— Да, — поспешно ответила Камилла.

— Говори, — попросил он. — Сейчас мы, как никогда, должны быть честны друг с другом.

— Я знаю, что ты прав, и пора...

— Но ты не хочешь улетать без Чайи, — закончил вместо нее Лемюэль.

— Не хочу, — призналась она. — Ты считаешь, что это глупо?

— Нет, это не глупо. Я тебя понимаю, но стоит ли ради этого умирать?

— Я и сама еще не знаю. — Камилла вытерла глаза тыльной стороной ладони. —

— Я думала, может, позвать ее с нами, но это ее мир, и она не захочет его покидать.

— Я не стану тебя уговаривать, ты ведь видела все, что видел я.

— Да, — кивнула Камилла, блеснув влажными глазами. — Это разобьет мне сердце, но я приняла решение.

— Хорошая девочка, — похвалил ее Летюэль, а себя упрекнул в том, что так долго не замечал очевидной истины.

Камилла махнула рукой в сторону улицы Дедала:

— Посмотри, похоже, это твой приятель.

Из-за угла появился паланкин, покачивающийся на плечах сервиторов, и двинулся в их сторону. Широкоплечие, мускулистые сервиторы были одеты в багряные балахоны и серебряные шлемы. Толпа мгновенно расступилась перед таким роскошным экипажем, и вскоре паланкин остановился перед Летюэлем и Камиллой. Из-за бархатных портьер показалась голова Махавасту Каллимака, затем снизу выдвинулись бронзовые ступени, и писец спустился на землю.

— Великолепный экипаж! — воскликнул Летюэль, испытывая невольное восхищение.

— Пустая трата времени, к тому же только подчеркивает, насколько я стар, — недовольно буркнул Махавасту, присаживаясь на скамью рядом с Камиллой. — Но Собек настаивает, чтобы я передвигался только так и щадил свои кости.

Старый писец похлопал по ладони Камиллы своей рукой, похожей на высохшую ветку дуба.

— Я сожалею о гибели госпожи Эриды, — сказал он. — Она была чудесной девушкой. Это настоящая трагедия.

— Вовсе нет, — резко бросил Летюэль. — Если бы она умерла от болезни или вследствие несчастного случая, это было бы трагедией. Но ее убили, просто убили.

— Понятно, — вздохнул Махавасту. — Есть что-то, чего я не знаю?

— Астартес Тысячи Сынов выжгли ее дотла, — сказала Камилла. — Они использовали ее дар, и она умерла ради того, чтобы они смогли уловить отблеск

будущего. Но все было напрасно — она говорила загадками.

— А, я слышал, с ней случился припадок в кафе, это верно?

— Да, с этого все и началось, — сказал Летюэль. Он вскочил и стал ходить взад и вперед перед скамьей. — Махавасту, они ее убили. Так просто, взяли и убили. Ну, что ты хочешь от меня услышать? Да, ты был прав, Легион Тысячи Сынов проклят. Если хотя бы половина того, что наговорила Каллиста, правда, этот мир обречен, и нам пора отсюда улетать.

— Ты хочешь покинуть Просперо? — спросил Махавасту.

— Очень хочу.

Махавасту кивнул:

— И ты с ним согласна, госпожа Шивани?

— Да, — ответила она. — Когда Анкху Анен отталкивал меня от постели Каллисты, я уловила часть его воспоминаний, отрывистые фрагменты из того, что произошло между ним и остальными капитанами. Это была кратковременная вспышка, не более того,

но они узнали нечто такое, что их пугает. Происходит что-то очень страшное, и чем дальше мы будем от Тысячи Сынов, тем лучше для нас.

— А у вас есть какие-нибудь идеи, как это сделать? — спросил Махавасту у Лемюэля.

— Есть, — ответил он. — Как раз сейчас на орбите находится грузовой транспорт «Киприа Селена». Экипаж заканчивает заправку топливом и припасами и готовится к полету на Транкс. Отправление назначено через неделю, и к тому времени мы должны попасть на корабль.

— И как ты собираешься это сделать? — поинтересовался Махавасту. — Экипаж будут проверять, а законных оснований взойти на корабль у нас нет.

Впервые за несколько последних недель Лемюэль позволил себе улыбнуться.

— Не беспокойся, — сказал он. — Я научился паре трюков, которые нам помогут.

Книги со стянутыми и порванными

страницами усеяли пол осенним листопадом. Модель звездной системы сломана, и астрологические карты сорваны со стен. Глобус Просперо разбит, и осколки охристо-желтых континентов лежат на полу вперемешку с голубыми фрагментами его океанов.

В покоях Магнуса пронесся разрушительный ураган, но виной бездумного разгрома был не посторонний вандал и не природная катастрофа. Автор хаоса, опустив голову на руки, так и остался сидеть на корточках посреди руин.

Белые одеяния Магнуса покрылись пятнами и измялись, кожа увяла от нескольких недель пренебрежительного забвения, а тело согнулось от непереносимого горя. За его спиной валялись обломки книжных полок и деревянной мебели. В комнате не осталось почти ничего целого. Зеркала потрескались и превратились в мозаику.

Запыхавшись от своего буйства, Магнус поднял голову.

Но физическая усталость была здесь

ни при чем. Дыхание перехватывало от сознания масштаба учиненных им разрушений, и разум цепенел от ужаса невосполнимых потерь.

Только одна вещь избежала разгрома — тяжелая кафедра из чистого железа, к которой была прикована «Книга Магнуса», гримуар всех его достижений, составленный из подробнейших записей Махавасту Каллимака.

Достижений.

Это слово комом встало у него в горле. Все его достижения оказались прахом и ложью.

Все было напрасно. И все разваливалось быстрее, чем он успевал строить.

Магнус поднялся во весь рост. Но его тело утратило прежнее величие, словно основная его часть осталась на Терре после стычки с отцом. Момент мысленного контакта получился возвышенно-ужасным. Он увидел себя со стороны — чудовищный огненный ангел смерти, несущий гибель всем смертным, которым не посчастливилось оказаться в

досягаемости его взгляда.

Только отец узнал его, поскольку сам вдохнул в него жизнь и не мог не узнать собственное творение. Магнус в одно мгновение познал себя, и это обожгло его душу и сокрушило сердце.

Он намеревался предупредить отца, донести до него все, что видел, и все, что узнал. Но все это не имело значения. Никакие его слова не могли перевесить или исправить колоссальную ошибку посещения Терры. По сравнению с тем разгромом, какой он по незнанию учинил в лаборатории, предательство Хоруса отошло на второй план. Обереги, хранившие дворец сотни лет, были уничтожены в один миг, а волна психической энергии убила тысячи людей, и еще сотни впали в безумие и покончили с собой.

Но и это было еще не самое худшее.

Хуже всего было сознание собственной ошибки.

Все, в чем он был уверен, оказалось обманом.

Он считал, что превзошел отца в

подчинении сил Великого Океана. Он поверил в то, что научился управлять его могуществом, но на развалинах величайшего труда своего отца он постиг истину. Ключом всему был Золотой Трон. Извлеченный из погребенных руин, из недр самой бесплодной пустыни, он был тем естественным магнитом, который мог открыть тайну течений варпа и набросить на них сеть. Теперь от него остались лишь обломки, и невероятно сложные стабилизаторы и варп-амортизаторы расплавились в однородную массу.

Между Императором и Магнусом произошел безмолвный разговор. Было выявлено все, что сделал Магнус, и открыто все, что планировал Император. Примарх увидел себя сидящим на Золотом Троне, использующим его невероятную мощь, чтобы направлять человечество к господству над всей Галактикой. Он должен был стать избранным инструментом отца для достижения окончательной победы. И ему было непереносимо больно, что его бездумное

высокомерие разрушило эту мечту.

Лишенное его воли заклинание, которое влекло Магнуса к Терре, утратило свою силу, и он ощутил зов плоти. Он не противился ему и позволил своей сущности улететь по золотой сети к тому разрыву, который он так легкомысленно сделал в ее ткани. Там уже собрались огромные стаи хищников варпа, клубящиеся армии бесформенных монстров и кровожадных созданий, которые жили только за счет разрушения.

Сумеет ли отец их удержать?

Магнуса сжигал стыд за пролитую им кровь, и ему было все равно.

Он пронесся по не подчиняющимся времени глубинам Великого Океана и очнулся в Отражающих пещерах, в самом центре обители мертвых. Не осталось в живых ни одного траллса, и даже их тела его заклинание иссушило до ветхой оболочки.

Его встретил только Ариман, но и тот выглядел изможденным до предела.

Со слезами на глазах Магнус бросился прочь от места своего преступления и

почти бегом устремился в пирамиду фотепа, игнорируя все вопросы Аримана. В одиночестве, среди обманчивых результатов многовековых исследований, его зрение затянулось кровавой пеленой. Он нередко высмеивал Ангрона за его припадки неистовой ярости, но после учиненного разгрома не мог не признать, что такое буйство доставляет некоторое удовлетворение.

Магнус поднялся и вышел из разгромленного кабинета. Он стыдился потери контроля над собой и хотел прояснить мысли. Стеклянная дверь на балкон тоже была разбита, и под ногами захрустели выпавшие осколки.

Магнус оперся локтями на балконное ограждение, позволяя прохладному ветерку шевелить его волосы и ласкать кожу. Далеко внизу, как будто ничего не произошло, Тизка жила своей жизнью, и ее обитатели еще не ведали, какую он уготовил им судьбу. Они ничего не знали, но над их миром уже нависло возмездие.

Он не догадывался, в какой форме последует кара, но, вспоминая речь

Императора на Никее, опасался самого худшего. Люди ходили по площади Оккулюм и улице Тысячи Львов, собирались в парках и у фонтанов, во множестве имевшихся в восточном, самом густонаселенном районе города.

На севере виднелся порт — обнесенная стенами территория на нижних склонах горы, полого спускающаяся к заливу. Дальше тянулось побережье с золотистыми пляжами, уходящими в пустоши. Над восточными отрогами возвышался Акрополь Магнум — скальный выступ с расположенной на нем крепостью, давно обратившейся в руины. На самой высокой точке скалы была установлена статуя Магнуса, отмечавшая место, где он сделал свои первые шаги в этом мире.

Как бы он хотел вернуть тот момент!

У подножия акрополя обосновались десятки театров с высеченными в скалах ярусами, и на каждом траморном просцениуме с важным видом расхаживали актеры. На равнине поднималось пять идеально круглых куполов, построенных по

правилам золотого сечения. В древние времена они служили храмами, но теперь использовались в качестве спортивных арен и тренировочных площадок.

Пейзаж дополняли многочисленные казармы Гвардии Шпилей Просперо, и, глядя на них, Магнус ощутил особенно сильный укол сожаления. Эти мужчины и женщины должны умереть только потому, что им довелось родиться на этой планете.

Горизонт прерывался пирамидами братств, их вершины поднимались над золотистым городом граненными хрустальными стрелами. Солнечные лучи весело плясали в гранях хрусталя. Когда-то давно он все это видел, но тогда принял видение за аллегорию. Теперь он знал истину.

— И все это обратится в пепел, — печально произнес Магнус.

— Вовсе не обязательно, — раздался позади него чей-то голос.

Сердитый выговор затер на губах Магнуса, когда он, обернувшись, понял, что в его покои никто не входил.

Он сам произнес эти слова.

Вернее, его модификация.

Зеркало, висевшее у двери, было разбито, но в медной раме еще осталось множество осколков. И в каждом из них зеркало отражение его глаза. В одном фрагменте он был насмешливым, в другом — сердитым, в третьем — любопытным, в четвертом — надменным. В каждом из них таилось скрытое удовольствие, все глаза были разного цвета, и все уставились на него.

— Зеркало? Ты и теперь пытаешься воспользоваться моим тщеславием, — произнес Магнус, испытывая ужас от зловещего предзнаменования.

— Я же говорил, что это лучшая приманка для ловушки, — сказали отражения целым хором дребезжащих голосов. — Теперь ты должен признать, что это правда.

— Ты только этого и добивался? — спросил Магнус. — Увидеть мое уничтожение?

— Уничтожение? Ни в коем случае! — воскликнули отражения, словно

оскорбленные этим предположением. — Ты всегда был нашим фаворитом, Магнус. Разве ты этого не знал?

— Фаворитом для чего?

— Для осуществления вечного хаоса уничтожения и перерождения, бесконечного созидания и разрушения, которое длилось всегда и будет продолжаться неизбежно. Да, ты всегда был для нас первым, а Хорус всего лишь вторым. Вечные Силы заметили в тебе огромный потенциал, но даже после того, как мы зацепили твою душу, ты был слишком сильным, и пришлось использовать запасной вариант.

В отраженных глазах появилась отеческая улыбка.

— Но я всегда знал, что когда-нибудь ты станешь нашим. Пока ваш Легион притягивал к себе все подозрительные взгляды, ты повсюду сеял свои семена. И за это я тебе благодарен. К тому же Слепец зажег первый огонь пожара войны, хотя пока этого еще никто не видит.

— Кто ты? — спросил Магнус, возвращаясь в свой разгромленный кабинет.

На разбитых стеклах уже появился

иней, и дыхание превращалось в белые облачка пара.

— Ты знаешь, кто я такой, — ответили отражения. — Или, по крайней мере, должен это знать.

Один из отраженных глаз стал вращаться в осколке зеркала, а затем превратился в огненную змею с радужными глазами и яркими крыльями — то самое чудовище, которое Магнус убил под Горой на Агхору. Чудовище стало снова меняться, принимало различные мерцающие формы, пока Магнус не увидел перед собой огромную изменчивую тень из Великого Океана.

— Когда-то я назвался тебе Хоронзоном,[85] Обитателем Бездны и демоном рассеяния, но все это — бесполезные ярлыки, которые навешивают на меня смертные, они утрачивают смысл, как только кто-то их произносит. Я существовал с самого начала времен и останусь до конца Вселенной. Имена не имеют для меня значения, мне подходит любое имя, и ни одно не отражает моей

сущности. На несовершенном наречии твоей неоперившейся расы ты можешь называть меня богом.

— Ты был одним из тех, кто помог мне спасти Легион, — с замиранием сердца сказал Магнус.

— Спасти? Нет. Я только отсрочил их судьбу, — ответила тень. — Но сегодня отсрочка заканчивается.

— Нет! — вскричал Магнус. — Пожалуйста, только не это!

— Надо платить за то время, что я подарил твоим сыновьям. Ты знал об этом, когда принимал в подарок мою силу. Пора выполнять условия сделки.

— Я не заключал сделку, — возразил Магнус. — По крайней мере, не с таким, как ты.

— Нет, ты это сделал, — рассмеялись глаза. — Когда ты в отчаянии призывал на помощь в глубинах варпа, когда молил спасти твоих сыновей, ты слишком близко подобрался к солнцу, Магнус. Ты предлагал свою душу, чтобы спасти их, и это обещание пора выполнять.

— Тогда заберите меня, — заявил

Магнус. — Оставьте мой Легион, и пусть они и дальше служат Императору. Они ни в чем не виноваты.

— Они испили из того же источника, что и ты, — сказали глаза. — И почему ты хочешь, чтобы они служили человеку, который тебя предал? Человеку, который показал тебе источник неограниченной силы, а потом запретил им пользоваться? Что это за отец, если он открывает дверь в мир, полный чудес, а потом приказывает не переступать порог? Этому человеку, который планировал воспользоваться твоей плотью, чтобы спасти от разрушения свое тело?

Отражения в стекле дрогнули, и Магнус увидел Золотой Трон, окутанный множеством молний. А на троне отчаянно вопил обгоревший и истерзанный труп некогда могущественного существа.

— Вот какая судьба была тебе уготована, — сказало зеркало. — Навеки быть прикованным к машине, в которой заключена душа Императора, и испытывать невыносимые мучения ради его эгоистичных целей. Смотри и познай

истину.

Магнус попытался отвести взгляд, но не сумел превозмочь ужас от увиденной картины.

— Почему я должен верить каждому твоему слову?

— Твоя судьба и так тебе известна. И зачем мне что-то приукрашивать? Загляни в варп и поищи своего врага. Он и его боевые псы уже в пути. Если не веришь мне, поверь себе.

Магнус закрыл глаз и бросил свой разум в потоки Великого Океана. Его волнение сегодня было особенно сильным, и ревущие валы вздымались с отчаянной яростью. Повсюду царил хаос, и лишь один узкий проход оставался спокойным. В нем Магнус уловил отзвуки множества душ.

Он сосредоточился на этой жизненной силе и увидел, в каком обличье идет к нему судьба.

В душе закипел неудержимый гнев. Глаз открылся, и под действием этой примитивной и прозаической ярости руки Магнуса окутались ослепительно-белым пламенем, вся комната мгновенно

заполнилась огнем, превращая любые предметы в золу. Ярость примарха испепеляла не только дерево и бумагу; все, что осталось после недавнего приступа отчаяния, уничтожил его гнев.

Над вершиной пирамиды взметнулся столб ревущего огня, и на землю посыпались осколки лопнувших стекол. Огненная колонна, затмившая светильник на вершине пирамиды Пирридов, приковала к себе все взгляды в Тизке.

Только «Книга Магнуса» осталась нетронутой, и ее страницы не пострадали от смертоносного жара.

От зеркала тоже ничего не осталось, кроме пузырящейся лужицы расплавившегося стекла.

— Ты можешь его уничтожить, — сказало исчезающее отражение в жидком стекле. — Скажи только слово, и я разбросаю их корабли, так что они никогда не отыщут друг друга.

— Нет! — крикнул Магнус и упал на колени, уронив голову на руки. — Никогда!

Магнус не помнил, сколько прошло

времени, но вдруг услышал, как дверь в его покои распахнулась настежь. Подняв голову, он увидел в дверях Утизаара, ошеломленного видом разгромленной комнаты. За спиной Утизаара выстроился отряд Тайных Скарабеев. Визор каждого воина пересекала вертикальная полоса, закрывавшая правую линзу шлема.

Магнус слышал об этой традиции, появившейся после Совета в Никее, но видеть перед собой свидетельство их преданности было непереносимо больно.

— Утизаар, — сквозь слезы заговорил Магнус, — убирайся отсюда!

— Мой лорд! — воскликнул Утизаар, бросаясь к Магнусу.

Магнус предостерегающим жестом поднял руку. После всего, что он увидел, после всего, что сказал ему чудовищный бог варпа, он боялся, что не сдержит своего горя.

Его мрачные мысли сокрушительным ударом обрушились на Утизаара. Магнус старался скрыть их от молодого телепата, но было слишком поздно. Утизаар все узнал.

— Нет! — крикнул Утизаар, содрогаясь от мучительной агонии предательства. — Этого не может быть! Ты... Это правда? Скажи, что это не так. Что ты сделал... Что теперь будет...

Магнус ощутил тяжесть на сердце и проклял себя за такую непростительную оплошность.

— Это правда, сын мой. Все правда.

Он видел, как взглядом Утизаар умоляет его сказать, что это была шутка или какое-то жуткое испытание. Как бы ни хотел Магнус уберечь своих сыновей от грехов их отца, он ничего не мог поделать. Он так долго обманывал себя и своих воинов, что не мог пренебречь этим последним шансом открыть истину.

И не важно, какими будут последствия.

— Надо предупредить Легион, — прошептал Утизаар. Развернувшись на месте, он принялся отдавать приказы Тайным Скарабеям: — Мобилизовать Гвардию Шпилей Просперо и перевести флотилию на военное положение. Объявить призыв среди гражданского

населения, не способных воевать срочно эвакуировать в Отражающие пещеры.

Магнус тряхнул головой, и перед Утизааром и его воинами возникла непреодолимая стена, преградившая выход из обгоревших покоев примарха.

— Мне жаль, Утизаар, очень жаль, — сказал Магнус. — Но я не могу позволить тебе этого сделать.

Утизаар начал поворачиваться к нему, но Магнус, не дожидаясь, пока сын посмотрит ему в глаза, лишил его жизни.

Глава 26
ХОРОШИЙ УЧЕНИК МОЯ СУДЬБА В МОИХ РУКАХ РАССРЕДОТОЧЕНИЕ

В воздухе ощущался сильный привкус соли. Устойчивый бриз приносил его с моря, и Лемюэль, вспомнив о просторных побережьях Нордафрики, ощутил резкий укол ностальгии. Вода давным-давно ушла от его дома, но обнажившееся дно и запахи долго еще напоминали о море.

Он тряхнул головой, прогоняя воспоминания. Сегодня ему потребуется концентрация всех сил.

В порту Тизки было полно народу: потные грузчики, водители, сервиторы и механики подъемников. До старта «Киприа Селена» с орбиты оставалось четыре часа, и последние приготовления к отправке корабля шли полным ходом. Грузовики, танкеры с водой и горючим,

тележки с багажом осторожно передвигались по многолюдной площадке, и звуковые сигналы едва не заглушали гул двигателей.

Пассажирские и грузовые шаттлы, доставлявшие последние партии грузов, пассажиров и членов экипажа, с пронзительным воем взмывали вверх и наполняли воздух запахом раскаленного металла. На поверхности Просперо осталось лишь несколько мелких судов, и предстартовое волнение достигло предела.

Нервы Лемюэля натянулись, как тетива лука. По всей территории порта расхаживали патрули Гвардии Шпилей Просперо, а дежурные администраторы проверяли и перепроверяли пропуска и разрешения.

Рядом с Лемюэлем, скромно сложив перед собой руки, шла Камилла в длинном изумрудном платье с низким вырезом и черным кружевом по рукавам и корсажу. Она долго отказывалась надевать наряд аристократки, но Лемюэль сумел ее убедить, что спутница пожилого патриция не может появиться в другой

одежде.

А пожилой патриций в этот момент полулежал в своем паланкине, украшенном шелковой парчой и бархатными занавесями, украденными в доме, где они жили. Махавасту Каллимак, одетый в изысканный костюм, печально опустив голову, постукивал эбонитовой тростью по витым стокам паланкина и совершенно не был похож на высокомерного аристократа с Терры.

Только Летюэль был избавлен от необходимости прибегать к маскировке. Он остался в одежде летописца и представлялся личным писцом Махавасту и евнухом Камиллы. При планировании проникновения на борт «Киприа Селена» эта последняя деталь вызвала у друзей немало насмешек, правда, самому Летюэлю было не до смеха.

Позади маленькой группы шла целая команда носильщиков — девять сервиторов, нагруженных кофрами, где были собраны все записки, наброски и гримуары, созданные Махавасту Каллимаком за годы службы у Магнуса.

Летюэль убеждал его оставить все это, но старик наотрез отказался. Прошлое должно быть сохранено. История есть история, и не им судить, что запомнится, а что будет предано забвению.

— Я не способен сжигать книги, — заявил Махавасту, и на этом дискуссия закончилась.

На территорию порта они прошли без труда, поскольку столетия мирной жизни и распространяющееся по Галактике Согласие лишили жителей Просперо чрезмерной подозрительности.

— Как же мы сумеем это сделать? — спросила Камилла.

Это были ее первые слова за утро, поскольку накануне она пережила бурную сцену, когда сообщила Чайе о своем решении уехать.

— Доверься мне, — ответил Летюэль. — Я знаю, что делаю.

— Ты все время это говоришь, но ни разу не сказал, что именно собираешься предпринять.

— Я и сам не узнаю, пока не наступит подходящий момент.

— Очень обнадеживающе.

Лемюэль, понимая причину раздражения Камиллы, предпочел не отвечать. Они продолжали путь, стараясь избегать широких проездов, поскольку по ним к погрузочным отсекам подъезжали отряды солдат и экипажа. Основную часть территории порта занимали высокие ангары, складские бункеры и заправочные башни, и друзьям приходилось петлять между ними, чтобы попасть к серебристым платформам, расположенным на самом берегу.

На стоянках оставалось еще с десяток шаттлов, последних, которым предстояло отправиться на транспортный корабль. Это последняя возможность выбраться с Просперо.

Лемюэль направился к посадочной площадке, когда еще два шаттла, взвыв реактивными двигателями, стали подниматься в небо. Сервиторы с усиленными мускулами без жалоб продолжали нести свой груз, и Камилла держалась рядом с паланкином Махавасту, безуспешно стараясь

сохранять равнодушный вид. Все продолжали необычный спектакль, но только Летюэлю удавалось держать себя так, словно он имел все основания подняться на борт готового к старту корабля.

— Это не сработает, — предрекла Камилла.

— Сработает, — настаивал Летюэль. — Должно сработать.

— Ничего не получится. Нас остановят, и мы застрянем на Просперо.

— С таким отношением мы и впрямь ничего не добьемся. — Летюэль начал терять терпение.

— Летюэль, Камилла... — Махавасту приоткрыл занавеску паланкина. — Я понимаю, что мы все очень напряжены, но, если вам не трудно, заткните свои чертовы глотки!

Летюэль и Камилла одновременно остановились, пораженные грубостью пожилого летописца.

Взглянув на Махавасту, Летюэль понял, что тот выглядит ничуть не меньше растерянным, чем они сами.

— Простите мое сквернословие, — сказал Махавасту, — но мне показалось, что это единственный способ восстановить спокойствие. Ваши перепалки не приведут ни к чему хорошему.

Лемюэль глубоко вздохнул.

— Ты прав, — согласился он. — Прости меня, дорогая.

— Я тоже прошу меня извинить, Лемюэль, — сказала Камилла.

Лемюэль кивнул, и они продолжили путь. Спустя некоторое время друзья добрались до входа на посадочную платформу перед стоянкой шаттлов. Здесь и был расположен пропускной пункт, поскольку даже жители Просперо сознавали необходимость проверок в столь опасном деле. Выход к шаттлам охранял патруль Гвардии Шпилей Просперо, а служащий в голубой форме проверял удостоверение личности каждого, кто проходил на посадку.

— Теперь мы узнаем, чему ты научился, — заметила Камилла.

Лемюэль кивнул:

— Будем надеяться, что я был хорошим учеником.

Они подошли к пропускному пункту, и Летюэль протянул скучающему контролеру пачку листов, вырванных из блокнота Каллисты. Написанные там слова не имели никакого смысла, но это и к лучшему, поскольку служащий не сможет на них сосредоточиться.

Контролер нахмурился, и Летюэль решил, что пора действовать.

— Лорд Асока Биндусара и леди Кумарадеви Чандра прибыли для посадки на борт «Киприа Селена», — заговорил Летюэль, стараясь внедрить в ауру клерка уверенность, которой сам не испытывал. — Я их скромный слуга и писец. Будь добр, подскажи, который из оставшихся челноков роскошнее отделан. — Летюэль слегка наклонился и принял заговорщицкий вид. — Мой хозяин привык к роскоши на Просперо, и нам всем не поздоровится, если корабль не будет похож на дворец. Надеюсь, ты меня понимаешь?

Контролер продолжал хмуро рассматривать бумаги. Еще немного, и он

обнаружит обман и поймет, что у него в руках ничего не стоящие листки. Лемюэль ощущал, как бюрократическое мышление клерка пытается определить значение каждого слова, и усилил натиск на его ауру. Призвав на помощь все свое воображение, Лемюэль представил бумаги в виде посадочных пропусков для трех пассажиров и их багажа.

Контролер отчаялся разобраться в бумагах Лемюэля и сверился с собственным блокнотом.

— Я не вижу в списках ваших имен, — сказал он, удовлетворенно вздохнув.

— Проверь, пожалуйста, еще раз, — попросил Лемюэль, подойдя ближе, чтобы быть услышанным в вое двигателей еще трех стартовавших шаттлов.

Он отчетливо ощущал у себя за спиной панику Камиллы и Махавасту и старался усилить давление. Но и сам начинал понимать, что ничего не выходит.

И вдруг позади раздался удивленный возглас, и Лемюэль почувствовал, как всех их накрыло успокаивающей пеленой

одобрения. По остекленевшим глазам клерка он понял, что и на него это тоже подействовало. За спиной послышались чьи-то шаги и раздался женский голос:

— В список пассажиров в последний момент были внесены изменения, эти люди мои гости на борту корабля.

Лемюэль улыбнулся, увидев, как Чайя положила руку на локоть контролера и ее влияние изменило его ауру. Похоже, что психическими способностями в той или иной мере обладали все обитатели Просперо, и Лемюэлю оставалось только удивляться, как это он не заметил эти способности раньше.

— Верно,— произнес клерк, явно испытывающий необъяснимые сомнения. — Теперь я вижу.

Уверенность Чайи усилилась, и контролер кивнул солдатам, охранявшим вход. Он проштамповал багажные квитанции на все их кофры, а затем протянул Лемюэлю посадочные жетоны, на каждом из которых в центре был выгравирован открытый глаз.

— Мой господин тебя благодарит, —

сказал Лемюэль, направляясь к воротам.

Как только контролер и его солдаты скрылись из виду, Камилла бросилась к Чайе, обняла ее и расцеловала. Они продолжали обниматься, пока Махавасту не начал деликатно покашливать.

— Ты пришла! — воскликнула Камилла, не обращая внимания на слезы, изрядно попортившие ее макияж.

— Конечно пришла, — ответила Чайя. — А ты думала, я позволю тебе улететь без меня?

— Но вчера вечером...

Чайя тряхнула головой:

— Вчера вечером ты ошеломила меня своими роковыми предсказаниями. А твое решение уехать меня испугало. Я не хочу покидать Просперо, но если ты считаешь, что здесь произойдет что-то плохое, я с этим смирюсь. До сих пор ты никогда не ошибалась. Кроме того, я люблю тебя и не хочу с тобой разлучаться.

Камилла вытерла слезы рукавом роскошного платья, ничуть не заботясь о том, что на нем остались пятна.

— Я знаю, здесь произойдет что-то

страшное, — сказала она.

— Я тебе верю, — нервно хихикнула Чайя. — Кроме того, если ты ошибешься, ты всегда сможем вернуться.

Лемюэль кивком указал на челнок, к которому их направил контролер.

— Надо поторапливаться, — сказал он. — Наш челнок последним уходит на корабль.

Их разношерстная группа торопливо двинулась к стоянке, где еще оставался продолговатый серебристый лихтер. Друзья сначала попали в тень его широких крыльев, затем под плоским грузовым отсеком прошли к трапу, по которому надо было подняться в кабину.

Лемюэль позволил себе торжествующе улыбнуться.

Камилла и Чайя шли к лихтеру, болтая, хихикая и держась за руки.

Даже Махавасту немного повеселел.

Но улыбки мгновенно покинули их лица, когда послышался требовательный окрик:

— Стойте! Оставайтесь на месте.

Лемюэль оглянулся посмотреть, в

чем дело, и его сердце превратилось в глыбу льда.

В их сторону шагал отряд Гвардии Шпилей Просперо во главе с капитаном.

— Плохо дело, — пробормотал он.

— Тебе нечего меня бояться, Амон, — сказал Магнус. — С тех пор как я ступил на поверхность Просперо, ты был мне самым верным слугой.

— Не хочу показаться неблагодарным, мой лорд, но мне кажется, юный Утизаар тоже так думал, — ответил Амон, осторожно пробираясь по разгромленному кабинету.

Седые волосы Астартес были подстрижены почти наголо, а его кожа напоминала старинный пергамент. Амон встал на колени рядом с телом Утизаара и прикоснулся ладонью к треснувшей и обгоревшей пластине нагрудной брони.

Вокруг Утизаара лежали странно изогнувшиеся тела воинов Тайных Скарабеев, почерневшие и обугливщиеся, как будто их уничтожил тот же огонь, который сжег библиотеку Магнуса.

— Расскажи мне, что произошло, — попросил Амон.

Магнус, не желая встречаться взглядом со своим старым другом, опустил голову. Капитан Девятого братства ни в чем его не обвинил, да ему и не надо было этого делать. Магнус так остро ощущал свою вину, что увеличить ее тяжесть не могли ничьи упреки. Он убил Утизаара неделю назад и за эти дни почти поддался стремлению к самоуничтожению и обратил свои силы против себя.

Многие воины, опасаясь самого худшего, пытались войти в его покои, но до сих пор Магнус не позволял им этого сделать. Он посмотрел на сильно съежившийся труп Балека Утизаара и тяжело вздохнул, сожалея о страшной потере.

— Это была непростительная оплошность, которую нельзя было допускать, — сказал он. — Но он узнал слишком много, а я не мог позволить ему уйти.

— Узнал о чем?

— Пойдем со мной, — предложил

Магнус. — Я тебе покажу.

Амон поднялся и вслед за Магнусом вышел на балкон, нависавший над белым городом. Магнус чувствовал настороженность Амона, но не мог его за это винить. Он был бы глупцом, если бы не испытывал беспокойства. А за все долгие годы, прошедшие с момента их первого знакомства, у Магнуса ни разу не было повода сомневаться в уме Амона.

Магнус взглянул в полуденное небо.

— Поднимайся в Великий Океан и следуй за мной, — велел он.

Амон кивнул, закрыл глаза, и тогда Магнус позволил своему световому телу освободиться от плоти. Заботы реального мира сразу же стали легче, хотя совсем игнорировать их он не мог. Тизка из нагромождения белого травертина превратилась в мерцающий драгоценный камень, состоящий из десятков тысяч огоньков-душ, которые называли это место своим домом.

— Какие же они хрупкие, — прошептал Магнус, хотя пока еще некому было услышать его слова.

Спустя некоторое время рядом с ним возник теплый свет Амона, и они стали подниматься в ярко-синее небо. Постепенно синева сменилась темнотой, и наверху, словно фосфоресцирующие стрелы, зажглись звезды.

Они продолжали подъем, и вот темнота превратилась в многоцветные вихри Великого Океана, и оба странника с радостью ощутили, как его течения омывают их эфирные тела.

Магнус показывал путь среди водоворотов, отыскивая цель, известную только ему одному. Амон, его преданный друг и любимый сын, следовал за ним. Вскоре они добрались до спокойной заводи, которую Магнус увидел неделю назад.

При виде огромной флотилии из высоких боевых кораблей, вытянутых ударных крейсеров и чудовищных сооружений, называемых боевыми баржами, Амона охватил ужас, который не мог укрыться от Магнуса. Сотни кораблей уже приближались к Просперо; они шли под разными флагами и несли на себе разные эмблемы, но их объединяла одна цель —

уничтожение.

Впереди виднелся хищный силуэт, похожий на кинжал, вышедший из ножен, чтобы сразить злейшего врага. Серый, снабженный острыми клыками монстр ощупывал звезды узкими прорезями бойниц и рассекал глубины Великого Океана похожим на лезвие носом.

— Это то, о чем я думаю? — спросил Амон.

— Да, — подтвердил Магнус.

Они подплыли вплотную к устрашающему судну; защитные поля, удерживающие на расстоянии хищников варпа, не могли повлиять на таких опытных странников, какими были Магнус и Амон. Метр за метром они стали погружаться в слои адамантиевой брони, проходили сквозь опоры и частые переборки, пока не оказались в самом сердце корабля.

Старшие офицеры флотилии собрались, чтобы спланировать уничтожение всего, что было дорого Магнусу, и два жителя Просперо слушали их дискуссию. Магнус был заранее к этому

готов, но для Амона это стало настоящим откровением, и вспышка его эфирного поля послала заряд раздражительности, которого хватило на весь экипаж.

— Но почему? — спросил Амон.

— Потому что я был не прав.

— В чем?

— Во всем, — ответил Магнус. — Я высокомерно полагал, что знаю все, чему ты хотел меня научить. Ты предупреждал меня о богах варпа, а я смеялся, называя тебя старым суеверным глупцом. Теперь я сам во всем убедился, поскольку повстречался с одним из них и считал, что победил его, но я ошибался. Амон, я совершал ужасные вещи, но, поверь, я делал все это с благими намерениями.

Амон проплыл дальше, к командующему этим кораблем — убийце с глазами цвета стали в золотых доспехах, стоявшему на приподнятом помосте. Внизу выстроился отряд воинов в такой же броне.

— Совет Никеи?! — воскликнул Амон. — Они по праву назвали нас колдунами?

— Боюсь, у них были для этого все

основания, хотя я только сейчас начинаю это понимать.

— И из-за этого мы обречены на страдания?

Магнус кивнул и сквозь металлическую оболочку корабля снова выплыл в бурные потоки Великого Океана. Амон не отставал от него, и оба странника вернулись на Просперо. Открыв глаза и увидев знакомые виды Тизки, оба перевели дыхание.

— И Легион ничего не знает об этом? — спросил Амон.

— Ничего, — подтвердил Магнус. — Я набросил пелену на Просперо. Никто не может сквозь нее ничего увидеть, даже Корвиды. Пришло время Тысяче Сынов узнать, что значит быть слепым.

— Итак, наше наказание приближается, — сказал Амон. — Что произойдет, когда кара нас постигнет?

— Ты слишком добр, друг мой, — ответил Магнус. — Это мое наказание.

— Но оно падет и на нас всех, — заметил Амон. — Я еще раз спрашиваю: что будет, когда они доберутся до

планеты?

— Ничего. Мы ничего не можем сделать.

— Всегда можно что-то сделать. Мы можем их уничтожить раньше, чем они подойдут к планете, — прошипел Амон, сжимая руку Магнуса.

Магнус покачал головой:

— Дело не в том, можем мы защитить себя или нет. Конечно можем. Дело в том, должны ли мы это делать.

— А почему нет?! — воскликнул Амон. — Мы Тысяча Сынов, и для нас нет ничего невозможного. Для нас нет потайных троп и скрытых судеб. Прикажи Корвидам заглянуть за пелену будущего. Павониды и Рапторы могут увеличить силы наших воинов, а Пирриды будут жечь наших врагов, и Атенейцы прочтут мысли их командиров.

Магнус, слыша в словах Амона лишь страстное желание нанести упреждающий удар, едва не впал в отчаяние.

— Неужели ты не слышал, что я сказал?! — вскричал он. — Я не стану драться, потому что именно этого ждут

те, кто мной манипулировал с самого первого моего дня на Просперо. Они хотят, чтобы я с оружием в руках восстал против своей участи и тем самым подтвердил все, что говорят наши противники.

Амон отсутствующим взглядом смотрел вдаль, на Тизку, и по его щекам текли горькие слезы утраты.

— До твоего появления на Просперо я часто видел один и тот же кошмар, — сказал он. — Мне снилось, что все, что мне дорого, было разрушено и уничтожено. Это видение преследовало меня долгие годы, но, когда ты упал в наш мир яркой кометой, кошмары прекратились. Я больше никогда не видел этого сна и убедил себя, что это был лишь всплеск атавистической памяти из Древней Ночи. Но теперь я знаю, что это не так. Все, что мне дорого, будет разрушено.

Магнус повернулся к Амону.

— Несмотря на все, что я сделал, моя судьба в моих руках, — сказал он. — Я верный сын Императора и никогда ему не изменю. Я и так уже разбил его сердце и уничтожил величайшее творение. Я приму

свою судьбу, и, хотя история может заклеймить нас предателями, мы будем знать истину. Мы будем знать, что остались верными до самого конца, потому что покорились своей судьбе.

Гвардейский капитан подошел к друзьям, и Летюэль попытался мысленно проникнуть в его ауру и успокоить офицера. Его собственный испуг сильно осложнял задачу, но, прежде чем Летюэль успел что-то предпринять, он понял, что аура капитана не сулит им никаких осложнений, а потускнела от глубокой печали.

Приглядевшись внимательнее, Летюэль узнал широкоплечего гвардейца в тщательно отглаженном мундире с золотым шитьем.

В этот момент капитан снял шлем, и надежда Летюэля на благополучный исход значительно окрепла.

— Капитан Витара? — произнес он.

— Да, мастер Гамон, — ответил Сохем Витара, капитан пятнадцатого пехотного полка Просперианской гвардии. —

— Я надеялся, что успею поговорить с вами до отъезда.

— До отъезда? — переспросил Лемюэль, удивленный, что их еще не заковали в наручники, чтобы вернуть в Тизку.

В лихтере уже закрывали грузовой люк, и через несколько мгновений судно должно было подняться в воздух.

— Да, я чуть не упустил вас, поскольку ваших имен не было ни в одном из путевых листов.

— Верно, — виновато улыбнулся Лемюэль. — Их там и не должно было быть.

— Но я рад, что все-таки вас нашел.

— Но почему? — спросила Камилла. — В чем дело?

Молодой человек смущенно пожал плечами, не в силах подобрать подходящего объяснения, а потом выпалил все одной торопливой тирадой:

— Я не знаю точно, что произошло с Каллистой, но совершенно уверен, что она не хотела здесь оставаться.

Лемюэлю с большим трудом удалось

сохранить спокойствие перед лицом столь очевидного расстройства.

— Она хочет, чтобы вы увезли ее отсюда, — закончил капитан Витара.

Лемюэль и Камилла тревожно переглянулись.

— С этим могут возникнуть трудности, — осторожно заметил Лемюэль.

— Я понимаю, что все это кажется бессмысленным, — продолжил Витара, — но она сказала, что хотела бы покинуть Просперо вместе со своими друзьями.

— Она тебе так и сказала? — спросила Камилла, тщательно проговаривая каждое слово, чтобы исключить недопонимание. — После своей смерти?

Весь облик Витары свидетельствовал о его крайнем смущении и нерешительности.

— Я думаю, что это было именно так, — ответил он. — Видите ли, вчера вечером я грезил о Каллисте. Она сидела рядом со мной в парке Фиоренто, и мы любовались закатом над озером. Мы не

разговаривали, а просто сидели обнявшись. Когда на следующее утро меня разбудил сигнал побудки, рядом с кроватью была записка, в которой говорилось, что я должен быть на посадочной площадке точно в это время. Я не помню, чтобы писал ее, хотя почерк определенно мой. Но слова, вероятно, принадлежат Каллисте. Она хотела, чтобы я пришел сюда и передал вам вот это.

Витара взял из рук одного из своих солдат бледно-голубую вазу и протянул ее Летюэлю. Это был простой керамический сосуд, наподобие урн, в которых хранится пепел дорогих людей.

Летюэль принял урну и грустно улыбнулся:

— Знаешь, мне кажется, что ты абсолютно прав. Каллиста действительно приходила к тебе прошлой ночью, и я, как ее друг, обязательно выполню ее волю.

— Ты считаешь, все это так и было?

— Да, — заверил его Летюэль, чувствуя, как светлеет его печаль. — Я в этом уверен.

Витара отдал честь:

— Благодарю тебя, мастер Гамон. Я буду скучать по Калли, но, если она этого хочет, я не имею права противиться ее воле.

— Ты благородный человек, — сказала Камилла и, шагнув вперед, запечатлела на щеке капитана легкий поцелуй. — Я понимаю, почему Калли полюбила тебя.

Витара улыбнулся и кивнул на трап лихтера, где члены экипажа нетерпеливо ждали, когда можно будет закрыть люк.

— Вам лучше поторопиться, — сказал он. — Нельзя допустить, чтобы «Киприа Селена» ушла без вас. В конце концов, время и прилив не станут ждать людей.

— Правда не станут, — сказал Летюэль, пожав руку Витары.

Сервиторы уже загрузили в лихтер все их чемоданы, и Махавасту выбрался из паланкина. Камилла помогла почтенному писцу подняться по трапу, а капитан увел гвардейцев с посадочной площадки.

Летюэль последовал за своими друзьями. Когда экипаж закрывал люк, он успел, как ему казалось, бросить последний взгляд на Просперо. Но в этом он ошибался.

«Киприа Селена» подняла якорь точно по расписанию и с плавной грацией отошла от стоянки. От центрального причала орбитального дока в пространство устремились многочисленные серебристые стрелы, и на орбите стало тесно от многочисленных военных кораблей. Боевые баржи Тысячи Сынов покидали свои стоянки и отправлялись в дальние уголки Галактики, а следом за ними от Просперо удалялись эскадрильи боевых крейсеров.

Управление этим грандиозным балетом требовало немалого мастерства. «Фотеп» возглавил армаду, мощи которой хватило бы на то, чтобы уничтожить всю планету, направляясь к дальнему краю звездной системы, а «Анхтаун», «Наследник Просперо» и «Киттерия» уводили такие же флотилии в противоположные концы владений Тысячи Сынов.

Приказ рассредоточить космический флот пришел с пометкой о высшей степени тревоги, и боевые группы отправились к местам назначения на

предельной скорости. Ни один из капитанов не знал причин тревоги, но им были даны строжайшие инструкции не открывать последующих приказов, пока они не доберутся до цели.

Всем командирам кораблей было совершенно ясно, что подобная расстановка сил ослабляет защиту Просперо, но никто не осмелился поставить под сомнение прямой приказ примарха. Какой бы ни была цель подобного маневра, им не подобало задавать вопросы. Их единственным долгом было выполнение приказов.

При движении на орбите военные корабли имели преимущество перед гражданскими судами, так что «Киприа Селена» транзитный коридор был предоставлен только через шесть часов после старта. После чего старший штурман наконец-то вывел корабль в открытый космос и отдал приказ запустить плазменные двигатели, чтобы добраться до пункта варп-перехода.

Оттуда, если на то будет воля варпа, до системы Транкс оставалось три недели пути.

Направление старта оказалось удачным, и вместо четырех дней «Киприа Селена» достигла безопасной дистанции от звезды Просперо за трое суток. Корабельный навигатор подтвердил, что течения в варпе спокойны, насколько это возможно, и старший картограф проводил последние проверки координат для варп-прыжка, чтобы передать их в модуль навигатора.

Лемюэль и Махавасту болтали о своих будущих планах под огромным куполом смотровой площадки, а Камилла и Чайя, взявшись за руки, прислушивались к обратному отсчету, доносившемуся из громкоговорителей, висевших на отделанных деревом стенах.

Из прозрачного купола, расположенного над кормовой частью корабля, прекрасно просматривался весь его корпус, уходящий вперед на шестьдесят километров и заканчивающийся тупым носом. Для судна, предназначенного для перевозок огромных запасов боеприпасов, солдат и громоздкого военного

оборудования, «Киприа Селена» отличалась почти роскошными условиями.

Все четверо легко приспособились к жизни на борту, тем более что каюты, предоставленные им сбитым с толку клерком, явно предназначались для высокородных пассажиров.

— Примерно через два месяца ты уже будешь на Терре, — сказал Лемюэль Махавасту. — Вернешься в Уттарпату и займешься составлением каталогов найденных в развалинах записей. Как я слышал, комплектование фондов Новой Александрии закончилось, но должны быть и свежие поступления. Они сильно сглупили бы, отказавшись от твоей помощи.

— Возможно, — согласился Махавасту, тяжело опираясь на эбонитовую трость с золотой ручкой, украшенной нефритовым глазом. — Хотя, боюсь, я слишком стар для таких переживаний.

— Чепуха, — возразил Лемюэль. — Ты еще полон жизни.

— Ты очень добр, Лемюэль, — сказал

Махавасту. — Но я думаю, что, скорее всего, сосредоточусь на своих воспоминаниях. На тех, которые смогу собрать.

— Я бы с радостью их прочитал.

— Наверное, с большей радостью, чем я буду их составлять.

Лемюэль не стал отвечать, а только улыбнулся. К ним подошли Камилла и Чайя. В обзорном отсеке собралось около шестидесяти человек, желающих понаблюдать за погружением корабля в варп. Всех их объединяло любопытство, смешанное с немалой долей страха перед таинственным царством варпа.

«Если бы они только знали, — подумал Лемюэль. — Они предпочли бы зажмуриться, лишь бы не заглядывать туда, где царят ужасающие силы».

— Осталось совсем немного, — сказала Камилла.

— Да, — согласился Лемюэль, когда обратный отсчет достиг одной минуты. — Мне уже почти жаль расставаться с этим миром.

Изображение за стеклом затерцало,

нарушенное обширными лепестками пустотных щитов, активированных перед варп-прыжком.

— Теперь уже скоро. — Камилла взяла Летюэля за руку.

— И все будет кончено, — сказал он.

До перехода оставалось тридцать три секунды, как вдруг раздался вой сирены.

Механический голос стенился пронзительным воем помех. На стенах зажглись красные лампы аварийного освещения.

— Что происходит?! — воскликнул Махавасту.

Летюэлю нечего было ответить, но признаться в своей неосведомленности он не успел. За бортом «Киприа Селена» вспыхнул призрачный мерцающий свет. Яркий луч пожелтевшим когтем разорвал ткань реальности, из прорехи хлынуло сияние, прогнавшее темноту вокруг огромного транспорта. Разрыв становился все шире и шире, ослепительные лучи потустороннего света хлестали из него во все стороны, словно кровь из раны.

В клубящемся водовороте проявился огромный силуэт, похожий на нож мясника.

Первым вышел боевой корабль хищных очертаний, с серо-стальным корпусом, из которого угрожающе торчали артиллерийские батареи и торпедные люки. Носовая часть имела форму лемеха, но в его облике не было ничего мирного. Этот корабль предназначался для войны.

Вытянутая форма и гладкие очертания выдавали в нем межзвездного охотника, убийцу кораблей.

Вслед за первым кораблем из сияющего разрыва реальности стали выходить другие суда — золотистые, серебряные и такой же мрачной раскраски, как флагман.

Лемюэль уже видел этот корабль в небе над Сорокопутом, в скоплении Приют Ковчега.

— Это же!.. — воскликнул он.

— К несчастью, да, — подтвердил Махавасту. — Я тоже об этом подумал.

— Вам знаком этот корабль? — спросила Камилла.

— Это «Храфнкель», — пояснил

Махавасту. — Флагманский корабль Лемана Русса.

Глава 27
ГРОМ С ФЕНРИСА
ОГРОМНЫЕ ПОТЕРИ
«КАНИС ВЕРТЕКС»

Первые бомбы флотилии Космических Волков обрушились на Просперо перед рассветом. Станции орбитальной обороны были застигнуты врасплох. Дежурные авгуры молчали до последнего момента, и вдруг появилась колоссальная флотилия и по объектам планетарной защиты ударили залпы торпед. Большая часть станций подверглась уничтожению еще до того, как было заряжено хоть одно орудие или активированы лазерные пушки. Те, кому посчастливилось пережить первый залп, погибли через несколько мгновений.

Гигантская армада, больше не опасаясь наземной артиллерии, спустилась до высокой орбиты и заняла геостационарную позицию над Просперо. На поверхность нацелились тысячи

орудий: энергетические установки, ускорители массы и бомбардировочные пушки. Корабли передвигались плавно и неторопливо, словно круизные лайнеры на прогулке среди звезд. Атаку открыл «Храфнкель», вонзив когти ледяного света в планету.

Спустя несколько мгновений его поддержала вся остальная флотилия.

Несмотря на то что Магнус держал Легион в неведении относительно приближавшегося возмездия Императора, члены братства Рапторов установили и поддерживали над Тизкой кайн-щит. Никто не мог незаметно убрать эту защиту, даже Магнус Красный.

Первым признаком неминуемой атаки стал ветер, подувший, казалось, прямо с неба, придавивший город, как придавливает духота перед штормом. Ветер принес запах металла и горящего масла. С вершин пирамид рассыпались искры статических зарядов, между серебряными башнями стали проскакивать огни, словно город превратился в

лабораторию безумных магосов.

Предрассветную мглу разогнал яркий свет над низко нависшими облаками. А потом раздался оглушительный треск, как будто прогремел гром, но молний еще не было. Остатки тишины взорвал грохот сверхзвуковых ракет, и те жители Тизки, кто еще спал, быстро вскочили с кроватей под грохот разрывных снарядов.

Первый энергетический заряд, словно указующий перст, уперся в землю к северо-востоку от Тизки. Он угодил почти в центр бухты, где располагался порт, и поднял к небу пятикилометровый столб перегретого пара, образовавшегося из морской воды. Через мгновение последовало еще несколько взрывов, сопровождавшихся ослепительными вспышками и новыми соленым гейзерами.

На побережье налетели валы обжигающего тумана, съедающего плоть портовых рабочих до самых костей. В атмосфере зажглись огненные штрихи инверсионных следов, море взволновалось от взрывов и обрушилось на берег пенными бурунами.

В грибовидных взрывах исчезали целые отроги гор, магматические бомбы стирали с лица планеты древние вершины и засыпали ущелья обломками скал. Земля дрожала от рукотворного грома, неустанно долбившего поверхность, как будто кто-то огромным молотом забивал сваи. Все больше и больше боевых кораблей присоединяли к атаке на планету мощь своих орудийных башен, сравнимых по величине с громадными зданиями. Сплошная бомбардировка целого сектора давала основания полагать, что на город упало достаточно снарядов, чтобы сровнять его с землей.

Но Тизка держалась. Кайн-щиты Рапторов были лучшей защитой, на какую мог рассчитывать город. Тверже, чем самый крепкий адамантий, и прочнее, чем многослойные пустотные щиты, невидимый зонтик поглощал всю энергию ударов, хотя воинам, его поддерживающим, приходилось платить за это страшную цену.

В Тизке уже давно никто не спал, и жители высыпали на улицы своего

любимого города, в растерянности и недоумении глядя в небо. Но в пределах видимости никаких разрушений не наблюдалось, и потому страха почти не было. Удивленно приоткрыв рты, люди смотрели на ослепительные следы энергетических залпов в небе над городом и черные клубы дыма с языками огня от артиллерийских снарядов, падавших на кайн-щит. Поднятые по тревоге отряды Гвардии Шпилей пытались убедить жителей разойтись по домам, но мало кто согласился пропустить столь увлекательное представление.

Магнус Красный тоже смотрел, как над городом бушует огненный шторм, и из его единственного глаза скатилась слеза. Взрывающиеся в воздухе зажигательные снаряды уже выжгли все облака, и небо приобрело кроваво-красный оттенок. Земля вокруг Тизки умирала. Снаряды превращали леса в пепел, а возникшие пожары бесследно уничтожали луга, и цветущие районы за несколько минут становились бесплодными пустынями.

Пустоши Просперо теперь

оправдывали свое название.

— Теперь я понимаю, что ты чувствовал, отец, — прошептал Магнус, ощущая, как в его руках накапливается и рвется наружу энергия эфира.

Призывая известные только ему тайные уровни Исчислений, Магнус старался сохранять спокойствие. Это его судьба, и он принял ее. Магнус не мог отказаться от своего благородного намерения сполна расплатиться за совершенные ошибки.

Несмотря на то что ему этого очень хотелось.

Он смотрел, как снаряды с грохотом рвутся над щитом Рапторов.

— Я здесь, — прошептал Магнус, глядя в небо. — Да свершится твоя воля.

Зал, расположенный под самой вершиной пирамиды Корвидов, был окутан просачивающимися сквозь камни ароматными клубами дыма, сладковатыми, пахнущими кипреем и кедром. Покровы наклонных стен постоянно колыхались от горячего ветра

снаружи, а непрестанный грохот взрывов мешал Ариману сосредоточиться на высших уровнях Исчислений.

Он сидел перед символом Корвидов — широкой овальной глыбой хрусталя, в центре которой, словно расширенный зрачок, находился кристалл черной шпинели.[86] Этот камень был вырублен в Отражающих пещерах первым магистром храма Корвидов и с тех пор использовался членами братства как фокус для предсказаний. Хрусталь покоился над поверхностью зеркального бассейна с темной и спокойной, несмотря на сотрясающуюся землю, водой.

Ариман мигнул от неожиданности, заметив в глубине хрусталя призрачный блеск молодого месяца. Непредсказуемый в своих откровениях хрустальный символ молчал уже несколько недель, и даже самые одаренные Корвиды были не в состоянии уловить хотя бы намек на будущие события. Анкху Анен и Ариман не раз пытались заглянуть за пределы Просперо, но их видения оставались

пустыми, и световые тела не могли проникнуть в Великий Океан, словно что-то заслоняло Просперо от остального мира.

А потом на них ураганом грома и снарядов обрушилась бомбардировка.

Едва на поверхность планеты упали первые бомбы, Корвиды собрались в нижнем уровне пирамиды, готовые к войне. Тизка еще не пострадала, но это был лишь вопрос времени: планета вокруг города погибала. Вскоре невидимые враги поймут, что им придется высадиться на поверхность, и постараются сломить сопротивление Тысячи Сынов.

Но кто же эти таинственные враги? Кто лишился разума настолько, чтобы атаковать Легион Астартес в его домашнем мире? Но что еще более важно, как такой колоссальной флотилии удалось незамеченной подобраться к планете?

Прежде чем отдать боевой приказ, Ариману требовалось получить ответы на эти вопросы, и потому он снова сосредоточился на кристалле и обратился к источнику всех знаний на Просперо —

Магнусу Красному.

Никто не видел примарха вот уже несколько недель, но огненный столб из его пирамиды можно было наблюдать из любого района города. Жители Тизки были охвачены смутными опасениями, и теперь Ариман мог понять, чем это вызвано.

— Мой лорд, твои сыновья нуждаются в твоем руководстве, — произнес Ариман, черпая энергию у Аэтпио, чтобы передать послание через хрустальный глаз.

В последние часы Аэтпио стал его постоянным спутником, Хранителя даже не надо было вызывать, он почти все время шелестел крыльями над его головой. И Ариман воспользовался его силой, чтобы направить свою мысль в пирамиду Фотепа.

В хрустале появились резонансные волны, поскольку в Высших залах других братств слышались настойчивые запросы информации от всех капитанов, кроме Утизаара. В глубине хрусталя замерцало слабое сияние, и кристалл в центре стал казаться жидким.

— Сыны мои! — раздался в мозгу

Аримана голос Магнуса. Он прозвучал резко и отрывисто, поскольку проходил через кристалл. — Настал самый трачный час для нашего Легиона, но вместе с тем это будет час нашего триумфа.

Ариман почувствовал радость своих собратьев. До сих пор он и сам не сознавал, насколько сильно скучает по голосу отца. Но он быстро заставил себя сосредоточиться на сути дела.

— Мой лорд, что происходит? — спросил Ариман. — Кто на нас напал?

— Леман Русс со своими Волками, — спокойно ответил Магнус, словно давно этого ожидал. — А с ним отряды Кустодес и Сестер Безмолвия.

Известие настолько ошеломило Аримана, что он едва не утратил связь с Исчислениями. Даже с помощью Аэтпио ему потребовались колоссальные усилия, чтобы сохранить объективное восприятие.

— Но почему? Чем мы заслужили такую кару?

— Не вы, — ответил Магнус. — Это я навлек на нас катастрофу. Это моя судьба.

— Мы должны организовать оборону,

прежде чем они запустят свои десантные корабли, — сказал Фозис Т'Кар. — Мы не в состоянии долго поддерживать кайн-щит, и так уже потеряно много воинов.

— Так сверни его, сын, — сказал Магнус. — Волки уже на пути к планете.

— Ну тогда эти предатели скоро узнают, что значит атаковать Тысячу Сынов, — прошипел Калофис. — Я им покажу, как умеют воевать Пирриды.

— Отдай приказ, мой лорд! — взмолился Хатхор Маат. — Пожалуйста!

Зрачок в центре хрусталя потускнел, как будто отодвинулся в самую глубину камня. Ариман ощутил нерешительность, и в его мозгу, грозя вырваться на поверхность, поднялись воспоминания о мгновенном контакте с примархом во время Никейского Совета.

Калофис назвал предателями Космических Волков, но Ариман знал, что магистр Пирридов ошибался. В этой войне изменниками были не Космические Волки, а Тысяча Сынов.

— Леман Русс нас, конечно, ненавидит, но не настолько, чтобы

решиться на атаку, не имея на то приказа, — стал размышлять вслух Ариман. — И приказ должен поступить из источника свыше. Приказ отдан Императором — вот единственное объяснение. Мой лорд, что ты от нас скрываешь?

— Ты всегда отличался проницательностью, Азек, — сказал Магнус, и зрачок в кристалле вновь обрел четкие очертания, выражая решительность. — Я так долго скрывал истину от всех, даже от самого себя, что почти поверил, будто это дурной сон из другой жизни.

Ариман почувствовал растерянность собратьев Астартес: всем им не терпелось дать отпор противникам. Если Космические Волки идут в атаку, каждая секунда имеет колоссальное значение. Он и сам больше всего хотел выйти на поле боя со своими воинами, но слова Магнуса слишком важны, чтобы их игнорировать.

— Что ты сделал? — решительно спросил он, отбросив всякую почтительность. — Что ты сделал, когда нас спасал? Ты заключил соглашение с

силами Великого Океана и теперь пора за это расплачиваться?

— Да, Азек, — ответил Магнус. — Ради спасения своих сыновей я заключил сделку с дьяволом и, как один доктор[87] задолго до меня, считал, что остался в выигрыше. Все это время я был слепым глупцом, марионеткой, которой управляет разум, намного превосходящий мои силы.

Ударная волна психологического потрясения расколола кристалл, и по центру глаза протянулась изломанная красная трещина.

— Я был в отчаянии. Я исчерпал все свои возможности, — свистящим шепотом продолжал Магнус, и его голос добавил трещин в кристалле. — С того момента, когда я обратил мысленный взор внутрь себя, я знал, что они там есть — Вечные Силы Великого Океана, существа, обладающие неограниченным могуществом, которые старше, чем само время. Только они и могли спасти вас от ужасной мутации и смерти. Да, я испил из этого отравленного кубка. Вы остались

при мне, и я был доволен. Какой отец не сделает все, что в его силах, ради спасения сыновей?

— И из-за этого мы должны подвергнуться наказанию? — спросил Хатхор Маат. — Из-за этого мы обречены на смерть?

— Они считают нас изменниками, — заговорил Ариман, едва справляясь с ужасом этих откровений. — Если мы дадим отпор, все наши противники на Никейском Совете докажут свою правоту. А наша неспособность видеть будущее... Мы решили, что это течения Великого Океана от нас отвернулись, но это сделал ты, не так ли? Ты не позволил заглянуть в будущее. Ты рассредоточил корабли. Ты хочешь этого. Не в этом ли причина отсутствия Утизаара? Может, он узнал о твоих планах?

— Азек, придержи язык! — крикнул Калофис. — Примарх ни за что бы такого не сделал.

— Он прав, Калофис, — сказал Магнус, и эти простые слова разбили их сердца. — Утизаар пришел ко мне и в момент моей

слабости прочел истину. Я не мог позволить ему вас предупредить, иначе все было бы напрасно. Ради общего блага мы должны быть уничтожены.

Вызванное его заявлением потрясение заставило всех замолчать, но через мгновение Фозис Т'Кар высказал свое мнение.

Иных слов от него никто и не ожидал.

— Никто не будет уничтожен! — взревел он. — Если псы Русса желают драться, я предоставлю им эту возможность!

— Нет! Ты не должен этого делать, — возразил Магнус. — Сгущающаяся тьма только и ждет, когда мы восстанем против своих братьев. Темные силы хотят, чтобы два верных Легиона набросились друг на друга и погибли на наковальне слепой ненависти перед грядущей войной. Мы не можем этого допустить, потому что Императору скоро потребуются преданные ему Волки. Мы должны смириться со своей судьбой и не препятствовать разрушению.

Вспыхнувший гнев Аримана

преодолел бесстрастную сосредоточенность на высших уровнях Исчислений, и главный библиарий в ярости сжал кулаки.

— Теперь в глазах всех наших товарищей мы останемся Красными Колдунами Просперо, и на этом наша история закончится.

— Это единственно возможный путь, Азек, — сказал Магнус. — Мне очень жаль.

— Нет, — настаивал Ариман. — Это не единственный путь. Ты считаешь, что благороднее принять свою судьбу, но я восстану против нее с оружием в руках.

Ариман сосредоточился на кристаллах остальных магистров храмов.

— Корвиды будут сражаться против врагов, — заявил он. — Вы с нами, братья?

— Рапторы с тобой, — ответил Фозис Т'Кар.

— Павониды вступят в бой, — пообещал Хатхор Маат.

— И Пирриды тоже, — прошипел Калофис. — О, Пирриды определенно будут драться.

Вся земля вокруг Тизки была объята пожарами, после которых уже ничто не могло возродиться. Высокие мраморные стены города, его великолепные музеи и библиотеки, серебряные башни и пирамиды еще не пострадали, благодаря усилиям Рапторов, заслонивших Тизку от самой страшной бомбардировки во всей истории Империума.

Горели даже горы, и небо навсегда изменило свой цвет под влиянием сотрясавших планету взрывов.

Сразу после окончания бомбардировки появились тысячи агрессоров. Сначала жители Тизки приняли их за крупные частицы пепла, настолько мелкими и настолько многочисленными были точки, появившиеся в небе. Но проходили минуты, и стало ясно, что это волна за волной спускаются десантные катера, штурмовики и боевые вертолеты. Следом за ними полетели более крупные суда с бронированной техникой и артиллерийскими орудиями.

Кайн-щит Рапторов не мог уберечь Тизку от наземной атаки, но в нем уже не

было необходимости. Обстрел с орбиты закончился, и в бой вступили эскадрильи ревущих «Грозовых птиц», летящих над самой водой к порту Тизки. Над волнующимся морем пронеслись сотни машин, и вся поверхность воды покрылась пеной. Возможность высадки вражеских сил на поверхность Просперо считалась почти невероятной, а потому город не прикрывали силы противовоздушной обороны.

Путь на Тизку был свободен.

Первый корабль — огромная, похожая на кинжал «Грозовая птица» серо-стального цвета с изображением сдвоенной волчьей головы на тупом носу — с ходу ворвался в порт. Он расчистил себе место на стоянке парой ракет и артиллерийским залпом. В последний момент из-под корпуса вылетели посадочные лыжи, и корабль совершил жесткую посадку среди дымящихся руин.

Аппарель опустилась в то же самое мгновение, как только замер корабль, и на землю спрыгнул устрашающего вида гигант. Его серую броню прикрывали

волчьи шкуры, а с нижней части щитка шлема торчали два острых клыка.

Леман Русс ступил на землю Просперо и стал первым агрессором, который осмелился это сделать. Подняв голову к небу, он испустил воинственный рев, а затем с удовольствием окинул взглядом учиненный в порту разгром. В ответ на его рев взвыли два вставших по обе стороны от него огромных волка, а затем выпрыгнувшие из корабля воины устремились в порт.

Десятки десантных кораблей тоже расчищали себе путь залпами орудий, и вскоре в небо поднялись столбы дыма от горящих складов и поврежденных трубопроводов. Сотни рвущихся в бой воинов бушующим прибоем захлестывали горящий порт и устремлялись к городу.

Сотни «Громовых ястребов» со стороны моря устремились к холмистому побережью между портом и величественным склоном Акрополя Магнум. С вершины скалы из светлого песчаника на город строгим отеческим взглядом смотрела бронзовая статуя

Магнуса.

Восточные кварталы Тизки появились еще до того, как Магнус создал план остальной части города. Узкие извилистые улочки этого района особенно полюбились представителям местной богемы. Старая Тизка, как называли это место, располагалась на пологом склоне, тянувшемся до самого берега моря, и славилась своими фонтанными домиками, маленькими рынками, модными уютными ресторанчиками и театрами.

Десятки «Громовых ястребов» приземлились на широкой набережной, разбив по пути дамбу, и высадили сотни завывающих воинов со сверкающими боевыми топорами и в шлемах, имевших форму волчьих черепов. Солдаты народного ополчения, организованного с армейской быстротой, дружным залпом уничтожили нескольких врагов, но их оружие и мощь сильно уступали возможностям противника.

Воины Русса рысью углубились в прибрежные городские кварталы, а на набережной появились спускаемые модули,

из которых с грохотом выкатились танки, окрашенные в серый цвет Космических Волков. Вслед за ними по отлогому склону нижнего города стали подниматься огромные «Хищники», «Ленд Рейдеры» и «Поборники». Их мощные орудия сносили целые здания и уничтожали всякого, кто имел неосторожность попасться на пути.

Отряды артиллерийских танков «Вихрь», покинув транспортные модули, загромыхали по дороге, ведущей к Акрополю Магнум. Их прямоугольные ракетные установки на ходу нацелились на вершину скалы и через мгновение окутались дымом, выпуская ракету за ракетой. Больше десятка снарядов попало в цель, уничтожив величественную статую Магнуса. После этого символического акта ракетные орудия развернулись, и следующие залпы своей смертоносной мощью обрушились на центр Тизки. Яростные взрывы окутывали пламенем одно здание за другим, и вскоре Город Света был охвачен огнем.

Тяжелые транспортные модули продолжали доставлять боевую технику, и

вскоре в небо взмыли изящные спидеры, которые подвергли город бесконечному ракетному обстрелу. Их снаряды взрывали все без разбора, и артиллеристам был дан приказ стрелять произвольно. В первые же минуты воздушного налета погибли сотни горожан, и не меньшее количество было уничтожено прицельным огнем из пушек.

Командование Небесной Гвардии вывело из расположенных в южном районе ангаров все имевшиеся скиммеры. Эти летательные аппараты в форме диска были рассчитаны на экипаж из двух человек и оснащены тепловыми излучателями и ракетными установками. Над городом развернулась борьба за воздушное господство, и небо превратилось в настоящее поле боя, испещренное огненными следами ракет, взрывами и струями дыма.

Космические Волки пролили первую кровь, и армия Просперо приняла вызов.

Ополченцы Тизки встали на защиту своего города. Они собрали все оружие, какое могли достать, и заняли позиции на крышах и верхних этажах зданий. Каждый

солдат прекрасно сознавал, что их действия будут для Космических Волков лишь мелкими уколами, но позволить захватчикам войти в город без борьбы они не могли.

Гвардия Шпилей, находившаяся в состоянии боевой готовности с момента начала бомбардировки, в полном составе перешла под командование Корвидов. Магнус утаил от своего Легиона приближение Космических Волков, но ближайшее будущее не могло укрыться от тех, кто имел глаза, чтобы его видеть.

Отряды мотопехоты под командованием капитана Витары заняли позиции на верхних склонах Старой Тизки, образовав линию обороны между окутанной огнем пирамидой Пирридов, куполом Скелмис, стоявшим в километре к западу, и пирамидой братства Корвидов. Свой командный пункт Витара устроил в вестибюле Критской галереи, старейшего хранилища предметов изобразительного искусства и скульптуры на Просперо.

На юго-западе собрались остатки штурмовых саперов Просперо, чьи ряды

сильно поредели после того, как лавиной орбитальной бомбардировки были уничтожены сразу три казармы. Дворцовая гвардия на севере заняла позиции на окраине горящего порта и на парапетах расположенных поблизости библиотек и галерей района Нефертари. Их командиром был Катон Эфей, потомок одного из древнейших родов Просперо, молодой и талантливый офицер, наделенный выдающимися способностями. Его линия обороны опиралась на купол Кифереи, а выбор позиций мог бы удостоиться похвалы любого ученого из Имперской Армии.

Леман Русс и его Волки опрокинули защиту дворцовой гвардии меньше чем за две минуты.

Над горящей Тизкой занимался рассвет. Космические Волки нанесли сокрушительный удар, но с истинными защитниками города им еще предстояло столкнуться.

В бой вступили Тысяча Сынов, и сражение мгновенно приняло совершенно другой характер.

Ариман спешил по улицам Старой Тизки, легко ориентируясь в дыму горящих домов при помощи усиленной системы датчиков бронекостюма. Вместе с ним, горя нетерпением отомстить агрессорам, маршировал отряд Тайных Скарабеев. Впереди показался горящий фонтанный дом «Акварион». Его изящные колонны и украшенные резьбой фонтаны уже почти полностью погибли в пламени пожара.

Неподалеку от купола Скелтис моторизованная пехота Просперо уже столкнулась с противником, и на мостовых города завязался тяжелый бой. Узкие улицы Тизки представляли собой естественные укрытия, умело используемые защитниками города.

Внизу на склоне после обстрела Космическими Волками бушевали пожары, грозящие быстро распространиться и на верхнюю часть города. Натиск пламени сдерживали воины братства Пирридов. Они отбрасывали пожары вниз по склону, блокируя огненными стенами целые улицы и проспекты. Небо над городом покрылось

сеткой следов от ракет и пятнами взрывов, за спиной Аримана с грохотом обвалилось высокое здание, разбитое упавшим на крышу самолетом. Горящие стропила и черепица разлетелись по всей улице.

Горячий, едкий от дыма воздух говорил о смертельной агонии прекрасного города.

Стены, прежде знавшие только песни и смех, содрогались от непрестанного грохота стрельбы. Ветер приносил все новые вихри пепла и обрывков горящих пергаментов, и Ариман, подняв на ходу руку, схватил один из летевших клочков.

— Что это? — спросил Собек.

— «Исповедь Невидимки», — ответил Ариман, читая строки на дымящемся пергаменте. — «Море поднимается, и свет тускнеет. Как только мы утратим веру друг в друга, море нас поглотит, и свет погаснет. В тот день солнце уйдет за горизонт в последний раз».

Ариман уронил обрывок и проследил за его полетом в струях раскаленного воздуха. Слова слишком точно подходили к

сложившейся ситуации, чтобы быть простым совпадением, и он опасался того, что они предвещали. Подняв голову, он посмотрел на конфетти из обгоревших обрывков книг, свитков и трактатов, кружившихся в небе, словно огненные снежинки.

— Потери будут ужасными, но я все восстановлю, — поклялся он. — Все, сколько бы для этого ни потребовалось времени.

Сознавая масштаб усилий, необходимых для восстановления, Ариман глубоко вздохнул. Его чувства обострились до пределов ощущения, и в голове мелькали картины возможного будущего. Для улучшения восприятия он припал к источнику энергии Аэтпио. Кожу стало покалывать, словно огонь Хранителя обжигал его. Возникло ощущение, что все это уже когда-то было, но он и не пытался вспоминать, поскольку почувствовал поблизости появление враждебно настроенных душ.

— Скарабеи! — крикнул Ариман, указав концом хеки в узкую улочку, ведущую вглубь Старой Тизки. —

Приготовиться к бою!

Им навстречу вылетели клубы огня и дыма, а затем показался отряд воинов в серых, словно тени, бронекостюмах. Через завалы горящего мусора противники выбрались на открытое пространство. Блестящую броню Астартес покрывал толстый слой пыли и черные мазки сажи, но ошибиться было невозможно: Космические Волки.

При виде врагов воины взяли на изготовку болтеры и украшенные волчьими хвостами цепные мечи с угрожающе острыми зубцами.

Время для Аримана остановилось. Его восприятие продолжило линию болтера, словно прочерчивая путь еще не вылетевшего заряда. В мимолетном видении он успел заметить, как снаряд ударяет в лицевой щиток одного из Космических Волков и в брызгах крови и мозга вылетает с противоположной стороны. Мгновенная вспышка предвидения своей чудовищной сутью ошеломила его.

Астартес вступали в бой друг против друга, и ужас этого факта задержал

Аримана на долю секунды.

Космическим Волкам только это и было надо.

Несмотря на то что Тысяча Сынов были предупреждены, Космические Волки первыми открыли огонь.

В Аримана и Тайных Скарабеев ударил шквал болтерного огня. Масс-реактивный снаряд расколол нагрудную броню одного из воинов, превратив в месиво его внутренние органы, и Астартес упал. Затем упали еще двое, но Скарабеи продолжали вести ответный огонь. Оцепенение Аримана прошло, уступив место ярости, болтер рявкнул огнем, и один из Космических Волков отлетел назад с пробитым дымящимся шлемом.

Собек, его Практик, воспользовался своими кайн-силами, приподнял противника, одетого в волчью шкуру, и разбил в лепешку о мраморную стену. Еще трое Космических Волков задергались в судорогах, когда Павониды из отряда Аримана превратили в пар их перенасыщенную кислородом кровь. Сквозь смотровые щели их шлемов из глаз

вырвалось пламя, и Волки Русса рухнули на землю в оплавленных бронекостюмах. Хранители Тайных Скарабеев парили над Космическими Волками и в злобном ликовании усиливали мощь своих хозяев.

Три оставшихся Космических Волка превратились в огненные столбы, их броня почернела и оплавилась. Все трое остались стоять, словно оникосовые статуи, воплощавшие мгновения невыносимого страдания.

Ариман воспользовался моментом затишья, чтобы осмыслить ситуацию. Энергичное мерцание Аэтпио над его головой говорило о неуемном желании внедриться в Аримана, так что из пальцев начали выскакивать багровые искры. Но Ариман раздраженным жестом прекратил этот фейерверк.

— Сдерживай свои порывы! — одернул он своего Хранителя, не скрывая недовольства его нетерпеливостью.

— Что ты сказал? — спросил подошедший Собек, потирая руки.

— Ничего, — отмахнулся Ариман. — Это не важно.

— Они застали нас врасплох, но мы заставим их убраться обратно на Терру, — сказал Собек, и в сверкании глаз за визором своего Практика Ариман заметил отсвет его Хранителя.

— Мы убили воинов братского Легиона, — мрачно произнес Ариман, стараясь донести до сознания Собека мрачный смысл этого момента. — Теперь отступать некуда.

— А зачем нам отступать? Не мы начали эту войну.

— Это не имеет значения. Мы в состоянии войны, а это означает, что должны драться до самого конца. Или мы разобьем Космических Волков, или Просперо станет могилой для Тысячи Сынов. Но в любом случае мы проигрываем.

— Что ты имеешь в виду?

— Что будет, если мы выстоим после этой атаки? Мы не сможем остаться на Просперо. Придут другие и закончат то, что начал Русс. Ну а если мы проиграем, и говорить больше не о чем.

Собек приподнял свою хеку, и по рукояти посоха пробежали огоньки.

— Значит, нам лучше не проигрывать, — сказал он.

Калофис восседал на хрустальном троне в храме Пирридов, на его броне плясали отблески пламени. Для любого, кто не был последователем этого культа, атмосфера внутри храма могла показаться невыносимой: раскаленный воздух, которым невозможно дышать, и горящий повсюду огонь.

В воздухе, оставляя светящиеся следы, танцевали духи огня и эфирные проявления стихии. Сиода оставалась над головой Калофиса, словно огненный ангел-хранитель. С момента начала бомбардировки планеты Сиода сильно увеличилась в объеме.

Вокруг трона стояли одетые в броню неофиты, образующие священную шестиугольную звезду, которая символизировала непостоянный союз огня и воды. В руках они держали кристаллы душ, высеченные в Отражающих пещерах, и внутри кристаллов мерцали янтарные огоньки жизненной силы.

— Ты уверен в этом, мой лорд? — не в силах скрыть тревогу, спросил Фарис, его Ревнитель.

Калофис, усмехнувшись, сжал пальцами резные подлокотники трона. В глубине хрусталя зажглись искры, и Калофис ощутил невероятную ярость, вспыхнувшую в сознании раненого существа, что находилось за стенами храма. Это существо ожидало своего шанса отомстить обидчикам.

— Я никогда и ни в чем еще не был так уверен, Фарис,— ответил Калофис. — Начинай.

Фарис отступил назад и кивнул неофитам. Те наклонили головы, и Калофис едва не задохнулся от устремившихся к нему потоков энергии. Трон окутался ярким сиянием, и Калофису пришлось приложить усилие, чтобы сдержать буйство силы, грозившей его поглотить.

— Я магистр храма Пирридов, — сквозь стиснутые зубы прошипел он. — Инферно служит мне, я повелеваю адским пламенем и научу тебя сжигать врагов.

Сиода спустилась вниз и окутала его тело. Калофис почувствовал, как его сознание рвется из плоти, чтобы наполнить другое тело, из стали и керамита, из кристаллов и ярости. Его мускулы уже не были сплетением мышечной ткани и нервных импульсов, а сочетанием гигантских поршней и оптических волокон, подчинявшихся психическому резонансу кристаллов. Вместо болтера его оружием стали пушки, способные истреблять целые армии, и кулаки, которые могли бы сокрушать огромные здания.

Калофис взглянул на поле боя глазами бога, взглядом гигантского существа, снова готового вступить в борьбу. Его конечности приобрели непривычную мощь, чувствам потребовалось несколько мгновений, чтобы приспособиться к чудовищным размерам и колоссальному весу. Он повернул свое новое тело, и шум сражения заглушили металлический лязг давно бездействовавших рычагов и свист возрожденной пневматики.

Пламя Сиоды распространилось по

чрезвычайно сложным механизмам, наполняя их новой жизнью. С оглушительным грохотом он сделал первый шаг и испустил клич, прозвучавший ревом боевой трубы.

Словно древний дракон, пробудившийся от тысячелетнего сна, «Канис Вертекс» снова устремился в бой.

Глава 28
СТРОЙ ДЕРЖИТСЯ
ОНИ ТОЖЕ ОТРЕКУТСЯ ОТ ТЕБЯ
ПОНЯТЬ ВРАГА

Золотистые гравициклы отличались изяществом: их вытянутые носы были похожи на орлиные клювы, а борта напоминали сложенные крылья. Фозис Т'Кар насчитал семь машин, спускавшихся к поверхности с явным намерением атаковать его позицию, расположенную на площади Рапторов. Управлявшие ими воины тоже сверкали золотом, а красные плюмажи шлемов развевались позади длинными стягами. Скорострельные орудия, установленные на уровне днища, беспрерывно извергали огонь, раздирая снарядами тощенную улочку, ведущую к площади Милаццо.[88]

Каждый взрыв вздымал в воздух фонтаны расколотого камня, но Фозиса

Т'Кара это ничуть не беспокоило. Он перенес вес тела на правую ногу и взмахнул руками, как будто распахивал тяжелый занавес. Четыре гравицикла остановились на месте, словно зафиксированные натянувшимися фалами. Фозис Т'Кар швырнул их в высокую стену Тиморской библиотеки, разбив при этом статуи первых Кустодес.

Еще три гравицикла взорвались от посланного Хатхором Маатом в их двигатели сокрушительного электрического заряда. Горящие обломки рухнули на землю и кувырком покатились к позиции Тысячи Сынов, остановившись в каком-нибудь метре от ног фозиса Т'Кара.

— Адептус Кустодес, — проворчал он. — Не такие уж они и страшные.

Вся северная часть Тизки пылала пожарами. В порту стеной поднимались столбы дыма, распространявшие запах горящего прометия, к которому примешивалась резкая вонь резины, смолы и металла. Над городом повисли плотные тучи, а вместо дождя падал горячий пепел. Мимо их позиции проходили сотни

мужчин и женщин, спешивших к пирамиде фотепа с охапками книг и свитков. Мостовые были усыпаны разорванными страницами и обгоревшими пергаментами. Резные статуи героев Рапторов, совсем недавно украшавшие площадь, почти все погибли при артиллерийском обстреле, и теперь с тротуаров смотрели их бесстрастные лица.

Среди гражданского населения встречались и контуженые, покрытые кровью солдаты Дворцовой Гвардии, покинувшие порт. Эти охваченные ужасом люди были остатками отрядов, первыми встретивших высадку противника.

— Я получил весточку от Атенейцев, — сообщил Хатхор Маат, подойдя к Фозису Т'Кару.

— И что они говорят?

— Идет Король Волков, — со злорадной усмешкой ответил Хатхор Маат. — Говорят, что он первым высадился в порту и теперь пробивается к нам.

— Пробивается? — повторил Фозис

Т'Кар. — Я не думаю, чтобы это стоило ему больших трудов. Волки легко преодолеют заслон Гвардии Шпилей.

— Ты не надеешься, что они там задержатся? — спросил Хатхор Маат. — Конечно, это всего лишь смертные, а против них воюют Астартес.

— Не только Астартес, — заметил фозис Т'Кар, показывая на разбитые гравициклы. — Кустодес тоже хотят увидеть наши головы на копьях.

— И точно так же умирают, — добавил Хатхор Маат.

— Есть какие-нибудь сведения, кроме того что идет Король Волков?

— Ариман охраняет северный сектор периметра. Он удерживает верхние склоны Старой Тизки, от Акрополя до западного края пирамиды Корвидов.

— А нам оставил западный сектор, от пирамиды Павонидов до порта.

— Похоже, что так, — согласился Хатхор Маат. — Атенейцы заняли позиции на площади Оккулюм. Они обещают делиться с нами планами противников, как только сами их получат.

Остатки Гвардии Шпилей сражаются вместе с Легионом, но мы не можем на них рассчитывать.

— А что с Калофисом?

— Пока никаких известий.

Несколько ракет штопором пошли вниз и взорвались, не долетев до земли. Разлетевшиеся осколки ударили по толпе и разнесли в клочья с десяток человек.

— А вот и они! — воскликнул Хатхор Маат и бегом возвратился на свою позицию.

Из-за пелены дыма появились три приземистые машины, ревущие моторами, словно дикие звери. На площадь, оставляя после себя тучи пыли, выкатились три огромных «Ленд Рейдера», окрашенных в цвета Космических Волков. Позади шагали воины Леман Русса — бушующий вал из сотен бойцов, вооруженных клинками и болтерами.

В рядах воинов Фенриса попадались красно-золотые фигуры, они несли в руках длинные эбонитовые копья и мерцающие мечи. Предвкушая возможность помериться силами с этими солдатами,

Фозис Т'Кар хищно усмехнулся.

Вместе с воинами на площадь выбежала стая волков с окровавленными клыками, на которых виднелись лохмотья одежды и плоти. Тысяча Сынов открыли огонь, и площадь взорвалась грохотом болтеров. Но гром выстрелов почти потонул в устрашающем волчьем вое. Щелчок пальцев Фозиса Т'Кара разорвал надвое огромного самца, вожака стаи. Болтерные снаряды застучали по броне Космических Волков, разворачивая их силой удара, но многолетний боевой опыт помогал Астартес Лемана Русса находить малейшие укрытия, и почти все они устояли на ногах.

Над головами защитников вспыхнули ослепительные лучи тяжелых лазерных орудий. По всей линии Тысячи Сынов прогремели взрывы, чередующиеся с ударами болтов и раскатистым грохотом разрывных снарядов, однако кайн-щиты Рапторов устояли перед атакой.

Фозис Т'Кар сосредоточился на переднем «Ленд Рейдере». Вытянув руку вперед, он сжал кулак, а затем резко

отдернул назад, и левый борт, полыхнув белым огнем, целиком оторвался от машины. Тяжелый танк крутанулся на месте и врезался в соседний «Ленд Рейдер», уничтожив нескольких попавших между ними воинов.

Фозис Т'Кар ухмыльнулся.

— Вы и понятия не имели, что вас здесь ждет! — крикнул он.

Но гневный выкрик только успел сорваться с его губ, как в животе вспыхнула неожиданная резкая боль, словно кто-то схватил его внутренности, скрутил их и резко дернул вверх. Фозис Т'Кар ощутил во рту привкус желчи, а кожа покрылась тонким слоем испарины.

Еще одна машина взорвалась после того, как ее корпус облепила густая паутина ослепительных молний. Затем воины Аураталмы швырнули в лобовое стекло оставшегося «Ленд Рейдера» несколько огненных шаров, и этот танк сразу же загорелся. Но он продолжал катиться вперед и стрелять, разбивая драгоценные статуи и круша гусеницами разбросанные на улице книги. Сам

Ауратагма стоял на поверженной каменной фигуре и, словно дирижер оркестра, взмахами обеих рук сплетал занавес ослепительного пламени.

— Он слишком самонадеянный, — проворчал Фозис Т'Кар, упрекая Ауратагму, но игнорируя ту же самую черту своего характера.

В борт «Ленд Рейдера» ударила ракета, пробила его насквозь и разорвалась позади машины. Движением запястья Фозис Т'Кар швырнул нескольких Космических Волков под гусеницы горящего танка и с усмешкой услышал, как затрещала их броня. Как только этот ужасный треск прекратился, пламя вырвалось изнутри машины. Люки с треском распахнулись, и экипаж попытался выбраться, опасаясь сгореть заживо. Ауратагма не позволил им этого сделать.

В ряды Космических Волков полетели молнии, и воины начали взрываться внутри своих бронекостюмов. Шипящие струи огня плавили землю у них под ногами, а основную мощь ответной

стрельбы поглощали кайн-щиты.

Фозис Т'Кар рассмеялся, наблюдая, как сражается его Легион, когда рядом нет никаких трусов, которые могли бы пожаловаться. Тысяча Сынов способны уничтожать врагов Империума лучше, чем кто-либо другой.

Внезапный холод заставил его вздрогнуть, и в глубине сознания неожиданно что-то шевельнулось. Такое ощущение уже когда-то у него возникало, но вспоминать было некогда — из ревущего пламени на него прыгнул волк. Его шерсть уже горела, и Фозис Т'Кар поднял руку, чтобы смахнуть зверя.

Ничего не получилось.

Волк ударил ему в грудь и повалил на землю. Страшные челюсти сомкнулись, клыки скользнули по щитку, оставляя глубокие царапины, желтоватые когти рванули броню. Фозис Т'Кар не удержался от стона, чувствуя, что когти добрались до тела. Волк в бешенстве щелкал зубами и рвался к его горлу.

Фозис Т'Кар встретился взглядом с волком: под маской страшного хищника он

разглядел чуждое существо. Он изумленно раскрыл глаза, но предпринимать что-либо было поздно, оставалось только драться. Зубы волка уже сомкнулись на его шее, но не успели разорвать плоть: фозис Т'Кар ударил зверя в бок. Он пробил кулаком грудную клетку, смял внутренние органы и достал до позвоночника. Янтарные глаза погасли, и он с отвращением отшвырнул от себя тело. Фозис Т'Кар поднялся на ноги и в ужасе взглянул на свои руки. Он призвал силу, но ничего не почувствовал — ни контакта с Великим Океаном, ни какого-нибудь намека на его огонь.

В поле зрения мелькнула стройная фигура в облегающих золотых доспехах, и длинный меч едва не уперся ему в живот. Фозис Т'Кар отбил клинок своей хекой и только потом посмотрел на противника. Это была женщина, но женщина необычная. Нижнюю часть ее лица прикрывала маска, а под темными глазами виднелась татуировка в виде слез.

Теперь фозис Т'Кар понял, почему его покинули силы. Донесшиеся до него крики и

стоны подсказали, что кайн-щит рухнул и воины Сестер Безмолвия открыто заявили о своем присутствии. Женщина-воин попыталась проткнуть его мечом, словно копьем. Он снова блокировал выпад рукоятью посоха, зацепил ее меч и резко вывернул его в сторону.

Она угадала его намерение, отдернула клинок, развернулась вокруг своей оси и, пригнувшись, бросилась в атаку, нацелив тонкий кинжал в его плоть. Фозис Т'Кар успел сделать шаг в сторону и встретил удар бедром, так что изящный клинок сломался о броню. В тот же момент он резко поднял колено и ударил противника в лицо. Маска, прикрывавшая челюсть, сломалась, посыпались окровавленные зубы, но женщина успела откатиться в сторону.

На площади повсюду слышались удары клинков по броне. Невозможно стало определить, на чьей стороне перевес; сражение распалось на сотни отчаянных рукопашных схваток.

Фозис Т'Кар, выхватив боевой нож, встал перед женщиной в золотых доспехах

в боевую стойку. Хеку он держал прямо перед собой, а кинжал поднял до уровня плеча.

— Отлично, нуль-дева! — крикнул он. — Я убью тебя традиционным способом!

Физическое тело Калофиса осталось лежать на светящемся золотистом троне, а сам он гигантскими шагами шествовал по развалинам Старой Тизки. Здания казались ему игрушечными кубиками, пожары — тлеющими искрами, а люди — едва различимыми пятнышками, тельнавшими под его могучими ногами.

Мимо Критской галереи он вышел к куполу Скелмис, и справа открылась бескрайняя ширь океана. Узкие улочки старого города были слишком тесными для такой огромной боевой машины, как «Канис Вертекс», но он двигался вперед подобно колоссу-разрушителю из древних легенд, и при каждом шаге дома рассыпались в груды обломков.

Послышалась стрельба, но никакие снаряды не могли причинить ему вред. Он ощутил тепло Сиоды,

сконцентрировавшееся в правой руке, и выпустил струю огня, воспламенившую сразу шесть ближайших кварталов. Вопли жертв до него не доносились, но он видел, как завывающие враги падали на колени и просили пощады.

«Канис Вертекс» обладал исправными орудиями, но Хранитель Калофиса не прерывал контакт с Великим Океаном, и его пирокинетические способности возросли в сотни раз, так что необходимости в артиллерии не было. Могучие кулаки титана постоянно окутывало пламя, и при каждом движении во врагов летели огненные шары размером с танк. Калофис со смехом швырял пламя обеими руками и сжигал врагов, заставляя немногих оставшихся в живых отступать к кораблям.

Захватчики уже проникли далеко вглубь Тизки, но Калофис видел, как растянулся их фронт в попытке расколоть силы защитников надвое. «Канис Вертекс» мог отрезать агрессоров от резервов, и тогда Тысяча Сынов опрокинули бы противников в океан.

Атенейцы успевали сообщать собратьям обо всех передвижениях противников, и Корвиды могли подготовиться к отражению всех атак, даже тех, которые планировались на ходу. Ни одна из сторон еще не могла похвастаться значительным перевесом в этом сражении, но с высоты своего колоссального роста Калофис видел, что победа склоняется на сторону Тысячи Сынов.

— Вы схватили кусок, который вам не по зубам! — взревел Калофис, и его слова прозвучали из громкоговорителя оглушительными раскатами помех.

Навстречу ему рванулись вертолеты и спидеры, полетели залпы ракет и артиллерийских снарядов. Без защиты его броня могла бы и пострадать, но огромную фигуру заслонял огненный щит, и снаряды, долетев до него, превращались в свинцовые потеки, а ракеты взрывались, не причиняя вреда. Калофис почувствовал взрыв жестокой радости Хранителя и желание завладеть контролем над машиной, но сердито одернул его.

В ответ раздался злобный визг, сопровождавшийся приступом тошноты.

«Канис Вертекс» резко остановился, эфирная защита рухнула, и по броне загрохотали взрывы. Гравициклы, спидеры и вертолеты, заметив его слабость, сомкнули кольцо для смертельного удара.

— Марш обратно! — прошипел Калофис. — Это мое!

Сиода злобно крикнул, но вернулся в корпус «Канис Вертекс».

Титан выбросил струи ревущего огня, смертельный вихрь смел десятки воздушных судов, расплавив их двигатели, а экипажи превратив в обугленные скелеты.

Калофис сплюнул на пол храма Пирридов, и кровавые капли с шипением испарились. Его доспехи уже дымились, в глазах разгорался угрожающий огонь, а от катившихся слез на щеках оставались черные шрамы.

Библиотека Корвидов, обычно служившая местом спокойного уединения, превратилась в очаг кипучей

деятельности. Анкху Анен руководил работой сотен переписчиков и сервиторов, которые пытались опустошить книжные полки и хранилища памяти библиотеки. В огромном помещении было собрано великое множество текстов, слишком много, чтобы успеть их эвакуировать в столь короткое время, но приказ Аримана был сформулирован предельно четко: все, что можно спасти, должно быть перенесено в пирамиду Фотепа.

Отблески пожаров проникали сквозь хрустальные стены и плясали на стальных и стеклянных полках библиотеки. Нагруженные до предела сервиторы тащили контейнеры с книгами, а перепуганные писцы сваливали в погрузчики очередные порции.

Анкху Анен попытался установить хоть какое-то подобие порядка в работе, но вскоре понял, что это невозможно. Его подчиненными овладела паника, вызванная военными действиями и распространившаяся со скоростью чумы, и все планы организованной эвакуации моментально рухнули.

— Позаботьтесь, чтобы «Инакотические манускрипты»[89] содержались в отдельности от «Пророчеств»! — крикнул он, увидев, как всхлипывающий переписчик складывает в один контейнер сервитора книги, принадлежащие разным эпохам.

Вырванные в спешке страницы и свитки падали на мозаичный пол; от близкого взрыва с потолка полетела пыль, а раскатистый грохот сменился хором испуганных голосов.

Мимо сновали служители с тяжелыми стопками книг и рулонами карт и пергаментов. Во время своих путешествий в будущее Корвиды собрали немало материалов — так много еще предстояло изучить и систематизировать! И сколько информации будет потеряно из-за этой бессмысленной войны!

Анкху Анен пошатнулся от внезапного приступа головокружения и протянул руку, чтобы не упасть. Пальцы сомкнулись вокруг прохладной стальной стойки одного

из стеллажей, и он взглянул не ближайшую к руке книгу. Это оказался потрепанный кожаный переплет «Либер Драконi», каким-то невероятным образом оказавшийся рядом с «Книгой Атума»[90] и скрученным в двойной свиток «Прорицанием вёльвы».[91]

Он отдернул руку, словно обжегся.

— Дракон судьбы, — прошептал Анкху Анен.

С самого первого дня после вступления в Легион Тысячи Сынов ему снился кошмар, в котором присутствовал шипящий дракон, рожденный изо льда и пламени. Его дыхание несло смерть звездам, а глаза излучали свет созидания. Анкху Анен долго пытался отыскать смысл этого сна, но не смог из-за многозначности образа дракона.

Для кого-то дракон представлялся человеком величайшего интеллекта, преодолевшим все силы дикого материального мира, а для кого-то он был созданием изначального хаоса, которое можно победить только посредством

непрестанного развития умственных и физических способностей. Другие считали дракона воплощением мудрости, сподвижником древних императоров, желавших усилить свое влияние.

Для Анкху Анена дракон был олицетворением неминуемой судьбы.

Он попятился от стеллажа и, внезапно почуяв приближение опасности, поднял голову. К храму летел огромный пылающий предмет, очертания которого в мерцании хрустальных панелей рассмотреть было невозможно.

Анкху Анен, развернувшись, помчался к выходу из библиотеки, но в то же мгновение пирамиду потряс оглушительный взрыв. Золотой «Громовой ястреб» в падении врезался в пирамиду храма, разгромив и хрустальные стены, и адамантиевые колонны. Единственное сохранившееся крыло зацепилось за элемент опоры здания, и корабль, развернувшись, ударился носом в потолок, а затем рухнул на пол библиотеки и взорвался.

Во все стороны разлетелись осколки

и брызнули струи горящего топлива, которые моментально воспламенили книги и свитки. Анкху Анена взрывной волной отбросило на верхнюю полку стеллажа, он пробил ее и упал в перевернутый контейнер с книгами. Спустя мгновение полка развалилась и засыпала его обломками искореженного металла.

Анкху Анен попытался выбраться из-под обломков, но острая боль в ноге и плече заставила откинуться на спину. Сделав глубокий вдох, он оценил полученные раны. Ногу придавило упавшей колонной, а из груди торчала стальная перекладина. Во время падения он, должно быть, задел за что-то, и рана получилась рваной и очень широкой. Из поврежденного сердца хлестала кровь, и с такой потерей вряд ли сможет справиться даже вторая система органов.

Горящее топливо растекалось по библиотеке, пламя взбиралось вверх по стеллажам, искало новые порции бумаги для утоления своего ненасытного аппетита. Вокруг Анкху Анена остались

мертвые тела служащих, убитых разлетевшимися обломками, обгоревших до неузнаваемости. Подняв голову, он увидел, как из огромной пробоины, куда врезался воздушный корабль, непрерывным потоком стекают осколки разбитого стекла. Словно зачарованный, он смотрел на этот хрустальный водопад и вдруг заметил в каждом осколке отражение золотого глаза. Глаза смотрели на него с печалью, и Анкху Анену вдруг показалось, что они могли бы спасти ему жизнь, но по какой-то причине решили этого не делать.

— Почему? — взмолился он.

Но глаза ничего не ответили.

Послышалось легкое царапанье по металлу, и Анкху Анен повернулся, чтобы позвать на помощь, но слова застряли в горле. Слегка склонив голову набок, на него смотрел черный ворон с блестящими крыльями. На его голове Анкху Анен заметил искусно вживленные в череп псибер-имплантаты. Птица смотрела на него с явным любопытством, и он улыбнулся, глядя на символ своего братства.

— Кто ты? — спросил он. — Видение будущего? Символ спасения?

— Я думаю, ни то ни другое, — ответил ему хриплый голос.

Повернув голову, Анкху Анен увидел воина в доспехах цвета зимнего утра. Его силуэт слегка дрожал, словно окутанный морозным воздухом, а в позе Космического Волка он не увидел ничего, кроме враждебности. Ворон резко крикнул, взлетел и приземлился на наплечник воина.

В руке Волк держал высокий посох, увенчанный золотым орлом, и следом за ним в библиотеку Корвидов вбежали не меньше десятка его собратьев в серых и золотых бронекостюмах, с продолговатыми орудиями, которые шипели голубым пламенем.

— Кто ты? — спросил Анкху Анен, стараясь возобновить контакт с эфиром, чтобы поразить бесцеремонного захватчика.

Но привычного притока энергии не последовало, и сознание бессилия отозвалось в сердце ноющей болью.

— Меня зовут Охтхере Судьбостроитель, рунный жрец Пятой роты Космических Волков капитана Атлоди Скарссена Скарссенссона, — представился воин.

Сняв шлем, он продемонстрировал состарившееся обветренное лицо со светлыми глазами и заплетенной в косички бородой. Макушку его черепа прикрывала кожаная скуфейка. За его спиной Анкху Анен увидел тонкую женскую фигуру в облегающих золотых доспехах. Пустой взгляд ее безжизненных неумолимых глаз вызвал у него дрожь.

— Судьбостроитель? Дракон судьбы, — прошептал Анкху Анен, широко распахнув от изумления глаза. — Так это ты... Это был ты.

Рунный жрец улыбнулся, но в его лице не было никакой радости, а лишь жестокое торжество.

— Дракон судьбы? Можно сказать и так, — произнес он.

Анкху Анен потянулся за хекой, но при крушении корабля его посох был безвозвратно утерян. Он снова попытался

освободить ногу.

— Не стоит метаться, — сказал Судьбостроитель. — Это облегчит твою кончину.

— Зачем вы это делаете? — спросил Анкху Анен. — Вы же должны понимать, что это чудовищная ошибка! Подумайте, сколько знаний будет потеряно после этой катастрофы.

— Мы выполняем волю Императора, — сказал Судьбостроитель. — И вам надлежало поступать так же.

— Тысяча Сынов верны Императору! — выкрикнул Анкху Анен, несмотря на то что на губах появилась кровавая пена. — И всегда были ему верны.

Судьбостроитель присел на корточки и прижал к его лицу заиндевевшую рукавицу:

— Ты хочешь что-нибудь сказать на прощание? Прежде чем утрешь?

Анкху Анен кивнул: перед ним открылось будущее. С трудом сдерживая кашель, он прохрипел последнее пророчество.

— Я вижу внутри тебя эфир, рунный

жрец, — из последних сил шептал он. — Ты такой же, как и я, и придет день, когда те, кому ты служишь, отрекутся от тебя.

— Мне почти жаль, что ты так глубоко заблуждаешься, — сказал Судьбостроитель, качая головой. — Почти.

Судьбостроитель выпрямился и послал вперед очередную группу воинов с огнеметами. Анкху Анен услышал, как струи огня хлестнули по результатам трудов нескольких поколений, и в уголках его глаз появились слезы.

— До того как ты умрешь, ты скажешь мне еще одну вещь, — сказал Судьбостроитель. — Ты скажешь мне, где отыскать знатока звезд по имени Азек Ариман.

На стороне Фозиса Т'Кара было преимущество в силе и массе, но нуль-дева обладала скоростью молнии, и ее клинок жалил, словно серебристая змея. Они продолжали поединок среди развалин на площади, в окружении сражающихся воинов, обгоревших разбитых танков, под непрерывным дождем осколков из

пробитых стен пирамиды Рапторов.

Под ногами валялись осколки упавших с позолоченных постаментов статуй, а постоянный грохот артиллерии на восточном краю города задавал сражению определенный ритм. Пожары отбрасывали на воинов оранжевые блики, и Фозис Т'Кар ощущал удивительную свободу, несмотря на то что был лишен притока эфирной энергии.

Он описывал посохом неторопливые круги, а Сестра Безмолвия следила за ним своим безжизненным взглядом.

— Тебя ведь все это не трогает, не так ли? — спросил он. — Мне бывает жаль смертных, которым не дано видеть того, что вижу я. Но ты? Ты живешь в мертвом пространстве, и твой единственный компаньон — безмолвие. Прервать такую жизнь будет актом милосердия с моей стороны.

Женщина не стала отвечать, зато попыталась провести колющий удар ему в шею. Фозис Т'Кар качнулся в сторону и взмахнул рукой, парируя выпад кинжала. Лезвие все же скользнуло по его

предплечью, оставив царапину на рукавице, и он устремился навстречу воительнице, держа перед собой посох.

От его выпада она выгнулась назад, но в то же мгновение развернулась и ударила Астартес каблуком по колену. Его броня треснула, и ногу до самого бедра обожгла боль. Фозис Т'Кар, покачнувшись, отступил назад и ухмыльнулся:

— Надо отдать тебе должное, ты быстро двигаешься.

Она опять ничего не ответила и с той же ловкостью бросилась в следующую атаку. Болтерная очередь выбила рядом с ними фонтаны каменной пыли, заставив Фозиса Т'Кара отступить еще на несколько шагов.

— Пора заканчивать, — сказал он.

Женщина снова бросилась на него, и на этот раз он ничего не сделал, чтобы ее остановить. Меч погрузился в его нагрудник, пронзив двойной керамит и армапласт, но, прежде чем он успел дойти до костяного щита над ребрами, Фозис Т'Кар шагнул вперед и ударил ножом по ее руке.

Лезвие прошло между лучевой и локтевой костью, и женщина вскрикнула от боли.

— Ага, значит, не совсем безмолвная! — воскликнул он, подтягивая ее к себе.

Женщина попыталась сопротивляться, но каждое движение только усиливало мучения. Фозис Т'Кар ударил ее шлемом по лицу, и голова Сестры Безмолвия раскололась.

Не успел он выдернуть свой нож, как с почти болезненным наслаждением ощутил приток энергии, наполнившей его конечности. Над головой тотчас мелькнул Ютипа, и возвращение Хранителя еще больше увеличило его силы. Фозис Т'Кар бросил окровавленный нож в ножны, отстегнул болтер, вставил полную обойму и взвел курок. После этого выдернул из груди серебряный меч, развернулся и побежал к дерущимся, стреляя на ходу из болтера по случайным целям.

Сражение стало похоже на бушующее море, и ни одна из сторон не могла добиться преимущества. Космические Волки бились с яростной

целеустремленностью, но не могли объективно оценить обстановку в целом. Тысяча Сынов сражались с холодной точностью, и каждый воин для повышения своего мастерства обращался к нижним уровням Исчислений. Как Астартес, они прошли достаточную тренировку для ведения самых жестоких рукопашных боев, но Магнус всегда учил их искать другие, более искусные способы добиваться победы. «Пойтешь врага, — говорил Магнус, — и тогда узнаешь, как его победить».

Похоже, что Космические Волки и кустодии тоже усвоили этот урок, иначе чем объяснить присутствие Сестер Безмолвия? Это обстоятельство давало Фозису Т'Кару шанс переломить ход битвы.

Он пробирался сквозь гущу тел и мысленно определял интенсивность эмоций. Над площадью висела красная пелена ярости и ненависти, но три пятна безразличия были в этом океане тремя островками молчания.

— Ага, попались, — прошипел он.

Он увидел, как Аураматма и Хатхор

Маат бьются с врагами спиной к спине, и стал пробираться к своим друзьям-капитанам. Астартес в серых доспехах замахнулся на него цепным топором, но Фозис Т'Кар, не останавливаясь, вырвал оружие из его рук усилием мысли и развернул лязгающие зубья в лицо хозяину.

Он притормозил только тогда, когда попал в радиус действия еще одной нуль-девы. Не опуская болтера, он запрыгнул на опустевший пьедестал, когда-то служивший опорой статуе магистра Ашкенатоса, и стал отыскивать мертвые зоны, пользуясь зрением Ютипы.

Обнаружив первую нуль-деву, он навел на нее прицел болтера. Сестра Безмолвия сражалась в центре группы Космических Волков и Кустодес, окруживших нескольких воинов Хатхора Маата. Болтер в его руках дернулся при отдаче, и женщина полетела на землю с раздробленным затылком и разорванным плечом.

Следуя указаниям Ютипы, он отыскал вторую нуль-деву и покончил с ней выстрелом в грудь. Третью Фозис Т'Кар

очень удачно снял в тот момент, когда она хотела скрыться за разбитым «Ленд Рейдером».

И Тысяча Сынов моментально пошли в наступление. Руки Хатхора Маата снова метали молнии, а Аурамагма швырял в противников ослепительные потоки жидкого огня. После восстановления кайн-щита Космические Волки были вынуждены отступить от основания пирамиды.

Фозис Т'Кар с яростным ревом спрыгнул с пьедестала.

Снаряды абсолютной энергии били по врагам, рассеивая их ряды не хуже целого отряда бронетехники. Какое бы удивительное ощущение свободы он ни испытал, лишившись на время своих способностей, это было лишь мимолетное чувство по сравнению с нахлынувшим ликованием.

К Фозису Т'Кару присоединились Аурамагма и Хатхор Маат, не скрывавшие радости по поводу возвращения своих сил. Беспощадность Аурамагмы не уступала ярости Космических Волков, а

Хатхор Маат отнесся к восстановлению сил почти с благоговейным восторгом.

Тысяча Сынов подтянулись к своим капитанам, а те, сверкая молниями, образовали острие клина, врезавшегося в строй Космических Волков. Неспособные устоять перед их могуществом, противники продолжали пятиться.

Внезапно над площадью пронесся ужасающий, полный ярости вой, и оставшиеся в пирамиде Рапторов стекла мгновенно взорвались сверкающими брызгами. Осколки, отражавшие огни пожаров и клубы дыма, ливнем посыпались на землю.

Датчики в шлеме фозиса Т'Кара заскрежетали от звуковой перегрузки, а сам он упал на одно колено.

— Во имя Великого Океана, что это?! — воскликнул он и сразу же вспомнил, где уже слышал подобный звук.

— Сорокопут, — произнес Хатхор Маат, тоже припомнив тот случай.

Космические Волки расступились, и фозис Т'Кар увидел, как сквозь строй своих воинов к ним движется величественный

Король Волков, окруженный гигантами в золотых доспехах.

Глава 29
Я НЕ ДОЛЖЕН
БЕЗУДЕРЖНАЯ СИЛА
СИРБОТИД ПОВЕРЖЕН

Старая Тизка прекратила свое существование. Лабиринт мирных патриархальных улочек, который он с такой радостью исследовал в дни своей юности на Просперо, обратился в пепел и груды мусора. Среди дымящихся развалин бродили воины, стреляя от бедра или добивая свои жертвы ударами топоров и мечей. Пелена дыма от непрестанной артиллерийской стрельбы скрыла побережье. Глухой металлический лязг и желтоватые отсветы на тучах говорили о том, что яростная бомбардировка скоро уничтожит еще один район его любимого города.

Магнус наблюдал за гибелью Тизки с самого верхнего балкона своей пирамиды — единственного здания, до сих пор избежавшего повреждений. Внутри его

покоев не осталось ни одной отражающей поверхности, ни одной возможности для настойчивого искушения, призывавшего совершить еще одну ошибку.

Он сжимал пальцами перила балкона и горькими слезами оплакивал свой утраченный мир и погибающих сыновей. Удивительный оазис, еще недавно распространявший яркий свет знаний для тех, кто хотел их получить, теперь был охвачен бурей войны.

Северные районы города превратились в настоящий ад, дворцы пылали огромными кострами, а обширные парки стали выжженными пустынями. Дальше к югу черным пятном на горизонте виднелся порт, атака братьев привела к его полному разрушению.

Он ощущал ярость Леманa Русса, сражавшегося в западном секторе, у подножия пирамиды Рапторов. Рядом с примархом бился Константин Вальдор и воин по имени Амон. Внутреннее зрение Магнуса не могло не отметить отвагу и яростный восторг воинов Тысячи Сынов, сражавшихся плечом к плечу с Фозисом

Т'Каром, Хатхором Маатом и Аурамагмой. Он скорбел, сознавая, что большинству этих воинов грозит скорая гибель, поскольку Леман Русс уничтожал всех, кто вставал у него на пути.

На востоке натиск агрессоров сдерживал Ариман и его Астартес. Ни свирепость Космических Волков, ни мощь Кустодес не могли поколебать оборону Аримана, и его воины использовали свои способности предвидения, чтобы отразить любую атаку.

Большая часть Сестер Безмолвия остались рядом с Леманом Руссом и Вальдором, и лишь некоторые из них воевали в восточном секторе. Захватчики рассчитывали на обычную зачистку и потому привезли недостаточно Сестер Безмолвия, чтобы овладеть Тизкой. Они решили, что орбитальной бомбардировки будет вполне достаточно, и их самонадеянность злила Магнуса больше всего.

Несмотря на то что почти вся Гвардия Шпилей Просперо была истреблена в первые же мгновения

сражения, Тысяча Сынов оказали достойное сопротивление и предотвратили разгром. Редкий строй воинов в багряных доспехах соединял шесть пирамид Тизки, образуя окружность с площадью Оккулюм в центре. Пирамида Фотепа стояла на самом южном крае, и в окружающих ее сверкающих водах уже плавало множество страниц древней мудрости, навеки утраченной во имя страха.

Тело Магнуса содрогалось от потрескивавших разрядов эфирной энергии, рвавшейся наружу, навстречу врагам. Он сдерживал ее изо всех сил. Огонь Великого Океана, как самая желанная страсть, искушал его из-за тонкой пелены, разделявшей два мира.

Больше всего на свете Магнусу хотелось спуститься на улицы Тизки и броситься в бой против захватчиков, продемонстрировать им всю мощь своего гнева. От одной этой мысли с кончиков пальцев слетали искры. Он сжал кулаки и обратился к своему внутреннему миру.

Он слышал взывающих к нему сыновей, умоляющих выйти на поле боя, но

игнорировал их и старался вытеснить голоса из головы.

Это было самым трудным, что ему когда-либо приходилось делать.

Один голос грозил опрокинуть его решимость — голос его любимого сына.

«Помоги нам», — молил он.

— Я не могу, Азек, — прошептал он сквозь стиснутые зубы. — Я не должен этого делать.

Улицы вокруг порта были полны дыма, поглощавшего кислород и дневной свет. Грохот взрывов разносился по городу топотом пьяных богов, и треск болтерной стрельбы смешивался с пронзительными криками и воем, составляя поистине адский хор. Фаэль Торон присел позади упавшей статуи, чтобы перезарядить болтер, и в этот момент из пробоя в стене фонтанного дома вырвалась грозная струя пламени. Вместе с сотней воинов своего братства он удерживал участок периметра, протянувшийся на две сотни метров в каждую сторону. Трижды противник пытался сломить их оборону, и

триждды болтеры и клинки Седьмого братства заставляли захватчиков отступать.

Воины Фаэля Торона знали эту часть Тизки как никто другой, а предвидение Корвидов позволяло им организовывать оборону с наивысшей точностью. Атенейцы тоже снабжали их информацией, и благодаря этому ни одно наступление противников не стало для них неожиданностью.

На улице уже лежало немало трупов – оборона давалась высокой ценой. Девственный мрамор стен был забрызган кровью, и по трещинам в мостовой текли ручьи жизненной жидкости. Фаэль Торон истратил уже двенадцать обойм, и продолжать стрельбу позволяло только регулярное снабжение боеприпасами, обеспеченное отрядом Гвардии Шпилей.

Внезапно его внутренности скрутило болезненной судорогой, и спазмы распространились по рукам и ногам. Фаэль Торон невольно охнул, сплюнул едкую желчь и тряхнул головой, пытаясь восстановить помутившееся зрение. В

рядах его воинов один за другим прогремели взрывы, и ему пришлось несколько раз моргнуть, чтобы избавиться от пятен перед глазами.

— Смотри за правым флангом! — крикнул Фаэль Торон.

Шквал артиллерийских снарядов разорвал в клочья тела трех его Астартес. По характерному уханью он определил, что это не противопехотное оружие. Воины в темно-красной броне устремились в пролом, таща за собой тяжелое орудие. Фаэль Торон рискнул выглянуть из-за статуи золотого льва.

Весь район от порта до самой Тиморской библиотеки стал совершенно неузнаваем. Украшенные колоннадами проспекты и изящные павильоны превратились в сплошные руины и горы разбитого камня. В солоноватом морском воздухе преобладал химический запах, доносившийся из горящего порта, дым от взрывов и бесконечных костров из книг.

Космические Волки и воины в золотых бронекостюмах осторожно пробрались сквозь завалы здания, еще

совсем недавно бывшего галереей скульптуры периода, предшествующего Древней Ночи, где преобладали произведения чуждых творцов. Теперь все экспонаты стали мусором под ногами захватчиков, и Фаэль Торон снова ощутил, как под кожей пульсирует энергия эфира, возбуждаемая яростью Этоаа. Чтобы справиться с эмоциями, он сделал глубокий вдох. Исчисления уже не помогали, и желание Хранителя ударить по противникам грозило разрушить все его стратегические расчеты.

— Тогда я стану таким же, как они, — прошептал он, стараясь унять ярость.

Следующая очередь оставила в поверхности статуи глубокую канавку, словно львы были сделаны из мягкого песчаника. Фаэль Торон откатился от готового упасть льва и перебрался под прикрытие рухнувшей каменной арки. Он узнал в ней часть купола галереи и, оглянувшись через плечо, увидел, что изнутри здания поднимается столб густого серого дыма. В небе, среди вспышек взрывов, протянулись инверсионные следы

от спидеров.

Часть библиотеки обвалилась, и не меньше тридцати его воинов оказались погребенными под тоннами камня. Небо заволокло тучами взметнувшейся пыли. Грохот камней еще не утих, как раздался раскатистый вой врагов.

— Отбросим их назад! — закричал фаэль Торон, обогнул каменную арку и открыл огонь, посылая в Космических Волков болт за болтом.

Его товарищи последовали примеру капитана, и каждый бил точно в намеченную цель. Космические Волки начали падать, но этого было недостаточно. По подсчетам фаэля Торона, со стороны порта их атаковало не меньше шести сотен Астартес.

Это были настоящие дикие варвары, увешанные поверх доспехов шкурами и амулетами, словно какие-нибудь воинственные племена дикарей, не заслуживающие ничего иного, кроме уничтожения. Они не обладали ни красотой, ни искусством настоящих Астартес.

Многие шли в бой без шлемов, другие сбрасывали шлемы во время битвы, одержимые жаждой крови или просто по глупости не заботясь о защите самого важного органа. Фаэль Торон заставлял Космических Волков платить за это, тщательно прицеливаясь и сбивая головы с плеч при каждом выстреле.

Интенсивная стрельба началась с обеих сторон, и воздух наполнился летящими снарядами. Фаэль Торон снова укрылся за деталью купола и сразу услышал, как по его медной поверхности застучали снаряды.

Рядом с ним прижался к камням воин в темно-красных доспехах, и Фаэль Торон приветственно кивнул своему Философу, Тулекху. Этот Астартес был прекрасным адептом и овладевал своими силами быстрее, чем кто-либо другой в Седьмом братстве. Даже Фаэль Торон вынужден был прилагать усилия, чтобы сдержать мощные силы, возвращенные Магнусом на Просперо. Остальные братства уже вовсю пользовались своими способностями, но Седьмое пока еще сражалось

традиционными методами.

— Мы так их не удержим, — сказал Тулекх. — Необходимо использовать наши силы!

— Еще рано, — возразил Фаэль Торон. — Это оружие для последнего сражения.

— Это и есть наш последний бой! — настаивал Тулекх. — Как еще это можно назвать?

Фаэль Торон сознавал, что он прав, но продолжал колебаться. Его люди еще не имеют большого опыта по использованию энергии Великого Океана, как в других братствах, и он опасался, что они бросятся в самую гущу сражения. Но, как сказал Тулекх, что еще остается делать?

— Хорошо, — наконец решился он. — Передай приказ, разрешающий пользоваться любыми средствами для выдворения захватчиков.

Тулекх кивнул, и в его глазах Фаэль Торон заметил злорадное предвкушение.

Торон выглянул из укрытия и едва не ахнул, увидев за спинами Космических Волков чудовищно огромный силуэт серого гиганта в особенно прочных керамитовых

доспехах и снабженного множеством лязгающих и жужжащих механизмов. Броню дредноута покрывал слой пыли и сажи, пластины были испещрены царапинами и вмятинами, а висевший на спине стяг уже горел.

Одна рука гиганта оканчивалась окровавленным кулаком, с которого летели искры электрического заряда, а вместо второй жужжала ракетная установка, заряжаемая из огромного ящика на плече.

— Быстрее! — крикнул Фаэль Торон, когда из установки дредноута в их сторону понеслась очередь снарядов.

Ракеты попали в развалины купола, и колоссальным взрывом его подняло в воздух. Ударная волна вырвала из его руки болтер, а самого Фаэля Торона швырнула в образовавшийся кратер, в котором уже хлюпала кровь. Он перевернулся и потянулся за оружием, но поблизости ничего не было.

Вокруг кратера валялись разорванные в клочья и пробитые очередями тела Тысячи Сынов. Он снова ощутил приступ

отвратительной тошноты и согнулся пополам, чувствуя, как непрошеная и непреодолимая сила Отоаа завладевает его телом.

Все вокруг Фаэля Торона поднялось в воздух, и кровь у его ног закипела. В его теле проснулась мощь Великого Океана, но в самой глубине, на уровне клеток, уже началось ужасное изменение.

Астартес Тысячи Сынов умирали. Десятки воинов погибли в первые же минуты атаки Короля Волков. Одетый в лучшие боевые доспехи и вооруженный заиндевевшим мечом, который одним ударом рассекал надвое тела противников, он сражался как вожак стаи, уверенный в поддержке своих собратьев. Рядом с ним шли хускарлы, беспощадные убийцы в терминаторских доспехах, неуязвимых для любых видов оружия, кроме самых удачных выстрелов или ударов мечей.

Фозис Т'Кар, хотя и не видел больше ненавистных Сестер Безмолвия, был уверен, что они все еще здесь, поскольку его силы иссякали, стекали с рук, словно

чернила с пера. Кустодес разили противников мощными ударами Копий Хранителей, которые с одинаковой легкостью рубили и броню, и плоть.

Он ощутил бессильную ярость Хранителя, почти полностью лишившегося своей силы, и тогда, глубоко вздохнув, обратился к внутренним резервам, претворяя в энергию собственные чувства и чувства братьев, сражавшихся не на жизнь, а на смерть.

Враги, еще несколько мгновений назад бывшие на грани поражения, окружили их со всех сторон. Клин Тысячи Сынов глубоко проник в массу Космических Волков, но Леман Русс отразил смертельный удар. Что еще хуже, ситуация обернулась против воинов Магнуса. Космические Волки ломали их строй, кустодии рубили воинов, разъяренные волки безжалостно рвали клыками.

— Мы должны отойти назад! — крикнул Хатхор Маат, преодолевая грохот стрельбы и лязг мечей. — Строй слишком растянут.

Фозис Т'Кар понимал, что он прав, но не мог сосредоточиться ни на чем, кроме могучей фигуры Лемана Русса, истреблявшего воинов Тысячи Сынов и абсолютно безразличного к хранилищам знаний и опыта, которые он разбивал при каждом ударе.

— Займись этим! — рявкнул он. — Восстанови периметр.

Хатхор услышал неудержимую ярость в его голосе.

— Что ты собираешься делать? — спросил он.

— Я могу покончить с этим, — ответил Фозис Т'Кар. — А теперь займись перегруппировкой.

Второго приказа Хатхору Маату не требовалось, и по рядам Тысячи Сынов был передан приказ. Воины Второго, Третьего и Восьмого братств организованно смыкали ряды и плотными группами отходили назад. Космические Волки быстро осознали, что инициатива теперь принадлежит им, и устремились вперед, предвкушая победу.

— Думаете, мы так легко сдадимся? —

– прошипел Фозис Т'Кар.

Он взмахнул хекой и бросился в самую гущу боя, издав оглушительный рев, не уступающий волчьему вою. С посоха сорвался шипящий сгусток голубого пламени и ударил в грудь ближайшего воина, окатив его огнем. Волк закричал, словно смертельно раненный зверь, и упал, а Фозис Т'Кар и его спутники ринулись в толпу врагов.

Рядом с ним расцвел огненный шар, и, оглянувшись, он увидел, что Аурамагма со своим отрядом присоединился к атаке. Вместо того чтобы рассердиться на капитана Восьмого братства за неподчинение приказу, Фозис Т'Кар почувствовал только злорадное удовлетворение. С рук Аурамагмы слетали струи голубовато-белого огня, плавившего керамитовые доспехи, словно мягкий воск. Обгоревшие волки перед смертью выли на небо, воины погибали от ударов опаляющих зарядов, выжигающих воздух в их легких.

Болт-пистолет Фозиса Т'Кара с грохотом выпустил снаряд, и голова

кустодия, потерявшего шлем, разлетелась на части. Посох-хека описывал в воздухе огненные дуги и раскалывал доспехи, словно яичную скорлупу. Фозис Т'Кар с беспощадным мастерством истреблял противников, и в его теле разгоралось пламя. Глаза его ярко сверкали, а с рук срывались огненные язык.

Впереди он видел только Короля Волков и его соратников в золотых доспехах. Поле зрения сузилось до такой степени, что он различал лишь узкий проход, прокладываемый посохом, и продолжал крушить всех, кто попадался на пути. Он убивал врагов целыми дюжинами, чувствуя их смерть каждой клеткой своего тела.

Его рука поднималась и опускалась, словно механический рычаг, разбивала броню и кости с такой силой, о которой он раньше и не подозревал. Все тело налилось энергией, а внимание до последней капли было сосредоточено на желанной цели. Враги, не в силах противостоять его натиску, в ужасе расступались. А Фозис Т'Кар одним лишь движением мысли

разбрасывал их, словно солому, и швырял на землю, превращая в кровавые пятна на траверсе. Переполнявшая его сила не имела себе равных.

Фозис Т'Кар увидел, как Аурамагма, охваченный жарким сиянием, встал перед Королем Волков и послал в него шквал энергии эфира. Он торжествующе заревел, когда заряд достиг Лемана Русса и пламя Аурамагмы окутало ледяную броню Лемана Русса. Прогремевший взрыв мог сравниться только со вспышкой сверхновой звезды. Примарх даже не дрогнул, зато для Аурамагмы последствия были столь же невероятными, сколь и ужасными.

Колоссальная энергия Аурамагмы отразилась от доспехов примарха, как свет отражается от зеркала, и злобная сила эфира обрушилась на своего творца, исторгнув из его глотки отчаянный вопль. Эфир поглощал его сущность, и вопль Аурамагмы был полон такой муки, что все, кто его слышал, исполнились жалости. Он превратился в пылающий костер и бросился в толпу, но Космические Волки, не желая приближаться к проклятой душе,

тновенно расступились перед ним.

Фозис Т'Кар наконец пробился к воинам в золотых доспехах, окружавшим примарха, и захохотал, заметив в их глазах ужас. Против него выступил их командир; его взгляд, полный смешанного с ненавистью отвращения, доставил Фозису Т'Кару злобную радость. Из-под увенчанного красным плюмажем шлема выбивались темные волосы, а из-под визора на него смотрели глаза убийцы.

— Вальдор, — прошипел Фозис Т'Кар, словно выплевывая имя врага.

Константин Вальдор выставил перед собой копье.

— Кто ты?! — крикнул он, вызвав у Фозиса Т'Кара новый взрыв смеха неуместностью вопроса.

— Я твоя смерть! — прогремел он, но слова, слетевшие с изменившихся губ, получились неразборчивыми.

Фозис Т'Кар угрожающе нагнулся над командиром Кустодес и только тогда понял, насколько изменилось его тело.

Его плоть взбунтовалась против своей формы и функций, безумная

трансформация затронула уже все его органы и конечности. Плоть и броня слились в одну жуткую массу, соединившую органические и неорганические вещества, и мышцы начали вспучиваться, вылезая наружу. Как же он до сих пор не заметил таких явных изменений? Ответ пришел в то же мгновение, как только в мозгу оформился вопрос.

Фозис Т'Кар уже не мог назвать это тело своим. Его плоть захватил Ютипа, своим злорадством и постепенным влиянием пробудивший дремлющий потенциал, скрытый в его генетическом коде. Сила необузданной трансформации, всегда присутствовавшая в его организме, вырвалась на свободу, и накопленный за два столетия потенциал обрел осуществление за две минуты.

В глазах Вальдора Фозис Т'Кар прочел свою судьбу и судьбу всего Легиона и понял, что эта участь ждала их с самого начала. Вальдор шагнул вперед и нацелил Копье Хранителя ему в сердце. В тот момент Фозис Т'Кар понял, почему его примарх не вступил в бой.

— Чудовище! — крикнул Вальдор, пронзая копьем его мутировавшую плоть.

— Я знаю, — печально произнес Фозис Т'Кар, уронил оружие и закрыл глаза.

Золотое лезвие рассекло сердце, и смерть стала для него желанным избавлением.

Фаэль Торон в сверкании молний поднялся над кратером. Из-под его доспехов с шипением сочилась кровь, а с кончиков пальцев срывались яркие искры. Его броня засияла внутренним светом, словно внутри был заключен плазменный реактор. Глаза, впитавшие энергию эфира, позволили Фаэлю Торону увидеть дьявольское сражение во всем его примитивном ужасе.

Войско Лемана Русса и Кустодес уже почти одержало победу. Космические Волки, словно меч в тело дрогнувшего врага, проникли вглубь Тизки. Оборона Тысячи Сынов еще держалась, но она безусловно будет прорвана, и это произойдет очень скоро. Никто не в силах противостоять столь яростной атаке,

столь неутомимому натиску и беспощадной ненависти. Никто, кроме Тысячи Сынов, овладевших силами Великого Океана.

Фаэль Торон окинул взором остатки своего братства — истерзанные тела и пробитые черепа, которые в качестве трофеев подбирали торжествующе завывавшие Космические Волки. Едва он остановил взгляд, как его ярость выплеснулась наружу стремительным потоком силы. Ближайшие к нему Астартес были отброшены назад, энергетический заряд сорвал с них доспехи и даже плоть с их костей. Лохматые существа, что бегали вместе с воинами Русса, стали взрываться яркими кляксами, издавая чуждые злобные вопли, и их внутренний свет мгновенно затухал.

Фаэль Торон распростер руки в стороны и поплыл над полем боя, расчищая себе путь только усилием мысли. Опьяненный нахлынувшими ощущениями, он даже рассмеялся. Как легко управлять этими силами! Совсем недавно он опасался, что не справится с ними, а

оказалось, что это так же просто, как дышать!

За ним последовали и его воины, и огонь, стекавший с его рук, наполнял их и зажигал вокруг них сияние. Потоки энергии бушевали вовсю, но он не придавал этому значения и стал добровольным проводником для сил Великого Океана, позволив им свободно переходить в этот мир.

Навстречу ему понесся целый шквал разрывных снарядов из пушек трех дредноутов — настоящих машин для убийства, похожих на волков и разукрашенных, словно тотемы дикарей. Первый дредноут Фаэль Торон разобрал на части одним движением руки. Он ощутил мучения умиравшего клочка плоти, заключенного в машине, и испытал от этого радость. Два других дредноута он повернул друг против друга и с мрачным наслаждением наблюдал, как они стреляют, пока от могучих устройств не остались дымящиеся обломки.

Повсюду вокруг него воины Седьмого братства пылали тем же огнем, какой

переполнял его существо. По мере того как росли его уверенность и сила, набирались опыта и его воины, и их превращения были эхом его достижений.

По Фаэлю Торону открыли огонь два танка типа «Хищник». Он поднял с земли обе машины и опрокинул в море, не переставая смеяться над испуганными лицами Космических Волков. Они уже стали отходить назад, сбивались в группы и пытались скрыться в или же устроенных развалинах.

Тело Фаэля Торона стало содрогаться от проходящей сквозь него энергии, и он, вспомнив высшие уровни Исчислений и наставления Аримана и Магнуса, попытался взять поток под контроль. Все они твердили, что сила полезна только в том случае, когда она контролируется, и он признал их правоту, когда ощутил, что его хватка слабеет. Отоаа, некогда бывший его Хранителем, завладел его телом, подчинил себе и наполнил таким количеством энергии, с каким не смог бы справиться и самый опытный магистр.

— Нет! — вскричал Фаэль Торон, чувствуя, как Этоаа радуется тому, что они поменялись ролями.

Его руки уже не могли сдерживать рвущуюся наружу энергию, и Фаэль Торон охнул от резкой боли. Титанические силы не помещались в нем, и остановить изменения было уже невозможно никакими усилиями воли.

Запрокинув голову, Фаэль Торон издал последний вопль осознанного ужаса, а потом его тело взорвалось с интенсивностью зарождающейся звезды.

А в километре к востоку Калофис направлял «Канис Вертекс» к почерневшим и еще дымившимся руинам пирамиды Корвидов. Там горели бесценные и уникальные фолианты, и над развалинами поднимались высокие столбы дыма.

Из-под ног титана разбегались объятые ужасом фигурки в серых и золотых доспехах. На огненном щите плавились ракеты и артиллерийские снаряды. Калофис чувствовал себя

неуязвимым и непобедимым. Как можно после такого опыта вернуться к традиционным методам ведения войны? Управление манипулами роботов при помощи психорезонансных кристаллов доставляло ему немалое удовольствие, но командовать богом войны было ни с чем не сравнимым наслаждением.

То, что не сжигали его орудия, дробили гигантские ноги с широко расставленными когтями; Калофис сознавал, что оставляет за собой разрушений больше, чем целые отряды Космических Волков. Это его не тревожило. Дома можно построить заново, город возродить, а вот шанс шагать по миру в железном колоссе может больше никогда не представиться.

Его тело, оставшееся на троне в пирамиде Пирридов, уже обжигало эфирное пламя, но Калофис сознавал, что должен сохранять контроль над титаном. Сейчас от него зависит жизнь и будущее Просперо. Огонь Ютипы расплавленным металлом протекал по конечностям «Канис Вертекс», но он ощущал отчаянное

желание Хранителя перехватить управление и творить зло по своему усмотрению. Калофис ревностно удерживал контроль, хотя и сознавал, что силы Ютипы возрастают с каждой прерванной жизнью, с каждым разрушенным зданием.

Он заставил себя сконцентрировать внимание на сражении и окинул взглядом город, стараясь определить, где его огневая мощь принесет большую пользу.

Ключевой позицией был порт. Тяжелые транспортные корабли кружили над морем и доставляли с орбиты все новые и новые отряды солдат. Чуть дальше еще держался северный рубеж обороны Тизки. Ариман и его Корвиды стояли плечом к плечу с Атенейцами и Гвардией Шпилей и отважно сражались, сдерживая натиск доставляемых морем противников.

Ариман сможет еще некоторое время обойтись без его помощи.

Ликвидировать порт — значит лишить захватчиков плацдарма, необходимого для окончательного

истребления Тысячи Сынов. Калофис, на каждом шагу сея смерть и разрушения, направил могучую машину в порт.

Калофис воспринимал окружающую обстановку совсем не так, как это делал давно погибший принцепс «Канис Вертекс». Он чувствовал все изменения в ходе битвы более остро, чем любой модератус. Привлекаемая битвой энергия эфира накатывалась со стороны пирамиды Рапторов, и он улыбнулся, приветствуя ее мощь.

Едва он успел настроить свои чувства на бушевавшие внизу схватки, как ощутил неожиданный всплеск по другую сторону от пирамиды Корвидов. Он узнал присутствие фаэля Торона, но изумленно моргнул, когда почувствовал невероятную мощь, нараставшую в капитане Седьмого братства.

Калофис слишком поздно преодолел инерционность «Канис Вертекс».

— О Трон, нет! — прошептал он, увидев, как к небу взметнулся столб белого пламени не меньше тысячи метров в диаметре.

Над Тизкой будто вспыхнуло второе солнце, моментально разогнавшее тучи.

Ударная волна качнула «Канис Вертекс», и Калофис ощутил, как из разрыва в ткани мира хлынул неукротимый поток энергии эфира. Он в одно мгновение сжег огненный щит титана, оставив беззащитным его металлический корпус. Кристаллы, настроенные на управление главными механизмами, разбились, и Ютипа, перехватив контроль, торжествующе вскрикнул.

Но его триумф длился недолго — лишь до тех пор, пока от невероятного жара не расплавился корпус титана. Сначала от тяжести опустились огромные руки, а потом и вся боевая машина рухнула на пирамиду Корвидов, завершив разрушение, начатое Охтхере Судьбостроителем.

Калофис пытался разорвать контакт с обреченной машиной, но Ютипа не ослаблял хватку, и на капитана обрушилось ответное действие эфира. Калофис призвал все могущество

магистра храма Пирридов, чтобы остановить огонь, но столь чудовищной мощи не могла противостоять ни одна сила Галактики.

Калофис еще успел оценить иронию своей гибели, прежде чем огонь уничтожил его и вся пирамида Пирридов взорвалась раскаленным фонтаном стекла и стали.

Глава 30
ПОСЛЕДНЕЕ ОТСТУПЛЕНИЕ МОЕ ОРУЖИЕ — ИСТИНА ЗНАК ВОЛКА

Ариман тряхнул головой, удивляясь, почему это он лежит в облаке пыли и на груде мусора. Он так и не вспомнил, упал ли сам, или его кто-то свалил. Перекатившись на бок, он сердито поморщился от болезненных судорог, прекрасно зная, что они означают.

Он поднялся на ноги и огляделся: на западе к самому небу поднялась колонна бурлящего пламени. В разрыв между мирами устремился пульсирующий поток из Великого Океана, и судорожная боль в мышцах подсказывала Ариману, насколько могущественным он мог бы быть, если бы дал волю этим силам. На дне его глаз разгорался терцающий огонь, и обжигающий эфир капал с пальцев, расплавляя землю до состояния желеобразной массы.

Ужасный взрыв оглушил всех — и своих, и врагов, а ударная волна прокатилась по городу, сея разрушения подобно землетрясению. Те здания, что уцелели после карающей бомбардировки, теперь тоже превратились в руины.

Ослепительный свет стал гаснуть, — значит, тот, кто прорвал завесу между мирами, уже уничтожен. На горизонте Ариман разглядел объятый огнем человеческий силуэт, который покачивался, словно соломенное чучело, сжигаемое дикарями-горцами в честь языческих богов урожая.

Перед его мысленным взором вспыхнуло видение неотвратимого будущего. Огромная боевая машина, погибшая на полях Кориовалльта, умирала во второй раз и падала на пирамиду Корвидов. Ариман мог бы посмотреть, куда она рухнет, но не пожелал видеть уничтожение своего храма и прервал видение.

До него донесся оглушительный скрежет стали и звон стекла, звук, означавший окончательное разрушение и

разбитые надежды. Огромная машина, упав, вызвала еще одну ударную волну, а затем вспыхнул ослепительный шар на месте взорвавшегося храма Пирридов.

Ариман, от ужаса приоткрыв рот, замер на месте после этой троекратной катастрофы. Смертный приговор Легиону вынесен окончательно. Рубежа обороны больше не существует. Весь северо-западный сектор города исчез. Враги, поняв, какое они получили преимущество, тут же беспрепятственно хлынут в город.

Затишье, вызванное колоссальными взрывами, было очень хрупким, и Тысяча Сынов первыми оправились от потрясения. Когда Космические Волки еще только поднимались на ноги, Тайные Скарабеи ударили в них смертоносными потоками убийственных сил. Врагов сжигали ослепительные молнии, а потом сверкающие дуги, с треском рассыпая искры, перекидывались с одного воина на другого. Шипящие языки пламени разлетались по улицам, поглощая все, к чему прикасались, расплавляя своим невероятным жаром и камни, и керамит,

и человеческую плоть.

У Аримана возникла надежда, что бушующая энергия эфира может стать их спасением, но уже через несколько секунд надежда растаяла. Воин в десяти метрах слева от него издал вопль откровенного ужаса, и его тело стало буквально взрываться отвратительными наростами. Броня скрипела и трещала, а мутирующая плоть росла с невероятной скоростью. Через мгновение к нему присоединился еще один воин, чье тело унеслось вверх, подброшенное струей голубоватого огня, и не успели окружающие даже вздохнуть, как от несчастного ничего не осталось.

Астартес Тысячи Сынов претерпевали самые невероятные изменения. Из трещин в броне высовывались отталкивающие наросты, покрытые чешуей конечности, из ворота бронекостюма вылезали морщинистые придатки, и даже из пулевых пробоин с мерзким чавкающим хлопком выскакивали желеобразные опухоли.

Плоть, долгие десятилетия

удерживаемая в постоянной форме, рвалась наружу, и воины в ужасе падали на колени. С каждой секундой число жертв злокачественного влияния возрастало, и отчаянные вопли достигли ушей Космических Волков. Солдаты Гвардии Шпилей в страхе бежали от своих бывших соратников, когда существа, еще мгновения назад бывшие Астартес, набросились на них, чтобы утолить безумный голод растущей плоти.

— Всем отступить! — закричал Ариман, понимая, что эту позицию им уже не удержать.

Те Астартес, которые сопротивлялись перерождению плоти, передали его приказ по цепочке, и Ариману хватило беглого взгляда, чтобы увидеть: в строю остались старейшие и самые опытные члены Легиона. К его радости, среди них оказался и Собек. Вместе со своим Практиком Ариман повел остатки Астартес и гвардейцев вглубь Старой Тизки, быстро пробираясь по изрытым снарядами площадям и улицам, заваленным горящими обломками.

После проверки боезапаса оказалось, что у Аримана осталось всего пять полных обойм. Посох-хека тоже представлял собой мощное оружие, и его древко потрескивало от невидимых разрядов. Усилием воли главный библиарий удалил из него энергию, не желая рисковать, когда воздух был насыщен неконтролируемыми потоками эфира. Посох еще понадобится ему в последний момент, а до тех пор он не хотел даже думать об этом.

Едва он успел успокоить бушевавшие потоки, как ощутил чье-то тайное присутствие в эфире вокруг него, словно тонкое щупальце чужой мысли искало лазейку в его разум. Ариман узнал и примитивную хитрость охотника, и манеру подкрадываться, говорившее о долгих годах жизни в промерзшей тундре, где единственным способом согреться была лишь звериная шкура, снятая с еще не остывшей жертвы.

Ему не потребовалось особого мастерства, чтобы узнать это существо, поскольку с этим охотником он уже

странствовал в Великом Океане. Его выслеживал Охтхере Судьбостроитель, и Ариман позволил своей эфирной сущности распространиться в воздухе, оставить след, чтобы привлечь рунного жреца.

— Иди ко мне, Судьбостроитель, — прошептал он. — Я не возражаю.

Ариман вел остатки разбитого Легиона по улицам любимого города и по пути собирал ошеломленных взрывами солдат из восточного и западного секторов, которые также стремились к площади Оккулюм. Пока он насчитывал всего несколько сотен Астартес, однако для того, чтобы сдерживать атаки Космических Волков и Кустодиев, этого было слишком мало, поэтому Ариман надеялся, что ближе к центру города отыщет еще воинов.

Площадь Оккулюм уже показалась впереди, и вдруг он заметил на улице статуи львов, по большей части опрокинутые и сильно поврежденные снарядами. Ариман узнал это место — улица Тысячи Львов — и едва не рассмеялся, когда увидел, что крайний

слева лев остался нетронутым, таким же блестящим и гладким, как будто только что вышел из мастерской скульптора. Он остановился и протянул руку к ревущему хищнику.

— Наверное, ты и в самом деле счастливый, — сказал он, ничуть не стыдясь того, что выглядит глупо. — Я бы не возражал, если бы ты поделился со мной своей удачей.

— Суеверия тебе не к лицу, — раздался позади него чей-то голос.

Обернувшись, Ариман искренне обрадовался, увидев в толпе отступающих воинов прихрамывающего Хатхора Маата. Они бросились навстречу друг другу и обнялись, как любящие братья.

— Что произошло? — спросил Ариман, забыв о позолоченном льве.

— Король Волков, — коротко ответил Хатхор Маат, и других объяснений Ариману не потребовалось.

— А Фозис Т'Кар? — задал он очередной вопрос, когда весь отряд снова двинулся на юг.

Хатхор Маат отвернулся, и тогда

Ариман заметил нездоровую восковую бледность его кожи, что для такого опытного биоманта было так же отвратительно и несвойственно, как и самая страшная мутация. Невероятно красивый в обычных условиях, Хатхор Маат казался совершенно сломленным, и его вид расстроил Аримана ничуть не меньше, чем все разрушения, произошедшие во время этой кошмарной битвы.

— Его унесло перерождение плоти, — сказал Хатхор Маат, не в силах скрыть ужас при воспоминании о том, что произошло. — Кустодий Вальдор его убил, но мне кажется, что Фозис Т'Кар сам позволил ему это сделать. Лучше умереть, чем жить таким чудовищем. Аурамагма тоже погиб.

Аурамагма не был близким другом Аримана, но он был капитаном братства, а вот гибель Фозиса Т'Кара его искренне опечалила. Если ему удастся пережить этот кошмар, он еще долго будет тосковать по утраченным друзьям. Ариман уже не в первый раз отметил, что лишь смерть позволила ему признать

достойного воина своим другом.

Он постарался прогнать из головы мысли о фозисе Т'Каре и обратился к низшим уровням Исчислений, чтобы подавить печаль потери. Однако его беспокоило то, как страшная утрата подействовала на Хатхора Маата. Левую сторону головы Маата покрывала корка засохшей крови, и это было наименьшим из повреждений. Его кожа мерцала внутренним светом, что говорило об угрозе перерождения, и Ариману оставалось лишь надеяться, что такой тщеславный воин, как Хатхор Маат, устоит перед соблазном снова прибегнуть к силам эфира.

— Куда мы направляемся? — спросил Хатхор Маат.

— Ко второй линии обороны, — объяснил Ариман.

— Что это за вторая линия?

— С востока на запад, между пирамидами Атенейцев и Павонидов, с Великой библиотекой в центре и пирамидой Фотепа в тылу.

— Довольно длинный рубеж, —

заметил Хатхор Маат.

— Знаю, но намного короче, чем предыдущий. Если мы сможем удерживать его достаточно долго, чтобы большая часть граждан Тизки успела оказаться в относительной безопасности, которую предоставляет пирамида Фотепа, значит, нам удастся добиться чего-то стоящего.

— Не слишком много.

— Это все, что мы можем, — сказал Ариман.

Они продолжали бежать на юг, но, услышав звуки приближавшейся погони, Ариман стал оглядываться через плечо. Ужасные монстры, в которых превратились его воины, задержат Космических Волков, но убийцам Леманна Русса не потребуется много времени, чтобы расчистить себе путь. Ариман сдержал гнев, сознавая, что он не принесет ничего хорошего, поскольку слишком многое служило ему причиной. Поводов для гнева главному библиарию хватило бы на тысячу жизней.

Гнев на бездумную жестокость, с

какой на них обрушились Волки Русса и Кустодес.

Гнев по поводу гибели многих воинов, заслуживавших лучшей участи.

Гнев на себя — за то, что так быстро позволил себе перестать задавать необходимые вопросы.

И самый сильный гнев на Магнуса — за то, что он оставил их наедине с их ужасной участью.

Ариман повел своих воинов через площадь Оккулюм, мимо стоявшей в центре колонны, чудесным образом избежавшей уничтожения во время бомбардировки. Площадь была заполнена людьми, бежавшими от Космических Волков и Кустодиев, поскольку их пули и клинки не разбирали, каких обитателей города они уничтожают. Испуганные горожане выбегали на площадь из боковых улочек и направлялись к самому южному выходу, широкому проспекту, носящему не слишком уместное для данной ситуации название — Мудрости.

От обозначавшей начало проспекта

арки остались одни обломки, и упавшие колонны лежали вперемешку с разбитыми статуями давно умерших ученых-Атенейцев. Золотая облицовка Великой библиотеки Просперо едва просвечивала сквозь пелену дыма, выходившего из пробоин в стенах, а за ней сверкала хрустальная громада пирамиды Магнуса.

Пережившие эфирный взрыв и падение титана воины все еще прибывали на площадь, и Ариман насчитывал уже около трех тысяч Астартес своего Легиона. По сравнению с той силой, что начинала сражение, это, конечно, было слишком мало, но больше, чем ожидал Ариман. Интересно, сколько братьев погибло от рук Космических Волков, а скольких унесло перерождение плоти?

Ариман не стал искать ответа на этот вопрос, поскольку сейчас ему предстояло решить более важные проблемы. В сопровождении Собека и Хатхора Маата он перепрыгнул через траморную статую сумасшедшего ученого Альхазреда[92] и побежал к Дворцу

Мудрости. Проспект был вымощен черными траморными плитами, и на каждой имелось выгравированное назидание, пожелание или предостережение самых выдающихся жертвователей библиотеки. Большая часть плит скрывалась под пылью, мусором или ногами перепуганных жителей Тизки, но Ариман, не забывая о космическом порядке, постоянно смотрел себе под ноги.

На первой плите были начертаны следующие слова: «Сила без мудрости уничтожит того, кто ею владеет».

Зная, что совпадений на свете не бывает, Ариман еще внимательнее стал всматриваться в надписи под ногами.

«Страждущие ищут силу, но не мудрость. Сила без мудрости опасна. Лучше сначала обзавестись мудростью».

«Обладающие знаниями не занимаются предсказаниями. Те, кто предсказывает, не обладают знаниями».

«Если ты злоупотребляешь силой, ты сгоришь, а затем познаешь истину. Если выживешь».

И последняя плита, к мрачной радости Аримана, оказалась красной и гласила: «Только глупец стремится в бой лишь из желания убить кого-нибудь».

Значение этих слов не могло от него ускользнуть, но Ариман недоумевал, почему изречения были показаны именно ему. Он вряд ли имел возможность повлиять на судьбу Тысячи Сынов.

Это под силу только одной личности — на Просперо.

Воины Тысячи Сынов собрались на краю некогда зеленого парка Великой библиотеки. Из Тайных Скарабеев и разрозненных отрядов Хатхор Маат и Собек выстроили линию воинов, направивших оружие на север. У их ног, над самой землей, словно ядовитый туман, струился дым от сожженной листвы и травы. За их спинами лежали развалины Великой библиотеки, уже утратившей очертания пирамиды. Ее прозрачные стены отсвечивали золотом от множества костров, еще горевших на бесконечных галереях. Вершина пирамиды

провалилась, и из пролома вытекал дым, словно по крутым склонам вулкана текли струи раскаленной лавы.

Неожиданные воспоминания заслонили перед Ариманом Великую библиотеку.

— Что с тобой? — спросил Хатхор Маат, заметив его оцепенение.

— Это была вовсе не Никея, — сказал Ариман. — Я видел не вулкан, а вот это... Я видел это.

— О чем ты говоришь?

— Это было на Агхору, — пояснил Ариман, не скрывая растущего ужаса. — Я предвидел все это, но не узнал. Я мог предупредить Магнуса. Я мог его остановить.

Хатхор Маат развернул его в другую сторону:

— Если ты это видел, значит, это должно было произойти, несмотря ни на что. Ты все равно ничего не смог бы сделать.

— Нет. — Ариман покачал головой. — Все не так. Течения эфира несут отзвуки возможного будущего. Я мог...

— Не важно, что ты мог, — прервал

его Хатхор Маат. — Ты не видел этого. Как не видел Амон, Анкху Анен, Магнус и кто-либо другой из Корвидов. Так что перестань беспокоиться о том, чего ты не видел, и уделяй побольше внимания тому, что прямо перед тобой.

Тот факт, что Хатхор Маат давал ему совет, мгновенно вывел Аримана из состояния оцепенения, и он опять сосредоточил все свое внимание на линии обороны. Здесь было легче защищаться, чем на предыдущей позиции, но для оставшегося количества воинов фронт все равно был слишком растянут.

В парке имелось множество павильонов, невысоких ограждений и декоративных кустарников. В любой нормальный день его аллеи и беседки были бы заполнены обычными горожанами и учеными, которые предпочитали впитывать слова мудрости на открытом воздухе. Ариман и сам провел немало времени под густыми зелеными кронами, уютно устроившись на скамье с каким-нибудь занимательным старинным фолиантом. А теперь он смотрел на

стены, упавшие деревья и ограждения с точки зрения организации обороны.

— Мы выдержим одну атаку, возможно две, — сказал он, ознакомившись с рельефом разгромленного парка. — А потом придется отступить к пирамиде Фотепа.

— Мне кажется, это самый оптимистичный вариант, — заметил Хатхор Маат, поскольку Леман Русс шел на их позицию во главе шести тысяч Астартес и Кустодиев, сжимая кольцо, словно голодный волк челюсти.

Этот маневр был рассчитан на то, чтобы сломить волю защитников, но Ариман вспомнил слова одного из военачальников[93] Старой Земли и возвысил голос, чтобы его услышал каждый из Тысячи Сынов.

— «Солдат-доброволец, сражающийся за свою страну и свои права, — это самый надежный солдат на свете!» — закричал он, крепко прижав к плечу болтер.

Он посмотрел через прицел и печально усмехнулся, увидев в прорези

Охтхере Судьбостроителя. Рунный жрец был еще далеко за пределами зоны досягаемости, но Ариман и не собирался заканчивать их вражду банальным выстрелом из болтера. Он передал оружие Собеку и повернулся к Хатхору Маату:

— Помнишь, на Агхору я говорил, что мы позволили своим силам нами управлять и что пора снова учиться драться так, как подобает Астартес?

— Конечно, — ответил Хатхор Маат, озадаченный таким вступлением. — И что из того?

— Настал именно такой момент. — Ариман снял свой шлем и уронил его на почерневшую траву. — Покажите этим собакам, как надо драться, и пусть они знают, что напрасно недооценивали наш Легион. Сражайтесь в полную силу, но пусть никто не применяет энергию Великого Океана, иначе ему грозит смерть.

— О чем ты толкуешь? И что собираешься сделать?

Ариман сел на обожженную землю, скрестил ноги и крепко сжал хеку.

Золотые и голубые медные полосы на древке сразу же начали потрескивать.

— Нарушаю свой собственный приказ, — сказал он и прикрыл глаза.

Ариман одним выдохом вывел световое тело из плоти. Бушующие потоки Великого Океана бились у самой границы мира, и потому переход не составлял никакого труда. Грандиозный прилив, вызванный обилием самых сильных эмоций во время битвы, сразу подхватил его сущность.

В тот же момент перерождение плоти попыталось захватить его врасплох, но Ариман подавил недуг, сознавая, что, вероятно, в последний раз плывет по Великому Океану. Он поднялся выше, отыскал извилистую береговую линию Тизки и увидел, что недавно блистательный город закрыт сплошной красной пеленой.

— Какая сильная ненависть, — прошептал он. — Неужели мы это заслужили?

Стараясь не сбиться с курса в сильных

течениях и опасных бурунах, он покинул парк Великой библиотеки. На северо-западе он ощутил еще открытую брешь в материи эфира, услышал эхо страдающей души, разрываемой на части прожорливыми хищниками варпа, которые до сих пор оставались вокруг раны, надеясь, что она откроется снова.

Над строем вражеских воинов пульсировало красно-золотое сияние непоколебимой уверенности в своей правоте. Они не могли видеть свою ошибку. Чуть выше Ариман заметил таинственное облачко обмана и посочувствовал их невежеству.

— Если бы вы только знали, что вас предали, вы объединились бы с нами и покончили с этим обманом.

Местами над движущимися танками и воинами появлялись темные пятна Сестер Безмолвия, охранявших вражеских капитанов. Ариман держался от них поодаль. Стоило задеть эту трачную темноту, и ему придется мгновенно вернуться в физическое тело. Да и его противник ни за что не приблизится к

этим ненавистным пятнам, поскольку так же лицемерен, как и остальные.

Наконец Ариман обнаружил Охтхере Судьбостроителя и усмехнулся. Он был настолько горд, настолько самодоволен и полон ненависти, что оставалось лишь удивляться, как он до сих пор сохранил человеческий облик. Как бы ни убеждал себя Ариман, что он действует ради сохранения Легиона, он не мог не признать, что миссия доставляет ему удовольствие.

Призрачными руками он потянулся вниз и выдернул световое тело из плоти Судьбостроителя. Он проделал эту операцию настолько резко, что тело рунного жреца стало твердым и негнущимся, словно только что высеченная статуя. Его помощники и спутники бросились на помощь, но ничего не смогли для него сделать.

Ариман ослабил хватку, как только мерцающий сгусток сформировался в точную копию лежащего внизу человека. Аура Судьбостроителя вспыхнула возмущением и гневом, но затем он увидел, кто парит рядом с ним, и из всех

эмоций осталась только затаенная ненависть.

— Колдун! — бросил Судьбостроитель.

— И это все, что ты можешь мне предложить, дружище? — спросил Ариман, скрестив руки на груди. — Только оскорбления?

— Я сам выслеживал тебя сегодня, — сказал Судьбостроитель.

— Знаю, я почувствовал твое неуклюжее преследование. Да его ощутил бы любой неофит с Просперо. Как ты вышел на мой психический след?

— Твой брат в библиотеке тебя выдал, — торжествующе заявил Судьбостроитель.

Ариман рассмеялся.

— Так вот что ты подумал! — воскликнул он. — Если Анкху Анен так поступил, значит, он хотел, чтобы ты меня нашел. Он знал, что в таком случае я тебя убью.

— Вряд ли, — фыркнул Судьбостроитель, и в его руках появился золотой посох.

Но Ариман качнул головой, и посох

разлетелся осколками затухающего света.

— Неужели ты думаешь, что мы будем драться подобным образом в таком месте, в таком царстве?

Судьбостроитель бросился на Аримана, выставив перед собой скрюченные пальцы, словно когти, а его лицо стало превращаться в волчью морду с острыми клыками, нацеленными на горло главного библиария. Ариман резко увеличился в размерах, и они столкнулись в ослепительной вспышке энергии.

Судьбостроитель накидывался на него, угрожающе размахивая руками, но Ариман, быстрый, словно ртуть, избегал ударов и поднимался все выше в Великий Океан. Словно переплетенные спирали генетического кода, они взмывали вверх через эфир. Судьбостроитель яростно атаковал, пуская в ход зубы и когти, а Ариман с невероятной ловкостью уклонялся от ударов.

— Ты такой же, как и я, — сказал он, уйдя от очередной атаки.

Судьбостроитель отпрянул от сверкающего силуэта Аримана и тряхнул

головой, так что волчья морда на мгновение растаяла.

— Я ничуть на тебя не похож! — прорычал он. — Моя сила берет начало в естественном цикле рождений и смертей Фенриса. Я Сын Шторма, и у нас с тобой нет ничего общего.

— Но сейчас ты не на Фенрисе, — напомнил Ариман. — Мы пользуемся разными названиями, но ты призываешь бурю и раскалываешь землю при помощи той же самой энергии, которая помогает мне предсказывать будущее и управлять судьбой своего Легиона.

— И это все, что ты можешь мне предложить?! — язвительно воскликнул Судьбостроитель. — Ложь? Я не верю ни единому твоему слову!

— Ложь? — переспросил Ариман. — Посмотри, что вы сделали с моим миром. Мне нет необходимости лгать, мое оружие — истина.

Не успели эти слова слететь с его губ, как Ариман устремился вперед, и его сущность обволокла фигуру Судьбостроителя. В рунного жреца

вонзилось сверкающее копье, но эта атака не имела целью причинить вред световому телу. Оружием послужило копье истины.

— Ты не в состоянии понять правду, пока не пойдешь вездесущей лжи, которая тебя окружает. Просвещение не поможет, если ты не избавишься от путаницы обмана. А как только ты станешь свободен от всех форм заблуждений, истина войдет в твое сознание. Это мой дар тебе, Охтхере Судьбостроитель!

И Ариман излил на рунного жреца все: заражение Хоруса и его измену всем замыслам Императора, чудовищный масштаб неминуемой войны и ее ужасное окончание. Независимо от победы или поражения, всех их ожидал период беспросветной тьмы. Но Ариман не только открывал Судьбостроителю все, что видел сам, он узнал, что заставило Космических Волков и Кустодес с такой жестокостью обрушить свои силы на Тысячу Сынов.

Он услышал льстивые слова Хоруса и зловещие доводы Константина Вальдора; каждый преследовал свою цель, но они оба

подталкивали Лемана Русса на путь тотального разрушения.

Масштаб предательства потряс его до глубины души. Ариман уже смирился с изменой Хоруса Луперкаля, поскольку она брала начало в коварных замыслах существа, для которого вигинтеллионы[94] веков равносильны одному мгновению. Но это? Это было чисто человеческое предательство. Это была ложь, высказанная с благородными намерениями, но приведшая к уничтожению Просперо.

Гнев овладел Ариманом, и он снова бросился на Судьбостроителя и начал яростно рвать его световое тело. Рунный жрец, ошеломленный увиденными ужасами, даже не мог сопротивляться в полную силу.

Тяжесть эмоций притягивала их обоих к материальным телам, и они стали падать в Великом Океане. Вокруг тотчас собрались стаи хищников варпа, ужасные воплощения невообразимых кошмаров, чудовищные уроды и ненасытные демоны. Ариман почувствовал

их присутствие и, призвав все свое воображение, придал им самые устрашающие формы кровожадных бактериофагов, снабженных клыками и когтями.

Наконец они вернулись к раздираемой сражениями Тизке, едва различимой, словно за пеленой густого тумана или за пыльным стеклом. Ариман видел разгромленный парк и облако боевой ярости над ним и битву между Космическими Волками и Тысячей Сынов, и обе стороны, ослепленные непониманием, старались уничтожить друг друга. Собек, Хатхор Маат и Тайные Скарабеи стояли на страже у его тела, но строй Тысячи Сынов неуклонно отодвигался назад.

Леман Русс — колонна ослепительного света — десятками уничтожал противников, и Ариман понимал, что ничто не сможет помешать этому неистовому божеству разнести в клочья остатки его Легиона. Два сопровождавших Русса волка, воплощения света и тьмы, сбивали с ног воинов и рвали их на части, не уступая в

жестокости своему хозяину. Ариман с трудом отвел взгляд от Короля Волков и его зверей и, держа перед собой ошеломленного Судьбостроителя, встряхнул его.

Некогда высокомерный и гордый, рунный жрец был совершенно сломлен. Жизненная сила постепенно вытекала из его тонкого тела, и аура, истерзанная истиной Аримана, неустойчиво мерцала.

В нем не осталось и следа от былой уверенности, и душа рунного жреца стала беззащитной и уязвимой.

— Это тебе за Анкху Анена, — сказал Ариман и швырнул Судьбостроителя хищникам варпа.

Они с первобытной свирепостью сомкнулись над беспомощной жертвой, защелкали неестественно острыми клыками и стали рвать его на части. Прошло лишь несколько мгновений, и светящиеся частицы души рунного жреца погасли навеки.

Ариман не без мрачного удовлетворения увидел, как содрогнулось и упало закованное в доспехи тело Охтхере

Судьбостроителя, поскольку плоть не в состоянии пережить гибель души. Часть его сознания содрогалась от столь жестокого мщения, но другая часть радовалась при мысли, что его враг уничтожен безвозвратно.

Ариман открыл глаза и глубоко вздохнул. Он тотчас ощутил множественные последствия битвы, разукрасившие его тело, словно болезненные кровоподтеки. Вокруг стоял оглушительный шум боя, и завывание волков слышалось уже со всех сторон. Ему хватило одного мгновения, чтобы понять: сражение за Тизку почти закончилось. Просперо для них потерян.

Он по-прежнему крепко сжимал в руке древко хеки и вдруг заметил, что золотые и синие полосы по всей длине посоха утратили яркость, а потом почернели. В этом предзнаменовании он не мог ошибиться.

— Значит, так тому и быть, — заключил Ариман.

Ариман и Хатхор Маат, встав

спиной к спине, сдерживали жестокий натиск Космических Волков и преторианцев Императора. Цепные мечи поднимались и падали, их острые ледяные зубцы покраснели от крови Астартес, а болтеры выстреливали в них тяжелые снаряды, не давая опомниться.

Рубеж обороны не устоял перед натиском неукротимой ярости Лемана Русса, и последний бой шел уже у подножия пирамиды Фотепа. На маслянистой поверхности водоема, окружавшего последний приют Магнуса Красного, уже плавали осколки хрустального стекла. Оставшиеся в живых жители Тизки, избежавшие ярости захватчиков, укрылись внутри пирамиды. То были остатки великого рода ученых, который не только пережил Древнюю Ночь, но и продолжал развиваться.

Бронированные машины крушили гусеницами статуи и упавшие деревья, а их орудия были направлены на огромную пирамиду за линией фронта. Воины сошлись в рукопашной схватке, так что было невозможно произвести точный

выстрел, и потому артиллеристы сосредоточили свои усилия на уничтожении убежища примарха. Пирамида Фотепа терцала в исчезающем свете дня, ее серебряные башни и сверкающие поверхности окутывало зловещее внутреннее сияние. Взрывы один за другим вспыхивали над величественным Крестом Жизни,[95] выгравированным на боковой поверхности пирамиды, и выбивали фонтаны осколков.

Ариман знал, что их конец близок. В живых из целого Легиона осталось меньше пятнадцати сотен Астартес. С такими силами можно было покорять планеты и подавлять восстания, охватившие миры, но противостояние втрое превосходящим силам противника, да еще с примархом во главе, означало скорое и неминуемое поражение.

Этот бой знаменовал собой конец обоих Легионов, но Ариман не мог без борьбы позволить этим варварам уничтожить его мир, как не мог изменить прошлое. Король Волков зажег

костры из бесценных произведений науки, а бездумными взмахами покрытого инеем клинка уничтожал уникальные артефакты, подобных которым не существовало во всей Галактике.

Такое невежество и беспечная страсть к разрушению не могли оставаться безнаказанными.

— Я же говорил, что ты рассуждаешь чересчур оптимистично, — сказал Хатхор Маат, пронзая хекой шею потерявшего шлем Космического Волка.

Из прорванной артерии брызнула кровь, и Хатхор Маат прикончил противника выстрелом из болтера в голову.

— Я почти не ошибся, — отозвался Ариман.

Он уже примирился с близостью смерти, и мысли стали несколько рассеянными. В последние, как он считал, мгновения своей жизни он гадал, что стало с Летюэлем и его товарищами-летописцами. Ариман не видел Летюэля после смерти Каллисты Эриды и надеялся, что летописцы могли выжить, хотя и

сознавал, что, скорее всего, они погибли. Эта мысль его опечалила, но если сражение могло его чему-то научить, то только тому, что сожаления бесполезны. Значение имело только будущее, а оно могло быть определено лишь путем приобретения знаний. Аримана сильно огорчал тот факт, что ему никогда не представится возможность восстановить то, что утрачено на Просперо.

Волк с безумным визгом прыгнул на Аримана, и он сбил его выстрелом в голову. Зверь рухнул у его ног, и он невольно содрогнулся: перед ним было не животное, а существо, одетое в подобие бронекостюма, словно тело Астартес трансформировалось в адское отродье.

— Великий Океан, а это еще что такое?! — вскричал Хатхор Маат, когда на них набросились еще несколько ужасных помесей человека и волка.

Ариман вспомнил слова, некогда сказанные ему Охтхере Судьбостроителем, и внимательнее пристмотрелся к волко-людям, с воем бросавшимся в атаку.

— Вульфены! — крикнул он, выпуская по группе ужасных созданий болтерную очередь.

— И они еще смеют называть нас чудовищами! — воскликнул Хатхор Маат.

Когда-то вульфены были Астартес, но их поразило страшное бедствие. Лица превратились в звериные морды, но в глубине желтых глаз остались проблески разума. Все тело покрылось густой шерстью, однако челюсти не вытянулись вперед, как у волков. Плоды оружейных технологий были в их руках бесполезны, и единственным оружием этих жестоких убийц стали острые как бритвы когти и клыки.

Свалить таких чудовищ можно было лишь самыми точными выстрелами, а остальные раны, даже такие, которые могли оказаться смертельными для Астартес, они просто не замечали. Когти вульфенов без труда рвали пластины брони, а их клыки были не менее опасны, чем любой силовой клинок. С такой целенаправленной свирепостью Тысяче Сынов еще не приходилось сталкиваться, и

они попятились от невиданного ужаса, шокированные тем, что Космические Волки осмелились использовать этих отвратительных выродков.

Вульфены проделали кровавую рану в линии обороны Тысячи Сынов, и с каждой секундой она становилась все шире, десятки воинов оказывались жертвами безумной ярости, погибая от страшных клыков и когтей. В образовавшийся прорыв с торжествующими воплями хлынули Космические Волки и Кустодес, разбив ряды Тысячи Сынов на отдельные группы и безжалостно истребляя их ударами зазубренных топоров и Копий Хранителей.

Ариман отступал по вымощенной базальтом дамбе над водоемом к пирамиде Фотепа, их последнему убежищу в Тизке. Вместе с ним к бронзовым воротам, ведущим внутрь пирамиды, отступали лучшие и храбрейшие воины Легиона, все, кто выжил, чтобы отдать жизни на виду у своего примарха.

Бой вульфенов поднялся до оглушительного крещендо.

И наконец сверху прозвучал ответ на

этот вызов.

Глава 31
ПЛАЧ ПРОСПЕРО

Небо раскололось пурпурными молниями, а затем потемнело, словно внезапно наступила ночь. Хлынувший черный ливень мгновенно промочил всех до нитки и оставил в воздухе горький привкус мокрого пепла. Ариман, ошеломленно подняв голову, увидел объятого пламенем гиганта, спускавшегося с верхнего уровня пирамиды Фотепа. Крест Жизни внезапно вспыхнул прозрачным зеленоватым светом, и множество молний ударили в землю, мгновенно уничтожив десятки вульфенов.

По земле поползли трещины, в водоеме яростно вскипела и поднялась маслянистая жидкость. Черные волны яростно ударили в берег, и упавшие с пирамиды осколки, подхваченные внезапно налетевшим вихрем, словно копья, пронзили вражеских воинов и пригвоздили их к земле.

Ариман ощутил, как в нем

стремительно нарастает заряд энергии, и приготовился усилить контроль над телом, зная, что мутирующая плоть сейчас попытается сбросить оковы и превратить его в ужасное чудовище. Но болезненных судорог не было, и он с нескрываемым изумлением посмотрел на идущее ему навстречу сверкающее огнями существо.

Магнус Красный явился во всем своем великолепии, его золотые доспехи и развевающиеся красные волосы лучились энергией эфира. От посоха отлетали ослепительные молнии, которые с оглушительным треском взрывали танки и машины. Магнус окинул взором войско Космических Волков, и все, кто взглянул в его глаз, мгновенно погибали, лишившись рассудка при виде мрачной бесконечности хаоса.

Над Тизкой разбушевался Великий Океан, и небо стало прозрачным окном в иные сферы. На обреченный мир сверху вниз уставились выпуклые глаза размером с горы и бесформенные существа, каких не мог увидеть в бреду ни один сумасшедший.

От этого кощунственного ужаса в тот же миг погибли сотни воинов.

Ни один разумный человек не мог без содрогания смотреть на это кошмарное зрелище, и армия захватчиков, объятая страхом перед лицом ненасытных монстров, прекратила резню. При виде грозных воплощений варпа даже вульфены съежились и попятились, словно сознавая всю ничтожность своего существования.

Лишь Леман Русс и два его волка невозмутимо стояли перед Магнусом, и в глазах Короля Волков Ариман уловил нетерпеливый блеск, как будто мысль о грядущей схватке доставляла ему удовольствие.

Магнус ступил на базальтовые плиты дамбы, и нормальное течение времени замедлилось. Каждая капля теперь как будто парила в воздухе, зигзаги молний перемещались невероятно медленно. Вулканический базальт под ногами Магнуса подернулся рябью, и Ариман, повинуясь векам выработанному обычаю, упал перед своим примархом на колени.

Примарх Тысячи Сынов предстал перед ними божественным воплощением света среди гнетущей тьмы. Еще никогда золото его брони не сверкало столь ярко, а роскошная грива красных волос не пылала таким чистым цветом. Его плоть светилась сиянием невероятной силы, превосходящей все, что было прежде. Взгляд единственного глаза не отрывался от Аримана, и от глубины отчаяния в этом пылающем оке у него кровь застыла в жилах. В тот миг Ариман осознал весь ужас Магнуса, видевшего, как его сыновья уступают чудовищной мутации и превращаются в монстров и разгоревшийся столетия спустя гнев, когда их убивали ради безумных амбиций его брата.

Он увидел и благородный идеал, заставивший Магнуса воздержаться от битвы, и понял свою ошибку. И еще он почувствовал, что отец прощает ему его сомнения, а затем услышал его голос.

— Эта судьба с самого начала была предназначена мне, а не вам, — заговорил Магнус, и Ариман понял, что его слышит каждый Астартес из Тысячи Сынов. — Вы

мои сыны, а я обманул ваши надежды.

От слов примарха у Аримана к горлу подступили рыдания — столько в них было горечи человека, который видел воплощение своей мечты, но не мог дотянуться до него рукой. Когда Магнус снова заговорил, слова предназначались только для Аримана:

— Азек, уводи моих сыновей в пирамиду.

— Нет! — вскричал главный библиарий, и ручьи непрекращающегося ливня смешались на его лице со слезами горя.

— Ты должен, — настаивал Магнус.

Он поднял руку и показал на бронзовые ворота, которые тотчас же распахнулись. Изнутри заманчиво блеснул свет.

— Внутри тебя ждет Амон, он передаст тебе бесценный дар, который ты должен вынести из этого места. Ты должен это сделать, иначе все наши усилия будут напрасны.

— А что же будет с тобой, мой лорд? — спросил Ариман. — Что сделаешь ты?

— То, что я должен сделать, —

ответил Магнус, глядя, как разъяренный Леман Русс едва заметно движется к базальтовой дамбе.

Примарх слегка нагнулся и прикоснулся рукой к нефритовому скарабею в центре нагрудной брони Аримана. Кристалл неярко вспыхнул, и Ариман ощутил заключенную в нем неимоверную силу.

— Он был высечен в Отражающих пещерах, — поведал Магнус. — Такой скарабей есть у каждого воина моего Легиона. В нужный момент — а ты узнаешь, когда он настанет, — сконцентрируй свою энергию на этом кристалле и на кристаллах своих братьев.

— Я не понимаю, — признался Ариман. — Что я должен сделать?

— Ты сделаешь то, что тебе было назначено еще до твоего рождения, — сказал Магнус. — А теперь уходи!

— Я останусь с тобой! — взмолился Ариман.

— Нет, — с бесконечной печалью в голосе ответил Магнус. — Ты не останешься. С этого момента наши судьбы

расходятся. То, что здесь происходит, должно произойти. Выполни мою последнюю просьбу, Азек.

Ариман кивнул, чувствуя, как разрывается его сердце, и мир вокруг ожил, течение времени, нарушенное вмешательством Магнуса, вновь восстановилось. Над миром снова заревело пламя пожаров и грянул потусторонний гром, и грохот орудий стал еще громче, чем прежде.

Но все шумы заглушил рев Короля Волков.

Ариман и остальные Астартес Тысячи Сынов, развернувшись, побежали к пирамиде Фотепа.

Пирамиду заполняли толпы людей, большинство которых составляли перепуганные горожане и гвардейцы Просперо. Туда же, в перепачканных пеплом бронекостюмах, устремились и Тысяча Сынов. Согласно беглому подсчету Аримана, после нападения вульфенов их осталось чуть больше тысячи.

— Десятая часть Легиона, — прошептал он.

Чудовищный уровень потерь вызвал у него настоящее потрясение.

Он с трудом старался смириться с ситуацией, и рядом с ним молча переживали утрату собратьев Собек и Хатхор Маат. Еще не в силах говорить, Ариман отыскал взглядом Амона, стоявшего в центре огромного зала.

На доспехах Амона не было ни вмятин, ни царапин, его оружие покоилось в ножнах, а в руках он держал очень прочный ларец, закрытый на железный замок.

— Он сказал, что ты будешь жить, — произнес Амон.

— Примарх?

— Да. Много лет назад, когда ты умирал от перерождения плоти, он знал, что ты останешься в живых до этого момента.

— Избавь меня от твоих сказок, — рассердился Ариман. — Примарх сказал, что ты должен мне что-то передать.

— Верно. — Амон протянул Ариману

закрытый ларец.

— Он заперт.

— Для всех других — да, но не для тебя.

— У меня нет на это времени, — прошипел Ариман.

Оглянувшись через плечо, он увидел, что два бога войны сошлись в схватке с таким грохотом, будто столкнулись два мира. Пирамиду захлестнул ослепительный свет, и завыванию Лемана Русса вторил треск молний Магнуса Красного.

— Тебе придется найти время, — резко бросил Амон. — Иначе все это будет напрасно.

Ариман протянул руку, дотронулся до замка, и тот, звонко щелкнув, открылся. Подняв крышку, главный библиарий затаил дыхание. Внутри лежала книга в красном, потрескавшемся от старости переплете, больше похожая не на рабочий гримуар, а на археологическую находку.

— «Книга Магнуса»! — выдохнул Хатхор Маат.

— Но почему я? — спросил Ариман.

— Потому что ты теперь ее новый хранитель, — объявил Амон. — Ты должен хранить книгу и не допускать, чтобы содержащиеся в ней знания попали в недостойные руки.

Ариман вынул книгу из металлического ящика, ощутил груз власти и ожиданий, заключенный в этих священных страницах. Могущество заклинаний и формул взывало к нему, соблазняя и опьяняя величайшими достижениями, доступными обладателю этих знаний. Он хотел отказаться, хотел уложить книгу обратно в ларец и запереть на замок, чтобы никто и никогда не мог взглянуть на ее страницы и завладеть могуществом. Он хотел, чтобы Магнус вернулся и забрал гримуар, но с неожиданной ясностью понял, что этого никогда не произойдет.

Магнус не рассчитывал остаться в живых после схватки с Леманом Руссом.

Ариман взял книгу и, подгоняемый отчаянием, подбежал к бронзовым воротам. Навстречу ему сверкали ослепительные вспышки и гремел

оглушительный гром, вызванные невообразимыми для простого смертного силами.

Ариман добрался до выхода и увидел схватку между двумя братьями, ни с чем не сравнимую по своей жестокости, мощи и безрассудству. Магнус и Король Волков сражались за судьбу целого мира. От войска Волков и Кустодес их отделяла стена бьющих из-под земли раздвоенных молний.

Русс наносил Магнусу удар за ударом, разбивая украшенный рогами нагрудник, а Магнус в свою очередь посылал в брата заряды холодного огня, от которых трещала броня и на заплетенные в косички волосы сыпались искры.

Издали казалось, что оба противника сильно увеличились в размерах, превратившись в гигантов, какими их описывали в легендах. Покрытый инеем меч Короля Волков обрушился на Магнуса, но золотой топор отбил клинок, и битва продолжилась на фоне яростного безумия бури, непрерывно бьющих молний и оглушительных раскатов грома. Этот бой

велся на всех уровнях: физическом, духовном и психическом, и оба примарха напрягали каждую каплю своих практически неограниченных сил, чтобы уничтожить друг друга.

Воды, окружающие пирамиду, почернели, словно нефть, и забурлили, как будто в глубине шла еще одна битва. Космические Волки и Кустодес спрыгивали в водоем и брели на другой берег, желая помочь Леману Руссу. Но Магнус взмахом руки превратил воду в разъедающую кислоту, и они зашлись криком, когда агрессивная жидкость расплавила керамит, а потом стала превращать плоть и кости в безжизненную массу.

Ливень не утихал, как будто задумал утопить этот мир, и земля под ногами превратилась в вонючую трясину, из которой стали появляться извивающиеся тела и цепкие лапы. Они хватали раненых и тащили в грязь, и никакие усилия не могли спасти несчастных от гибели.

Просперо раскалывался на части, ткань между мирами трещала, и безумное

бормотание и вопли порождений Великого Океана заставляли людей в ужасе падать на колени. Все чувства были напряжены до предела, налетевшие вихри срывали с пирамиды прозрачные панели, ломали угловые башни из золота и серебра, и Ариман уже едва держался на ногах. В полуночном небе прогремел гром, земля содрогнулась от подземных толчков, по поверхности стали расходиться расширяющиеся трещины, и те немногие здания в Тизке, что еще не были разрушены, превратились в руины.

Эпицентром всех разрушений были Магнус и Русс. Ариман видел, что оба исполина ведут борьбу с такой злобой, какая возможна только по отношению к тому, кто прежде считался другом. Эта безоглядная вражда больше всего угнетала Аримана. Ему хотелось кинуться к противникам и напомнить им об их родстве, но вмешиваться в сотрясающий планету конфликт было бы откровенным самоубийством.

Ариман запретил своим воинам прибегать к силам эфира, чтобы не

допустить перерождения плоти, но Магнус не придерживался никаких ограничений и колотил Русса огненными кулаками, с которых срывались молнии. Эти силы, способные сокрушить целые армии, на примарха Русса оказывали только одно действие: они лишь подогревали его ярость.

Магнус ударил кулаком в грудь Русса, заиндевевшая броня раскололась с треском, сравнимым лишь с грохотом столкнувшихся планет, и осколки керамита вонзились в сердце Короля Волков. Русс в ответ так сильно рванул руку Магнуса за спину, что Ариман услышал, как она раскололась на тысячу кусочков. Во второй руке Магнуса появился клинок чистой мысли, и он метнул его в трещину, образовавшуюся в нагруднике Русса.

Конец клинка показался из спины, и Русс испустил оглушительный вопль боли, к которому тотчас присоединился хор волков, бывших не совсем волками. Два огромных зверя, что повсюду сопровождали Русса, бросились на Магнуса и вцепились

клыками ему в ноги. Магнус обрушил кулак на голову черного волка, раздался громкий хруст, и хищник упал на землю с раздробленным черепом. Белого волка примарх Тысячи Сынов с сердитым ворчанием приподнял с земли усилием воли и зашвырнул далеко за спину Русса, перебросив через головы его воинов.

Завывающий ветер и неутихающий ливень прорвались сквозь ворота, и в этот момент кто-то потянул Аримана за руку. Он уже хотел отмахнуться, но услышал, что его громко окликают по имени. Хатхор Маат и Амон оттаскивали его от входа, а массивные створки ворот уже начали медленно закрываться.

— Нет! — заорал Ариман, и ветер подхватил звук его голоса. — Мы не можем уйти!

— Мы должны! — крикнул Хатхор Маат, показывая на водоем, отделявший Космических Волков от пирамиды.

Вражеские воины использовали вогнутые сегменты крыши в качестве плотов и, орудуя прикладами болтеров как веслами, начали переправу. Вода уже

вернула свои природные свойства, и только обрывки размягченной плоти и костей, плававшие на поверхности, напоминали о страшной гибели людей. Вульфены тоже бросались в воду, и уже целая стая хищников неслась к пирамиде, а на берег поднимались десятки и сотни следующих противников.

Поверх приближающихся монстров Ариман взглянул на Магнуса и Русса, продолжавших поединок высоко над дамбой. Ужасную битву заслоняли вспышки эфирного огня и непрерывно сверкающие молнии. В Русса ударил заряд черного пламени, и он вскрикнул от боли. Меч Короля Волков вслепую дернулся вперед и нанес фатальный удар по самому могущественному оружию противника — глазу Магнуса.

В то же мгновение погасли все молнии и вспышки, над полем боя повисла абсолютная тишина. Все замерло, и сражающиеся титаны вновь встали на дамбе, вернувшись к своим обычным размерам.

Ариман невольно вскрикнул. Он видел,

как Магнус отшатнулся от Короля Волков, видел, что одна его рука прижата к глазу, а вторая еще вздрагивает и потрескивает в процессе регенерации. Леман Русс, хотя и был сильно изранен и весь в крови, не мог упустить такой возможности. Он ринулся на Магнуса, обхватил его за пояс, как это делают борцы, а затем взревел и поднял брата высоко над головой.

Все взоры обратились на Русса, а он швырнул Магнуса на поднятое колено, и треск ломающегося позвоночника Алого Короля отозвался в сердцах каждого из Тысячи Сынов.

Симпатическая боль пронзила тело Аримана раскаленным добела копьем, и он, выронив «Книгу Магнуса», упал на колени. Мир не знал худшей боли, поскольку этот удар мог оказаться смертельным для примарха, а для простого смертного хватило бы и сотой доли полученных им повреждений.

Ариман так и остался стоять на коленях у закрывающихся ворот, несмотря на то что вульфены вместе с

Космическими Волками, во главе которых бежал капитан с обгоревшими волосами, окровавленными клыками и покрытым инеем топором, были уже совсем близко.

Король Волков запрокинул голову к почерневшему небу и издал торжествующий вой. Черный дождь, несущий пепел, сменился кровавыми каплями, которыми Просперо оплакивал своего павшего сына. Ариман тоже заплакал кровавыми слезами, видя, как Леман Русс бросил тело своего брата в грязь и взмахнул сверкающим от инея Маджалнаром, собираясь отсечь голову поверженного противника.

Магнус из последних сил повернул голову, и его поврежденный глаз отыскал Аримана:

«Это мой последний дар тебе».

Оружие Лемана Русса устремилось вниз, но, прежде чем оно успело нанести смертельный удар, Магнус прошептал таинственные слова, забытые человечеством с тех пор, как люди впервые обратились со своими гортанными мольбами к безымянным богам неба. Эти

слова разрушили структуру тела Магнуса, и в то же мгновение оно словно растворилось, а Ариман едва не закричал от неожиданного притока неограниченной силы.

Ни один смертный не смог бы этого вынести, но как только поток вошел в его тело, Ариман понял, что он должен сделать.

Он обеими руками сжал нефритового скарабея, вмонтированного в нагрудную броню, и мысленно представил себе точные пропорции и каждую деталь фигурки.

Этот драгоценный символ был ему знаком до мельчайших подробностей, и Ариман без труда представил подобные артефакты на груди каждого воина Тысячи Сынов. Едва только все скарабеи появились перед его мысленным взором, энергия, переданная Магнусом сыновьям, распространилась по всему Легиону.

В тишине раздался мучительный стон, как будто ось мира сдвинулась со своего места. Последний вздох умирающего бога освободил такой мощный заряд энергии, что ткань реальности

разорвалась.

Поверхность Просперо исказилась, и Ариман покачнулся от сильнейшего приступа головокружения. Ему показалось, что из мира вывалилось дно или он попал в бесконечную шахту. Мир исчез, осталась только темнота, какая могла быть во Вселенной через миллиарды лет после того, как все живое обратилось в прах.

Но в темноте не было безмолвия, завывания слышались со всех сторон, словно между мирами охотились многочисленные стаи волков. Неужели и здесь не скрыться от боевых псов Императора?

Непроницаемая, беспросветная темнота с ошеломляющей быстротой сменилась бурлящим вихрем света различных цветов, ослепительными видениями отчаяния и беспредельного восторга. Все и ничто мгновенно появлялось и исчезало, потом уносилось в бесконечность, и кошмар продолжался.

Ариман почувствовал, что его сознание ускользает, хрупкие признаки реальности, за которые обычно цепляются смертные, разбиваются один за другим и

на его разум обрушиваются миллионы новых видений.

К его счастью, разум погрузился в беспамятство, иначе бесконечный поток ощущений мог бы вызвать душевное расстройство.

Ариман плыл в темноте, не различая ни пространства, ни времени.

«Это конец».

Но это был еще не конец.

Ариман открыл глаза и обнаружил, что лежит лицом вниз на шероховатой черной каменной плите. Каждая клеточка его тела, от израненной плоти до тончайших волокон мозга, стонала от боли. Блестящий обсидиан мерцал янтарными отблесками света. Ариман застонал и попытался восстановить последние фрагменты воспоминаний.

Над головой загрохотал гром, от яркой молнии перед глазами возникли резкие тени. Несмотря на обжигающую боль, Ариман приподнялся на коленях и оглянулся, пытаясь определить, что же стало с Просперо.

С первого взгляда ему показалось, что Магнус в свои последние мгновения подверг их домашний мир чудовищным изменениям, но даже его расстроенный разум скоро определил, что над ним простирается не родное небо Просперо. Здешние небеса бушевали вихрями миллионов различных оттенков, а с земли к тучам с треском выскакивали столбы ярких молний.

Ариман посмотрел вниз с выступа черной скалы и увидел неровное вулканическое плато, пересеченное дымящимися трещинами и извилистыми потоками пылающей лавы. Над поверхностью плато, словно в насмешку над стройными шпилями Тизки, узловатыми пальцами вздымались скальные выступы, увенчанные искривленными серебряными башнями. Рядом с собой он заметил кожаный переплет «Книги Магнуса» и бережно зажал ее под локтем.

Зубчатые горные вершины вонзались в мерцающее небо, беспрестанно ревущее раскатами грома. Небо светилось и

переливалось огнями, словно в самом масштабном проявлении полярного сияния Механикум, но это был не побочный эффект загрязнения атмосферы, а смерчи эфира, поглощающие воздух и сияющие неукротимой энергией.

Сотни воинов Тысячи Сынов, ошеломленные ужасающим пейзажем, бесцельно бродили внизу по изрезанному трещинами плато. Время от времени поверхность содрогалась от подземных толчков, как будто ядро планеты еще не до конца сформировалось.

Ариман поднялся на ноги и снова осмотрел кошмарный, постоянно меняющийся мир. Внезапно он заметил сгорбленную фигуру с опущенной головой, неуверенно шагавшую ему навстречу. Ариман узнал в нем Хафеда, одного из хранителей библиотеки Корвидов, и вздохнул с облегчением. В этом аду нет ничего лучше, чем встретить знакомое лицо.

— Хафед, это ты? — окликнул Ариман, и его слова наполнили воздух зарядами удивления и радости, словно

каждый выдох был заряжен неимоверной энергией.

Воин ничего не ответил, но в его теле Ариман почувствовал присутствие устрашающей силы. А когда Хафед поднял голову, он невольно попятился: лицо собрата сильно изменилось от наростов мутировавшей плоти. Собственно, на лице не осталось ни рта, ни носа, а только невероятно размножившиеся выпуклые глаза.

Хафед сделал еще шаг в его направлении и протянул руки, и все его глаза молчаливо умоляли о помощи.

Ариман непроизвольно вскинул обе руки, и в Хафеда полетел заряд испепеляющих молний. До сих пор эта способность была свойственна последователям Рапторов и Павонидов, но огонь так легко сорвался с пальцев Аримана, словно он тренировался в этих братствах с самого рождения.

Тело Хафеда мгновенно почернело и рассыпалось на мелкие обгоревшие частицы.

Ариман в ужасе отвернулся и сбежал

по склону, чтобы присоединиться к остальным воинам.

Он довольно быстро разыскал Хатхора Маата, Собека и Амона, но вскоре выяснилось, что Хафед из братства Корвидов был не единственным, кто поддался перерождению плоти. Пришлось уничтожить еще с десяток воинов, пока наконец не выяснилось, что оставшиеся не подвержены мутации.

В общей сложности гибель Просперо пережили одна тысяча двести сорок два воина.

— Где же мы оказались? — задал Собек интересовавший всех вопрос.

Но ответа на него не было, и Тысяча Сынов долгие дни и ночи — хотя определить ход времени не представлялось возможным, поскольку все хронометры вышли из строя, — провели в исследовании ужасной пустыни, которая теперь стала их домом.

Серебряные башенки, как выяснилось, не были пародиями на строения Тизки. Это оказались те же самые шпили, но

искоренные загадочной силой, которая переместила их в неведомый мир. Кроме этих реликвий их бывшего домашнего мира, не нашлось ничего, что могло бы пролить свет на сложившуюся ситуацию.

Ни сила Корвидов, ни способности других братств не помогли определить местонахождение этого мира, как не могли ответить на вопрос, каким образом они здесь оказались.

Но положение изменилось в тот день, когда из недр планеты поднялась Обсидиановая Башня.

Все началось с очередного землетрясения, привычного уже явления, на которое поначалу никто не обратил особого внимания. В рядах Тысячи Сынов царило уныние, впрочем, чего еще можно было ожидать от тех, кто в один день лишился своего дома, отца и братьев.

Но это землетрясение не ограничилось тем, что проложило очередную трещину в вулканическом плато и закрыло другую. Глубокие трещины радиусами стали расходиться из

центра равнины, а потом наружу выскочил базальтовый выступ.

Он начал быстро расти, поднимался все выше и выше, а основание с каждым мгновением становилось все шире, пока посреди плато не возникла новая гора. Гигантская вершина с крутыми гладкими склонами поднялась выше, чем Олимп и Гора Агхору, вместе взятые. Упавшие с ее вершины во время подъема скалы и валуны образовали у подножия целую горную цепь самых невероятных форм.

Как только закончился камнепад и улеглась пыль, Тысяча Сынов собрались у основания колоссального сооружения, ничуть не сомневаясь, что столь грандиозное образование нельзя отнести к природным явлениям. На далекой вершине вспыхнула яркая огненная дуга, и вскоре вся гора засияла голубоватым светом, словно внутренние тоннели наполнились молниями, как кровеносная система кровью.

На вершине горы появился сверкающий силуэт, едва различимый в свете звезд и сиянии энергии невероятных

возможностей. За его спиной развернулись два крыла из эфирного пламени, и тогда Тысяча Сынов, осененные светом своего отца, преклонили колени.

Магнус легко приземлился перед ними, и воины в изумлении увидели, как его сияние озарило унылый и сумрачный мир. Примарх предстал перед ними не в обычной оболочке из плоти. Они видели его световое тело, которое могло существовать за пределами Великого Океана. Магнус пожертвовал плотью, в которой содержалась его сущность, и таким образом поднялся на более высокую ступень эволюции, освободился от пределов смертности и ограничений реальности.

— Дети мои, — с усталой обреченностью в голосе заговорил Магнус, — добро пожаловать на планету Чернокнижников.

Шло время.

Столетия или дни — кто знает?

Возможно, и то и другое сразу.

Я не знаю, сколько времени прошло с тех пор, как мы оказались здесь, поскольку

это понятие здесь не имеет значения. Могу лишь с уверенностью заявить, что все стало намного хуже, когда из земли поднялась во всем своем уродстве Обсидиановая Башня. Кто-то сказал бы, что мы и предположить не могли, как плохо на нас повлияет этот мир. Я же говорю: как мы могли этого не знать?

Хатхор Маат опасается, что это самое худшее, но могу признаться, что пережил немало кошмаров, представляя, как в один из дней я стану ничем, никчемным существом, в котором ничего не осталось от человека, каким я когда-то был. А кое-кто даже радуется нашим новым формам и верит, что это признак особого благоволения.

Глупцы.

Это явление становится в нашей среде все более частым, и уже семьдесят два воина подверглись перерождению плоти, с тех пор как Магнус похитил нас с Просперо.

Похитил... Старинное слово, но, возможно, самое подходящее, поскольку мы оказались здесь не случайно. Эта планета

поджидала нас и была подготовлена тысячелетия назад интеллектом более великим, чем смертный или даже примарх может себе представить.

Магнус сидит в своей черной башне, вглядывается в глубины Великого Океана и ищет одобрения, ждет знака, что он поступил правильно.

Он ничего не найдет, поскольку искать нечего.

Он никогда не действовал самостоятельно, потому что забыл первое правило тайных обрядов.

Он позволил своим амбициям и гордыне себя ослепить, позволил себе забыть о своих пороках и о том, что поблизости всегда найдется тот, кто сильнее тебя.

Я не совершу такой ошибки.

Но мы все еще остаемся существами из плоти и потому склонны повторять собственные промахи, так что мне придется соблюдать осторожность и окружить себя скептиками, чтобы обуздать свое высокомерие.

Тысяча Сынов обязаны своим

происхождением той силе, что буйно процветает повсюду вокруг нас. Нам был дан шанс накопить и передать другим знания закрытого мира, но мы не сумели воспользоваться этой великолепной возможностью.

Среди оставшихся собратьев есть те, кто не верит в возможность обуздать силы Великого Океана и считает, что наша несчастная судьба является прямым доказательством этого очевидного факта.

Они ошибаются.

Этот мир полон возможностей, но он таит в себе опасность. Когда я ступлю на тот путь, который, как я верю, спасет нас от медленного вырождения, я уже не смогу повернуть назад. Начатый мной Великий Труд станет первым шагом к доказательству нашей правоты и верности, которую мы храним до сих пор.

В день гибели Просперо я поклялся восстановить все, что было утрачено, и я намерен сдержать свое слово. Этот обет станет первым шагом к возвращению былой репутации Тысячи Сынов в глазах

Императора.

Я уже чувствую сближение с теми капитанами, которых я должен убедить, если хочу добиться успеха.

Я уже знаю, что Хатхор Маат поддержит меня, потому что он, как никто другой, боится разрушения своей плоти. Собек пойдет за мной, потому что всегда так поступал. А вот Амон?

Амон будет сопротивляться, потому что он служил Магнусу дольше, чем кто-либо из нас.

Он станет ключевой фигурой.

Если заручиться его поддержкой, можно надеяться, что план сработает.

Открытая «Книга Магнуса» лежит передо мной, ее страницы заполнены запретными знаниями древних, давно забытых дней. В ней содержится ключ к решению. В лабиринте формул, заклятий и обрядов я отыскал то, что, я уверен, станет началом могущественного заклинания, которое освободит нас от свалившихся на Легион несчастий.

Я назвал его «Заглавие».

Примечания

Ссылка на Экклезиаста.

Ормузд (Ахурамазда) и Ариман — божества добра и зла в религии древних персов.

Агхору — от агхори, секты аскетов-шиваитов, «не-ужасных», склонных к каннибализму и медитациям на кладбищах.

Практик, Философ и т. д. — степени посвящения ордена тамплиеров.

Хека — один из символов власти фараона.

Сехмет — название Первого братства Тысячи Сынов и имя древнеегипетской богини войны и палящего солнца, изображавшейся с головой львицы.

Сангома — шаманы у зулусов.

Ссылка на Розеттский камень.

Джеллаба — арабская верхняя одежда.

«Ши цзи» — «Исторические записки», труд историографа династии Хань Сыма Цяня (кит.).

Чтобы стать Адептом, посвященный должен пройти сквозь Завесу, и стадии ее преодоления соответствует промежуточная степень, не включенная в общую нумерацию, — степень Владыки Предела (лат. Dominus Liminis). Задача этой степени — связать в единое целое результаты, достигнутые на предыдущих четырех степенях.

Сирботиды — в средневековых африканских легендах раса гигантов более трех метров ростом.

Витрувий — римский архитектор и инженер 2-й половины I в. до н. э. Автор трактата «Десять книг об архитектуре».

«Книга абака» (лат. Liber abaci) — главный труд Фибоначчи (Леонардо Пизанский), посвященный изложению и пропаганде десятичной арифметики. Книга вышла в 1202 г.

Песеджет — девятка верховных богов в древнеегипетской мифологии.

Загайа — особое метательное копье у арабов.

Дименсландт (земля Ван-Димена) — остров Тасмания.

Фаларика — метательное копье с очень длинным наконечником, зачастую усеянным крючьями. Так же назывались очень большие и тяжелые копья, которые метали баллисты.

«Канис Вертекс» — «Голова пса» (лат).

Кориоваллум (Coriovallum) — военный лагерь римлян, в начале I тыс. н. э. заложивший основание города Херлена (Нидерланды).

На санскрите «мандала» означает «круг» и «центр». Традиционно ее изображают в виде круга (символ космоса в его бесконечности) и вписанного в него квадрата (символ Земли и мира, созданного человеком).

Свинец в алхимии обладает защитной силой от человека, находящегося на самой низшей ступени духовного роста, от непосвященных, неготовых.

Алый Король (англ. Crimson King), или Рам Аббала (англ. Ram Abbalah), — главный антагонист в вымышленной вселенной Стивена Кинга «Темная Башня». Это инфернальное существо, ассоциирующееся со злым началом Дисом, противник порядка и света.

Дешрет — корона Нижнего Египта, красного цвета.

Сехема — древнеегипетский символ власти.

Хопеш — разновидность холодного оружия, применяемая в Древнем Египте. Имеет внешнее сходство с ятаганом.

Притча о пещере — знаменитая аллегория, использованная Платоном в трактате «Государство».

Арбоскульптура --- искусство формирования живых деревьев.

«Манускрипт Войнича» — таинственная книга, написанная около 500 лет назад неизвестным автором на неизвестном языке с использованием неизвестного алфавита.

«Кодекс Серафини» — книга, написанная и проиллюстрированная итальянским архитектором и промышленным дизайнером Луиджи Серафини в конце 1970-х гг. Книга является своего рода энциклопедией неизвестного мира, написанной на неизвестном языке с непонятным алфавитом.

«Собрание философов» — древний арабский трактат по алхимии.

«Книги Хсана» — серия книг из мифологии Лавкрафта.

«Ключи Соломона» — каббалистическое сочинение XVI в., приписываемое царю Соломону.

Масло мегалейона — популярное древнегреческое ароматическое средство.

Элохим — в переводе с иврита «бог».

Меганезия — доисторический супертатерик, куда входили Австралия, Новая Гвинея и Тасмания.

«Линии песен» — священные пути героев и богов у аборигенов Австралии.

Асемическое письмо — семантический тип письма, при котором не употребляются слова. Асемия — неспособность воспринимать символы и знаки.

Атеф — корона Гора.

Сплайсинг — вырезание участка РНК.

Канис хеликс (букв. «собачий завиток») — элемент геносемени Космических Волков.

Праймер — фрагмент нуклеиновой кислоты, необходимый для репликации ДНК.

Асахейм — единственный большой континент планеты Фенрис.

Глаз Волка — солнце планеты Фенрис.

«Беовульф», ч. 7, пер. с древнеанглийского А. Тихомирова.

Гаут — древний народ, к которому принадлежал Беовульф.

Проклятие вульфена --- опасная мутация геносемени Космических Волков.

Хель — повелительница мира мертвых (др.-исл.).

Телamон (греч. «носитель») — прозвище Атласа.

Имеется в виду творение Виктора Франкенштейна, персонажа знаменитого произведения Мэри Шелли.

Енохианский язык был якобы продиктован самими ангелами Джону Ди и Эдуарду Келли в ходе спиритических сеансов в 1583 — 1584 гг.

«Liber Loagaeth» — книга Джона Ди, английского математика, географа, астронома и астролога, жившего в XVI в.

«Claves Angelikae» — вторая книга Джона Ди, «продиктованная» ему через год. В ней якобы содержались «ангельские ключи» к переводу первой книги.

Мекхенти-эр-ирту — одно из имен Гора, обозначающее «Тот, у кого нет глаз».

Хоронзон — демон пустоты и разрушения, враг божественного порядка.

Уризен — божество абстрактной морали, персонаж одной из «пророческих» книг Уильяма Блейка.

Катафрактарий — тяжеловооруженный всадник (от греч. «катафракт» — «покрытый броней»).

Инкосазана — богиня плодородия у
зулусов.

Ральф Уолдо Эмерсон. «Конкордский гимн».

По имени героя исландской «Саги о Храфнкеле».

«Ши цзи» («Исторические записки») — труд историографа династии Хань Сыма Цяня. В китайской культуре играет роль примерно сопоставимую с той, которую сыграли «Истории» Геродота для западного мира.

Изречение Сократа.

Таро Висконти---Сфорца --- считается самой старой колодой карт Таро (вернее, ее итальянского предшественника --- тарокки). Принадлежала герцогу миланскому Филиппо Мария Висконти и его зятю Франческо Сфорца.

Колода Висконти ди Модроне датируется примерно 1466 г. Включает 67 карт. Арканы с золотым фоном, прочие с серебряным. Предположительно была свадебным подарком миланского герцога Филиппо Висконти Марии Савойской.

Псевдо-Аполлодор — неизвестный древнегреческий писатель, ошибочно отождествлявшийся с Аполлодором Афинским. Автор «Библиотеки» (в исторической литературе принято название «Мифологическая библиотека») — произведения в 3 томах, представлявшего собой большое собрание традиционной греческой мифологии и героических легенд.

Инсиссимус — персонаж книги Алистера Кроули «Звезда видна».

Ромфая — холодное оружие, используемое фракийскими племенами в IV в. до н.э.

Firmitas, utilitas, venustas — прочность, польза, красота (лат.).

Откровение Иоанна Богослова, гл. 21, ст. 8, 21:8.

Аристарх Самосский — древнегреческий астроном и математик (IV — III вв. до н.э.), впервые выдвинул гипотезу гелиоцентрического устройства мира.

В новолуние, в битве с Сетом, Гор был ослеплен и стал называться Mekhenty-er-irty (Тот, у кого нет глаз), когда луна становится видимой снова, он был повторно назван Khenty-irty (Тот, у кого есть глаза). Когда Гор ослеплен, он весьма опасен для своих друзей, так как принимает их за врагов.

Борджигины («синеокие») — род князей — объединителей и организаторов Монгольского государства. Родоначальником его считается Буданцар (Бодончар, род. не ранее 970 г.), согласно легенде, сын вдовы Алан-Гоа и небесного духа Тенгри (Желтого Пса). Правнук Бодончара — Хайду, отец основателей самых видных родов (ноянкин, тайджиут, аралуд, куятгергес, хабурход, сунид, хонгхотан, оронар). Потомок его в 8-м колене был отцом Темучина, принявшего имя Чингисхана.

Тайцзи-цюань — китайское боевое искусство, один из видов ушу.

Херу-ур — одно из имен египетского бога Гора.

Сутех — одно из имен египетского бога Сета.

Кемвер — одно из имен египетского бога Гора.

Траллс — термин, использовавшийся в скандинавском обществе в эпоху викингов для обозначения раба.

«Слава братства» («Fama Fraternitatis») — манифест ордена розенкрейцеров, тайного общества, предположительно основанного в позднее Средневековье в Германии Христианом Розенкрейцем.

«Авеста» — собрание зороастрийских священных текстов, старейший памятник древнеиранской литературы, составленный на особом, более нигде не зафиксированном языке, называемом в иранистике авестийским.

Империя Ахеменидов — древнее государство VI — IV вв. до н.э. в Азии, созданное персидской династией Ахеменидов.

Зуль-Карнайн — исламский пророк, упомянут в Коране как древний завоеватель.

В книге Реджинальда Скотта «Исследование колдовства» (1584) ползучая лапчатка входила в состав волшебной мази, которой натирались ведьмы перед отправлением на шабаш.

Атейм — ритуальный кинжал.

Проконнисос (греч. Prokonnesos) — древнее название турецкого острова Мармара в западной части Мраморного моря, знаменит месторождением белого мрамора, давшим название острову и Мраморному морю.

Хоронзон — демон, олицетворяющий беспорядок и хаос. Само имя Хоронзон Алистер Кроули взял из дневников известного британского мага эпохи королевы Елизаветы Джона Ди. Хоронзон завидовал положению человека в глазах Бога, начал нападать на него и одержал победу. Таким образом, Хоронзон — это та сила, которая нарушила изначальный Божественный порядок, отвернув человека от Бога.

Шпинель — редкий минерал, оксид магния и алюминия.

Милаццо (лат. Mylae; Милы) — город в Сев. Сицилии. Около Мил в 260 г. до н.э. римский флот впервые разбил карфагенский флот в 1-й Пунической войне. В 36 г. до н.э. при Милах флот Октавиана разбил флот Секста Помпея.

На «Пнакотические манускрипты», или «Фрагменты», имеются ссылки в 11 произведениях Лавкрафта. Никаких деталей о происхождении или содержании этих текстов Лавкрафт не сообщает.

Атум (Jtm) — бог первотворения в древнеегипетской мифологии. В «Книге мертвых» Атум говорит Осирису о конце света, что все созданное он вновь разрушит, а сам опять превратится в змею.

«Прорицание вёльвы» — одна из самых известных древнеисландских эпических песен «Старшей Эдды». В песне от имени вёльвы (колдуньи) рисуется картина от сотворения мира до его гибели, а затем последующего возрождения.

Абдул Альхазред, или Безумный Араб, — персонаж Говарда Лавкрафта, автор Некрономикона, неотъемлемый персонаж Мифов Ктулху.

Слова принадлежат Томасу Джонатану Джексону, по прозвищу Каменная Стена, генералу Конфедеративных Штатов Америки в годы Гражданской войны, одному из самых талантливых генералов Юга.

Вигинтеллион — число с 63 нулями.

Крест Жизни (лат. Crux ansata), Анх, — символ, ведущий свое происхождение с древних времен. Известен как египетский иероглиф, а также как один из наиболее значимых символов Древнего Египта. Также известен как «ключ жизни», «ключ Нила», «бант жизни», «узел жизни», «крест с петлей», «египетский крест», «крукс ансата». Представляет собой крест, увенчанный сверху кольцом.